

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

УДК 325.14
ББК 60.54
С20

Составитель серии *М. Ю. Тевелёв*

Саррацин, Т.

С20 Германия: самоликвидация : пер. с нем. / Тило Саррацин. – М. : Рид Групп, 2012. – 400 с. – (Political animal. «Политическое животное»).

ISBN 978-5-4252-0682-4

Основываясь на обширной статистике и собственных расчетах и прогнозах, Тило Саррацин, известный политик и бывший сенатор Берлина, убедительно показывает, что мусульманское сообщество в Германии не стремится к интеграции в немецкую жизнь. Уровень образования и участие в трудовой деятельности иммигрантов остается гораздо ниже уровня коренного населения, что при традиционно высокой рождаемости у мусульман представляет реальную угрозу для страны. Автор высказывается за жёсткую миграционную политику и показывает пути выхода из кризиса.

УДК 325.14
ББК 60.54

Массово-политическое издание

POLITICAL ANIMAL. «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ»

Саррацин Тило

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Главный редактор *И. Е. Федосова*
Ответственный редактор *Л. Ю. Крылова*
Литературный редактор *Э. В. Чагулова*
Художественный редактор *А. В. Богомолов*
Компьютерная верстка *Д. Н. Сахаров*
Корректоры *М. А. Гурова, Н. В. Филиппова*

ООО «Рид Групп»

119021, Москва, ул. Россолимо, д. 17, стр. 1; тел.: 788-0075(76)

Свои пожелания и предложения по качеству и содержанию книг

Вы можете сообщить по эл. адресу: editorial@readgroup.ru

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Подписано в печать 01.02.2012. Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 32,4.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-4252-0682-4 (русск.)
ISBN 978-3-421-04430-3 (нем.)

© 2010 by Deutsche Verlags-Anstalt, München,
a division of Verlagsgruppe Random House
GmbH, München, Germany
© Набатникова Т. А., перевод, 2012
© Сыроежкин С., дизайн, 2012
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Рид Групп», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	
<i>Война крестоносца с сарацинами (А. Кох)</i>	6
Предисловие к новому изданию	12
Введение	13
Глава 1. Государство и общество	
<i>Исторический очерк</i>	25
Глава 2. Взгляд в будущее	
<i>Реальность и желаемое</i>	35
Глава 3. Признаки упадка	
<i>Инвентаризация</i>	49
Глава 4. Бедность и неравенство	
<i>Много благих намерений, мало отваги для правды</i>	93
Глава 5. Работа и политика	
<i>О готовности к труду и стимулах к работе</i>	136
Глава 6. Образование и справедливость	
<i>О разнице между благом и благими намерениями</i>	167
Глава 7. Иммиграция и интеграция	
<i>Больше требовать, меньше предлагать</i>	225
Глава 8. Демография и политика населения	
<i>Больше детей от умных родителей, пока не поздно!</i>	289
Глава 9. Мечта и кошмар	
<i>Германия через 100 лет</i>	341
Благодарности	357
Примечания	358
Приложение	
<i>Демография, производительность труда и бремя старости</i>	391

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

ВОЙНА КРЕСТОНОСЦА С САРАЦИНАМИ

...Осень, я хотел тебя спросить о самом главном:

Что же будет с Родиной и с нами?

Юрий Шевчук

Перед вами, дорогой читатель, лежит одна из самых необычных книг, написанных за последние десять—двадцать лет. Её необычность не в теме. В конце концов, на тему сложной демографической ситуации в экономически развитых странах написаны тома. И даже не в анализе особенностей миграционной политики в Европе и, в частности, в Германии. На эту тему тоже изданы горы книг. Своеобразие этой книги заключается в том, что она, по сути, является первым восстанием известного европейского интеллектуала и политика против политкорректности, которая пронизала, как саркома, все поры свободного общества и превратила его в худшую из тюрем — тюрьму разума.

В сущности, что такое эта пресловутая политкорректность? Это не невинное стремление не обидеть неловким жестом или резким словом того, кто заведомо слабее. Нет! Хотя она и с этого когда-то начиналась. Сейчас политкорректность превратилась в диктат слабого над сильным. Сейчас она приобрела такие уродливые формы, что быть сильным, умным, энергичным стало невыгодно.

Политкорректность требует от человека перестать верить своим органам чувств, своему жизненному опыту, историческим фактам, мудрости предков и выбросить весь этот эмпирический багаж на помойку. Она противопоставляет этому опыту поколений (за который заплачена огромная цена) голую, ничем не подтверждённую доктрину об абстрактном равенстве всех

во всём и по любому поводу. Хоть бы даже эта доктрина и вела к совершенно очевидной победе лени и тупости над трудом и талантом. Хоть бы даже она и вела к остановке интеллектуального (а затем и вообще любого) прогресса. Хоть бы и очевидными были её последствия в виде утраты национальной и любой другой (даже сексуальной) идентичности.

Как раковая опухоль не останавливается, пока не сожрёт весь организм, в котором она существует, и тем самым уничтожит условия своего собственного существования, так и политкорректность будет визгливо и настырно укладывать человеческое поведение в прокрустово ложе своего абстрактного бреда до тех пор, пока не уничтожит само человеческое общество, которое её породило.

Нормальная, здоровая человеческая особь испытывает чувство гордости за свои достижения. Человек справедливо рассчитывает на их позитивную оценку обществом и на вполне материальные дивиденды от своих успехов. Но политкорректность культивирует в успешном человеке чувство вины и стыда, предлагая ему замысловатые софизмы типа бесконечной во времени исторической вины одних народов перед другими народами. И не важно, что, например, рабовладение в Америке было в XIX в., а нацизм в Германии — в первой половине XX в. Не важно, что французский или британский колониализм скорее дал народам Африки и Азии импульс для социального прогресса, чем остановил его. Политкорректность не связывает себя необходимостью опираться на реальность. Она живёт в мире свободных от проверки опытом абстракций.

Интеллектуальный и гражданский подвиг Тило Саррацина и его книги «Германия: самоликвидация» как раз в том и состоит, что он, прекрасно понимая, каким лакомым блюдом он предстанет для глашатаев политкорректности после издания такой книги, тем не менее нашёл в себе мужество заявить об очевидных и простых вещах. О том, что нация умирает. Что никому, похоже, нет дела до того, что некогда один из самых культурных и энергичных народов превращается в горстку вялых и апатичных старичков. Что бессмысленное растраниживание народных денег ведёт к тому, что бесплатные раздачи привлекают любителей халявы со всего мира. И что закат немецкого этноса — это грустная и близкая перспектива.

Интеллектуальное восстание против диктатуры общественного ostrакизма — явление крайне редкое для Европы. Для этого нужно иметь убеждённость Джордано Бруно и Галилея. Как вы думаете, сколько голосов набрало бы утверждение, что «Земля — это шар», будь оно в их время поставлено на всеобщее голосование? Однако всегда находились смельчаки,

которые не боялись общественного порицания и говорили людям правду. «Ради чего?» — спросите вы. И вот тут я замнусь... Не хочется выглядеть глупо, но я всё-таки скажу вам эту банальность: ради любви к истине. Булгаковский Иешуа утверждал, что «правду говорить легко и приятно». Вот, собственно, ради этого удовольствия люди и идут на эшафот. Как в прямом, так и в переносном смысле. Хотя большинству это удовольствие недоступно. Оно для избранных. Не является ли это (кстати сказать!) лучшим доказательством принципиального неравенства людей?

Рискуя навлечь на себя гнев общественности, повторю (вслед за Тило Саррацином) ещё раз: люди не равны! Они разные. И эта разность может лишь отчасти быть компенсирована упорством и воспитанием. Как ни грустно это констатировать, но часто люди не равны изначально, генетически. В таком заявлении есть некоторая обречённость. Да, это неравенство фатально. Но, тем не менее, это правда, и гораздо правильнее её признать, чем строить общество, делая вид, что это не так.

Напрасно думать, что игнорирование генетического неравенства есть проявление гуманизма в отношении слабых. Что это некая невинная и простительная форма социального милосердия. Уверяю вас, это опасное заблуждение. Россия, более чем какая-либо иная страна, уже наступала на эти грабли. И пусть её опыт будет серьёзным предупреждением всем тем, кто считает, что генетически обусловленного интеллектуального неравенства не существует.

Начнём с того, что поборники генетического равенства вообще отрицают генетику как науку о наследовании различий. И в этом смысле они становятся в одну шеренгу с товарищем Сталиным, который как раз и объявил генетику буржуазной лженаукой. Ведь Сталин, которого можно назвать каким угодно злодеем, тем не менее, безусловно, не был идиотом. И генетику он отрицал отнюдь не в приступе бессмысленного самодурства. Сталин был человеком последовательным и понимал, что генетика мешает ему уничтожать интеллектуальную элиту нации. А уничтожить её очень хотелось. Поэтому и был выдвинут тезис о том, что новую (не хуже, а даже лучше старой!) элиту можно попросту воспитать. А вся эта чепуха про наследование интеллектуальных способностей тормозит победу прогрессивного пролетариата над паразитирующей буржуазией и выродившейся аристократией.

Отрицание или игнорирование простых и понятных истин — это родовой признак политкорректности, которая представляет собой современную форму неосталинизма. Её отличие от классического сталинизма (или гитлеризма) состоит лишь в том, что за инакомыслие сейчас

не расстреливают. А вот в тюрьму загнать можно, например, по обвинению в шовинизме. Так же, как при Сталине или Гитлере: под одобрительные возгласы толпы и свободолюбивой прессы. Западная демократия лишается своего главного козыря в глобальной конкуренции — интеллектуальной свободы. Серые, недалекие, прекраснотушные горлопаны, как иезуиты времён инквизиции, формируют ментальные каноны, в которых должен существовать свободный разум. И всякое отступление от этого канона подвергается истерическим нападкам именем гуманизма и сострадания. Ладно бы это заканчивалось лишь общественным порицанием. Но новоявленные Игнатии Лойолы перекраивают уголовные кодексы своих стран, чтобы заткнуть рот всем, кто не согласен содержать дармоедов или тратить циклопические суммы на бессмысленные прожекты, разрушающие половую идентичность, традиционную семью, духовное самосознание и достоинство своего народа.

Как всякая первая попытка такого восстания, книга Саррацина, конечно же, не лишена забавных курьезов. Так, например, он считает ислам изначально неспособной к развитию ортодоксией, сама принадлежность к которому лишает его приверженцев способности к интеллектуальному и социальному прогрессу. Потом, однако, несколькими страницами ниже он признает, что турецкие турки более динамичны и позитивны, смышлѐны и работоспособны по сравнению с немецкими турками во втором поколении. А если сюда прибавить продолжающийся уже не одно десятилетие экономический рост в Турции (достигающий в отдельные годы 9% ВВП), то становится ясно, что проблема не в исламе. Ну а вспомнив христоролюбивую Грецию (погрязшую в долгах и безделье), можно смело утверждать: Коран здесь ни при чем.

Кстати, о Коране. Протест Саррацина против политкорректности не беспределен. У него тоже есть свои, вполне политкорректные рамки. Так, например, утверждая, что в традиционной мусульманской семье женщина угнетена потому, что этого требует Коран, автор в доказательство этого тезиса приводит цитату из Корана, в которой говорится о том, что Аллах создал мужчину и женщину разными.

Меня так и подмывает сказать: дорогой Саррацин! если уж вы восстали против политкорректности, то идите до конца: признайте же, вслед за Кораном, очевидное: мужчины и женщины действительно созданы разными. Если это не так, то я должен выколоть себе глаза: они мне врут. Но на такую самоотверженность автора уже не хватает: видимо, он боится объяснений со своей женой.

Не менее странно выглядит рассуждение автора о сравнительных преимуществах иммигрантов с Дальнего Востока и из Индии. Он не скрывает своего сожаления по поводу того, что возможности увеличения такой иммиграции весьма ограничены. Далее следуют эмоционально довольно убедительные пассажи автора о том, что немецкий этнос умирает и вместо культуры Гёте и Шиллера в германские города приходят банды арабских тинейджеров, говорящих, подобно робинзоновскому Пятнице, на жуткой смеси номинативов и инфинитивов.

Но ведь если вместо арабов и турок немецкие города заполняют вьетнамцы, китайцы и индусы, то язык Гейне, Фейхтвангера и Кафки всё равно будет утерян. Его в лучшем случае вытеснит английский, а в худшем — мандарин и хинди. Так может быть, проблема сохранения национальной идентичности вообще не решается путём манипулирования миграционными потоками, даже если бы приехавшие с Дальнего Востока и придали необходимый динамизм немецкой экономике?

И вот тут мы подходим к главному: как сохранить и преумножить национальную идентичность в условиях старения и сокращения этноса? Ответ один: если этот тренд задан, то никак. Нужно во что бы то ни стало переломить этот тренд и начать рожать. Рожать, чёрт подери, и всё. Без выкрутасов и политкорректных завываний про то, что женщина — это не свиноматка и у неё есть свои карьерные амбиции.

Применительно к немцам это означает то, что немецкая женщина и немецкий мужчина должны хотеть родить немца. Немца, а не эскимоса или зулуса. А для этого они должны гордиться своим народом. Как гордятся своими народами американцы, индусы или турки. Послевоенная же традиция национального самоуничтожения, укоренившаяся в немецком сознании, действует деструктивно.

Улыбку понимания вызывают, например, бесконечные реверансы Саррацина в сторону евреев. Если бы я вырос в послевоенной Германии, то для меня такие пассажи были бы вполне органичны. Но поскольку я вырос в Советском Союзе, мне они кажутся неуместными и притянутыми за уши: ведь книга не об этом. Евреи никак не мешают формированию немецкого самосознания и в плане иммиграции не вызывают никаких опасений как в силу небольшой численности, так и в силу высокой способности к адаптации. Зачем же об этом так подробно и комплиментарно писать? Существенно большая по численности и не менее успешная иммиграция в Германию этнических немцев из стран СНГ удостоилась у Саррацина буквально нескольких строк.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я понимаю: комплекс вины, действительно чудовищная трагедия Холокоста и реальные успехи евреев в науке и бизнесе — это всё так. Но «поза покорности», в которую по поводу и без повода норовит встать любой немецкий автор, затрагивающий тему национальных отношений, напоминает мне канон, существовавший в Советском Союзе, в отношении кандидатских диссертаций: чему бы ни была посвящена диссертация (хоть бы даже особенностям вакцинации баранов), будь любезен вставить цитату из классиков марксизма-ленинизма и ссылку на материалы последнего съезда КПСС. Иначе есть риск провала на защите...

Или взять его рассуждения о школьных тестах по языку и математике... Ой, Господи! Так много хочется ещё всего сказать и написать, но мне не нужно отнимать у вас, мои дорогие читатели, удовольствия от чтения самой книги. Поэтому я закругляюсь: Тило Саррацин написал свою книгу как приглашение к дискуссии, а не как готовые ответы на поставленные вопросы. И ценность этой дискуссии выходит далеко за рамки Германии. И в России сейчас те же проблемы: абсолютное сокращение населения, низкая рождаемость, приток иммигрантов. Тем всегда и ценны такого рода постановки задач: они заставляют людей думать. Думать о самом, может быть, главном в нашей жизни: кто мы, для чего мы и что будет с нами завтра.

Альфред Кох

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Публикация этой книги вызвала неожиданно бурную реакцию. Некоторых возмутило то, что я использую в этой книге социобиологические аргументы, и то, как я их использую. Пересказывая в прессе мои тезисы, критики иной раз прибегали к таким упрощениям, которые меняли мою точку зрения на прямо противоположную. В первую очередь это касается взаимодействия демографии и эволюционной биологии.

В этой книге делается попытка систематизировать мысли о будущем немецкого общества, которые занимают меня уже давно. Много передумано и о том развитии, временной охват которого заглядывает в будущее намного дальше, чем это принято в политическом дискурсе. В книге я указываю, насколько проблематичны демографические проекции, переброшенные через несколько поколений. Поэтому мои соображения о немецком обществе через сто лет, представленные в конце книги, несколько умозрительны. Вскрывая в некоторых местах вопросы генетического наследования свойств, я отдаю себе отчёт, что по современному состоянию исследований бессмысленно сталкивать лбами генетические задатки и факторы окружающей среды. Потенциал, заложенный в генах, и влияние окружающей среды сложно взаимодействуют между собой. Мы не можем изменить гены, но общественную среду мы обязаны сформировать политически как можно лучше. Поэтому книга содержит пространную главу о бедности и образовании. Здесь я нигде не утверждаю, что определённые этнические группы по генетическим причинам якобы «тупее» других. Кроме того, я в основном привожу аргументы, опираясь на данные статистики; а статистические распределения методически не допускают высказываний об отдельных людях.

Тило Саррацин
Берлин, сентябрь 2010 г.

ВВЕДЕНИЕ

Самое гнусное в политике — умалчивать и маскировать то, что есть.

Фердинанд Лассаль

В весьма успешные — в экономическом и общественно-политическом отношении — десятилетия после Второй мировой войны в Германии крепло чувство гордости за способности и прилежание её граждан, постоянно растущий жизненный уровень и всё более развивающееся социальное государство. Четыре крупных экономических кризиса — 1966–67 гг., 1974–75 гг., 1981–82 гг. и, наконец, 2008–09 гг. — нанесли не такой уж большой урон этой гордости и вере в прочность собственной экономической и социальной модели. Даже последствия глобализации, смещение центров тяжести в мире, нагрузки на экологию и пугающие проявления климатических изменений до сих пор не причинили оптимизму немцев серьёзного вреда — хотя они и любят порой пожаловаться. Однако этот основополагающий оптимизм и десятилетия почти ничем не омрачённого успеха притупили зоркость немцев к угрозам и процессам разложения внутри общества.

«Германия самоликвидируется?» — что за абсурдные страхи, подумают многие, глядя на эту солидную страну с её 80-миллионным населением, расположенную в центре Европы: на её города, промышленность, автомобили, торговлю и преобразования, на её образ жизни... Но страна представляет собой то, что в совокупности представляют собой её жители с их духовными и культурными традициями. Без людей она была бы лишь географическим обозначением. Однако немцы постепенно отходят на задний план. Ведь тот нетто-коэффициент воспроизводства населения 0,7 или меньше, какой мы имеем вот уже 40 лет, означает, что поколение внуков по численности вдвое меньше поколения дедов. Число рождений в Германии постоянно падало начиная с первой половины 1960-х гг. — от более чем 1,3 млн рождений в год до 650 тыс. в 2009 г. Если так пойдёт и дальше — а почему что-то должно измениться в этой тенденции, которая держится уже больше четырёх десятилетий, — то через три поколения, то есть через 90 лет, число рождений в Германии

окажется в пределах от 200 до 250 тыс. И лишь половина из них — это самое большее — будут потомками населения, жившего в Германии в 1965 г.

Тем самым немцы как бы самоликвидируются. Пусть кое-кто расценивает такую участь как справедливое возмездие народу, породившему эсэсовцев, — только этим и можно объяснить временами проскальзывающую затаённую радость по поводу сокращения немецкого населения. Другие находят утешение в том, что и маленький народ может жить и выживать, и кивают на Данию с её 5 млн населения. Мол, в будущем и Германия станет такой же Данией, только на чуть большей территории. Разве это так уж плохо? И чем это плохо? Может, оно бы и ничего, если бы не было качественных демографических сдвигов помимо чистого нетто-коэффициента воспроизводства населения, равно как и миграции бедности, а также наплыва населения из-за границы.

В последние 45 лет мы не вели разумного обсуждения демографического развития в Германии. Кто не плыл по течению вместе с увещателями и успокоителями, да к тому же ещё и показывал свою озабоченность, тот очень скоро с огорчением обнаруживал, что оказался в полном одиночестве, а нередко ещё и загнан в националистический угол. Помимо этого, общественный дискурс в Германии находится в примечательном противоречии: с одной стороны, на публичной дискуссии лежит отпечаток желания развлечься и получить удовольствие от скандала, с другой стороны, над ней всё больше властвуют эвфемизмы политической абстрактности:

- о последствиях падения рождаемости целые десятилетия нельзя было даже заикаться, чтобы не попасть под подозрение в националистической идеологии. В последнее время это изменилось, поскольку поколение «1968-го» стало бояться за свою пенсию. Но теперь уже слишком поздно, с этим опоздали на 40 лет;
- социальное бремя неуправляемой миграции всегда было табуировано, и запрещалось говорить о том, что люди неравны, а именно: есть умственно более и менее способные, более ленивые и более трудолюбивые, морально более или менее устойчивые, — и что этого не изменишь ни равенством образования, ни равенством шансов;
- поскольку это основное положение вещей никоим образом не признавалось, у всякой дискуссии о многочисленных ошибках в управлении социальным государством заведомо выбивалась почва из-под ног. Табу налагалось на следующие утверждения:
 - хотя 90% школьников одного выпуска можно довести до аттестата зрелости, среди них, однако, не наберётся и 10% тех, кто способен изучать математику,

- мы как народ теряем в среднеарифметическом интеллекте по причине того, что более интеллектуальные женщины рожают на свет меньше детей, а то и вовсе не рожают,
- каждый сам в ответе за своё поведение, а вовсе не общество.

«Кто не учится, тот остаётся невеждой. Кто слишком много ест, тот толстеет». Произносить подобные истины считается не только неполиткорректным, но недоброжелательным и вообще аморальным, а уж если ты хочешь быть избранным на политическую должность, то произносить такое — как минимум неумно. Тенденция политкорректного дискурса доходит до того, что люди якобы вообще избавлены от ответственности за своё поведение, всё списывается на обстоятельства, из-за которых они оттеснены на обочину, а то и вовсе оказались ни на что не пригодны:

- если школьник отстаёт на занятиях, причину надо искать в отсутствии образовательных традиций в родительском доме;
- если дети из семей со скромным достатком на удивление часто страдают избыточным весом из-за недостатка движения, то причина не в халатности родителей, а в социальной нужде семьи;
- если дети из неполных семей доставляют в педагогическом смысле трудности, то за это в ответе общество, которое оказывает недостаточную поддержку родителям-одиночкам. При этом надо бы всё-таки поинтересоваться, какие общественные обстоятельства и индивидуальные установки приводят к тому, что у нас так много родителей-одиночек, и что можно с этим сделать;
- если турецкие мигранты и в третьем поколении всё ещё не говорят по-немецки как следует, то виновата враждебность среды, препятствующая интеграции. Но почему, спрашивается, эти трудности не наблюдаются почти у всех прочих групп мигрантов?

Из социологически верной, но банальной формулы, что в обществе всё взаимосвязано, развилась тенденция всё валить на общественные отношения и тем самым освобождать отдельного человека в широком смысле от ответственности за себя и свою жизнь. словно мучнистая роса, политкорректность обложила вопросы структуры и управления общества и усложнила как анализ, так и терапию.

Какую бурю негодования я, будучи берлинским сенатором по вопросам финансов, вызвал детальным доказательством того, что на сумму, выделяемую на еду и напитки в государственном основном обеспечении, можно питаться очень даже здорово и разнообразно. Но тогда избыточный вес вследствие неправильного питания нельзя отнести на объективные жизненные

обстоятельства, в которых человек бессилен что-либо изменить; избыточный вес является результатом индивидуальной формы поведения, за которую каждый человек несёт ответственность. Однако об этом не хотят слышать ни те, кого это касается напрямую, ни политкорректные деятели. То, что многие из тех, кого это касается, возмущаются в откликах по электронной почте и читательских письмах, я ещё могу понять, но куда меньше я понимаю, почему на меня обрушиваются так называемые добрые люди, когда в одном интервью я вскользь заметил, что свитер мог бы помочь сэкономить расходы на электроэнергию, поскольку тогда не пришлось бы так сильно отапливать комнату.

В управление политическим, экономическим и общественным развитием следует привносить то, чего хочешь достигнуть, а также реалистическую оценку фактических взаимосвязей. Всякий, кто задумывается об обществе или хочет участвовать в его формировании, действует, скрыто или явно, исходя из нормативного контекста. Если при этом он пренебрегает природой человека и фактическими социологическими и психологическими взаимосвязями либо оценивает их неверно, то он живёт и действует карикатурно. Социальные инженеры, поступающие таким образом, приносят больше вреда, чем пользы. К несчастью, они есть, и многие из них вредят обществу, омрачая перспективы нашего будущего. Так, слишком долго оставалось незамеченным, что старение и сокращение немецкого населения происходят с качественными изменениями в его составе. Помимо чистой убыли населения, будущему Германии грозит прежде всего непрерывный рост числа менее стабильных, менее интеллигентных и менее дельных людей. О том, что это так, почему это так и что можно с этим поделать, и пойдёт речь в этой книге.

В своих выводах я опираюсь на эмпирические данные, но аргументирую прямо и без околичностей. Для меня важны, в первую очередь, ясность и точность, поэтому рисунок повествования довольно прямолинейный, чёткий, а не размытый и нерешительный. Я отказался от того, чтобы завешивать словесными гирляндами те обстоятельства, которые с виду кажутся щекотливыми, и старался быть конструктивным — а итоги довольно удручающие.

Германия с экономической точки зрения находится в поздней фазе «золотого века», который начался в 1950-е гг. и медленно подходит к концу. Реальные доходы трудящихся не растут вот уже 20 лет, падать они начнут самое позднее через 10 лет, и это будет устойчивым трендом вследствие демографических сдвигов. Такие прогнозы, казалось бы, не подходят ни к нынешним экспортным успехам немецкой экономики, ни к блестящим инициативам в немецких университетах, ни ко множеству хороших новостей, которые радуют нас каждый день. Однако, что пользы, если мы подыбаем

основы будущего подъёма благосостояния, а ведь мы делаем именно это, количественно и качественно:

- количественно — поскольку вот уже 45 лет каждое новое поколение приблизительно на треть меньше, чем предыдущее, в то время как ожидаемая продолжительность жизни растёт;
- качественно — поскольку способность к образованию и предпосылки к нему у новорождённых перманентно ухудшаются, а менталитет, являющийся основой всякого продуктивного начинания, судя по всему, хиреет.

Я достаточно долго был специалистом в области экономики, высокопоставленным чиновником и политиком, чтобы уметь выставить себя адвокатом всех мыслимых возражений на каждый из представленных мною доводов. В форме предложений, замечаний, набросков и статей я исписал за последние 35 лет антитезами и возражениями тысячи страниц. Мои начальники должны были политически выжить, и моя задача состояла в том, чтобы помочь им в этом. За всё приходится платить: часто бывало так, что субъективно ощущаемую правду можно было выкладывать лишь дозированно. То и дело я сталкивался с тем, что для человека, который находится на ответственном политическом посту, хоть и не совсем невозможно, но всё же очень сложно говорить неприятную правду, да и вообще не принято это делать. Большая политическая мудрость сокрыта в том, чтобы концентрироваться на решаемых проблемах и предложениях, обеспечивающих большинство голосов. Но это затрудняет как ясный анализ, так и подходящую терапию, и если не уследишь, то собственные мозги затуманятся до полной потери рассудка. Что и случается у всех ведущих политиков; многие, к сожалению, спасаются бегством в суесловие. Притом что существует огромная общественная потребность в неприкрашенной правде, тот, кто утоляет эту потребность, ходит политически опасными путями и легко становится жертвой медийной власти, которую осуществляют политкорректные.

Из 39 лет моей профессиональной карьеры 7 лет я провёл как активный политик в городе-государстве, 6 лет в качестве госсекретаря в одной из западногерманских земель и 16 лет в различных должностях на разных уровнях боннской министерской бюрократии. Лишь в конце моей службы в качестве сенатора по финансовым вопросам в Берлине, после того как я приобрёл известное реноме благодаря финансово-политическому успеху, я стал отваживаться на тот или иной открытый выпад также и за пределами узкой области финансов — например, на тему пособий по безработице (Hartz IV) или необходимых мер по экономии энергии. Несмотря на весь свой опыт, я был ошеломлён тем, какой резонанс вызывает выступление публичного политика, который коротко и ясно выражает суть элементарных

жизненных обстоятельств. Меня привёл в ужас поток исполненных ненависти электронных писем, как только я вполне конкретно показал (здоровое питание на пособие по безработице и свитер против лишних расходов на отопление), что личная ответственность и самоопределение возможны, а главное — необходимы. Но, судя по всему, группы тех, кто хотел бы распрощаться с ответственностью за себя и собственную жизнь, становятся всё больше. Такое проявление вовсе не ограничивается определёнными группами, разделёнными по доходам, или социальными слоями, и оно отнюдь не ново. Оглядываясь в прошлое, я могу различить тренд, который перманентно развивался начиная уже с 1950-х гг.

ФРГ начала 1950-х гг. была очень современным государственным образованием. После двух проигранных войн сказались катастрофические последствия: институты были разрушены, традиции поставлены под сомнение, а население из-за бегства и изгнания беспорядочно перемешалось. Однако специфические сильные стороны немцев — высокий стандарт в науке и квалифицированное чиновничество — на удивление мало пострадали от катастроф войны и разрушения инфраструктуры. Люди, принадлежащие к ведущим слоям и бюрократии, были на 90% послушными помощниками нацистской диктатуры; но это никак не сказалось на их эффективности в восстановлении.

Остались совершенно невредимыми и даже были подстёгнуты катастрофой и шансом к восстановлению традиционные немецкие старательность и склонность кропотливо создавать и совершенствовать. Именно беженцы и изгнанники отличились в этом. Они были в той же ситуации, что и иммигранты XIX в. в Соединённых Штатах, а именно: чужие и лишённые средств, они могли выбиться в люди только за счёт особого старания. И они старались, так старались, что скоро стали наступать на пятки старожилам в молодой Федеративной республике.

Но, для того чтобы стало возможно немецкое экономическое чудо, должны были добавиться следующие обстоятельства:

- противостояние Востока и Запада; это противостояние внезапно превратило побеждённую страну в желанного партнёра, которого надо было поддержать и поощрить;
- бурный подъём западного мира после 20 лет войн и мирового кризиса;
- быстрое освобождение западногерманской экономики от многочисленных административных пут в период с 1948 по 1951 г., большие и непреходящие заслуги Людвиг Эрхарда.

«Социальная рыночная экономика» была великим обещанием, которое в итоге объединило весь народ в восстановлении страны: все должны

получать справедливую долю от созданного сообща; все должны быть защищены от голода, холода и угнетающей бедности; те, кто хочет работать, должны иметь работу. Это обещание было исполнено, и ещё как!

- С 1950 по 1960 г. западногерманская экономика прирастала на 8% в год.
- Безработица упала с 11% в 1950 г. до 1,3% в 1960 г.
- Реальные доходы на душу населения выросли за 10 лет почти на 70%.

В 1955 г. Германия вырабатывает на душу населения такой же ВВП, что и Франция, а ВВП на душу населения победившей в войне Великобритании был превзойдён Германией уже в 1952 г.

Государственность и общественное устройство достигли в Федеративной республике в 1960 г. такой степени легитимации и одобрения, какой не было ни разу за предыдущие 150 лет и уже никогда позже. Социал-демократическая партия Германии в Годесбергской программе 1959 г. извлекла из этого выводы и заключила мир с капитализмом, укрощённым «социальной рыночной экономикой». Однако идиллия длилась недолго:

- 1966–67 гг.: первая немецкая послевоенная рецессия пробудила сомнения в том, можно ли обеспечить непрерывный рост экономики и полную занятость. Эти сомнения, однако, были вновь рассеяны благодаря великолепному приросту с 1968 по 1971 г.;
- 1968 г.: часть послевоенного поколения начала протестовать против общественной модели, но существенная основа легитимности общества и его главное целеполагание, состоящее в повышении производства товаров, вроде бы устояли;
- 1972 г.: первый отчёт Римского клуба под заголовком «Границы роста» указал на конечность ресурсов планеты. Это стало спусковым механизмом движения за сохранение окружающей среды. От этого отчёта начинается прямой путь к сегодняшним дискуссиям о климатической катастрофе;
- 1973 г.: первый нефтяной кризис вызвал вторую большую послевоенную рецессию в Германии. Состояние полной занятости 1960-х гг. стало с тех пор недостижимым;
- 1979 г.: после переворота в Иране последовал второй нефтяной кризис, который привёл к третьей послевоенной рецессии и краху социально-либеральной коалиции Гельмута Шмидта;
- 1980-е гг.: удалось стабилизировать мировую экономику; изменившаяся во всём мире денежная политика на долгое время привела инфляцию к терпимым показателям. Немецкая экономика снова начала

расти, хотя и существенно медленнее, чем в 1960-е и 1970-е гг. Безработица сокращалась, но оставалась выше, чем раньше;

- с 1989 по 1991 г.: крушение Восточного блока и распад Советского Союза радикально изменили политическую и экономическую карту мира. Переход к рыночной экономике в бывшем Восточном блоке и прежде всего переход к рыночной экономике в Китае и Юго-Восточной Азии запустили сильное и всё ещё длящееся изменение распределения веса в мировой экономике. Это заставило так сильно усомниться в немецком обещании «социальной рыночной экономики», как никогда прежде. Удастся ли сохранить это обещание — большой вопрос.

Глобализация и рыночная экономика означают, в конечном счёте, что во всех странах с рыночной экономикой, которые, дополняя друг друга, взаимно предоставляют необходимые общественные блага в образовании и инфраструктуре, одинаковая работа оплачивается приблизительно одинаково. Для экономистов это означает: предельные издержки (дополнительные издержки конечной произведённой единицы продукции) и предельный продукт (рост прибыли, который достигается приложением следующей единицы производственного фактора) такого производственного фактора, как работа, имеют тенденцию к выравниванию в глобализированной открытой рыночной экономике. Как в глобализированном мире существует мировой ссудный процент в качестве предельной платы за капитал, так и есть в тенденции единая плата за производственный фактор «работы». Совершенно логично, что реальная почасовая оплата в Германии, в точности так же, как, например, в США или Италии, сегодня не выше, чем в 1990 г. Она и не будет повышаться до тех пор, пока такие государства, как Китай, Индия и Таиланд, не достигнут западного уровня оплаты труда. Такое положение дел заставит Германию в той фазе, в которой её сила ослабевает ещё и по другим причинам, и об этом также пойдёт речь в этой книге.

Зародыши такого патологического развития, которое омрачает наше будущее, был заложен ещё в триумфальные годы конца 1950-х. Тогда начиналась цепь институциональных реформ, каждая из которых по отдельности была задумана во благо и, безусловно, сама по себе принесла много хорошего. Однако комбинированное действие этих реформ вызвало общественное истощение запасов, которое поставило под угрозу наше будущее. По сути, речь идёт о четырёх взаимосвязанных тематических комплексах:

- о наступивших 40 лет назад демографических сдвигах и изменениях условий производства потомства, а также об их дальнейшем воздействии на будущее¹;

- о заложенных в нашей социальной системе стимулах ведения самоопределяющейся жизни или, наоборот, стремлении этого избежать;
- о социализации, образовании и жизненных мотивациях людей;
- о качестве, структуре и культурном фоне мигрантов в Германии.

Для меня остаётся открытым вопрос: возможно ли вообще и насколько возможно реформировать структурные изменения экономики, общества и их постоянно меняющиеся типовые условия. Никогда ничто не остаётся прежним, и никакое состояние общества не поддаётся консервации. С другой стороны, вообще невозможно выносить суждение, давать оценку положения дел и формулировать необходимые изменения, если у тебя нет собственного нормативного образа общества. Почему мы всё-таки предаёмся размышлениям о будущем и что под этим подразумевается? А может, пусть каждое поколение разбирается со своими проблемами и проблемы будущих поколений стоит предоставить живущим после нас?

Во всех этих вопросах мы прямо-таки окружены парадоксами, которые в принципе неразрешимы: мы естественным образом исходим из того, что только индивидууму присущи личность и идентичность. Общины, общества, народы — вообще все социальные формы организации, — напротив, с точки зрения большинства, не имеют ценности, находящейся над индивидами, — по крайней мере, если отвергать идею божественного миропорядка или соответствующего историко-философского пандана. Парадоксально только, отчего же мы тогда так тревожимся об окружающей среде. Мы принимаем как неизбежность то, что Германия сокращается и тупеет. Мы не хотим задумываться об этом, а тем более обсуждать это вслух. Но мы задумываемся о том, каким будет мировой климат через 100 или 500 лет. При взгляде на немецкую государственность это совершенно нелогично, ведь при современном демографическом тренде от Германии через 100 лет останется лишь 25 млн, через 200 лет — 8 млн, а через 300 лет — всего 3 млн жителей. С чего бы нам так интересоваться климатом через 500 лет, если немецкое общество запрограммировано на ликвидацию немцев?²

В мире без Бога состояние природы не имеет собственной ценности, разве что рассматривать её как окружающую среду для жизни людей, то есть из оправдания, идущего от индивидуума. Это оправдание, однако, теряет силу с исчезновением индивидов.

В действительности дело обстоит так, что большинство из нас вопреки всякой логике приписывают социальной организации самооценку, стоящую над индивидами: многие сотрудники любят предприятие, в котором они проработали десятилетия, другие любят свой футбольный клуб,

третьи — свой город, свою страну, свой народ. То, что мы придаём этим сущностям самоценность, которая выше нас самих, мотивирует нас, возвышает, внушает чувство гордости, придаёт силы и заставляет забыть собственные мелкие болячки и беды покрупнее. И только когда дело касается Германии, у многих из нас в голове срабатывает «внутренний цензор».

- Любишь родину? Конечно!
- Патриот своей закуской? Ещё какой!
- Европейец? Само собой!
- Гражданин мира? Конечно, а как же иначе!
- Немец? Ну, разве что во время мирового первенства по футболу, а так — нет уж!

Тревожиться за Германию как страну немцев уже считается почти неполиткорректным. Это объясняет многие табу и полностью заболтанную немецкую дискуссию на такие темы, как демография, семейная политика и приток иммигрантов. Я думаю, что без воли к здоровому самоутверждению нации нам никогда не разрешить наши общественные проблемы.

Экономически единая и внешнеполитически дееспособная Европа и через сто лет всё ещё будет состоять из национальных государств — польского, датского, французского, голландского или британского. Только на этом уровне существуют по-настоящему демократические легитимации, и только там можно найти — или не найти — силы для общественного обновления. Надежда на то, что национальное государство растворится в Европе, — это поздний продукт быстрой смены немецкого мира с крайне амбивалентными чертами, ведь она проецирует в итоге имперскую идею на европейский уровень, впрочем, не без ссылки на историю: Европейская Шестёрка в точности соответствовала в своих региональных границах империи франков при Карле Великом.

Как только захочешь обвинить во всём ход истории или повернуть вспять непонравившийся тренд, попадаешь в опасность стать внеисторичным, поддаться ностальгии и пропустить важные моменты правильного влияния. Подобно реке, поток истории постоянно изменяется и никогда не возвращается в своё прежнее русло. И от попадания в ловушку ностальгии должен побережиться всякий, кто хочет сохранить всё хорошее и не одобряет любые перемены.

Реалист принимает за данность то, что всякое историческое положение — медаль с двумя сторонами: традиционная идиллия сельской жизни не уживается с современным сельским хозяйством. Безопасность традиции и ясного канона ценностей не уживается с темпом технологических преобразований. Хорошая устроенность в своих региональных и национальных особенностях не уживается со многими последствиями больших миграционных

процессов. Никому никогда не удавалось съесть пирог и при этом сохранить его. Реализм без приложения обращённой назад ностальгии и направленной вперёд конструктивной воли банален, пошл и неотличим от фатализма или наплевательства. Конечно, легко впасть в соблазн и перепутать удлиняющиеся тени собственной жизни с помрачением мировой перспективы. Но это не относится к моим соображениям, приведённым в этой книге, поскольку эти вопросы неотступно следовали за мной последние 30 лет.

Тот, кто обвиняет существующий исторический тренд и хочет его изменить, должен самостоятельно подвергнуть себя небольшой историко-философской проверке: а не цепляешься ли ты попросту за ушедшие ценности и положения, жалуясь на личную отверженность, которую приносит с собой перемена времени? Однако это совсем не значит, что всякий дискомфорт, вызванный направлением и последствиями общественных перемен, попадает под подозрение в ностальгии.

Всякая историческая общественная формация, сколько бы она ни длилась, состоит из набора условий, который только и делает её возможной: климатические, географические, технологические, культурные, властно-политические и демографические предпосылки должны перемешаться в некую амальгаму, чтобы возникло именно это общество. Если набор этих условий меняется, меняется и общество. С техническим прогрессом, равно как и с растущим взаимодействием внутри обществ и между ними, на исходе Средневековья наступило ускорение перемен.

Условия существования общественных формаций непрерывно изменяются, лишь немного остаётся таким, как было. Не всегда перемены ведут к лучшему, как показали ужасные заблуждения XX в. Однако есть жёсткие элементы общественной стабильности, которые на протяжении долгого времени противятся переменам. К таким элементам относятся региональные и национальные особенности народов. Если, например, десять сицилийцев и десять фриз³ будут делать одно и то же, то в результате получится совсем не одно и то же. К таким жёстким элементам относятся также влияния религии³, обычаи, семейная артель и уважение к старшим. Эта склеивающая мастика действует стабилизирующе в противовес тенденции к разобщённости, причем не только в отношении отдельных единиц, но и больших общественных групп, целых обществ и народов. Однако если дело доходит до критических ситуаций, то это влечёт за собой идеальные предпосылки

* Фризы — германский народ из группы ингевонов, проживающий в некоторых областях Германии и Нидерландов как национальное меньшинство. — *Здесь и далее примеч. ред.*

для политических переворотов и военных конфликтов. Разобщённость сильнее выражена во времена больших перемен или катастрофических переломов, к коим относятся войны, эпидемии — такие, как средневековая чума, — или природные катаклизмы.

Наряду с временами больших перемен всегда бывали периоды, когда на протяжении жизни нескольких поколений можно было чувствовать себя вполне защищённым в благоустроенном мире, где человеку грозила лишь болезнь или смерть. Тот, кто жил в таких условиях, чувствовал себя под защитой естественного порядка и ощущал свою принадлежность к лучшему из миров, на той высоте положения, откуда можно двигаться только вниз. То были золотые времена, о которых слагаются мифы. Иные из них были — иногда на протяжении двух поколений, а то и десяти — эпохами, в которых представлялось, будто история остановилась, потому что уже создано нечто совершенное, не поддающееся улучшению.

Направление и качество общественных перемен определяет — наряду с внешними толчками, от которых не укрыться, — смесь из инерции и трансформации. Совершенно различное развитие британского и русского обществ — яркий пример этого. Обе империи были когда-то основаны племенами викингов (варягами в случае России, норманнами в случае Англии), и тем не менее они пошли такими разными путями.

Знаменитые «золотые века» характеризуются тем, что их фундамент составлен из правильной пропорции стабильности и гибкости, ибо без стабильности нет длительности, а без гибкости нет приспособляемости⁴. Но ведь ничто не остаётся прежним. Под самым красивым деревом всегда уже сидит червяк, который гложет его корни, а позднее и крону приводит к увяданию. Вилли Брандт* однажды очень хорошо сказал: «Ничто не приходит само, и это всегда — ненадолго». В длительной перспективе вся человеческая деятельность напрасна, но и мы отнюдь не брошены беспомощными на произвол истории.

Как и многое в жизни, содержание этой книги амбивалентно: описанные здесь тренды подтачивают корни материального благополучия и общественной стабильности, однако всегда есть зацепки для того, чтобы кое-что повернуть во благо. Надо лишь взяться за них!

* Вилли Брандт — четвёртый федеральный канцлер ФРГ с 1969 по 1974 г., лауреат Нобелевской премии мира.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

То, что ты от предков унаследовал,
Ещё заработай, прежде чем им обладать.

Иоганн Вольфганг Гёте. «Фауст»

Загадочен механизм, приводящий в движение экономику и общество: с одной стороны, он не подлежит никаким жёстким правилам, с другой стороны, для него характерны закономерности, которые частично связаны с определённым обществом — исторически и территориально, — частично же вытекают из характерных особенностей склада человека.

Когда мы говорим об обществе или пытаемся типизировать общественные формы поведения, то делаем это по большей части из неявно установленного свода норм, о характере которого — нормативном и историческом — мы лишь изредка отдаём себе отчёт. Эти социологические, религиозные и экономические общие условия находятся в постоянном взаимодействии с долгосрочно действующими нормами и формами поведения в обществе.

Многосторонний провал ставки на политику стимулирования развивающихся стран показал, что ни общество, ни народное хозяйство просто так не «сотворишь» из одного лишь желания. Экономическое и культурное развитие приобретает в Центральной Африке и в исламских странах Ближнего Востока совсем другой оборот, чем в Восточной Азии. Управляемая коммунистами часть Европы сворачивает на иной путь, в отличие от западных рыночных экономик. Также и среди последних были и есть большие различия, причём не только между странами, но и внутри отдельно взятой страны. Северная Италия функционирует иначе, чем Южная. В Швабии*

* *Швабия* — местность на юго-западе Германии, где живут швабы — немцы, говорящие на особом швабском диалекте.

усиливается доля машиностроения и предпринимательства в целом по сравнению с Уккермарком* и тем самым отчётливо выше благосостояние. Это благосостояние стало спусковым крючком миграционного движения и привело к тому, что люди, живущие в Швабии, в среднем имеют более высокий показатель интеллекта, чем в Уккермарке, — если верить тестам, которые бундесвер применяет к своим новобранцам¹.

Хоть и не существует научно-приемлемых методов сравнения обществ с различными путями развития и различными культурами по единой шкале Ранкина², однако можно, пожалуй, легко прийти к единодушию на тот счёт, что обстановка в Германии в основном предпочтительнее, чем в Румынии, и что жизнь в Румынии по сравнению с жизнью в Судане в большей степени заслуживает предпочтения. Далее, мы знаем, что условия жизни в Судане не настолько плохи, чтобы не превзойти условия в Сомали³.

Если, положим, люди, несмотря на генетически обусловленные различия в интеллекте и темпераменте, рождаются в принципе со схожей установкой по отношению к жизни, тогда возможности формирования системы и институции не безграничны. По Эдварду О. Уилсону можно исходить из того, что биологическая эволюция придала человеку врождённую диспозицию и диапазон поведения, которые изменяются очень медленно на пути дальнейшей *биологической эволюции*, однако внутри этих рамок, поставленных человеческой природой биологией, произошла весьма вариативная *культурная эволюция* и продолжает происходить дальше⁴. Объяснение человеческого поведения и его развития возможно только, если рассматривать оба элемента, ибо человеческие общества и человек как вид воздействуют на свою судьбу, в первую очередь, через регулирование культурной эволюции.

Если искать общие закономерности всех форм человеческого общества с начала исторических времён, то наталкиваешься на следующие константы истории человечества:

- всегда существовали социальные организационные формы, выходящие за рамки сугубо семейного объединения;
- в этих организационных формах всегда была иерархия;
- иерархия организационных форм всегда опиралась по существу на возможность применения силы. Она была стабильнее, если была материально или религиозно легитимирована, а лучше всего, если совпадало и то и другое.

* Уккермарк — район в Германии, входящий в землю Бранденбург.

Стабильные общественные формы связывали воедино политику, культуру и экономику и делали это следующим образом.

1. Политика: выяснение внешней безопасности через военное насилие, равно как и выяснение вопроса внутренней власти через то же насилие, либо традицию, либо институциональные правила; по большей части речь шла о комбинации этих элементов.

2. Культура: легитимация господства и иерархии через религиозную надстройку или общепризнанный канон ценностей.

3. Экономика: легитимация через гарантию безопасности и возможности материального дохода.

Чем лучше эти области могли быть организованы и сцеплены между собой, тем стабильнее были общество и его государственная организационная форма и тем скорее они преодолевали фазы внутреннего раздора и внешних потрясений.

Вот некоторые примеры.

Египет

Процветание этой высокой культуры, длившееся 3000 лет, произрастало из искусственного орошения долины Нила, постепенное строительство систем которого вызвало к жизни сложную государственную организацию. Внешнюю безопасность можно было легко обеспечить, поскольку страну окружали пустыни. Вопрос внутренней власти был решён через иерархически организованную диктатуру фараона. Легитимация была обеспечена тем, что светская и религиозная власти совпадали. Фараон был одновременно божеством и, таким образом, высшим посредником небесной власти. Сельское хозяйство, развитое на основе искусственного орошения, обеспечивало по сравнению с окружающим миром кочевых народов беспрецедентное благосостояние и создавало условия для тысячелетиями длящейся стабильности, которая выстояла и в нападениях чужеземцев, и в военных поражениях, и во внутренних переворотах.

Римская империя

Базис для возникновения и долгой стабильности Римской империи образовало структурное превосходство римского военного дела. Благодаря этому превосходству империя могла расти в течение 700 лет и затем 400 лет оставаться стабильной в своей наибольшей территориальной протяжённости.

Римское военное дело стояло за сильными институтами. Римская республика, возникавшая из одного города-государства, снова и снова находила пути

создания баланса власти среди аристократических семейств, которые держали государство, и раздачи исполнительной власти лишь на время. Вместе с тем оформление прав и обязанностей в социальных отношениях создавало безопасность и высвобождало силы развития, которые весьма напоминали наше сегодняшнее высокоразвитое рыночное хозяйство. Внутренняя монополия на власть, однако, проводилась в жизнь brutally, правда, римляне оставляли покорённым народам их культуру, давали им римское право, равно как и хорошо развитую инфраструктуру, и позволяли иметь долю в экономическом развитии всеобщего, гарантированного Римским Миром единого экономического пространства.

Однако чем больше империя расширялась, тем сильнее падала функциональность институций исходного города-государства. Когда необозримость, как следствие расширения, стала нарастать, а влияние римской аристократии стало исчезать, переход к божественно-императорской власти создал на 400 лет целесообразную организационную форму, которая объединила римско-демократическую и восточную формы власти. Римлянам при Цезаре и Августе удался гибкий переход к империи, которая благодаря щедрому предоставлению римского гражданства имела ещё и поддержку. Чем больше теряла своё действие легитимация республики, тем больше развивалась божественная императорская власть как новая основа легитимации. Входившее в моду христианство было вовлечено в эту основу благодаря изданному в 313 г. эдикту веротерпимости Константина Великого и позднее стало государственной религией.

Итак, система была достаточно гибкой даже для того, чтобы осуществить смену государственной религии. Она и на протяжении веков оставалась гибкой, чтобы не только держать под военным контролем народы, угрожавшие её внешним границам, но и интегрировать их в цивилизаторском и культурном отношении. Римляне, например, воспользовались военными умениями германцев, выделяя им с III в. всё большую долю солдатских и офицерских мест в римских легионах.

Крушение империи совершилось не изнутри, а было вызвано внешними толчками — правда, при поддержке внутренних тенденций, прежде всего декадансом и сокращением рождаемости в среде некогда ведущих слоёв. Западно-Римская империя пала в войнах и буре Великого переселения народов (в 476 г. низложение последнего западноримского императора Ромула Августа). Восточно-Римская империя, напротив, стала жертвой растянувшегося на века процесса исламизации Востока и лишь на 1000 лет позже — с захватом Константинополя турками в 1453 г. — пришла к своему формальному концу.

Европейское Средневековье

Крушение Западно-Римской империи вызвало цивилизационный возврат к старому, который был преодолен лишь через 700 лет — в Средневековье. Такое развитие поспособствовало молодому христианству, ибо последнее усилило свою связующую силу. Новые господа, в основном региональные германские родовые князья, спешили своим переходом в христианство совершить трансферт легитимации, ведь до конца средних веков мирские кормились от церковной власти. Для большинства людей эти власти были неотделимы друг от друга.

Всеобщий цивилизационный откат назад, в столетия после Великого переселения народов, изменил характер государственности. На место государственных институций вступил германский принцип долга дружины по отношению к военному вождю, этот принцип нашёл выражение в системе ленных поместий — феодалов. Мирскую власть феодалы отдавали на откуп своим дружинникам и могли снова её отозвать. В принципе феодала была заложена германская верность дружины, которая смешивалась с идеей римской государственности и легитимацией на основе христианской веры. Христианский трансферт легитимации нашёл символическое выражение в венчании на царство Карла Великого Папой Львом III в 800 г. в Риме. В принципе в Средневековье все легитимации власти исходили от Бога либо от Его наместника на земле — Папы, и земное господство было тесно переплетено с господством божественным. В инвеститурном споре* Папа и император боролись за властно-политическое первенство в этой структуре. Поход кайзера Генриха IV в Каноссу в 1077 г. покончил со спором в духе Григория VII, то есть Папы: мирская власть оставалась подчинённой духовной власти, но она получала свою легитимацию из христианской религии.

Скачок в модерн

Комбинированная система из христианской и мирской власти при пониженной государственности открывала большой простор для регионального и цивилизаторского развития. На это время приходятся решающие шаги прогресса и многие изобретения:

- появление из Китая железного плуга и хомута (около 1000 г.);
- введение трёхпольного хозяйства (около 1100 г.);
- изобретение компаса в XII в.;

* *Инвеститурный спор* — спор за право назначать епископов.

- изобретение механических часов в XIII в.;
- введение чёрного пороха и изобретение огнестрельного оружия в XIV в.;
- изобретение книгопечатания в XV в.;
- открытие Коперником в 1543 г. вращения планет вокруг Солнца. (С этим открытием распрощались с геоцентрической картиной мира.)

Развитие между 1000 и 1500 гг. свидетельствует о духовной позиции, совершенно необоснованно повернутой лицом к действительному, источнику этой позиции до сих пор остаются загадкой. В Средневековье, которое в течение долгого времени даже близко не подошло к экономическому уровню Римской империи, были в итоге заложены технические и научные основы для взрывного развития в Новое время⁵.

Реформация, Просвещение и абсолютизм

Открытие Нового Света, кругосветные путешествия испанских и португальских мореходов и последствия Реформации ускорили перемену условий. Торговые пути сместились, золото и серебро из Нового Света придали потоку товаров и производству мощный финансовый импульс. Но прежде всего Реформация поспособствовала эмансипации мысли от религиозной и государственной опеки. Отношение к Богу стало личным и потому абстрактным, основательно лишив государство и церковь их компетенций.

Реформация создала духовные предпосылки для философии Просвещения и тем самым секуляризировала мир. Но Просвещение лишило наследную политическую власть основ легитимации. В то время как монархии в XVII и XVIII вв. находили своё высшее и чистейшее выражение в наследной власти абсолютизма, их религиозное и философское обоснование всё больше ставилось под вопрос: если каждый человек может иметь непосредственное отношение к Богу, зачем ему принудительное членство в государственной церкви, и почему он должен покоряться власти, которую над ним поставил якобы порядок наследования?

Философия божьей милости, непосредственная легитимация абсолютной власти из божественно-христианского мирового порядка выдержала под этим давлением всего 150 лет. Она философски подтачивалась начиная с XVII в. Гоббсом, Юмом, Вольтером, Руссо и другими, и, наконец, Кантом. Тем самым унаследованные монархические правительства стояли перед проблемой легитимации, которая в 1649 г. в Англии — после гражданской войны между королём и парламентом под руководством Оливера Кромвеля — стоила Карлу I головы. Американская Декларация

независимости 1776 г. постулировала впервые со всей радикальностью, что все люди рождаются равными и имеют равные права в стремлении к счастью. С этой точки зрения демократическая форма правления была единственно легитимной. Конфессии и религиозные убеждения служили конечным обоснованием индивидуальных действий, но не легитимацией государства. Французская революция инсценировала несколько лет спустя то же самое с большей кровью, большей помпой и более кружным путём.

Легитимация государства в Западной Европе была тем самым окончательно лишена своей религиозной основы, на её место выступила легитимация через ценностный канон прав человека, всеми признанный обязательным, первым политическим примером которого является «Билль о правах» из американской конституции 1791 г. С разбожествлением государственной легитимации была создана как политическая, так и фактическая основа для политических и общественных проектов по ту сторону христианской картины мира, индивидуальных прав человека и западной демократии. На это вдоволь насмотрелся XX в. Национал-социализм и сталинская диктатура были самыми извращёнными примерами. Своей притягательности они добились ещё и потому, что на эмоциональном, равно как и на эпическом уровне подняли на щит тысячелетние картины национальных и религиозных традиций, так что диктаторы заполнили место отсутствующих светлых образов с почти религиозным обещанием спасения (типы господства по Максус Веберу). Этот пример по-прежнему имеет в мире конъюнктуру, будь то Ким Ир Сен в Корее, Назарбаев в Казахстане, в 1980-е гг. — Бокасса в Центрально-Африканской Республике или меняющиеся персонажи каудильо* в Южной Америке⁶.

На этом завершим исторические экскурсы.

Если рассматривать условия стабильности и основы легитимации государства и общества, то можно вычлениить у всех успешных моделей государства три существенных признака:

- они гарантируют известную меру внутренней и внешней безопасности;
- они базируются на основе легитимации, не связанной с индивидуумом, — будь то религия или идея власти народа, или идеология, которая служит заменой религии;
- их экономический и материальный успех зависит от способности открывать безопасный простор стремлению индивидуума иметь доход.

* *Caudillo* (исп.) — предводитель.

Всё это не объясняет, почему периодичность взлётов и падений цивилизаций и культур при постепенном техническом прогрессе или стационарном экономическом развитии была прервана именно в средневековой Европе и в Европе Нового времени, а затем перешла к ускорению технического и экономического развития. Китай же, который до конца европейского Средневековья ощутимо опережал Европу в техническом и цивилизационном отношении, напротив, стагнировал на высоком уровне.

Исходящий от Европы сдвиг в науку и технику имел следствием мощный взрывной рост народонаселения в последние столетия: в 1000 г. в мире проживало ровно 300 млн человек — не больше, чем во времена рождения Христа. В 1500 г. население составляло 500 млн, в 1800 г. — уже 1 млрд, затем в 1930 г. — 2 млрд, а в настоящее время — 7 млрд, и если так пойдёт и дальше, то население мира, по оценке ООН, достигнет в 2050 г. своего максимума, превышающего 9 млрд человек. Это ставит перед нами два вопроса.

1. Сможет ли Земля чисто физически кормить и одевать такое количество людей долгое время?

2. Сможет ли такое количество людей жить на уровне благосостояния западных индустриальных стран, не подрывая природные ресурсы?

На оба вопроса ответа в этой книге не будет. Уже одни только мнения о том, нельзя ли воспрепятствовать устойчивым изменениям мирового климата, и о том, не пройдена ли давно *точка невозврата*, далеко расходятся и не могут дискутироваться здесь⁷. Напротив, несущественный в отношении климатической катастрофы и последствий всемирного взрывного роста народонаселения, но для условий в Германии решающий, вопрос должен обсуждаться: удастся ли нам в Германии мобилизовать на продолжительное время достаточное количество разума, усердия и трудоспособности (на немецком новоязе — человеческого ресурса), чтобы удержаться на достигнутом уровне, устоять в мировом состязании и развиваться дальше?

Следует проверить, не смогут ли те общие социальные условия, которые мы создали на основе достигнутого благосостояния, повредить этому самому благосостоянию, потому что специфические менталитеты и способности, которые обусловили скачок в развитии Европы (включая и Северную Америку), в свою очередь теперь подпадают под влияние особых общих условий, возникших из-за благосостояния и социального государства.

Хотя генетическое оснащение людей всех стран и народов во многом сходно, имеющиеся и подтверждённые различия⁸ в любом случае существенно меньше, чем различия в состоянии развития государств, обществ

и народных хозяйств. Однако есть большие различия в менталитете народов и обществ. Это касается не только традиционных религиозных и прочих связей. Это касается и нормативных внутренних и внешних механизмов управления человека, это касается структур лояльности, масштабов социальных рангов, равно как и стимулов для усердия, собственной инициативы и материальных ориентиров⁹.

Такие менталитеты и традиции — в широких рамках, которые допускают генетическое программирование людей, — сами являются продуктом истории. Они были созданы общими условиями и изменяются, если меняются эти условия, — пусть очень медленно, веками¹⁰. Управлять такими изменениями вряд ли возможно. Их и планируют редко. Тем более действенными они могут быть, если элементарно вторгаются со всей силой и влекут за собой множество перемен.

В истории человечества такие взаимные влияния общих условий и менталитетов осуществлялись главным образом лишь постепенно и без однозначно явствующего направления. Но с изобретениями, которые прочно закрепились в культуроведении соответствующих обществ, сказалось новое состояние развития, которое продолжительно изменяло общество. В ходе тысячелетий это развитие набирало динамику. В Европе в конце концов совпадают освобождение духа из религиозного принуждения, любознательный объективный взгляд на природу и космос, развитие гражданских свобод, систематическое расширение свободных рынков и взрывной рост технических изобретений.

Эта динамика и её причины не должны здесь восстанавливаться по отдельности¹¹. Однако последствия следует рассмотреть. Изменения общих условий выстраивались постепенно от Средневековья до середины XVIII в. и обусловили в Европе и Северной Америке невиданный взрывной рост населения, который начиная с середины XVIII в. охватил все регионы, колонизированные европейскими властями или насильственно ими открытые. Некоторые регионы и государства быстро восприняли возможности, заключённые в западных технологиях и рыночной организации, и соответственно быстро развились в равновеликих конкурентов (Япония). Другим требовалось больше времени, пока традиционные структуры приспособятся настолько, что станет возможна обширная индустриализация (Индия). Третьи закоснели в относительной недоразвитости, вплоть до состояния недееспособности (failed states).

Исходящая из Европы техническая революция поначалу принесла континенту, а с ним и Северной Америке огромное преимущество в развитии

с соответствующим опережением в реальных доходах. Между тем их нагоняет большая часть мира с Китаем во главе. Это ставит размеры заработной платы повсюду в индустриальных странах под давление, когда никакой новый технический прогресс не будет порождён и тем самым не будет достигнуто никакое опережение в новом состязании, что, возможно, ставит под вопрос весь образ жизни государств с ранней индустриализацией¹². Всё более быстрое распространение знания, прогресс в информационных технологиях и падающая стоимость перевозки приводят к тому, что всё больше продуктов высокой технологии реже производятся в традиционных промышленных странах и переводятся в места с низкой оплатой труда.

Распространение знания, техники и промышленных форм производства по всему миру соответствует логике рыночного хозяйства и способствует развитию человечества в целом. Но выясняется, что государства и общества не способны в одинаковой степени использовать шансы развития, которые даёт индустриализация. Тем самым мы вновь натаккиваемся на комплексное взаимодействие институциональных и общественных общих условий, которые, с одной стороны, сказываются на менталитетах, а с другой — являются следствием и выражением этих менталитетов. На этом основании мир, пожалуй, и через 50 или 100 лет всё ещё будет демонстрировать большие региональные различия в развитии. С другой стороны, постепенно исчезают сравнительные преимущества, которые традиционные индустриальные государства имели раньше вследствие их лучшего обеспечения капиталом, лучшего образования и более высокого градуса технизации.

Общество само является объектом и может изменить свой образ через общие условия, которые само же себе и устанавливает. Не будь это так, все человеческие общества, подобно разным родам шимпанзе в джунглях, были бы всё ещё на том же уровне развития, а именно, на уровне африканского девственного леса. Все исследования показывают, что народные хозяйства, общества и государства тем успешнее, чем усерднее, образованнее, предприимчивее и интеллектуальнее их население. Германия всегда стояла на очень высокой ступени лестницы успеха. Многочисленные признаки, однако же, наводят на подозрение, что она опускается вниз. Так ли это, в чём это выражается, можно ли — и если можно, то как — противодействовать этому и надо ли противодействовать, обо всём этом и написана книга.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ЖЕЛАЕМОЕ

Надеются люди, мечтают весь век
Судьбу покорить роковую,
И хочет поставить себе человек
Цель счастья — цель золотую.
За днями несчастий дни счастья идут;
А люди всё лучшего, лучшего ждут.

Фридрих Шиллер. «Надежда»
(пер. А. Фета)

Благодаря человеческой изобретательности объём распределяемых благ со временем становился всё больше. Население росло, но ещё быстрее рос средний, за последние два века, показатель распределяемого социального продукта. Теперь этот показатель достиг своих пределов.

Как только страна прекращает осваивать новые месторождения полезных ископаемых или начинает извлекать выгоду в основном из трансфертных выплат других стран, её производственные возможности складываются из стоимости накопленного основного производственного капитала, из численности и качества её занятого населения и из будущего прогресса производительности. Для нас это означает следующее: если в Германию будут бесперебойно идти инвестиции, то стоимость основного производственного капитала в будущем не станет проблемным местом для развития экономики. А вот количество и качество трудовых резервов внушают опасения. Количество является итогом демографического развития, иммиграции и занятости населения, качество складывается из его социализации, уровня образования, возрастной структуры и — в случае наличия иммиграционного притока — из социализации и уровня образования мигрантов. Тут возможны совершенно разные пути развития, однако нет основания предполагать, что возникнет перелом в динамике рождаемости и в зависящем

от неё изменении численности населения, если не произойдёт что-то чрезвычайное.

Модельный расчёт, положенный в основу нижеследующих рассуждений, зиждется на допущении, что средний коэффициент рождаемости составит 1,4, а годовое сальдо миграции (то есть разность между въехавшими и выехавшими) около 50 тыс. человек. Что касается прироста производительности труда в час, то он в последние десятилетия неуклонно падает. Мы допустим, что прирост производительности труда стабилизируется на 1% в год. Если на основе этих цифр построить экстраполяцию до 2050 г., то мы получим следующее:

- рост экономики закончится в 2020 г. и после этого стагнирует с тенденцией к сокращению, потому что прирост производительности и уменьшение численности работающих взаимно компенсируются (см. табл. Г в приложении);
- что касается числа работающих, то количество людей старше 65 лет удвоится: если в 2005 г. на одного работающего приходилось 0,46 человека старше 65 лет, то в 2050 г. на одного работающего будет приходиться один человек пенсионного возраста (см. табл. Д в приложении);
- поскольку численность населения падает, социальный продукт на душу населения продолжает расти. Но пенсионеры могут иметь от этого свою часть лишь в том случае, если доля пенсионных выплат в социальном продукте удвоится. Замораживание реального обеспечения пенсионеров на сегодняшнем уровне означало бы, что доля пенсионных выплат в национальном доходе поднимется с нынешних 16,5 до 25,6% в 2050 г. (см. табл. Д в приложении).

Избыточная нагрузка на налоговую систему из-за старения населения станет выше, чем её облегчение вследствие сокращения числа детей и безработных: по подсчётам Европейской комиссии связанное с возрастом увеличение налогового бремени на выплату пенсий, лечение и уход составит до 2060 г. от 5,5 до 10% ВВП, тогда как облегчение за счёт сокращения расходов на образование и выплату пособий по безработице, напротив, составит лишь 0,7%¹. Существенно улучшить эти перспективы можно было бы при ощутимо более высоком числе работающих людей². Но на это не приходится рассчитывать. Институт рынка труда и изучения профессий в Федеральном агентстве труда также приходит к сопоставимым результатам в своих экстраполяциях относительно будущего потенциала занятости населения³. Из этого следует: будущие финансовые проблемы и проблемы распределения мы уже не сможем решить

общеэкономически — путём прироста, — а только лишь путём перераспределения.

Тот, кто доверяет этой книге, может продолжить чтение, перейдя сразу к главе 3. Но тот, кто более подробно интересуется тем,

- как наше благосостояние развивалось в последние десятилетия;
- на каком уровне мы находимся по сравнению с другими странами;
- как производительность труда будет развиваться в Германии дальше;
- что означает в обозримом времени демографическое развитие для роста и благосостояния, каких конфликтов распределения следует ожидать,

для того следующие страницы представят интересный, хоть и перегруженный цифрами, материал.

Развитие благосостояния

В 2008 г. Германия имела валовой национальный доход (совокупность всех произведённых товаров и услуг) около 2500 млрд евро и народный доход (национальный доход за вычетом амортизационных списаний) около 1900 млрд евро. Из них 65% приходилось на вознаграждение работающих по найму и 35% — на доходы предприятий и личных состояний. На душу населения приходилось:

- 39 900 евро валового национального дохода;
- 23 000 евро народного дохода;
- 17 100 евро личных потребительских расходов.

Итак, ровно 55% валового национального дохода и соответственно 74% народного дохода шли на личное потребление. Если в виде допущения подставить в легальном трансфертном доходе (Hartz IV или основное обеспечение по старости) ноль на место той части дохода, которая идёт на вклады, то на каждого одинокого получателя придётся годовое потребление приблизительно в 8000 евро (основной набор продуктов, аренда жилья, электричество), что составляет около 47% среднеарифметических личных расходов. Так как в 2007 г. среднеарифметическое брутто-вознаграждение наёмного работника составляло 27 100 евро, то в час это было добрых 20 евро. При I разряде налогообложения это соответствует годовому нетто-доходу в 18 000 евро.

Реальный (то есть скорректированный по инфляции) народный доход на душу населения в Германии в настоящее время в 5,5 раза превышает таковой в ФРГ в 1950 г. Но рост за минувшие десятилетия существенно

замедлился, и теперь реальный народный доход на душу населения в объединённой Германии не выше, чем таковой в Западной Германии в 1990 г. Благосостояние в ФРГ, измеренное как реальный народный доход на душу населения, в 1950-е гг. росло взрывообразно, в 1960-е — росло заметно, в 1970-е и 1980-е — подрастало лишь умеренно и всё медленнее. В последние два десятилетия Восточная зона в составе воссоединившейся Германии стремительно нагоняла упущенное, однако общегерманский уровень благосостояния, измеренный по реальному народному доходу на душу населения, лишь через 20 лет после воссоединения достиг западногерманского уровня 1990 г.

Эти статистические данные хорошо совпадают с конкретным опытом западногерманского населения. Вообще реальные доходы широких слоёв за последние 20 лет скорее упали, чем поднялись. К перераспределению между Западом и Востоком, приведшему к понижению благосостояния жителей бывшей ФРГ, добавилось растущее давление на зарплату вследствие глобализации, ибо всё больше отраслей экономики имеют тенденцию к всемирному уравниванию зарплаты под давлением конкуренции.

Экономическая мощь разных стран

Германия всё ещё богатая страна, но она уже не находится в числе рекорсменов мира. Экономические последствия объединения и постепенно вступающие в действие экономические проявления демографического старения понизили её место в таблице благосостояний (табл. 2.1).

На ВВП оказывают воздействие следующие силы:

- технический прогресс и интенсивность инвестиций;
- развитие производительности труда;
- численность работающих и степень их занятости;
- развитие спроса государства, частных нанимателей и зарубежья.

Изменения спроса, однако, имеют воздействие скорее на циклическое движение экономики. В более длительной перспективе спрос и предложение в каждой экономике идут нога в ногу, причём предложение капитала и работы сокращается и является фактором «узкого места».

Интенсивность инвестиций и технический прогресс действуют на рост не напрямую, а через производительность труда. Интенсивность инвестиций, измеренная как участие капитала на единицу социального продукта, вот уже несколько десятилетий является довольно стабильной. Для общеэкономического технического прогресса производительность труда

Таблица 2.1

Благосостояние при ВВП, скорректированном по покупательной способности, на душу населения (по состоянию на 2008 г.)

Страна	ВВП на душу населения (в долларах, скорректированных по покупательной способности)	Индекс (Германия = 100)
США	46 859	132
Швейцария	42 783	121
Голландия	40 431	114
Швеция	37 245	105
Великобритания	36 523	103
Германия	35 442	100
Франция	34 208	97
Япония	34 100	96
Италия	30 581	86
Польша	17 482	49
Россия	15 922	45
Турция	13 138	37
Китай	5963	17

Источник: IWF. В плане коррекции по покупательной способности ср.: Sonnenburg A. Ergebnisse des Vergleichsprogramms von Eurostat und der OECD. Kaufparitäten — BIP pro Kopf — Preisniveau // *Löhne und Preise*, hrsg. vom schweizerischen Bundesamt für Statistik BFS. März, 2008.

считается важнейшим мериллом. Улучшается ли организация производства, нарастает ли автоматизация производственных процессов, рационализируются ли операции платежей и бухучёта (например, благодаря кассам со считыванием штрих-кода в торговле) или информационно-технические процессы — действия, относящиеся ко всему обществу, можно увидеть только по доходу за один рабочий час. Но на производительность труда влияют и мотивации, квалификация, равно как и прилежание, и вообще качество рабочей силы. Эти так называемые мягкие факторы, которые поддаются измерению лишь косвенно, являются определяющими в том, что Германия, несмотря на то что это страна высоких зарплат, смогла утвердить свою прочную позицию в обрабатывающей промышленности. Насколько к Германии подходит определение страны высоких зарплат, показывает табл. 2.2.

Таблица 2.2

**Расходы на почасовую оплату труда
в промышленных отраслях в различных странах**

Страна	Почасовая оплата (в евро)	Индекс (Германия = 100)
Швеция	34,53	106
Германия	32,70	100
Швейцария	32,70	100
Франция	32,26	99
Голландия	31,34	96
Великобритания	27,19	83
Италия	24,25	74
США	22,57	69
Япония	18,39	56

Ср.: *Schröder Ch. Industrielle Arbeitskosten im internationalen Vergleich // IW-Trends 3. 2009. S. 6.* См. там же методические примечания. Расходы пересчитаны на среднегодовой обменный курс 2007 г. Они представляют собой брутто-зарплаты с выработки и оклады за эффективно отработанный час, включая расходы на персональные доплаты.

Различие в стоимости труда по большей части оправдывается и объясняется различиями в производительности (табл. 2.3). Заметные расхождения между индексом индустриальной стоимости труда, с одной стороны, и уровнем производительности — с другой, есть в США, Франции и Италии. Первые имеют после девальвации доллара в последние годы, при коррекции по производительности, отчётливый выигрыш перед Германией в расходах по зарплате; Франция и Италия, напротив, проигрывают Германии в расходах по зарплате, скорректированной по производительности. Показательно сопоставление таких признаков, как ВВП на душу населения, расходы на зарплату и производительность. Оно показывает, что различия в производительности недостаточно для объяснения разницы в благосостоянии (табл. 2.4).

Разумеется, цифры лишь ограниченно поддаются сравнению. Выражающееся в ВВП общеэкономическое создание добавленной стоимости охватывает не только обрабатывающую отрасль. К тому же стоимость труда и его производительность выражаются в действующем обменном курсе, а народный доход, напротив, по паритету покупательной способности.

Таблица 2.3

Добавленная стоимость brutto в час в обрабатывающей отрасли

Страна	Индекс (Германия = 100)	Страна	Индекс (Германия = 100)
Голландия	101	Франция	88
Германия	100	Великобритания	82
Швеция	98	Япония	67
США	89	Италия	60

Ср.: Schröder Ch. Produktivität und Lohnstückkosten der Industrie im internationalen Vergleich // IW-Trends 4. 2008. S. 5, пересчитанные на базе среднеарифметического обменного курса 2007 г.

Таблица 2.4

**Показатели ВВП на душу населения и производительности труда,
расходы на оплату труда в различных странах**

Страна	ВВП на душу населения (2008 г.)	Оплата труда (2007 г.) (Германия = 100)	Производитель- ность труда (2007 г.)
США	132	69	89
Швейцария	121	100	
Голландия	114	96	101
Швеция	105	106	98
Великобритания	103	83	82
Германия	100	100	100
Франция	97	99	88
Япония	96	56	67
Италия	86	74	60

Источник: IWF.

Производительность труда

Расхождение между производительностью труда и расходами на оплату труда, с одной стороны, и народным доходом, с другой стороны, проистекает из различного количества работы. В Швеции, например, число отработанных часов на душу населения на 35% выше, чем в Германии, а среднее вознаграждение работы за час, включая услуги, наоборот, ниже⁴. Это приводит в сумме к народному доходу на душу населения, на 20% более

высокому (табл. 2.5). Ещё в 1960 г. у 15 «старых» государств Европейского союза (ЕС-15) общее годовое рабочее время на каждого жителя было на 18% выше американского уровня. К 1975 г. положение сравнялось. В настоящее время ЕС-15 достигает лишь 70–80% от американского уровня⁵. Это лишь на треть можно объяснить более продолжительным отпуском и более короткой рабочей неделей, в остальных двух третях повинно, напротив, меньшее участие молодых работающих до 30 лет и пожилых, начиная с 50 лет. Этот эффект рабочего времени делает относительными и различия в размере народного дохода. То, что определённые услуги в Европе осуществляются внутри семьи, а в США востребованы на рынке, статистически хоть и повышает американский народный доход, однако для сопоставления благосостояния не годится. Таблица 2.5 показывает, что различия в общем рабочем времени на жителя объясняют бóльшую часть различий в благосостоянии, измеренном в ВВП, скорректированном по покупательной способности⁶.

Лишь там, где больше работают, в большем количестве есть то, что подлежит распределению. В Германии подолгу учатся, пожилые выбывают с рынка труда раньше, это заметно понижает уровень немецкого благосостояния по сравнению со Швейцарией, США или Голландией. Сокращение рабочего времени в последние десятилетия сделало Германию беднее, чем она должна бы быть.

Наряду с общеэкономическими рабочими часами развитие благосостояния определяет производительность труда. Бесспорно, что в Германии

Таблица 2.5

**Общая продолжительность рабочего времени
в пересчёте на душу населения в различных странах**

Страна	Индекс ВВП (в час)	Индекс ВВП на душу населения	Продолжительность рабочего времени (в часах) на душу населения
США	132	871	105
Швейцария	121	916	91
Голландия	114	745	106
Швеция	105	808	90
Великобритания	103	754	94
Германия	100	690	100
Франция	97	649	103

Источник: Eurostat; USA www.census.gov

в будущем как население в целом, так и численность работающих будет сокращаться. Эту убыль можно было бы компенсировать, если бы соответственно выросла производительность труда.

Но в Германии прирост производительности труда падает уже много лет, при этом данный тренд подвержен конъюнктурным колебаниям. К сожалению, большинство исследований в области производительности труда учитывает слишком короткие периоды времени, поэтому трудно проследить влияние особых факторов и воздействие трендов. Тем более что нет и точных аргументов для будущих трендов производительности. Но если нет аргументов, то легко впасть в подмену и принимать желаемое за действительное. И создаётся впечатление, что в эту подмену слегка впал «Второй отчёт Федерального правительства о способности покрытия платежей»⁷. В «Отчёте» в первую очередь следовало бы учесть, как скажутся на государственных финансах воздействия будущего демографического развития.

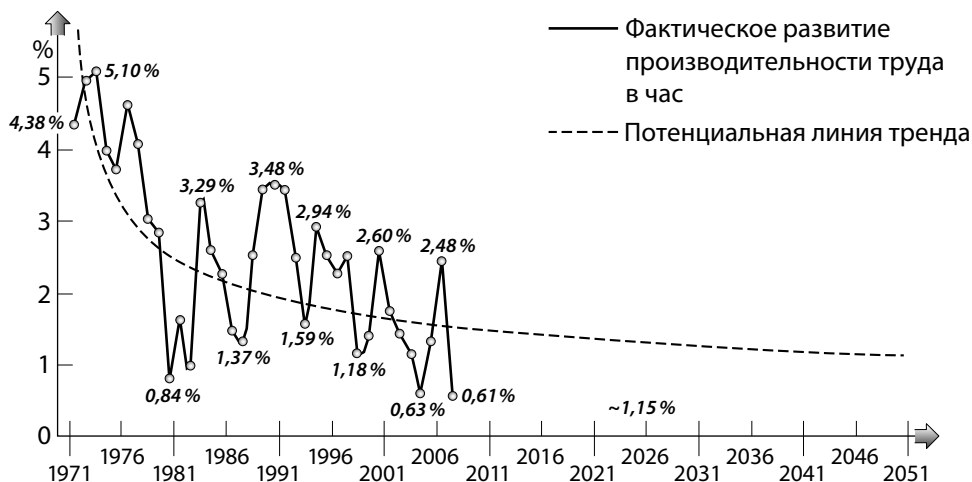
Существенным результатом «Отчёта о способности покрытия платежей Федерального правительства за 2008 г.» является вывод о том, что влияние будущего сокращения населения на рост экономики может быть скомпенсировано увеличением роста экономики. Если численность работающих сокращается, то рост экономики может быть достигнут исключительно более высокой производительностью труда в час. Соответствующие анализы и расчёты провело не Федеральное правительство, а Ifo-институт⁸. Ifo-институт — а вместе с ним и «Отчёт о способности покрытия платежей Федерального правительства» — предполагает значение будущего годового роста производительности труда либо 1,4–1,6% (в неблагоприятном варианте), либо 1,7–1,8% (в благоприятном варианте).

Ifo-институт на основании собственных данных вывел допущения о предполагаемой производительности из «простой корректировки тренда» «соответствующих среднеарифметических значений с 1991 по 2004 г.»⁹ Этот опорный период времени решительно маловат для такой экстраполяции, заглядывающей на несколько десятилетий вперёд. При этом неучтёнными остаются как долгосрочное структурное падение тренда производительности, так и негативное развитие тенденции в самом опорном периоде.

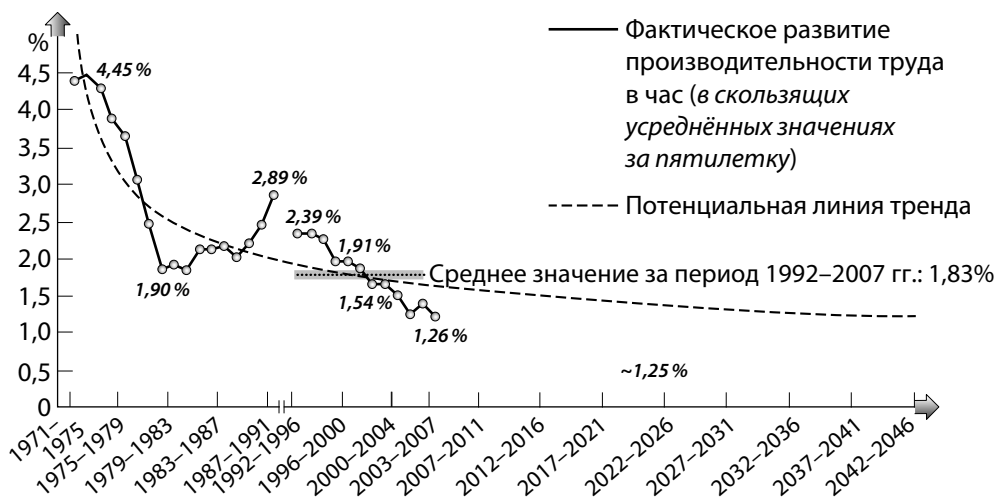
В сенатском Управлении финансов земли Берлин долгосрочный тренд производительности в Германии был проанализирован тщательнее и привёл к такому результату: прирост производительности труда в час в долгосрочном тренде приближается асимптотически к годовому приросту, равному 1% (см. рис. 2.1). Это допущение теоретически убедительно,

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Вариант 1

Вариант 2

Собственные расчёты по Statistisches Bundesamt: Volkswirtschaftliche Gesamtrechnungen 2009. Fachserie 18. Reihe 1.5: Inlandsproduktberechnung. Wiesbaden, 2010. Jahresdurchschnittliche Entwicklung in den Zeiträumen 1971 bis 1991 (West-Deutschland) und 1992 bis 2007 (Gesamtdeutschland), для будущих периодов — потенциальная линия тренда.

Рис. 2.1. Развитие производительности труда в Германии

поскольку два элемента, понижающие производительность в соответствии с тенденцией, в будущем усиливаются.

1. Структура потребления постепенно сдвигается из области товаров в сторону личных услуг. Это понижает прогресс производительности, ибо в сфере услуг меньше резервов для повышения производительности.

2. Постоянно растущий средний возраст занятого населения сдвигает центр тяжести работающих в возрастные группы, которые оказываются менее трудоспособными при инновативной деятельности или физически тяжёлом труде. Это тоже оказывает своё влияние, способствуя понижению производительности.

Допущения в области экономического и демографического развития на период до 2050 г.

Цифры по производительности, принятые в «Отчёте о способности покрытия платежей», на мой взгляд, несостоятельны. Но «Отчёт» очень точно устанавливает неразрывные связи меньших изменений в допущениях для долгосрочного экономического, финансового и демографического прогноза:

- позитивный вариант «Т+» предполагает подъём коэффициента рождаемости от теперешних 1,4 до 1,6, годовое миграционное сальдо — 200 тыс. человек и незначительно возросшую производительность;
- осторожный вариант «Т–» предполагает пребывание на имеющемся коэффициенте рождаемости 1,4, годовое сальдо миграции 100 тыс. человек и несколько более низкую производительность.

Разница этих двух вариантов драматична: ВВП 2050 г. при «Т+» на 30% выше, чем при осторожном варианте «Т–». Государственная задолженность при позитивном варианте падает до отметки 20% ВВП 2050 г., а при осторожном поднимается до уровня 120%.

Не говоря уже о том, что предполагаемые допущения производительности в обоих случаях получаются слишком высокими, наблюдение, если его избавить от желания видеть лишь то, что хочется, показывает, что прирост коэффициента рождаемости с 1,4 до 1,6 слишком оптимистичен, ибо развитие рождаемости 2008 и 2009 гг. давно уже уничтожило зародившиеся было надежды на перелом тренда. Совершенно очевидно, что выплата родительских денег вызвала в первую очередь «эффект

объявления». После этого уже можно было уверенно ожидать, что будущий ежегодный приток иммигрантов составит 200 тыс. Но это был бы приток иммигрантов с уровнем производительности намного ниже уровня наличных трудовых ресурсов, ибо приток из Восточной Европы в ближайшем будущем прекратится из-за спада рождаемости в самих этих странах и процесса экономического навёрстывания в них. Приток из Индии и с Дальнего Востока не станет таким уж обильным — после того как индустриализация в этих регионах мощно укрепляется, а благосостояние быстро растёт. И Германии остаётся только проблематичный — и в этой книге он будет рассматриваться подробно — приток из стран Африки, а также с Ближнего и Среднего Востока. Ввиду такого развития событий следует, пожалуй, исходить из более низкого притока мигрантов. В основе моей собственной экстраполяции лежат данные «II Координированного предварительного расчёта населения», которые базируются на фактических цифрах 2005 г. (см. табл. А в приложении), равно как и следующие допущения:

- прирост почасовой производительности труда происходит согласно долгосрочному тренду, выраженному Управлением берлинского Сената, и стабилизируется в ближайшие годы асимптотически у среднего годового значения в 1,25% (см. табл. Б в приложении);
- коэффициент рождаемости останавливается на 1,4, это значит, что численность каждого поколения на 30% меньше предыдущего;
- годовой приток иммигрантов составляет 50 тыс.;
- занятость мужчин остаётся для 20–50-летних постоянной — на сегодняшних 80% и ступенчато растёт у 50–65-летних от сегодняшних 64 до 70%. Занятость женщин растёт у 20–50-летних ступенчато с сегодняшних 75 до 78%, а у 50–65-летних ступенчато от сегодняшних 60 до 65% (см. табл. В в приложении).

Этот набор допущений, на мой взгляд, умеренно оптимистичный, но относительно свободный от склонности принимать желаемое за действительное. Самый большой риск содержится в допущениях по производительности и приросту. Поскольку предполагается, что крупные экономические провалы, которые в принципе неотвратимы, вновь и вновь навёрстываются. Так ли это будет в ближайшие 40 лет, мы не знаем, ибо мы не знаем долгосрочных последствий финансового кризиса 2007–2008 гг. Мы также не знаем, какое воздействие на долгосрочный рост мировой экономики окажет изменение климата или как скажется в будущем взрывоопасное развитие событий в Африке и исламском мире.

Разъяснение результатов экстраполяции

Рост экономики

Реальный валовой внутренний продукт растёт — исходя из индекса 100 в 2005 г. до состояния индекса 112,8 в 2025 г., затем он падает до состояния индекса 109,6 в 2035 г. и стагнирует на этом уровне до 2050 г. (см. табл. Г в приложении); реальный ВВП на душу населения поднимается между 2005 и 2050 гг. на 0,7%; за этот промежуток времени набирается 36,1% (см. табл. Д в приложении).

Бремя старости

Бремя старости для этой экстраполяции определяется как сумма:

- государственных расходов на обеспечение по старости (пенсии, пансионеры, основное обеспечение по старости);
- расходов, выделяемых на пенсионеров по установленной законом медицинской страховке;
- расходов на страховку по уходу.

Эти расходы в 2005 г. составляли 14 021 евро на получателя пенсии или пансиона¹⁰ (см. табл. Ж в приложении). Доля этих расходов в ВВП составила 12,4% (см. табл. З в приложении). В соотношении с народным доходом выплаты пенсионерам и пансионерам достигали 16,5% (см. табл. И в приложении). Затраты на лечение и уход, которые в 2005 г. не покрывались поступлениями от страховых взносов (в 2005 г. это был 31 млрд евро), были расписаны до 2050 г., принимая во внимание растущее число пенсионеров, равно как и растущую часть людей преклонного возраста.

Рассмотрим, как бремя старости изменяется при различных предположениях (см. табл. Е в приложении).

1. При развитии уровня обеспечения аналогично ВВП на душу населения.

Если слабый прирост ВВП в среднегодовом значении 0,7% на душу населения распределяется равномерно на всех жителей, то доля бремени старости в социальном продукте удваивается: доля в ВВП увеличивается с 12,4 до 24,3%, доля в народном доходе увеличивается с 16,5 до 32,3%. Это означает, что квота налоговых поступлений должна будет повыситься на 11,9% — с 35,7% в 2005 г. до 47,6% в 2050 г. (см. табл. Ж в приложении — для сравнения: действующая квота налоговых поступлений в Швеции составляет 50,1%).

2. При неизменном уровне обеспечения.

В этом случае доходы по старости на душу населения будут заморожены на сегодняшнем уровне. Правда, расходы на медицинскую страховку и уход

повышаются, как в случае 1. Сохраняя стабильный уровень обеспечения, мы отчётливо ослабляем относительный подъём бремени старости: доля в ВВП увеличивается с 12,4 до 19,2%, доля в народном доходе — с 16,5 до 25,6% (см. табл. 3 в приложении).

3. При падении уровня обеспечения на 5% в каждые пять лет.

В этом случае доля бремени старости остаётся чуть ли не постоянной: в соотношении с ВВП она увеличивается с 12,4 до 14,1%, в соотношении с народным доходом — с 16,5 до 18,7%. Последствия для получателей пенсий, правда, ощутимые: реальная пенсия должна будет упасть с 11 660 евро в 2005 г. до 7350 евро в 2050 г. (см. табл. И в приложении).

По правде говоря, такие результаты не радуют. Но реалистичной альтернативы не видно. Допущение, что рост часовой производительности работающего человека стабилизируется на отметке в 1%, реалистично как на основе движения тренда последних десятилетий, так и на основе предметных рассуждений. Работающие люди становятся старше, а что касается их квалификации, то значительный риск кроется в заметно растущей доле необразованных слоёв в грядущих поколениях.

Для надежды, что коэффициент фертильности* может снова повыситься, в настоящее время нет оснований при дящемся уже 40 лет стабильном тренде вниз, разве что против этого будет направлена целевая политика в области населения (ср. гл. 8). Преобладание притока иммигрантов может способствовать облегчению бремени, только если приток будет ограничен квалифицированными специалистами. Условием для этого, однако, будет служить привлекательность Германии для этой группы.

В этой экстраполяции ещё совершенно не были приняты во внимание финансовые воздействия увеличения ожидаемой продолжительности жизни на затраты по лечению и растущая доля людей, нуждающихся в уходе. Да и в остальном она содержит много оптимизма, ибо исходит, например, из следующего:

- последствия нынешнего экономического кризиса будут преодолены в оптимальные сроки;
- Германия вследствие глобализации не понесёт урона в благосостоянии;
- изменение климата не скажется негативно.

Можно лишь надеяться, что этот оптимизм оправдан, ибо и без того трудности достаточно велики. Упадок и угроза уже давно не могут оставаться незамеченными.

* Коэффициент фертильности — измеритель уровня рождаемости.

ПРИЗНАКИ УПАДКА

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Прогнило что-то в Датском королевстве.

*Уильям Шекспир. «Гамлет»
(пер. М. Лозинского)*

Экстраполяции к развитию Германии не радуют, ибо они недвусмысленно показывают, что тренд к росту благосостояния переломился и будут набирать силу конфликты, которые возникают, с одной стороны, из-за увеличения числа людей пенсионного возраста, а с другой стороны, из-за сокращения численности занятого населения. Тем не менее пока мы исходим из ежегодного роста производительности на 1%, а это означает, что ВВП, приходящийся на каждого работающего, может вырасти к 2050 г. на 58%, а ВВП на душу населения — на 36%. Правда, это не является чем-то само собой разумеющимся и вовсе не гарантировано. Даже если мы оставим без внимания неожиданности климатических изменений, мы не можем знать, как будут развиваться будущие условия торговли (Terms of Trade) и сколько будет стоить сырьё. Мы не знаем также, на каком месте в международном рейтинге будет находиться немецкая промышленность через 30 лет.

Мы стареем, и нас становится меньше

Германия значительно выигрывает за счёт квалификации и усердия своих трудовых ресурсов, своего предпринимательского духа, технологического преимущества своих продуктов и за счёт ведущего положения в науке и технике. Не будем уточнять, насколько мы здесь подъедаем остатки былой славы или впадаем в иллюзии, выдавая желаемое за действительное. Даже если мы молодцы, как и прежде, впредь будет куда труднее, ведь другие становятся лучше, а главное — многочисленнее. Эта проблема у нас общая

со всем западным миром, однако такую страну, как Германия, — сравнительно небольшую, с убывающим по численности и стареющим населением — такое развитие событий затрагивает особенно чувствительно.

В конечном счёте, наши сильные стороны в международной конкуренции основаны прежде всего на высоком уровне образования, плодотворности идей, сноровке, старательности и мотивации людей нашей страны. Ведь мы обязаны постоянно поставлять на рынок новые продукты и услуги, и они должны быть конкурентоспособными не только в аспекте расходов на зарплату, ибо производство зарплатоёмких продуктов мы уже в значительной степени передали в другие страны.

Народное хозяйство, функционирующее на основе разделения труда, это комплексный механизм. Оно нуждается в предложении простых услуг и квалифицированной ручной работы, ей нужна солидная правовая система, упорядоченное управление и хорошие учителя в той же степени, что и математики, инженеры, учёные в области естественных наук и техники. Однако лишь последние образуют группу, которая, собственно, двигает технический прогресс, определяет направление и объём технических инноваций и форсирует развитие новых или улучшенных продуктов и методов.

Численность немецких выпускников высшей школы в так называемых МИНТ-специальностях (математика, информатика, наука, техника) выросла за период с 1993 по 2007 г. с 69 до 76 тыс.¹ Но в странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в 2006 г. МИНТ-образование получили 7,8% выпускников; Германия и США со своими 5,8 и 5,5% соответственно не достигли в этом даже среднеарифметического уровня, тогда как Швеция с 10,9%, Япония с 9,5% и Великобритания с 9,0% заметно превзошли этот уровень². Даже если процентная доля немецких МИНТ-выпускников в будущем увеличится, это не будет означать абсолютного прироста — вследствие демографического уменьшения числа будущих выпусков. На основе большого прироста МИНТ-выпускников на Дальнем Востоке доля немцев среди МИНТ-выпускников всего мира будет существенно уменьшаться, а тем самым будет сокращаться и доля Германии в инновациях.

Достигнуть превосходства в мировом масштабе поистине очень трудно. Британский журнал высшей школы *Times Higher Education* регулярно публикует рейтинги лучших высших учебных заведений мира. В первую тридчатку попадают 14 американских, 7 британских, а также один китайский университет. Лучший немецкий вуз — Технический университет Мюнхена — занимает 55-е место³. Рейтинги такого рода всегда сомнительны, тем не менее они дают индикацию относительного значения. В любом

случае давно миновали «золотые» 1920-е гг., когда около половины научных публикаций по всему миру приходились на Германию. Сегодня мы бредём по мелководью немецких научных писаний, беспомощный английский язык которых наводит нас на грустные размышления — правда, они не очень выиграли бы в живости ума и литературном качестве, даже если бы сочинялись на родном языке.

Непрерывное сокращение количественного потенциала научно-технической интеллигенции будет продолжаться. То, что рождаемость в Германии между 1965 и 2009 г. упала наполовину, а к 2050 г. сократится вдвое ещё раз, означает также, что в Германии сегодня рождается лишь половина талантливых умов поколения, рождённого в 1965 г., а ещё через два поколения их родится лишь четверть — только по демографическим причинам. Конечно, при этом уменьшается соответственно и число неталантливых, но ведь они не вносят никакого вклада в устранение «узких мест» в народнохозяйственном и общественном развитии. По существу, сама по себе величина численности населения вовсе не аргумент: в 1800 г. США имели население в 5,5 млн, в Англии жили 9 млн человек, в Германии 23 млн, во Франции 28 млн, а в Китае 400 млн. По числу жителей на квадратный километр Германия и в 2050 г. всё ещё будет населена в три раза плотнее, чем в 1800 г.

До 2050 г. численность населения в Германии упадёт на 10%, численность работающих в целом — на 30%, а численность работающих в возрасте 20–50 лет и того больше, а именно, на 40%. Численность людей пенсионного возраста, напротив, увеличится на 50%. И если сейчас в Германии на одного пенсионера приходится двое работающих, то к 2050 г. ожидается соотношение один к одному.

Поэтому в будущем будут предъявляться совсем иные, нежели сегодня, требования к готовности нести материальные жертвы, а также к трудоспособности занятого населения. Эти более высокие запросы будут обращены к людям, которые в срезе станут заметно старше: сегодня лишь 25% работающих имеют возраст 50 лет и старше, в 2050 г. их будет 35%. Среди инженеров уже сейчас число работающих старше 50 лет больше, чем их коллег моложе 35 лет⁴. Это можно приветствовать разве что по одной причине: рынок труда помешан на предпочтении молодых, но у этого безумия нет будущего. В течение десятилетий было обычным делом — решать проблемы в этой области по возможности ранним выходом на пенсию. В 2006 г. около 40% предприятий с работниками, выплачивающими социальную страховку, не имели ни одного сотрудника старше 49 лет⁵. Лишь 56% мужчин в возрасте 55–65 лет в Германии ещё работают, среди женщин

в возрасте 55–65 лет работающих всего 40%⁶. Это не может так оставаться и должно измениться (как показано в экстраполяции в гл. 2).

Современное изучение старения показало, что важные качества, такие, как тщательность, надёжность, чувство ответственности, сохраняются до преклонных лет, в то время как другие качества, такие, как быстрота, возможности реакции и комбинационные способности, равно как и многие формы текучего, то есть врождённого, интеллекта, подлежат возрастной деструкции. Однако у здоровых людей она происходит медленнее, чем зачастую принято считать, и может быть замедлена ещё больше путём тренировки и требовательности к себе. Действительно значимой деструкция работоспособности становится, как правило, лишь после 70 лет⁷.

Тело, к сожалению, стареет быстрее, чем дух. Скелет и органы чувств человека филогенетически рассчитаны на его исконное существование в качестве охотника и собирателя. Поэтому многим, начиная с 45 лет, нужны очки, после 55 — новые тазобедренные суставы, а после 65 — слуховой аппарат. Тяжёлую физическую работу большинство людей после 50 лет больше не могут выполнять, но им уже поздно переучиваться и переходить на должность с управленческой или умственной деятельностью.

Зачастую люди, исполняющие преимущественно физическую работу, и вовсе не пригодны для умственной или управленческой деятельности и уж тем более не пригодны для переобучения в поздние годы жизни, поскольку они, как выражаются политики в области образования, «одарены скорее практически». Они составляют, по нормальному распределению Гаусса, около четверти населения. Для этой четверти — уже вследствие технизации сферы труда — рабочих мест стало меньше. В 1960 г. в Гамбургском порту на загрузке и разгрузке судов было занято 14 тыс. человек, сегодня их всего 2400. Но за тот же временной промежуток грузооборот порта вырос с 31 до 110 млн тонн⁸. Один вилочный автопогрузчик заменяет около 100 портовых грузчиков. В современном многоярусном складе необходим скорее мозг, чем мускульная сила, и уж там точно не сможет работать выпускник неполной средней школы, у которого были трудности с простыми задачками на сложение.

В будущем на рынке труда будет всё меньше предложений для нижней четверти среза по одарённости и результативности, ибо и ремесленные профессии, в которых раньше можно было устроиться, теперь требуют большего, чем приносит с собой эта четверть. Тем самым недостаток молодой поросли в квалифицированных рабочих профессиях становится серьёзной проблемой: на верхнем конце всё больше одарённых вовлекается в обучение в вузах, средний слой среза по одарённости сужается

в соответствии с демографическим развитием, а искать выход в нижней трети шкалы одарённости и эффективности представляется возможным лишь весьма ограниченно — из-за отсутствующих там предпосылок.

На верхних уровнях рынка труда функции обычно изменяются в соответствии с жизненным циклом. Дипломированный химик начинает, как правило, в отделе исследований, позднее руководит — в качестве техника — выпуском продукции и затем поднимается в общий менеджмент, например как шеф по персоналу или руководитель предприятия. Если он не справляется с такой карьерой, то обычно уходит на пенсию досрочно. Информатик стартует как системный администратор, затем принимает на себя руководство рабочей группой или проектом, затем руководит отделом обработки информации или уходит в продажи и занимает, в конце концов, кресло CFO (Chief Financial Officer), то есть финансового директора. Что-то подобное происходит и у физиков, математиков и инженеров всех специальностей. В молодые годы они идут туда, где возникает непосредственно инновация, позже оказываются в отделах, где управляют инновациями и доводят их до состояния рыночного продукта. Это соответствует биологической кривой на графике человеческого интеллекта: врождённый интеллект достигает своего максимума в относительно юные годы и затем непрерывно падает, а приобретённый с опытом кристаллизованный интеллект — в случае соответствующей нагрузки — держится на высоком уровне долго и может даже расти до преклонных лет.

Если посмотреть на список лауреатов Нобелевской премии по физике и химии, то можно обнаружить, что ею были отмечены в большинстве случаев в поздние годы жизни за открытия, сделанные в возрасте от 30 до 45 лет. Знаменитый британский математик Бертран Рассел признаётся в своих воспоминаниях, что он никогда не чувствовал себя на большей высоте умственных сил, чем в 28 лет при написании своего главного труда «Principia Mathematica»⁹. По этому поводу историк Голо Манн выразился так: «Оглядываясь назад, он (Рассел) говорит, что перешёл в философию, когда стал туповат для математики, а в историю и политику перешёл, когда стал туповат для философии. Поскольку сам я изначально был слишком туп для математики и очень скоро отупел для философии, то я ничего не могу сказать об основании математики Рассела и очень мало — о его философии»¹⁰.

Мы знаем, что численность 20–30-летних упадёт к 2050 г. более чем на 40%. Тем самым мы знаем, что *ceteris paribus* (при прочих равных условиях) на 40% понизится также и немецкий инновационный потенциал в ближайшие 30 лет. Часто приходится слышать, что демографической угрозе для инновационного потенциала можно противостоять повышенной квотой

выпускников высшей школы. Но этот рецепт может быть действенным лишь в том случае, если среди тех, кто сегодня ещё не учится, но в будущем должен пойти учиться, в большом числе отыщутся высокоодарённые в естественных науках дети. Однако едва ли такое случится, ведь в сегодняшнем контингенте абитуриентов 95% действительно высокоодарённых получают аттестат, а из лучших абитуриентов уже 100% учатся в вузах. Все те экономисты, специалисты по организации производства, юристы, германисты, политологи, социологи и философы, которые выходят из стен наших университетов, весьма способствуют общему уровню образования, однако их вклад в научно-технический прогресс всё же равен нулю. Ну не бывает в культурологии и общественных науках систематического прогресса, точно так же, как не бывает его в поэзии или изобразительном искусстве. Творения Энди Ворхолла не лучше работ Брейгеля, они всего лишь другие, Джеймс Джойс писал не лучше, чем Гёте, а просто иначе, и Генри Мур лепил не лучше Шадова, только по-своему. Напротив, двигатели внутреннего сгорания сегодня другие, чем 100 лет назад, а главное — лучше со всех точек зрения. То же самое касается ламп накаливания и телефонов.

В то время как доступ к языку, культуре и искусству — разумеется, в различной степени — возможен для всех людей, обладающих хоть каким-то интеллектом, для математики и естественных наук это не так; их характер ставит условием определённое формальное мышление, в противном случае доступ, так сказать, виртуально закрыт. Это знает каждый школьник, хоть однажды не сумевший вывести у доски уравнение.

Наше общество становится неоднородным

Многообразие в принципе желательно. Но связанные с этим трения не повышают работоспособность общества. Три страны, лучше всех выдержавшие различные PISA-тесты*, — Корея, Япония и Финляндия — имеют очень однородное население и соответственно малый приток мигрантов. Четвёртая страна, прошедшая это испытание очень хорошо, Канада — классическая страна иммигрантов, которая проводит свою миграционную политику, применяя жёсткие ограничения: по уровню образования, квалификации и с учётом профессий, востребованных на рынке труда.

Соединённые Штаты, самая крупная из миграционных стран, традиционно проходят PISA-тесты на уровне ниже среднего. В последний раз их

* *PISA-тесты* — программа международной оценки учащихся.

результаты в части математической компетенции оказались ещё ниже, чем у отсталого немецкого Бремена¹¹. Вместе с тем США привлекают в свои университеты и исследовательские учреждения лучшие умы мира. В университете Беркли в Калифорнии, например, выпускники дальневосточного происхождения заметно отличаются от других этнических групп своими достижениями выше среднего¹². Эта своеобразная дихотомия характерна для американского общества: нарастающее скудоумие низов и неоспоримое превосходство в науке и технике, представленное лучшими в мире специалистами, собранными в американских элитных учреждениях.

В Германию высокоодарённые индийцы и китайцы, к сожалению, не стремятся, поскольку здесь они теряют преимущество знания языка. Немецкий язык как язык науки уже давно не играет роли. Поэтому, как правило, в Германии обучаются лишь те китайцы, которые не дотянули по профилю до американских университетов. Решающим, однако, является нечто другое: немецкая миграционная политика последних десятилетий примагнивает не отличников учёбы чужих народов, а преимущественно сельских жителей из скорее архаичных общин, где они стояли на нижних ступенях социальной — равно как и образовательной — лестницы.

Рассмотрим последние десятилетия.

- В 1960-е гг. было несколько иммиграционных волн в Германию, когда в страну приехали итальянцы, греки, испанцы и португальцы. Это давно уже в прошлом. Эти люди ассимилировались или вернулись назад в свои процветающие родные страны.
- Волна иммиграции из Восточной Европы улеглась. Восточноевропейские страны страдают между тем — с 30-летним запаздыванием — от столь же бедной рождаемости, что и Германия, и, кроме того, предлагают своим жителям всё более привлекательные экономические перспективы. Интеграция этих людей никогда не была проблемой, поскольку они очень легко усваивают язык и прилагают усилия к интеграции, если уж приехали в Германию для того, чтобы здесь жить.
- Выходцы с Дальнего Востока или из Индии, которые находят путь в Германию, очень хорошо прогрессируют в интеграции. Они экономически работоспособны, быстро преодолевают барьеры рынка труда, а их дети в школах причисляются к лучшим ученикам. Дети вьетнамских беженцев, принятых ещё ГДР, имеют в Берлине высокую долю абитуриентов и показывают лучшие успехи, чем немецкие школьники.

- Политические и экономические беженцы, прежде всего из стран Африки, напротив, плохо образованны и не всегда легко интегрируемы. Они выстраиваются в очередь на нижнем ярусе рынка труда, где у нас уже сейчас безработица, или идут в теневую экономику.
- Приезжие из бывшей Югославии, Турции и арабских стран образуют ядро интеграционных проблем. Нет никаких видимых причин, почему это должно даваться им труднее, чем другим иммигрантам. Их трудности в школьной системе, на рынке труда и в обществе в целом проистекают из самих групп, а не из окружающего общества.
- Наибольшую группу приезжих представляют репатрианты из республик бывшего СССР. Успехи в образовании и данные рынка труда показывают, что их интеграция успешно проходит уже во втором поколении.

Объективная дискриминация для *всех* иммигрантов возникает из-за слабого знания языка, недостаточного освоения обычаев принимающей страны и инородной внешности. Преодолеть первые два препятствия иммигрантам вменяется в обязанность самостоятельно, причём принимающая страна должна оказать помощь в мобилизации их собственных средств. Внешность тоже не является непреодолимым препятствием. Индийцы и вьетнамцы выглядят в Германии не менее чужеродно, чем турки и арабы, однако же при этом добиваются в нашем обществе большего успеха. Поэтому причины трудностей в школе, на рынке труда и в обществе в целом следует искать внутри самих групп; они вполне могут быть связаны и с их собственным поведением.

Всё вместе взятое население Германии из-за миграции стало многообразнее. Более высокий коэффициент рождаемости у всех групп мигрантов ведёт даже к значительному сдвигу населения по возрастному признаку: у нынешних 65-летних около 10% имеют миграционную историю, у 40-летних таковых 17%, а среди молодых матерей — уже 40%¹³. В населении в целом доля тех, кто имеет миграционную историю, составляет 17%, но среди детей моложе 15 лет — уже 30% (табл. 3.1).

Возрастная пирамида населения Германии (см. рис. 3.1) позволяет отчётливо видеть, что миграция существенно смягчила влияние снижения рождаемости: доля детей, родившихся от местного населения, с середины 1960-х гг. упала на 65%, но благодаря мигрантам общее число родившихся в Германии сократилось «всего лишь» наполовину. Если коэффициент рождаемости мигрантов останется выше среднего немецкого, то и без дальнейшей иммиграции «разбавление» коренного населения продолжится. Это само по себе неплохо. Но если из-за этого ухудшится срез образования и квалификации, на немецком будущем это скажется весьма отрицательно¹⁴.

Таблица 3.1

**Этническое происхождение граждан Германии
с миграционной историей по данным за 2005 г.**

Происхождение	Доля		Доля детей младше 15 лет		Средний возраст
	в абсолютном числе	(%)	в абсолютном числе	(%)	
Репатрианты	3 962 000	4,7	701 000	6,0	37
Турция	2 812 000	3,4	779 000	6,7	27
ЕС-25	1 907 000	2,3	336 000	2,9	35
Южная Европа	1 527 000	1,8	299 000	2,6	34
Бывшая Югославия	1 146 000	1,4	236 000	2,0	32
Дальний Восток	734 000	0,9	248 000	2,1	29
Ближний Восток	542 000	0,6	155 000	1,3	27
Африка	502 000	0,6	138 000	1,2	28
Прочие (нет данных)	2 744 000	3,3	599 000	5,1	
Коренные	67 682 000	81,0	8 122 000	70,0	44
Население в целом	83 558 000	100,0	11 613 000	100,0	

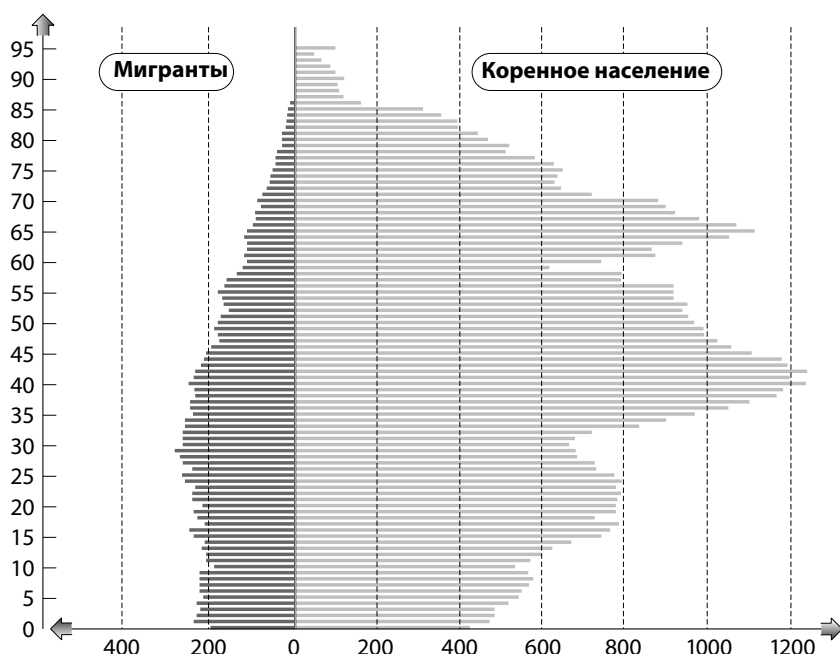
Ср.: Berlin-Institut für Bevölkerungsentwicklung (Hrsg.). Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland. Berlin, 2009. S. 26f., и собственные расчёты.

Должны ли мы беспокоиться на этот счёт?

Репатрианты из республик бывшего СССР не дают для этого повода. Потомство, рождённое от них в Германии, сегодня посещает старшие классы гимназий активнее, чем дети коренного населения, и безработица среди молодёжи в этой группе ниже среднего уровня. Приезжие из ЕС-25 также не сулят никаких проблем. Их рождённые в Германии дети в гораздо большей доле получают аттестаты зрелости, чем коренные.

У мигрантов с Дальнего Востока доля их аттестатов во втором поколении доходит до 63%, у коренных — всего лишь 38%. Эти мигранты, очевидно, обогатят собой будущий немецкий научный потенциал. У мигрантов с Ближнего Востока аттестат зрелости получают 55% второго поколения, правда, 22% не заканчивают школу и не проходят ремесленное обучение. В этой группе, таким образом, существует заметный диспаритет, что предположительно объясняется большим различием между странами их происхождения (причём выходцы из Ирана справляются с экзаменами

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Ср.: Berlin-Institut für Bevölkerungsentwicklung (Hrsg.). *Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin, 2009. S. 78.

Рис. 3.1. Численность граждан с миграционной историей и коренного населения по состоянию на 2005 г. (по возрастным группам, тыс. чел.)

явно лучше, чем выходцы из Йемена). Но статистического материала недостаточно, чтобы это подтвердить.

Среди иммигрантов из Южной Европы показатели образования для стран происхождения, Испания и Греция, лучше, чем у коренных, а у итальянцев или португальцев — хуже. В случае Италии это может быть связано с тем, что первоначальные гастарбайтеры приехали главным образом из Южной Италии.

Мигранты из бывшей Югославии имеют и во втором поколении явные проблемы с интеграцией в области образования: 14% остаются без законченного школьного или профессионального образования, а доля тех, кто сдаёт выпускные экзамены или заканчивает вуз, составляет лишь половину такой доли среди немцев. Правда, эта группа весьма разнородна. Она составлена из ранних гастарбайтеров и их потомства, с одной стороны, и из политических беженцев, например, из Косова, с другой стороны.

Не имеют законченного школьного образования 25% мигрантов, происходящих из стран Африки. Только 20% школьников африканского

происхождения посещают гимназические старшие классы. И что-то не видно, чтобы их интеграция улучшалась во втором поколении, частично она даже ухудшается. Правда, есть в этой группе 35% бикультурных браков (в большинстве случаев это африканские мужчины и немецкие женщины), там интеграционные показатели несколько лучше.

Население турецкого происхождения составляет среди выпускников немецкой системы среднего образования самую высокую долю неокончивших школу (30%) и самую низкую долю тех, кто получает право поступления в вузы (14%). Ко всему прочему, эта группа проявляет минимальный прогресс в поколениях, родившихся уже здесь.

Образовательные успехи различных групп существенно определяют их успехи на рынке труда, а последние, в свою очередь, являются решающими для того, будет ли человек сам покрывать расходы на своё содержание или будет ждать социальной помощи государства. За счёт трансфертных социальных выплат в Германии живут:

- 8% коренного населения;
- 9% мигрантов из ЕС-24;
- 10% мигрантов из Южной Европы;
- 12% выходцев из бывшего СССР;
- 13% мигрантов с Дальнего Востока;
- 16% мигрантов турецкого происхождения;
- 18% мигрантов из бывшей Югославии;
- 24% мигрантов из африканских стран.

Кто живёт за счёт государственных трансфертных выплат, тот не платит налоги и пошлины, но претендует, как все остальные граждане, на государственные льготы во всём, начиная от школы и жилья и кончая медицинским обслуживанием. Исходя из этого предпринимаются различные попытки рассчитать плюсы и минусы, затраты и пользу иммиграции в Германию¹⁵. Сколько при этом ни переигрывай заново и ни подвергай критике прошлые решения, всё это в любом случае имеет лишь теоретический интерес. В конечном счёте вопрос чисто познавательный и логически вряд ли имеет ответ. Следовало бы, исходя из 1960 г., написать альтернативную историю экономики и общества Германии, поскольку без отдушины иммиграции основополагающее развитие в немецкой политике протекало бы иначе, а именно:

- экспортно-ориентированную модель немецкой экономики по причинам нехватки рабочей силы нельзя было бы себе позволить, и перебазируть производство за границу начали бы гораздо раньше;

- возникла бы настоятельная необходимость повысить коэффициент немецкой рождаемости, проводя соответствующую политику семьи и населения;
- никогда бы дело не дошло до недоразумения с ранним выходом на пенсию;
- вырос бы вес услуг и образования.

Каждое из этих решений повлекло бы за собой последствия приспособления к новым условиям как в стране, так и за рубежом. Германия и Европа были бы не такими, как сейчас. Если всё это по отдельности додумать до конца, можно соскользнуть в социально-утопический вариант истории, не говоря уже о том, что такая политика могла быть проведена только при отсутствии в Конституции «параграфа о предоставлении политического убежища» и при отсутствии других правил свободы получения гражданских прав в ЕС.

Итак, лучше проанализируем действительное состояние дел: три группы мигрантов с наибольшим дефицитом образования и самыми высокими социальными затратами — именно те, которые размножаются активнее всех. Люди с миграционным фоном Югославии, Турции, Ближнего и Среднего Востока, а также стран Африки составляют 6% населения Германии, но на них приходится добрых 11% всех детей моложе 15 лет и отчётливо более высокая доля рождаемости. Итак, группы с самой высокой динамикой населения имеют самое низкое образование и показывают самый низкий рост образования в поколении родившихся уже здесь. При этом они представляют собой демографическую проблему, а вовсе не её решение. А именно, приходится опасаться того, что они поспособствуют росту выше среднего уровня того необразованного и зависимого от социальных выплат низшего слоя, который омрачает перспективы развития Германии.

Мы теряем работоспособность

В настоящий момент немецкое народное хозяйство и общество не производят такого впечатления, будто сил у них немерено. С высоких трибун постоянно говорится, что обеспечить Германии высокий стандарт жизни и преодолеть последствия глобализации и демографических изменений могут только мировые достижения в науке и технике. В частности, консорциум «Индикаторы образования и технологическая мощь» пишет в своей недавней публикации:

«Во всех прогрессивных народных хозяйствах наблюдается тренд к экономике знания, тренд, который экономически безальтернативен

и создаёт растущий спрос на высококвалифицированный человеческий капитал... Тренд к обществу знания опирается на двойное структурное изменение:

1) дополнительные возможности занятости возникают почти исключительно в сфере услуг и лишь в виде исключения в индустрии. Требования к квалификации в сфере услуг, как правило, выше;

2) как в производительном секторе, так и внутри сферы услуг быстро расширяются наукоёмкие и нуждающиеся в исследованиях отрасли экономики и области деятельности за счёт тех, кто менее зависим от использования персонала, имеющего высокую квалификацию...

Низкая квалификация становится всё менее востребованной. *Германия из-за упущений в образовательной политике 1980-х и 1990-х гг. постепенно утратила своё долгие годы поддерживаемое преимущество в человеческом капитале по сравнению с другими странами, которое до сих пор выражается в сравнительно высоком уровне образования старших групп населения*¹⁶.

Если проводить сравнение по разным странам, «человеческий капитал» измеряется по квоте выпускников сопоставимых образовательных ступеней. Красноречивы они только в том случае, если сопоставимы и сами выпускники. Уровень традиционных немецких абитуриентов хотя и снизился в последние десятилетия, всё же, пожалуй, находится недалеко от уровня выпускников американского колледжа, отчего и бессмысленно сравнивать немецких абитуриентов с контингентом американской средней школы. Тем не менее данные международного сравнения дают материал для размышления.

По сравнению с другими странами Германия имеет очень низкую — с большим отставанием — квоту выпускников высшей школы и прежде всего очень низкую квоту МИНТ-выпускников. Конечно же, цифры, приведённые в табл. 3.2, выставляют Германию в неблагоприятном свете, ибо немецкие экзамены на аттестат зрелости имеют обычно более высокое качество, чем многие зарубежные требования для поступления в вуз. К тому же есть многочисленные учреждения, которые в других странах работают как вузы, но у нас таким статусом не обладают, такие, как специализированные профессиональные вузы и управленческие вузы. Для определённых циклов обучения в Германии вообще не предусмотрено высшее образование, поскольку это ученические профессии (больничные санитары/санитарки, воспитатели/воспитательницы), и вообще во многих других странах нет такого широкого многообразия профессионального обучения. Тем

Таблица 3.2

Квота высшего образования по состоянию на 2006 г.

Страна	Имеющие право на поступление*	Окончившие вузы (классификация Isced 5A)	МИНТ-выпускники
Германия	51	21	5,8
Франция	51	27	7,2
Голландия	51	43	6,5
Австралия	68	59	12,6
Япония	70	39	9,5
США	75	36	5,5
Швеция	75	41	10,9
Италия	76	39	8,5
Канада	77	35	6,4
Финляндия	95	48	14,1
В среднем по ОЭСР	63	37	7,8

* Включая выпускников средних учебных заведений, имеющих право на поступление в вузы.

Источник: Leszczensky M. Bildung und Qualifikation als Grundlage der technologischen Leistungsfähigkeit Deutschlands (Studien zum deutschen Innovationssystem Nr. 8-2009). Berlin, 2009. S. 46, 102.

не менее низкая немецкая квота выпускников МИНТ-вузов, которая только и может обеспечить высокий стандарт в научно-техническом прогрессе, внушает опасения и не уживается с распространённым у нас представлением, будто Германии навеки суждено оставаться страной хай-тека.

Низкая немецкая квота МИНТ-выпускников не связана с нехваткой мест в вузах. Как раз по МИНТ-специальностям немецкие вузы располагают свободными местами. Так, в 2006 г. были следующие квоты загрузки вузов¹⁷:

Электротехника	72%
Физика, астрономия	74%
Машиностроение/технология	81%
Химия/биохимия	87%
Искусство, искусствоведение	90%
Языкознание и культура	102%
Право, экономика, общественные науки	116%

Несомненно, чем больше формальных требований выставляет предмет, тем меньше интерес к его изучению. Совершенно очевидна нехватка не мест в лабораториях и аудиториях, а умов, пригодных для обучения и достаточно подготовленных в школе. Одновременно с этим в МИНТ-специальностях наблюдается экстремально высокие квоты отсева и прерывания учёбы¹⁸, как показывают данные за 2006 г.:

Языкознание и культура, спорт	24%
Право, экономика и общественные науки	26%
Математика	53%
Физика, геофизика, геология	52%
Химия	49%
Машиностроение	46%
Электротехника	48%

Итак, в Германии имеется двойная проблема: слишком мало поступающих выбирают МИНТ-специальности, а среди тех, кто всё-таки выбирает их, слишком мало тех, кто успешно завершает учёбу. Михаэль Лещинский и его соавторы, посвятившие себя изучению этой двойной проблемы, не верят, что ситуацию можно улучшить:

«По существу для МИНТ-дисциплин предназначены лишь немногие из выпускников *общеобразовательных школ*. Нет никаких практических намёков на дополнительные импульсы спроса на изучение этих специальностей, такими импульсами могло бы стать соответствующее перераспределение школьных направлений и специализаций.

Прорывного расширения образовательных процессов, которое с высокой вероятностью привело бы к выбору инженерно-научных предметов изучения, не заметно и в *профессиональных школах*. Хотя общее число поступающих с технической подготовкой вновь растёт, однако по сравнению с гуманитарными специальностями прирост получается ниже среднего»¹⁹.

Конечно, такое положение нельзя считать удовлетворительным, но об этом речь пойдёт далее, в главе 6.

В 2006–2007 гг. 68% соответствующей возрастной группы населения завершили профессиональное образование, из них 23% — в основных профессиях наукоёмких отраслей. Эта доля несколько выше, чем доля уже работающих в научных профессиях (около 7 из 37 млн занятых, то есть 19%)²⁰. Неквалифицированными, то есть не имеющими профессионального образования в 2007 г., были 15,2% молодых людей в возрасте от 20 до 29 лет. Риск не получить никакого образования, естественно, самый высокий

на нижнем конце вертикальной шкалы (табл. 3.3)²¹. Даже окончание неполной средней школы таит серьёзный риск остаться без профессионально-технического обучения, а совершеннолетней молодёжи, не окончившей её, неизбежно грозит существование в качестве неквалифицированной рабочей силы. Такое развитие вызывает особую тревогу, поскольку с конца 1980-х гг. квоты безработных среди людей с низкой квалификацией сильно растут. В 2005 г. эти квоты составляли около 26% и были почти в три раза выше, чем у людей, имеющих законченное профессиональное образование²². Уже сейчас можно предвидеть, что эти молодые люди в будущем образуют прочное ядро населения, зависимого от социальных выплат.

Подытожим: в высшем образовании Германия — по крайней мере, в МИНТ-специальностях — потеряла своё преимущество как страна новаторской инженерной мысли. В профессионально-техническом образовании она его пока ещё, кажется, имеет. По качеству своего профессионально-технического образования Германия заслуживает высокую оценку во всём мире и считает его своей особенно сильной стороной. Может быть, хотя бы здесь компенсируются утраченные в высшем образовании преимущества человеческого капитала. Правда, недавний анализ производительности труда наводит на подозрения, что производительность труда в Германии — с поправкой на сектор — развивается менее неблагоприятно, чем в сопоставимых промышленно развитых странах.

Таблица 3.3

**Уровень среднего образования граждан в возрасте 20–29 лет
(по состоянию на 2009 г.)**

Уровень образования	Доля 20–29-летних (%)	В том числе без профессионального обучения (%)
Неполная средняя школа	21,7	30,8
Реальная школа	33,4	9,6
Аттестат зрелости или профессиональный колледж	41,1	5,9
Незавершённое обучение	3,2	84,5
Данные отсутствуют	0,5	12,5
Всего	100	15,2

Ср.: Bundesinstitut für Berufsbildung: Datenreport zum Berufsbildungsbericht 2009. Bonn, 2009. S. 216.

Если разложить секторальный рост производительности труда на факторы человеческого капитала, основных средств и прочую производительность, то окажется, что с середины 1990-х гг. Германия плохо показала себя в подъёме производительности человеческого капитала и прочей производительности²³. Причины этого могут лежать в качестве человеческого капитала, но не обязательно. В любом случае это не радующий показатель.

То и дело раздаются жалобы на качество соискателей на места учеников, но трудно выделить, какой вес приходится на них. Опросы на предмет выявления уровня образования соискателей проводились Германской промышленно-торговой палатой и дают некоторые разъяснения на этот счёт (табл. 3.4)²⁴. Хотя с 2006 г. немного уменьшилось количество жалоб на неумение выражать свои мысли, однако элементарное умение считать, манеры поведения и способность выдерживать нагрузки оставляют желать лучшего.

Таблица 3.4

**Пробелы в образовании соискателей на ученические места в 2009 г.
(доля соискателей, %)**

Отрасль	Изъяны в элементарном счёте	Изъяны в устном и письменном выражении мысли	Недостаток выносливости к нагрузкам	Изъяны в манерах	Без изъянов
Промышленность	62,0	53,9	36,8	33,8	6,5
Строительство	57,9	49,7	40,9	34,9	5,0
IT, СМИ	37,4	58,2	35,7	37,2	10,2
Торговля	51,9	57,3	48,5	40,8	6,8
Отели, рестораны	55,1	54,9	67,6	56,1	1,9
Транспорт	44,6	51,4	46,0	39,6	7,9
Банки, страхование	45,5	60,9	38,3	39,6	9,2
Служба в организациях	44,1	56,1	40,5	39,9	10,8
Прочие услуги	40,7	57,3	41,9	37,1	10,1

За проведение специальной оценки, воспроизведённой здесь выборочно, я благодарю Тило Паля из Германской промышленно-торговой палаты (DIHK), Берлин. См. также: DIHK: Ausbildung 2009, Ergebnisse einer Online-Unternehmensbefragung, erschienen im März, 2009.

Таблица 3.5

**Средняя доля правильных ответов в тестах
при найме соискателей на ученические места (%)**

Тест	1975 г.	2008 г.	Спад
Грамотность:			
неполная средняя школа	51,0	36,6	-26
реальная школа	75,2	58,2	-23
Элементарный счёт:			
неполная средняя школа	72,5	47,0	-35
реальная школа	75,8	56,4	-26

Ср.: BASF AG (Hrsg.). Langzeitstudie über Rechtschreib- und elementare Rechnenkenntnisse bei Ausbildungsplatzbewerbern. Ludwigshafen, 2008.

Компания BASF AG* с 1975 г. исследует грамотность и элементарные навыки счёта у своих соискателей на ученические места и все эти годы применяет одни и те же тесты²⁵. При этом выявилось постоянное и с течением времени нарастающее снижение результатов (табл. 3.5). К тестовому испытанию привлекались лишь те соискатели, которые все свои школьные годы провели в немецкой школе. Этому даёт такое объяснение:

«В отношении навыков счёта использование карманных калькуляторов хотя и является делом практичным, однако из-за недостатка применения забываются общеобязательные правила. Точно так же, судя по всему, обстоят дела с возможностью перехода от элементарного счёта небольших целых чисел к конкретному применению в повседневности.

Немецкий язык считается одним из самых трудных, поэтому с учебно-психологической точки зрения мультимодальный (охватывающий как можно больше смыслов и характеристик) метод приобретения знаний обещает наибольший успех. Фактически же как разговорная активность (преимущественно из-за позиции, связанной исключительно с потреблением), так и читательская активность (из-за аудиовизуальных мультимедийных технических средств) пребывают в полном запустении. К тому же, кажется, тщательность и педантичность, столь необходимые

* Крупнейший в мире химический концерн. Основан в 1865 г. на юго-западе Германии. BASF — Badische Anilin- und Soda-Fabrik, то есть «Баденская фабрика по изготовлению анилина и соды».

при формировании текстов, в наше время вторичны. Достаточно проанализировать с этой точки зрения ежедневные газеты»²⁶.

Всё это говорит за то, чтобы считать результаты этого долговременного исследования репрезентативными для всей Германии, ибо они подтверждают опыт многочисленных старых учителей.

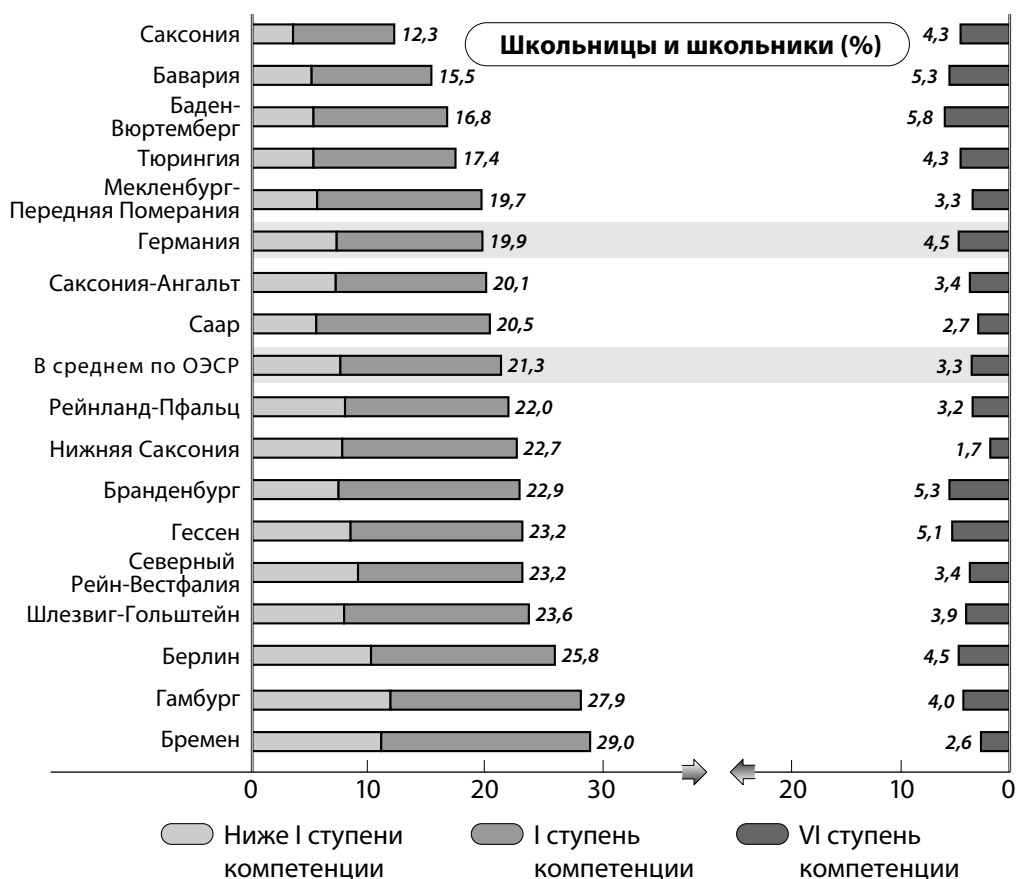
Итак, Германия потеряла своё опережение в МИНТ-специальностях, и немецкие школы готовят не настолько много абитуриентов, пригодных для этих специальностей, чтобы снова можно было достигнуть стандарта лучших государств ОЭСР. Кроме того, школьная успеваемость учеников неполной средней и реальной школ демонстрирует большие изъяны, и в последние 35 лет она непрерывно снижается. Так что не может быть и речи о работоспособной системе образования, ибо ей следовало бы достигнуть того, чтобы доля учеников/выпускников:

- с высокой компетенцией была как можно выше, поскольку лишь они продвигают научно-технический прогресс;
- с низкими или вовсе отсутствующими знаниями была как можно ниже, потому что для них остаётся всё меньше рабочих мест.

На этом фоне весьма показательны некоторые результаты PISA-тестов за 2006 г. На рис. 3.2 изображен примерный уровень математической компетенции школьников в отдельных землях Федерации. Аналогичная картина наблюдается и в компетенции по чтению, и по естественно-научным дисциплинам. Результаты сгруппированы в шесть ступеней компетенции. На I ступени компетенции — самой нижней — школьники могут «применить рутинный способ в доступных ситуациях», но, например, «не могут применить элементарные алгоритмы, формулы, приёмы и правила». Это была бы уже II ступень компетенции. На высшей, VI ступени компетенции школьники могут «концептуализировать информацию, которую они получают из моделирования сложных проблемных ситуаций, обобщить и применить её в новой ситуации»²⁷.

От подростков I ступени компетенции и ниже можно ожидать, что они «из-за их низкой математической подготовки, вероятно, будут иметь проблемы в дальнейшем обучении и профессиональной жизни». Поскольку рабочие места низкоквалифицированных перемещаются в страны с существенно более низкими расходами по зарплате, ОЭСР прогнозирует при более высокой доле работников низкой квалификации растущее бремя социальных расходов и большее неравенство²⁸. Так что в высшей степени тревожно то, что 20% подростков в Германии находятся ниже II ступени компетенции, а 7% не достигают даже I ступени компетенции. Это не намного лучше среднего показателя ОЭСР в 21%, но намного ниже уровня

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Источник: Frey A. Mathematische Kompetenz im Ländervergleich // Prenzel M. (Hrsg.): PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. S. 139.

Рис. 3.2. Математическая компетенция (в сравнении по землям Германии)

стран, показавших лучшие результаты в PISA-тестах²⁹. Лишь 4,5% подростков достигают VI ступени компетенции, хотя это лучше среднего значения ОЭСР в 3,3%, но далеко отстаёт от значений передовых стран PISA.

Срезы результатов по немецким федеральным землям значительно отличаются. Самую высокую долю лучших результатов имеет Баден-Вюртемберг — 5,8%, самую большую долю I ступени компетенции и ниже имеет Бремен — 29%. Нельзя не заметить, что земли, в которых зарегистрирована самая низкая доля плохих результатов, оказываются более успешными в максимальных достижениях. Так, пять лучших земель имеют среднюю

долю 16% в плохих результатах, а в верхних достижениях их доля — 4,6%. У пяти земель с худшими результатами эти цифры соответственно 26 и 3,7%. Далее можно увидеть, что различия явно никак не связаны с различиями школьной системы: Бавария, которая издавна показывает высокую долю выпускников неполных средних школ и низкую долю абитуриентов, кажется, стимулирует как самых слабых по результатам, так и самых сильных намного эффективнее, чем три отстающие земли — Берлин, Гамбург и Бремен, которые традиционно имеют низкую долю выпускников неполных средних школ и высокую долю абитуриентов.

Лучшие в тестах немецкие земли достигают результатов международной высшей лиги и находятся на уровне Японии, Новой Зеландии и Дании, правда, не дотягивают до лучших достижений Финляндии и Кореи. Самая отстающая в тестах немецкая земля находится на уровне Испании и США.

Будучи сенатором по вопросам финансов в берлинском Сенате, я интенсивно занимался результатами PISA-тестов. Берлин на тестах 2003 и 2006 гг. катастрофически срезался, после чего немедленно были выдвинуты политические требования увеличить финансирование образования и количество преподавателей в школах. После подведения итогов Конференции министров культов федеральных земель я смог доказать, что в Берлине на одного учителя приходится существенно меньше учеников, чем в немецких землях с наилучшими показателями PISA-тестов. С этими результатами я вступил в политическую борьбу.

Хотя соотношение учеников и учителей в Берлине было на 15% благоприятнее, чем в среднем по ФРГ, Берлин наряду с Бременом получил худшие результаты PISA. В многочисленных публичных выступлениях на эту тему я приводил эти результаты (см. табл. 3.6) как PowerPoint-фон*, доказывая, что школьная успеваемость тем хуже, чем больше учителей напускают на учащихся. Это, конечно, была нелепость, однако она привлекла необходимое внимание к теме и была частью моего в итоге успешного отражения всех атак с попытками ещё больше увеличить берлинское преимущество в обеспечении учительских мест. Кроме того, я мог подтвердить, что Берлин и при существующих затратах на школьника уже возглавляет список по ФРГ³⁰. Это доказывало, что не различия в материальных вложениях в систему образования виноваты в различиях между немецкими федеральными землями по результатам тестов.

Распределение результатов тестов по немецким федеральным землям подтверждается и опубликованным в июне 2010 г. исследованием

* *PowerPoint* — программа для создания презентаций, входящая в пакет MS Office.

Таблица 3.6

Сопоставление результатов PISA со школьной действительностью

Федеральная земля	PISA-очки (2003 г.)		Кол-во школьников		Миграционный фон (%)
	Математика	Чтение	на учителя	в классе	
Берлин	488	481	13,6	22,9	25,2
Бавария	533	518	16,6	23,4	22,4
Б.-Вюртемберг	512	507	16,1	22,4	28,8
ФРГ	503	491	16,0	22,1	15,4

Источник: PISA-Konsortium Deutschland (Hrsg.): PISA 2003. Derzweite Vergleich der Länder in Deutschland — Was wissen und können Jugendliche? Münster, 2005. Schüler, Klassen, Lehrer und Absolventen der Schulen 1994–2003, Statistische Veröffentlichungen der Kultusministerkonferenz. Nr. 175. Bonn, 2005.

«Языковые компетенции в сравнении по землям». В компетенции по чтению, приведённой здесь для примера, три города-государства занимают последние места. Но ещё важнее распределение успеваемости по классам: на верхнем конце вертикальной шкалы девятиклассники из Баварии и Берлина демонстрируют одинаковую успеваемость, но на нижнем конце слабые ученики из Берлина гораздо хуже слабых учеников из Баварии³¹. Это особое зияющее расхождение наблюдается, впрочем, и в том случае, если рассматривать школьников только немецкого происхождения³². Среди школьников в Берлине, которые не пойдут учиться в гимназию, на чтении 62% остаются на двух нижних ступенях компетенции, по английскому чтению — 86%³³. Исследования ОЭСР, впрочем, также подтверждают, что низкие результаты немецких школьников в тестах, противоречащие сложившемуся образу немцев как таковых, нельзя объяснить недостаточным финансированием школьного образования. В Германии ежегодные расходы в расчёте на одного школьника в точности соответствуют средней величине расходов по ОЭСР, а именно: в старших классах чуть меньше, в 7–9 классах народной школы немного выше среднего. В области высшего образования Германия тратит на студента несколько больше средней суммы по ОЭСР (правда, заметно меньше, чем Канада, США и Швейцария)³⁴.

В целом PISA-исследование за 2006 г. не позволяет усмотреть ощутимую причинную связь между расходами на образование школьника до PISA-теста, с одной стороны, и результатами теста, с другой стороны³⁵. Также и выдвинутое моими коллегами — сенаторами по делам образования (сначала Клаусом

Бёгером, затем Юргеном Цёльнером) — утверждение, что высокая берлинская доля миграции составляет особую берлинскую проблему, не попадает в цель, ибо доля мигрантов в Баден-Вюртемберге выше, чем в Берлине, а в Баварии почти совпадает с берлинской. Различия можно объяснить лишь качеством преподавания и/или качеством контингента школьников, но не различием в расходах на образование или различием в доле мигрантов среди учеников.

Через все эти споры и дискуссии мой интерес к проблеме вышел далеко за пределы финансов. В конце концов, парадоксально, что некоторые страны, испытывающие недостаток ресурсов, приходят к заметно лучшим результатам в образовании, чем те, которые обустроены лучше. При сравнении по федеральным землям бросается в глаза, что в южногерманских землях тесты прошли лучше, чем в северогерманских, а три города-государства сообщают образуют арьергард. Координатор PISA Манфред Пренцель отверг утверждения берлинцев (а в Гамбурге и Бремене утверждали то же самое), что социальный фон или доля миграции являются главной причиной плохих результатов. На его взгляд, решающими факторами являются различия в качестве преподавания и в ожидаемой успеваемости³⁶. Так это или нет, мы рассмотрим подробнее в гл. 6.

Если положить в основу сравнения другие индикаторы, такие, как членство в спортклубе, посещение музыкальной школы, использование технических средств обучения и т. п., то социологические исследования позволяют и по этим показателям заметить разницу между Южной и Северной Германией, и эта разница проходит в унисон с различиями в PISA³⁷. Похожий уклон обнаруживается и внутри Берлина между округами и микрорайонами, то есть вполне может быть, что наблюдаемые в городах-государствах условия действительны и для других больших немецких городов, и те показали бы такие же плохие результаты PISA, если бы можно было оценить их по отдельности.

Тем самым мы вышли бы на след социологического развития, которое в ходе продолжающейся урбанизации и растущего веса агломераций* не сулят ничего хорошего для успеваемости и способностей учащихся в Германии. С этим совпадают и материалы бундесвера, полученные в ходе опросов призывников. Измеренный там «коэффициент интеллекта» показывает существенно лучшие результаты южногерманских земель³⁸, то есть возможно, существуют региональные системные различия в способностях к обучению внутри одной популяции, против которых бессильны даже дополнительные затраты.

* *Агломерация* — компактное скопление населенных пунктов, объединенных в единое целое.

Результаты бундесвера указывают на влияние миграции. Может быть, развивающиеся регионы привлекают мобильных, хорошо образованных и интеллектуальных людей, причём молодые женщины оказываются особенно мобильными. Это означает далее, что оснащённость других регионов человеческим капиталом ухудшается. Может быть также, что некоторые регионы развиваются потому, что население там более квалифицированное. По крайней мере, результаты освидетельствования призывников бундесвера показывают, что разница между Югом и Севером, измеренная по IQ, очень стабильна и в ослабленной форме действительна также для территории бывшей ГДР. Такие надрегиональные процессы селекции могут способствовать формированию и укреплению «необразованной среды» и тем самым стабильных низов.

Упрочение малограмотной среды и явлений нижнего слоя

В земле Берлин регулярно публикуется «Атлас социальной структуры»³⁹, который по различным критериям дифференцирует социальные данные по округам и районам города и в целом выявляет высокую корреляцию между уровнем образования, социальным поведением, ожидаемой продолжительностью жизни и пр., равно как и анализирует их по отдельности. Особенно показательно в этой связи «Основное обобщение данных о приёме в школу», в частности за 2007 г.⁴⁰ Эти данные показывают ясную и убедительную связь между индикаторами социального поведения, такими, как избыток веса, уход за зубами, телевизионные привычки, развитие речи, дефицит подвижности, с одной стороны, и принадлежностью к определённом социальному слою, с другой стороны. Эта связь просматривается во всех округах и районах Берлина. При этом важен тот факт, что измеренные индикаторы социального поведения в целом не зависят от дохода (табл. 3.7).

Данные о приёме в школу показывают, что недостатки сильно коррелируют с принадлежностью к определённому социальному слою (табл. 3.8). Для берлинского учёта дети причисляются к одной из трёх групп — нижнему, среднему или верхнему социальному слою — по уровню образования и по роду деятельности родителей.

В Берлине 33% младших школьников имеют немецкое происхождение. Это приблизительно соответствует западногерманскому положению дел. Правда, распределяется эта треть очень по-разному. В районе Центра младшие школьники немецкого происхождения составляют всего 34%,

Таблица 3.7

Индикаторы социального поведения
(по данным приёма в школы за 2007 г. в двух районах г. Берлина, %)

Критерий	Берлин	Вест-Энд	Гезунд-бруннен
Неухоженные зубы	16,5	4,0	33,9
Наличие телевизора в детской комнате	16,5	3,5	33,7
Избыточный вес	11,6	3,6	33,7
Недостаток визуомоторики	17,0	3,2	37,3
Отставание в речевом развитии (плохое знание немецкого языка)	8,0	2,9	17,4
Плохое знание немецкого как неродного языка	35,5	9,5	64,5

Таблица 3.8

Индикаторы социального поведения
и принадлежность к определённому слою
(по данным приёма в школы г. Берлина за 2007 г., %)

Критерий	Социальный слой		
	нижний	средний	верхний
Неухоженные зубы	45,1	13,6	5,3
Наличие телевизора в детской комнате	27,9	15,4	3,8
Избыточный вес	16,7	11,1	6,1
Недостаток визуомоторики	27,2	13,9	8,0
Отставание в речевом развитии (особо плохое знание немецкого языка)	17,4	8,5	4,1
Родители-одиночки	35,1	28,4	16,7

в Нойкёльне — 48%, в Панкове — 90%. Поскольку берлинские мигранты принадлежат преимущественно к нижнему слою, нет ничего удивительного в том, что младшие школьники из этих групп проявляют дефициты, типичные для нижнего слоя (см. табл. 3.9).

Очевидно, что ни один из приведённых недостатков не зависит каким-либо образом от материального положения. Поскольку была охвачена основная масса поступивших в школу в земле Берлин, собранные данные могут быть, пожалуй, перенесены на сопоставимые социальные слои по всей Германии.

Таблица 3.9

**Индикаторы социального поведения и происхождения
(по данным приёма в школы г. Берлина за 2007 г., %)**

Критерий	Происхождение			
	немецкое	турецкое	арабское	восточно-европейское
Неухоженные зубы	12,2	23,6	28,7	5,3
Наличие телевизора в детской комнате	11,7	28,0	28,5	3,8
Избыточный вес	8,7	22,7	18,5	15,0
Недостаток визуомоторики	14,3	22,8	34,2	20,4
Отставание в речевом развитии (особо плохое знание немецкого языка)	8,2	13,5	20,5	16,7

Источник: Meinschmidt C. (Hrsg.). Grundausswertung der Einschulungsdaten in Berlin 2007. Berlin, 2009. Данные собраны по материалам указанной выше публикации.

Не забегая вперед дискуссии о бедности, которой будет посвящена глава 4, я хотел бы в этом месте заострить внимание на том, что наблюдаемые поведенческие дефициты нижнего слоя хотя и находятся в тесной связи с материальным статусом этого слоя, но причинно не могут объясняться им. Даже семья, которая долгое время живёт на пособие по безработице II, в состоянии проследить за тем, чтобы дети регулярно чистили зубы и не смотрели телевизор бесконтрольно, чтобы пища готовилась регулярно и питание было здоровым и сбалансированным, чтобы дети играли в парке или на детской площадке и достаточно двигались. Книжки можно брать в библиотеке и регулярно читать детям вслух. Итак, нет никаких *материальных* причин, которые мешали бы получателям пособия по безработице достичь показателей верхнего социального слоя по исследуемым признакам.

К истории нижнего слоя

Во все времена существовало расслоение общества. Но уровень развития современного промышленного общества и ликвидация наследственных классовых привилегий, растущее число рабочих мест, обязательное школьное образование и облегчившийся доступ в учреждения высшего образования принесли с собой большие возможности для карьерного продвижения и смешение некогда стабильной принадлежности к слоям и классам.

В то время как толковые шли в гору, покидая нижний слой или низы среднего слоя, «вниз» опускались и опускаются в ориентированном на труд производительном обществе прежде всего те, кто был менее смышлён, менее стабилен или попросту немного туповат и ленив.

То, как это действует даже в пределах отдельного квартала города, подробно описал социолог Франц Вальтер⁴¹. Особенно драматичным это развитие было для классической рабочей партии СДПГ*. Описанное интеллектуальное разжижение нижнего слоя сказывается на рабочей партии СДПГ в соответствии с тенденцией, поскольку потенциал мобилизованности падает и неформальные лидеры становятся редкостью. Это отражается в плохих результатах выборов. О пакете реформ шрёдеровского правительства, который в 2004–2005 гг. под ключевым словом «Agenda 2010», или «Hartz IV», привёл во взвинченное состояние всю Германию, можно думать всё, что угодно. Решающим было, как пишет Вальтер, то, что во многих частях нижнего слоя девиз «Требовательная поддержка» был воспринят не как шанс, а как угроза и посягательство на заработанное имущество.

Сам по себе пакет реформ был правильным, но с ним СДПГ ускорила процесс отчуждения этой части их постоянных избирателей. Теперь они, если вообще идут на выборы, голосуют за Левую партию. Достигшая более высокого положения часть прежнего электората и их потомство выбирают теперь Зелёных**. Те, кто причисляет себя к прогрессивным, кто хочет сделать мир лучше, но проблему собственной карьеры уже решил, тем партия социал-демократов явно ничего больше не может предложить. Положения их программы мечутся где-то междулевой партией и социальными ответвлениями ХДС***, и доля тех, кто считает СДПГ ещё необходимой, драматически падает.

При этом в крупных блоках партийного ландшафта изменений не так уж много: СДПГ, Левая партия и Зелёные имели по опросам на конец июля 2009 г. 47% избирателей. Общая доля избирателей ХДС и Радикально-демократической партии составила 50%. Это соответствует слегка преобладающему гражданскому большинству в Германии со времени основания ФРГ, и это вновь и вновь давало СДПГ шанс править на федеральном уровне. Но слевой партией, которая прежде всего представляет несокрушимых идеологов и неудачников, вечно оттеснённых на обочину жизни, немислимо обсуждать структурное политическое предложение — в особенности

* СДПГ — Социал-демократическая партия Германии.

** «Союз-90/Зелёные» — экологическая партия в Германии.

*** ХДС — Христианско-демократический союз Германии.

такое, в котором содержится рецепт борьбы против закрепления нижнего слоя, избегающего работы и всё в большей степени исключаяющего себя из экономического круговорота.

Ментальный срез нижнего слоя, социологически выведенный Францем Вальтером, совпадает с актуальными результатами опросов: в отчётах Института демоскопии Алленсбах 33% населения причисляют себя к верхнему слою и верхней прослойке среднего слоя, 55% — к среднему слою и 8% — к нижнему слою⁴². Из тех, кто принадлежит к нижнему слою, лишь 18% верят, что карьера в Германии возможна независимо от социального слоя, в среднем слое в это верят 43%, в верхнем — 46%⁴³. Вместе с тем 43% нижнего слоя придерживаются мнения, что ответственность за граждан должно нести в основном государство, а 57% заявили, что они мало задумываются о том, как развивается общество и как оно должно развиваться, тогда как в среднем слое таких 23%, а в верхнем слое — 38%⁴⁴. Представители всех слоёв населения — от 95 до 99% — считают, что шансы на успех и на будущее сильно или очень сильно зависят от уровня образования. Но лишь 33% представителей нижнего слоя считают важным, чтобы их ребёнок читал или занимался спортом, в верхнем слое соответствующая доля составляет от 58 до 65%. Экстремальные различия наблюдаются также в медийном поведении: в нижнем слое перед телевизором или за компьютером проводят время 55% подростков 14–17 лет ежедневно по три часа и более, в более высоком слое — 32%. В нижнем слое 35% родителей и дедушек с бабушками 3–5-летних детей говорят, что телевизор и компьютер помогают им занять детей, а в более высоком слое таких 13%⁴⁵.

Цифры заставляют задуматься: свыше 90% родителей из всех слоёв придерживаются взгляда, что образование важно для карьеры, однако нижний слой показывает себя особенно пессимистичным в отношении карьеры и, когда дело касается образования их потомства, ведёт себя пассивно там, где мог бы и повлиять на детей. Итак, общие сетования нижнего слоя на своё положение сопровождаются поразительным отсутствием интереса к общественным вопросам в целом, удобной установкой и необременительными обязательствами в воспитании детей. Это соответствует фатализму их положения: «Лишь 14% ожидают, что в ближайшие 10 лет дела их пойдут лучше. Перспективы собственных детей также видятся им в мрачном свете. Хотя 73% родителей из нижних социальных слоёв хотели бы, чтобы их детям жилось со временем лучше, чем им самим, однако лишь 30% уверены в том, что это действительно случится»⁴⁶.

Относительно небольшая доля детей рабочих и представителей нижнего слоя среди абитуриентов и студентов вузов в Германии часто оценивается — этой точки зрения придерживается и ОЭСР — как признак недостаточной проницаемости немецкой системы образования. Но можно прийти и к другим заключениям: с начала XIX в. и до сравнительно недавнего времени — за несколько десятилетий до сегодняшнего дня — немецкая система образования была ведущей в мире и предлагала, по крайней мере самым одарённым из нижнего и среднего слоёв высокие шансы для карьеры. Но, кажется, это не подходит идеологическому мейнстриму. Когда Герхард Эртли, немецкий лауреат Нобелевской премии по химии за 2007 г., 14 октября 2007 г. в передаче Анны Виль* с теплотой рассказывал о занятиях в своей швабской «карликовой» школе, ведущая перебила его на полуслове: «Вообще-то я не вижу никакой взаимосвязи между происхождением и образованием». И на этом разговор закончился⁴⁷.

Чем выше проницаемость системы образования, тем скорее и полнее исчерпывается потенциал высокоодарённых из нижних слоёв. Особенно парадоксальный — и убедительный — пример тому даёт ГДР, где прилагали специальные усилия к тому, чтобы как можно большая часть студентов набиралась из так называемого рабочего класса. Там были созданы многочисленные возможности для карьерного роста рабочих. Результатом стало то, что университетский потенциал рабочих в ГДР сократился. В 1954 г. 12% студентов в научных вузах ГДР происходили из так называемой интеллигенции (как минимум один из родителей имел высшее или среднее специальное образование) и 48% из так называемого рабочего класса. Доля последних непрерывно падала все 40 лет существования ГДР. В 1989 г., при последнем наборе, 78% студентов происходили из прослойки интеллигенции и лишь от 7 до 10% — из рабочего класса, это даже меньше, чем в ФРГ, где доля рабочих в 1989 г. была на уровне 15%⁴⁸.

Ныне под вывеской «вуз» далеко не везде реально находятся вузы. Измерения уровня интеллекта в ГДР показали, что в среднем самый низкий IQ имели студенты, изучавшие марксизм-ленинизм. Однако в ГДР была структура, которая действительно поддерживала высокоодарённых учащихся, это так называемая «математическая олимпиада». Уже в 1970 г. обнаружилось, что доля детей рабочих и крестьян в окончательном отборе непрерывно падала, потому что родители участников конкурса зачастую сами представляли собой тех, кто сделал социальную карьеру. Поэтому исследование

* Анна Виль — популярная ведущая ток-шоу на немецком телевидении.

образования ГДР, результаты которого по большей части держались в тайне, уже не могло пройти мимо факта наследственности интеллекта⁴⁹. Мы вовсе не хотим сказать, что малая доля детей рабочих и представителей нижнего слоя населения в немецких гимназиях и вузах является выражением социальной дискриминации, которая в сравнении с другими государствами держится на уровне выше среднего. Точно так же эта малая доля может быть следствием уже осуществлённого карьерного восхождения.

Следует обратить внимание и на качество знаний выпускников. В США 95% школьников посещают среднюю школу, 70% заканчивают её. В Финляндии 90% школьного выпуска добиваются диплома о высшем образовании, но среди них находятся многочисленные будущие медсёстры и воспитательницы, потому что эти профессии там требуют высшего образования, тогда как у нас это рабочие профессии. В Германии школьники с IQ от 120 и выше (= 10% нормального распределения Гаусса) тоже получают аттестат зрелости более чем в 90% случаев и затем будут учиться в вузах.

Неважно, насколько проницаема система образования, всегда и всюду действует логика: чем более проницаема система, тем быстрее интеллектуально истончается нижний слой. Там остаются те, кто приобретает самую простую квалификацию и всё менее востребован на рынке труда. Эту тенденцию мы наблюдаем по всему миру во всех индустриальных странах. Итак, те, кто сдаёт экзамен по юриспруденции с оценкой 6,5 балла или в провинциальном университете после 14 семестров сдаёт магистерский экзамен по германистике, должны подыскивать себе работу вне своего профессионального поля, если они хотят получать стабильные доходы.

Вследствие негативного отбора, с одной стороны, который становится всё неотвратимее с увеличением проницаемости общества, и падающей потребности в простой, малоквалифицированной деятельности, с другой стороны, в относительных и абсолютных показателях растёт доля населения, которую можно отнести к нижнему слою. Эту тенденцию роста поддерживает современное социальное государство тем, что оно — и это правильно! — устраняет все те угрозы, которые в течение тысячелетий наносили ущерб продолжительности жизни и репродуктивной способности слабейших или получателей наименьшей выгоды: нездоровое жильё, недоедание и тому подобное. В этом отношении весьма сомнительно, справедлива ли всячески выражаемая надежда, что более высокая проницаемость внутри общества сократит долю нижнего слоя⁵⁰. Повышенная проницаемость означает не только то, что толковые снизу будут усиленно продвигаться вверх, но и то, что бестолковые сверху будут усиленно опускаться вниз.

Дискуссия о бедности

Нижний слой в Германии находится, исходя из определения нижнего слоя, в среднем, на нижнем конце пирамиды доходов. Недостаточность доходов, однако, ни в коем случае не единственный и отнюдь не основной его признак. Стареющий художник, живущий на социальное пособие, или студент, которому приходится ограничиваться стипендией, естественно, не принадлежат к нижнему слою.

Считать ли бедными людей, на которых в Германии распространяется действие гарантированного основного дохода, это вопрос определения. В любом случае речь идёт не о бедности в библейском смысле, в смысле христианского милосердия, и не о положении как в трущобах «третьего мира», с которыми в Германии обычно связывают понятие бедности. От гнетущей материальной нужды нижний слой в Германии избавлен за счёт пособия по безработице II и социального обеспечения в старости. Получатель социального обеспечения или пособия по безработице II в Германии может следующее:

- селиться достойно по стандарту социального строительства льготных квартир для малообеспеченных, поскольку ему возмещаются расходы на отопление и съём квартиры;
- пользоваться медицинской помощью на уровне положенной по закону медицинской страховки;
- одеваться социально адекватно и неброско;
- питаться полноценной и богатой витаминами пищей и тем самым избегать избыточного веса;
- давать своим детям бесплатное образование в государственных образовательных учреждениях, начиная с детского сада и кончая аттестатом зрелости;
- имея на руках социальный паспорт, по крайней мере, в Берлине, бесплатно посещать все государственные библиотеки и музеи, а также с большими льготами пользоваться общественным местным и пригородным транспортом.

«Бедны» получатели социального пособия в Германии только при условии, если рассматривать бедность как политическое понятие, которое по содержанию отделено от своего изначально и исторически унаследованного значения. Ведущий идеолог немецкой дискуссии по проблемам бедности, кёльнский политолог Кристоф Буттервегге, косвенно признаётся, что бедность для него — понятие политической борьбы, в широком смысле нацеленное на сокращение неравенства. Буттервегге умудрился сочинить

толстую книгу в 350 страниц о бедности в Германии; хотя книга и содержит множество цифр, но не приводит ни одной непротиворечивой статистики. По его собственному выражению, он — как Черчилль — верит только той статистике, которую сфальсифицировал сам. Буттервегге избегает эмпирически содержательного и измеримого определения бедности со следующим основанием: «Тот, кто хочет изменить положение бедных, правильно поступает, стараясь изменить те образы бедности, которые посредством СМИ сформированы политически влиятельными официальными лицами. Только изменив их, можно будет сократить бедность и воспрепятствовать тому, чтобы возникла новая»⁵¹. Буттервегге типичный представитель той касты учёных, политиков и функционеров всяческих объединений, которая добывает себе значимость тем, что определяет бедность в Германии экстенсивно, а оплакивает её интенсивно. С высоты морального превосходства и самоуверенности он и ему подобные заполняют все ток-шоу, в которых они разделявают тех, кто смеет оперировать фактами и цифрами.

Гарантированный минимальный доход в Германии не возмутительно низок, а возмутительно близок к нижнему уровню заработной платы. Хотя это и делает менее болезненным погружение в нижний слой, а существование нижнего слоя — более сносным, но и поощряет рост и укрепление этого слоя и его постепенное размежевание с остальным обществом.

Если образованная продавщица получает в месяц 1200 евро нетто, а пособие по безработице для одинокого человека составляет около 700 евро, то продавщица работает — в пересчёте на нетто-доход через социальное пособие, которое она получала бы, если бы не работала, — за почасовую оплату в 3 евро. Но если нетто-доход продавщицы слегка повысить, тогда вся пирамида доходов потеряет равновесие. Ведь если молодой, одинокий врач больницы получает, включая дежурства, около 2100 евро нетто в месяц, то доход продавщицы уже не покажется столь низким. Итак, что должно побудить рационально мыслящего получателя гарантированного государством минимального дохода действительно напрягаться в поисках работы? Если у него есть возможность от случая к случаю подработать нелегально, то он, пока у него есть уверенность, что гарантированный государством минимальный доход не будет ни урезан, ни отменён, не увидит никакого смысла в таких усилиях, разве что у него появится какая-то внутренняя мотивация непреодолимой силы.

Но для одиночки материальный вопрос не так проблематичен, как недостаток вызовов. Те, кому ещё ни разу не приходилось или не приходится приспосабливаться к требованиям рынка труда, со временем утрачивают

многие компетенции, очень важные в социальном обиходе. Это относится в первую очередь к тем, кого безработица коснулась не на исходе трудоспособного возраста, в особенности к тем, кто с ней уже смирился и как бы врос в неё. И в обществе в целом проблема растущего нижнего слоя состоит не в государственном финансировании его существования — немецкое народное хозяйство в долгосрочной перспективе ещё достаточно богато, чтобы нести эти расходы, — а в постепенном отключении этого нижнего слоя от общества и в последствиях, которые вырастают из этого для всего государства, для его общественной стабильности и будущности.

Таковы структурные соображения. Взгляд на целевую группу, на её бытование, надежды и недуги вскроет совсем другие проблемы, и никакие рассуждения не заменят нам этот пристальный взгляд. Справедливо, однако, и то, что сочувствие и сострадание тоже не могут заменить структурные соображения.

В волнующем репортаже «Германия третьего класса»⁵² жизненная ситуация людей из нижнего слоя и тех, кто сопротивляется падению в более низкий класс, показана с индивидуальной точки зрения самих представителей этой целевой группы. Авторы не занимают — и в этом сила их повествования — какую-либо позицию по отношению к причинам и не предлагают своих решений. В исследовании «Арабский парень. Юность в Германии, или Короткая жизнь Рашида А.» точно и беспощадно описан параллельный мир неудачников, в котором обосновалась большая часть турецких и арабских мигрантов, и предлагаются неявные начатки решения⁵³ (подробнее об этом см. в гл. 7).

Инге Клёпфер весьма наглядно описывает в своей книге «Восстание нижнего слоя»⁵⁴ растущую проблему бедности в Германии и развивает в общих чертах следующий тезис: доля малообразованных людей впадает в относительную бедность. Этот процесс продолжается, потому что потомство наследует дефициты и родительский образец жизни. Растущие демографические проблемы и падающая работоспособность занятых трудом со временем перегрузит сети нашего финансового обеспечения. Это надолго приведёт к напряжениям и социальным волнениям и грозит условиям жизни западных немцев. Такова бесспорно верная часть её анализа. Хотя Инге Клёпфер и не формулирует этого, она подразумевает, что относительная бедность является причиной дефицита образования и поведения. Она показывает нам, что с государственным минимальным доходом, определённым через основное обеспечение и Hartz IV, достойный образ жизни, в первую очередь разумное питание и достаточная медицинская профилактика, невозможен. Выдвинуть такой тезис можно, но затем его следует

проверить на эмпирическое содержание и подробно показать причинную связь между уровнем дохода и дефектным поведением. Тему детской бедности она тоже не анализирует со всей тщательностью, а объявляет появление детей в семье риском бедности, не исследуя, почему люди с низким уровнем образования и без стабильного встраивания в рынок труда имеют — такова тенденция — больше детей.

Исходя из определения бедности, данного индийским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Амартией Сеном, что бедность есть «недостаток элементарных шансов осуществления» или возможностей развития, Клёпфер утверждает, что «возможности развития, в свою очередь, сильно зависят здесь (в Германии) от материального положения». В своей размытости это определение не ошибочно, однако оно внушает нам, что улучшение материального положения путём повышения выплат может якобы улучшить нематериальные возможности развития и проявления нижнего слоя. Этого, конечно, нельзя исключать, однако можно исходить из того, что более высокий непроеизводительный минимальный доход никак не способствует инициативности, усердию и готовности к труду.

Клёпфер связывает ход своих мыслей с историей Яши из Берлина, который, будучи третьим ребёнком матери-одиночки, отстаёт в школе да и в остальном тоже не справляется с жизнью. При этом неясно, кто и в чём тут виноват, и вопрос, какую ещё дополнительную поддержку государство могло бы оказать Яше и его матери, остаётся без ответа. Нельзя не заметить расхождение с анализом Франца Вальтера, который исходит из того, что для большей части прекариата* уже давно не является образцом трудолюбивый, ориентированный на рынок труда человек: «Заметно также то, что нижние слои 2008 г., в отличие от квалифицированного промышленного пролетариата 1890, 1920 или 1960 гг., в своём преобладающем числе больше не ставят перед собой долгосрочных целей и больше не верят в лучшее будущее для себя, достигаемое повышением квалификации. Эмансипация, достигнутая через образование, организованность и упорную, последовательную работу по реформированию общества — опорные столпы представлений классического рабочего движения и социал-демократии, — больше не принадлежат к идентичности и надеждам людей, лишённых привилегий»⁵⁵.

Вопрос, как можно повысить сопротивляемость непривилегированного подрастающего поколения, Клёпфер едва затрагивает. Чёрный американец Роланд Фрайер, который в 27 лет стал профессором в Гарварде и сегодня,

* *Прекариат* — аналог пролетариата в постиндустриальном обществе.

в свои 32 года, является известным исследователем в сфере образования, выходец из куда более жалких условий, чем Яша, сосредоточивается в своих исследованиях на вопросе: как можно поспособствовать готовности нижнего слоя к образованию и труду. В отличие от Клёпфер и некоторых других, Фрайер чётко определяет субъективные дефициты, потому что он знает, что преодолеть их можно, но для этого необходима настойчивость.

Книга Клёпфер типична для эмоциональной и подвижной скорее сострадаанием, нежели строгим анализом, немецкой дискуссии, которая остаётся на поверхности, и хотя охотно скандализирует ситуацию, всё же на самом деле не разбирается в причинно-следственных связях и возможностях решения.

Интеллект и демография

Данные микропереписей населения уже давно свидетельствуют о том, что в Германии женщины с университетским дипломом рожают детей меньше среднего показателя, а нередко даже остаются бездетными. Предметом дискуссии был вопрос, не является ли более поздний возраст первых родов у образованных женщин тем пунктом, который ведёт к ошибочному толкованию статистических данных. Но даже критики такой интерпретации не оспаривали, что доля бездетных выпускниц университетов перешагнула отметку в 40%, правда, они указывают на то, что у выпускниц высших профессиональных училищ этот процент ниже⁵⁶.

Опыт показывает, что первые роды после 40 лет крайне редки. Опубликованный в 2009 г. отчёт по микропереписи 2008 г. в отношении бездетности отражает такой результат: среди женщин с высшим образованием в возрасте от 40 до 75 лет 26% не имели детей, со средним образованием таких было 16%, а с начальным образованием — 11%⁵⁷. Также количество детей, приходящееся на женщину, уменьшается по мере роста уровня её образования. Среди женщин с начальным образованием (по состоянию на 2008 г.) 39% имели троих и более детей, со средним образованием таких было 21%, а с высшим образованием — 19%⁵⁸ (см. также гл. 8).

Данные Федеральной службы статистики относятся к тем категориям женщин, которые сгруппированы по году рождения и репродуктивная фаза которых уже закончилась совсем или в значительной мере, то есть эти данные относятся к прошлому. Ещё показательнее было бы, если бы родившихся в Германии в настоящее время детей можно было сгруппировать по социально-экономическому статусу их матерей. Но это, к сожалению, невозможно из-за показателей, которые статистика учитывает при родах. Однако важные указания содержатся в упомянутом исследовании, когда оно учитывает

основную массу берлинских первоклассников⁵⁹. Из данных по первоклассникам можно увидеть путём углублённой оценки, что репродуктивное поведение в высокой мере зависит от принадлежности к определённом слою. В берлинском исследовании слой определялся не по доходам, а по уровню образования и занятости. При этом, как уже упоминалось, весь основной массив первоклассников разделился таким образом, что на нижний, средний и верхний слои пришлось по одной трети. Углублённая оценка показывает, что доля детей нижнего слоя растёт тем больше, чем больше семья первоклассника: 49,5% первоклассников немецкого происхождения из семей, имеющих четырёх детей и более, относится к нижнему слою, в семьях немецкого происхождения этот показатель ещё выше — 78,5%⁶⁰.

Также и в этом случае ничто не мешает нам распространить на всю территорию ФРГ зависимость репродуктивного поведения от принадлежности к определённому слою, доказанную в берлинских данных по первоклассникам, тем более что статистические данные подтверждаются повседневными наблюдениями в школах. Следовательно, нужно исходить из того, что по демографическим причинам доля нижнего слоя в населении непрерывно растёт. В отношении мигрантов уже было показано, что особенно много потомства имеют те мигрантские группы, которые приходится классифицировать как самые необразованные, то есть в первую очередь это мигранты из Турции, с Ближнего Востока и из Африки (см. табл. 3.1, с. 57). На это же указывают и результаты изучения рынков труда. По этим данным женщины, которые не очень хорошо интегрированы в рынок труда, а то и вовсе не интегрированы, сильнее склонны рожать, ещё больше увеличивая количество детей в семье⁶¹.

Школьное образование и воспитание детей из так называемых необразованных слоёв осуществить намного труднее, а успехи их намного ниже, чем у других детей. Исследователи в сфере образования относят это на счёт дефицита социализации, который обусловлен происхождением. Логично, что наличие значительной доли детей из необразованных слоёв используется политиками в области образования для объяснения крайне плохих результатов PISA в немецких городах-государствах, хотя там подушные расходы на образование существенно выше, чем в немецких землях. То есть диагностированные дефициты социализации проявились бы даже в том случае, если бы интеллект вовсе не был наследственным или был бы таковым в малой мере. Интеллект, однако, наследуется на 50–80%, поэтому послойные различия в репродуктивном поведении, к сожалению, означают и то, что унаследованный интеллектуальный потенциал населения

непрерывно слабеет. Этот эффект в долгосрочной перспективе решающим образом сказывается на будущности общества.

Тем самым обостряется та проблема, что на нижнем конце пирамиды одарённости и квалификации слишком мал спрос, а на верхнем конце слишком мало предложение. В индустриальном обществе и современном социальном государстве это становится делом, не терпящим отлагательства, поскольку тысячелетний образец селекции больше не действует. Ещё в XIX в. коэффициент воспроизводства нижнего слоя был существенно меньше, потому что многие люди были слишком бедны, чтобы создать семью, к тому же много детей умирало. Такое положение дел никто не захотел бы вернуть. Куда действеннее было бы решить проблемы, которые ставят под угрозу существование социального государства. На то, как при этом сказываются количество и качество, указал ещё давний теоретик социального государства Гуннар Мюрдаль⁶² (об этом см. в гл. 6 и 8).

С того времени, как Чарльз Дарвин в 1859 г. опубликовал свой труд «Происхождение видов», а Грегор Иоганн Мендель в 1865 г. своё сочинение «Опыты над растительными гибридами», стало очевидно, что живая природа, а тем самым и человек эволюционируют посредством механизма селекции и наследования свойств. К наследуемым свойствам принадлежат и способности мозга. Только поэтому млекопитающие с принципиально сходной основной структурой мозга развивают разный профиль и уровень интеллекта; приматы выделяются интеллектом среди млекопитающих, а человек — среди приматов. Всякий кинолог или коневод, собственно, кормится тем, что существуют большие различия в темпераменте и профиле одарённости животных, и эти различия наследственные. Это значит также, что некоторые животные просто намного тупее или намного умнее остальных представителей их породы.

Френсис Гальтон был первым, кто занялся — на основе дарвиновской теории происхождения видов — изучением развития и наследования человеческого интеллекта⁶³. Он был отцом исследования интеллекта. Эти исследования пробудили опасения, что различная фертильность разных групп населения окажет дисгенические* воздействия и сможет поставить природную селекцию как бы с ног на голову. В основе этих опасений лежала простая логическая мысль: если верно, что интеллект частично наследуем, и если верно, что группы населения с различным интеллектом имеют разную репродуктивную способность, то последняя скажется на среднем уровне интеллекта этого населения.

* *Дисгенические* — ухудшающие наследственные свойства, генетически опасные.

Зависимость репродуктивного поведения в Германии от принадлежности к определённому слою эмпирически установлена как стабильный тренд, доказано также, что между принадлежностью к определённому слою и интеллектуальными достижениями существует тесная связь. К тому же среди серьёзных учёных сегодня больше нет сомнений в том, что человеческий интеллект наследуется на 50–80%⁶⁴, поэтому в принципе не оспаривается то обстоятельство, что при различной фертильности групп населения с различным интеллектом могут наступить евгенические* или дисгенические эффекты⁶⁵.

Пример тому даёт евангелическая церковь. Со времён Реформации она отбирала для духовного пути самых умных мальчиков. Евангелические пасторские семьи традиционно были многодетными, и эти дети в просторных пасторских домах, при хорошем питании имели и повышенные шансы выживания. У католиков целибат препятствовал размножению этой части интеллигентного населения (по крайней мере, насколько это можно было отследить). На удивление большая часть немецкой научной элиты XIX и XX вв. числит в своих предках немецких пасторов. Ещё в 60-е гг. прошлого века немецкие профессора имели преимущественно евангелическую принадлежность.

Уже ранние исследования интеллекта установили, что у евреев европейского происхождения IQ на 15 пунктов выше, чем у других представителей европейских народов и их потомков в Северной Америке. Этот результат коррелирует с научным и профессиональным успехом, значительно превосходящим средний уровень, у этой сравнительно небольшой части населения.

- Со времени учреждения Нобелевской премии в 1901 г. было присуждено 204 премии по физике и химии 344 учёным; 22% лауреатов были еврейского происхождения⁶⁶.
- В Германии в 1933 г. евреи составляли 0,8% населения. Но они были сконцентрированы в больших городах, прежде всего в Берлине и Гамбурге, и были заняты преимущественно в области торговли, денежного обращения и в сфере услуг. В банковской системе, науке, СМИ, среди врачей и адвокатов они были представлены намного выше среднего уровня, отчего и их профессиональный и тем самым экономический успех существенно превышал средний уровень населения в целом⁶⁷. В Берлине доля еврейского населения доходила в 1905 г. до 5%, однако евреи составляли 14% плательщиков

* *Евгенические* — улучшающие наследственные свойства, генетически ценные.

подоходного налога и обеспечивали 31% поступлений подоходного налога⁶⁸. В 1928 г. они составляли 80% ведущих членов Берлинской биржи⁶⁹.

- В 1910 г. в немецких университетах 19% всех преподавателей были евреи. На отделениях юриспруденции и медицины еврейские студенты составляли 25%, на философском отделении — 31%. С 1905 по 1931 г. 32 Нобелевские премии за научные достижения были вручены немецким лауреатам, десять из которых были евреи.
- В Германии была велика роль евреев в области искусства и литературы, равно как и в СМИ: в 1931 г. половина из 234 директоров театров были евреи, а в Берлине даже 80%, и 75% поставленных в 1930 г. театральных пьес написаны евреями. Их доля среди журналистов ещё в 1881 г. составляла 9% и заметно росла до 1930 г.⁷⁰ Карл Маркс и Зигмунд Фрейд, основатели двух самых влиятельных современных учений о благе, были еврейского происхождения.
- Сходным было положение дел и в Австро-Венгрии: в 1910 г. доля евреев в населении составляла в венгерской части двуглавой монархии 5%, в столице Будапеште их было 20%. Американская журналистка венгерского происхождения Кати Мартон описала мировые карьеры девяти еврейских эмигрантов из Будапешта, которые после Первой мировой войны из-за репрессий режима Хорти покинули Венгрию и впоследствии стали знаменитыми, среди них физик Эдвард Теллер, математик Джон фон Нейман и фотограф Роберт Капа. «К 1910 г. половина врачей и адвокатов, треть инженеров и четверть деятелей искусства и литературы в Будапеште были евреи. Более 40% журналистов, работавших в 39 газетах Будапешта, были евреи»⁷¹.

В средние века евреи были изгнаны из Англии и Франции полностью, а из Германии по большей части, они расселились в Польше, на Украине и в Прибалтике. У них выработался типичный идиш со славянскими элементами и прежде всего особая культура. Специфическая культура восточноевропейских евреев и высокий статус, которым обладали в их общине интеллектуалы и образованные люди, привели к тому, что самые умные размножались, превышая среднеарифметический показатель⁷². Погромы повторялись, а они выживали. Евреи в германском рейхе и в монархии Габсбургов происходили большей частью от реэмигрантов из восточноевропейских поселений.

Более высокий интеллект евреев объясняется чрезвычайным давлением естественного отбора, которому они подвергались в христианском мире

Западной Европы. Традиционные ремёсла, равно как и сельское хозяйство, были для них долгое время под запретом, а христианам, напротив, была недоступна денежно-финансовая сфера из-за религиозного запрета ростовщичества. Евреи были оттеснены в торговлю, банки и интеллектуальные профессии. Люди письменной учёности пользовались особым уважением. Раввин имел высокие шансы продолжения рода, поскольку мог взять в жёны дочь богатого еврейского коммерсанта. Веками проводимая семейно-матримониальная политика, дававшая интеллектуальному элементу повышенный шанс продолжения рода, постепенно привела к формированию повышенного уровня интеллекта⁷³. Установленное перед Первой мировой войной интеллектуальное превосходство европейских евреев выразилось в IQ, составлявшем у них в среднем 115. Ещё и сегодня у евреев Северной Америки выявляется тот же порядок величин⁷⁴, и они представлены намного выше среднего уровня в науке, интеллектуальных профессиях и бизнесе.

Участие немецких учёных еврейского происхождения перед Первой и Второй мировыми войнами в создании основ исследований интеллекта было определяющим. Например, психолог Вильгельм Штерн (род. в 1871 г. в Берлине), один из основателей Гамбургского университета накануне Первой мировой войны десять лет занимался выработкой критериев оценки интеллекта и в 1912 г. ввёл понятие «коэффициента умственного развития». Он эмигрировал в 1935 г. в США и умер там в 1938 г.

Психолог Вильгельм Петерс (род. в 1880 г. в Вене) исследовал на основании табелей и аттестатов связь между школьной успеваемостью родителей и их детей, а также влияние наследственности на умственные способности детей и вычислил корреляцию *сибсов**, которую можно объяснить наследственным фактором, она равна 0,42. Если принять естественный отбор как результат различных условий жизни этносов, то его вывод из углублённого изучения наследования способностей таков: нельзя исключить возможность наследственных различий между этносами и в области психического развития. 28 апреля 1933 г. Петерсу пришлось покинуть свою кафедру в Эрфурте. Он эмигрировал в Турцию, где в 1937 г. получил работу в университете Стамбула⁷⁵. Его побеждённый в 1923 г. конкурент в соискании преподавательской должности в Эрфурте стал впоследствии председателем Немецкого общества психологов и в 1938 г. на 16-м конгрессе этого общества громил «еврейские тесты на интеллект Вильяма Штерна», которые «однозначно настроены на преобладающий у евреев тип интеллекта»⁷⁶.

* *Сибсы* — потомки одних родителей, родные братья и сестры.

Тест на интеллект, который евреи проходили с результатом 115, тогда как немецкие господа получали в среднем только 100, был неприемлем в Германии. Однако не только нацисты отказались от тестов на интеллект из-за их якобы еврейского характера. В 1931 г. в Советском Союзе применение опросных листов и тестов на интеллект тоже было запрещено, потому что результаты тестов, проведённых в 1920-е гг., идеологически не устраивали власть имущих. Генетики в ходе великих чисток подвергались преследованиям, ибо в Советском Союзе не только были под запретом тесты на интеллект, но и оспаривалась научность законов Менделя. Запрет тестов на интеллект после 1945 г. распространился и на все братские социалистические государства. Этот запрет в ГДР с начала 1970-х гг. стали обходить, но результаты оставались под замком⁷⁷.

Я несколько подробнее коснулся немецко-еврейских истоков изучения интеллекта, поскольку обсуждение генетических компонентов интеллекта часто наталкивается на большое эмоциональное сопротивление. Тот факт, что интеллект частично наследуется, трудно уживается с представлениями о равенстве, в соответствии с которыми причины неравенства среди людей следует искать в первую очередь в социальных и политических условиях⁷⁸.

Различные умственные способности, измеренные в тестах на интеллект, позитивно коррелируют между собой и для каждого тестируемого ведут к повторяемо стабильным результатам. Высокая позитивная корреляция указывает на то, что все тесты измеряют одно и то же, а именно: общие умственные способности. Измеренный интеллект положительно соотносится с профессиональными достижениями и общим жизненным успехом тестируемого. Но это не значит, что влияние среды в широком смысле не играет роли. Тем не менее можно видеть, что в случаях, когда исследуется влияние и интеллекта, и социоэкономического фона на успех в школе или последующий вузовский успех, влияние интеллекта преобладает над влиянием среды⁷⁹.

Решающим в итоге является не результат отдельного теста на интеллект, а знание того, что умственные способности человека существенно различаются и эти различия *частично* обусловлены наследственностью. Если бы интеллект был целиком наследственным, а сексуальное поведение партнёров распределялось случайно, тогда по законам менделевского учения о наследственности корреляция интеллекта должна была бы у однояйцевых близнецов равняться 1, у сиблингов — 0,5, между родителями и детьми она равнялась бы тоже 0,5, между внуками и дедами составляла бы 0,25. На самом деле эмпирические исследования показывают, что корреляция интеллекта однояйцевых близнецов равна 86%, если они растут вместе, и равна 78%,

если при рождении они были разлучены. У двухъяйцевых близнецов с общим домом корреляция равна 60%, у вместе растущих сибсов — 47%⁸⁰. Измеренная высокая корреляция у однойяйцевых близнецов, независимо от того, растут ли они вместе или отдельно, является весомым показателем наследуемости интеллекта и позволяет оценить наследуемость интеллекта в 80%. Но наследуемость меняется в зависимости от возраста и варьируется в зависимости от вида достижений интеллекта⁸¹. В одном шведском исследовании учёные показали, что 40% интеллекта объясняются влиянием среды, а 60%, следовательно, наследственностью⁸². В общем, действительно, кристаллизованный интеллект, который частично строится на применении унаследованных навыков, у близнецов, а также сибсов коррелирует выше, чем текучий, или подвижный, интеллект. Последний же показывает, как и следовало ожидать, значительные различия у однойяйцевых и неоднойяйцевых близнецов. Итак, современное состояние исследований таково, что те, кто делает упор на наследственность интеллекта, оценивают её долю в 60–80%, тогда как те, кто в большей мере ориентирован на влияние окружения, отводят на долю наследственности 40–60%. Серьёзных сомнений в этом состоянии исследований нет⁸³.

Для контекста, о котором здесь идёт речь, неважно, составляет ли наследуемость интеллекта 40, 60 или 80%. Как бы ни осуществлялся интеллект, при более высокой относительной фертильности людей с низким интеллектом падает средний интеллект основной массы. Мы это видим по современной Германии и видели ещё по старой ФРГ. Внутри одного поколения это едва сказывается, но в череде поколений уже даёт статистически значимые эффекты. Для США определено, что средний IQ рожаящих женщин равен 98%⁸⁴. В бывшей ГДР эффект был обратный: тогда как в старых федеральных землях бездетность женщин со средним или высшим образованием была вдвое выше, чем у женщин, имеющих начальное образование или не учившихся, в ГДР у образованных женщин бездетность была ниже среднего уровня. Студентки рано рожали своих детей — и рожали почти все, за небольшим исключением. Это сказывалось позитивно на среднеарифметическом интеллекте родившихся там детей. Связанные с этим последствия усиливались, если выбор партнёра был не случайным, а интеллигентные женщины предпочитали связывать себя с интеллигентными мужчинами, а женщины попроще — с мужчинами попроще.

В целом различные исследования приводят к единому результату: измеренный интеллект сильно обусловлен принадлежностью к определённому слою. Из верхнего слоя и верхней прослойки среднего слоя в Германии

происходит большинство высокоодарённых людей⁸⁵. Исследования в США показали, что измеренная взаимосвязь интеллекта супружеских пар составляет 40–45%, то есть почти равна корреляции интеллекта родных братьев и сестёр⁸⁶. Ведущееся с 1979 г. масштабное долгосрочное исследование, построенное на выборочной проверке 12 тыс. молодых людей, которым в 1979 г. было от 14 до 22 лет, однозначно подтверждает, что измеренный интеллект и жизненный успех, соотнесённый с уровнем образования и доходами, в высокой степени коррелируют между собой⁸⁷. Существует 90%-ная вероятность того, что ребёнок из бедной семьи нижнего слоя со средним IQ 100 избежит бедности, тогда как вполне может статься, что недалёкое дитя из семьи среднего слоя окажется ввергнуто в бедность⁸⁸.

Сходная взаимосвязь действительна для всего мира, если исследовать измеренный средний IQ наций и их экономический успех. Можно по-разному интерпретировать этот основной факт и подтверждать его разными объяснениями. Статистическая взаимосвязь всё же неоспорима⁸⁹. Она подкреплена новой теорией экономического развития, которая исходит из того, что экономически успешным людям необходима среди прочего фертильность, превышающая средний уровень, чтобы запустить устойчивый процесс длительного развития⁹⁰.

Национальный IQ всегда нормирован таким образом, что среднее значение его равно 100. При этом в западных индустриальных странах с 1930-х до середины 1980-х гг. отмечается рост среднего значения IQ на 2–3% в десятилетие. Этот рост, правда, осуществляется в основном в области интеллекта ниже среднего, а не у высокоодарённых людей⁹¹. Этот «эффект Флинна», названный так по имени его открывателя, объясняется стимулами современного индустриального общества, лучшим образованием и лучшим питанием⁹², которые и позволили некогда обделённым людям эффективнее использовать их генетический потенциал. Этот эффект, правда, больше не действует. Как показывают исследования, проведённые в Дании и Норвегии, постепенно он даже идёт на попятную, что выражается в спаде измеренного среднего интеллекта⁹³. Для Германии исследования PISA, частично сходные с тестами на интеллект, могут интерпретироваться в аналогичном направлении⁹⁴.

Подведём итоги: наше общество сокращается, стареет, становится более разнородным и менее работоспособным, если сравнивать по факторам образования. То, что в Германии слишком много детей растёт в так называемых необразованных слоях зачастую с пониженным интеллектом, уже из демографических оснований снижает наш умственный уровень. Доля

людей, которые из-за недостатка образования, а также низкого уровня интеллекта лишь с трудом могут интегрироваться в современную трудовую жизнь, структурно увеличивается.

Есть вещи, на которые сравнительно легко можно повлиять, например проблема питания. Все исследования показывают, что полноценный завтрак заметно повышает работоспособность и готовность к труду у детей⁹⁵. Но в семьях из нижнего слоя зачастую вовсе не бывает завтрака, так что дети уже приходят в школу с ограниченной работоспособностью. С другой стороны, сильно снижает умственную работоспособность калорийная, но не сбалансированная еда, в первую очередь, слишком жирная и сладкая. Здесь можно было бы выйти из положения общими обедами в школе. Это было бы ответом общества на то, что постоянно растёт доля родителей, не уделяющих внимания своему потомству.

Но это не структурное и не долгосрочное решение. Поскольку если на нижнем конце вертикальной шкалы социального ранга число детей превышает среднеарифметическое значение в нашем убывающем обществе, то нация или общество, затронутые этой устойчивой проблемой, одним только здоровым питанием с ней справиться не смогут⁹⁶.

В дальнейшем я покажу те недостатки и ошибки в борьбе с бедностью, в организации рынка труда и формировании политики рынка труда, в политике образования, в действиях по отношению к миграции и интеграции, в политике населения и семьи, которые являются причинами имеющихся негативных тенденций и наводят на размышления о том, *что* можно изменить в политике соответствующей области.

Это внушающее тревогу развитие неотвратимо лишь в том случае, если мы примем как должное и неизменное нынешнее состояние дел и преобладающие в них направления, а также общие материальные условия. Остаётся открытым вопрос, готова ли общественность, которая должна стать политическим большинством, к таким значительным переменам, которые я предложу, и если да, то как организовать этот процесс, поскольку водораздел здесь проходит не вдоль партийных границ или по классической схеме левые-правые. Он проходит, во-первых, между теми, кто мыслит сегодняшним днём, и теми, кто смотрит в будущее, а во-вторых, между теми, кто понимает перемены, скорее, как внештатное событие, и теми, кто понимает их как конструктивную задачу.

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО

МНОГО БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ, МАЛО ОТВАГИ ДЛЯ ПРАВДЫ

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их.

Евангелие от Матфея (6:26)

Тем, кто слаб и беспомощен, на кого наваливаются беды, кто не может собственными силами достойно прокормить себя и своих близких, должна быть оказана помощь, и её приходится оказывать. Мы, как жители и граждане своей страны, в долгу перед нашими согражданами, и для нашего общества это нечто само собой разумеющееся.

Но в каком случае считать человека нуждающимся, а в каком случае — бедным? Какое значение имеет бедность в нашей стране на самом деле и какова её социальная обусловленность? Какие существуют точки приложения, чтобы побороть её, какая взаимосвязь прослеживается между причинами бедности и их преодолением и какую роль играет во всём этом индивидуальное восприятие?

В 1974 г. организация «Молодые социалисты» потребовала законодательно ограничить ежемесячный доход на человека суммой в 5000 немецких марок. Это требование натолкнулось на большое общественное возмущение и было воспринято как волонтаризм. Я тоже был возмущён, хотя и мог объяснить себе это ограничение: председателем «Молодых социалистов» была тогда Хайдемари Вичорек-Цойль, учительница, а мужем её был университетский ассистент Норберт Вичорек. Каждый из них тогда получал по тарифу федеральных служащих доход группы Па, и в 1974 г. это составляло около 2500 немецких марок брутто. Если кто-то зарабатывал вдвое больше, он казался им очевидно богатым, — вот так, пожалуй, и родилось это постановление «Молодых социалистов». Оно было явно ориентировано на собственное положение. Если спросить госпожу Вичорек-Цойль сегодня, то она

установила бы это ограничение на более высоком уровне. Проведённый в 2005 г. СЕПП* налог на богатство начинается приблизительно от удвоенного жалования федерального министра, и это не случайно.

Уличный опрос имел бы, пожалуй, такой результат: кто зарабатывает вдвое больше опрошенного, тот считается богатым, а кто имеет вдвое меньше, чем он, беден. Кто имеет *больше*, чем в два раза, тот *очень богат*. Различия большего масштаба гражданин обычно уже не воспринимает. И это счастье для действительно богатых. Ибо такое восприятие ведёт к тому, что волнения по поводу использования служебной машины госпожой федеральным министром, которая в месяц зарабатывает 8000 евро нетто, намного больше, чем волнения по поводу бонуса члена правления фирмы Porsche, выраженного трёхзначным числом миллионов. Итак, бедность в первую очередь вопрос индивидуального восприятия.

Что, собственно, такое — бедность?

Определение

Среди многообразных посулов государства центральным обещанием является свобода от материальной нужды: никто не должен голодать, испытывать жажду и мёрзнуть. Каждый должен иметь возможность рационально питаться, прилично одеваться и иметь крышу над головой.

Бедность мы связываем в первую очередь с оборванными детьми-прошайками в индийских трущобах или с голодом в зоне Сахеля**. Это как бы библейское понимание бедности, и мы им глубоко проникнуты, поэтому публикации о «бедности в Германии», в нашей богатой стране, мы воспринимает, если вообще принимаем на веру, в принципе как скандальные. Понятие бедности очень эмоционально окрашено и имеет лишь небольшое аналитическое содержание. Ведь мы представляем себе бедного, который не может удовлетворить простые материальные потребности, и соответственно бьём по этому поводу тревогу. Но имеется в виду совсем иное, когда мы слышим или читаем о бедности в Германии.

По опросу Института демоскопии Алленбах, проведённому в августе 2009 г., 15% опрошенных оценили своё экономическое положение как

* СЕПП — Социалистическая единая партия Германии была ведущей марксистско-ленинской партией в ГДР. 4 февраля 1990 г. переименована в ПДС — Партию демократического социализма (СЕПП-ПДС).

** Сахель — африканская тропическая саванна.

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО

Источник: Управление Сената Берлина по делам финансов, по состоянию на февраль 2008 г. Данные о нетто-доходах, включая социальные выплаты из расчёта на одного человека. До 1990 г. включительно — ФРГ, с 1990 г. — включая новые земли, входившие ранее в состав ГДР.

Рис. 4.1. Средний доход и граница риска бедности в разные годы

тяжёлое, весной 2008 г. таких было 14%¹. По концепции ОЭСР риск бедности возникает при 60 (или менее) процентах эквивалентного нетто-дохода (среднее значение нетто-дохода, сопоставленного с величиной домохозяйства). В 2005 г. это касалось 13% населения Германии², но в среднем за три года риску бедности подвергалось лишь 7%³. Для одинокого человека риск бедности начинается с наличного дохода в 781 евро в месяц или менее, для домохозяйства с двумя взрослыми и двумя детьми моложе 14 лет граница проходит от 1640 евро или менее.

При скромных расходах порог риска бедности, определённый таким образом, не имеет ничего общего с бедностью в библейском смысле или с бедностью в представлениях XIX в. Порог риска бедности в Германии сегодня выше, чем средний нетто-заработок немцев в апогее экономического чуда начала 1960-х гг. (рис. 4.1).

Ступени бедности

Имеет смысл — и обычно так и делается — различать ступени бедности. Ближе всего к традиционному пониманию бедности стоит и относительно просто поддаётся определению *физический прожиточный минимум*.

В Индии он представляет собой пресловутую чашку риса, в Германии ту сумму денег, которая спасёт нас от голода и холода.

Следующая ступень — это так называемый *социокультурный прожиточный минимум* (табл. 4.1). В Германии он устанавливается через нормы социальной помощи, которые действительны и для основного обеспечения по старости, и для пособия по безработице II. При исчислении подоходного налога и налога на зарплату они являются одновременно нижней границей прожиточного минимума для предоставления освобождения от налога. У кого заработок меньше этого минимума, тот освобождается от налога⁴.

Социокультурный прожиточный минимум, который обеспечивает государство, должен защищать от физической бедности и позволять на скромном уровне участие во всеобщем материальном стандарте жизни общества. Норма закладывается по фактическим расходам на потребление, которые для нижних 20% домохозяйств, где нет получателей социальной помощи, определяются каждые пять лет путём выборочной проверки доходов и расходов. В промежуточное время производятся поправки в соответствии

Таблица 4.1

Социокультурный прожиточный минимум и эквивалентный доход

Параметр	Одинокий	Супружеская пара	Ребёнок	Семья с двумя детьми
Норма	4368	7860	2820	13 500
Расходы на жильё	2520	4164	840	5844
Расходы на отопление	768	972	204	1380
Материальный прожиточный минимум:				
годовой	7656	12 996	3864	20 724
месячный	638	1083	322	1727
средний эквивалентный нетто-доход	1301	1951		2732
Степень покрытия эквивалентного нетто-дохода (%)	49,0	55,5		63,2

Данные по материальному прожиточному минимуму взяты из «Седьмого отчёта по прожиточному минимуму» от 21 ноября 2008 г. (брошюра бундестага 16/11065). Сведения по эквивалентному нетто-доходу см.: *Deckel S. Leben in Europa 2005 und 2006, Ergebnisse für Sozialindikatoren // Wirtschaft und Statistik 9/2008. S. 799 f.*

с ростом пенсий. Таким образом гарантируется, что получатели социальных выплат не отстанут от общего развития личного потребления⁵. Поскольку помимо этого — в рамках критериев соответствия — фактические расходы на жильё и отопление становятся основой для возмещения расходов, в расчёт принимаются разные расходы на жильё — как по регионам, так и по городам и землям.

Определения ОЭСР в отношении бедности уже стали повсеместно принятым стандартом. По этим определениям *относительная граница бедности* проходит на 50% *эквивалентного нетто-дохода*, риск впасть в бедность предполагается, как уже упоминалось, при 60%. Этот так называемый *порог риска бедности* в немецких дискуссиях постоянно путают с границей бедности. Тогда как граница бедности для ОЭСР проходит на 40% среднего эквивалентного нетто-дохода.

При пересчёте в эквивалентный нетто-доход становится возможным принять в расчёт семейное положение и тем самым учесть, что расходы на человека в большем домохозяйстве уменьшаются. По сравнению с домохозяйством одиноких расходы устанавливаются следующим образом:

- двое взрослых без детей — в 1,5 раза больше;
- один родитель с двумя детьми моложе 14 лет — в 1,6 раза больше;
- двое взрослых с двумя детьми моложе 14 лет — в 2,1 раза больше⁶.

Таким образом, эквивалентный доход нетто снижается при прочих равных условиях дохода, если число домохозяйств одиноких и семей с одним родителем увеличивается. Поскольку эквивалентный доход нетто может служить мерилom для социальных выплат, потребность в социальных выплатах растёт с увеличением количества людей, состоящих в разводе или не создающих совместное хозяйство⁷.

Федеральный конституционный суд своим решением от 9 февраля 2010 г. по вопросу нормирования Кодекса социальных законов II (закон Hartz IV)⁸ осудил не размер ставки социальной помощи, а порядок её исчисления. В тезисах это звучит так:

«Основное право на обеспечение прожиточного минимума, достойного человека (ст. 1 абз. 1 Основного закона) в связи с принципом социального государства (ст. 20 абз. 1 Основного закона) каждому нуждающемуся в помощи гарантируются такие материальные условия, которые необходимы для его физического существования и для минимального размера участия в общественной, культурной и политической жизни... Они по существу не наличные и должны погашаться, однако требуют

конкретизации и постоянной актуализации со стороны законодателя, который должен выверять будущие услуги по соответствующему состоянию развития и имеющимся условиям жизни. При этом законодателю предоставляется свобода действий».

Поэтому не может быть закреплённого установления для размеров поддержки, однако есть установления для того, что следует обеспечить, а именно — физическое существование и минимальный размер участия в общественных, культурных и политических делах. Представители обвиняемого Федерального правительства являли перед судом жалкое зрелище, когда им не удалось доказать это на имеющемся уровне обеспечения.

Абсолютная и относительная бедность

Относительная бедность означает бедность по сравнению с социальной средой. Если покупательную способность дохода считать равной 100 на относительной границе бедности в Германии (50% среднего дохода), то выявится очень большое расхождение между странами ОЭСР (табл. 4.2). Японец при той же относительной бедности может купить вдвое больше, чем чех, американец — впятеро больше, чем турок, итальянец — вдвое больше, чем поляк, а швейцарец — на четверть больше, чем немец. Сразу становится понятно, почему для многих турок так выгодно жить в качестве бедного в Германии и почему большинство бедных американцев чувствуют себя очень хорошо в собственной стране.

Относительную бедность по концепции ОЭСР можно понимать как внутреннюю меру справедливости распределения внутри страны. В странах, где сравнительно больше людей оказываются вблизи относительной

Таблица 4.2

Покупательная способность на относительной границе бедности в различных странах (индекс Германии = 100)

Страна	Индекс	Страна	Индекс
Швейцария	125,1	Италия	76,2
США	122,6	Польша	36,8
Япония	110,3	Чехия	56,0
Франция	93,5	Турция	23,0

Ср.: OECD (Hrsg.). Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD States. Paris, 2008.

границы бедности, распределение материальных благ более неравномерное. Однако это ничего не говорит об абсолютных условиях жизни, ибо бедный в богатой стране всё ещё устроен лучше, чем человек со средним заработком в бедной стране. Всякий рост экономики и доходов, который не меняет распределения, одновременно повышает порог относительной бедности, то есть само по себе определение относительной бедности таково, что преодоление её путём роста всегда будет похоже на крысиные бега, в которых нельзя выиграть.

Если нужно снизить порог сравнительной бедности, то для этого в нашем распоряжении имеются, наряду с вмешательством в первичное распределение через налоги и сборы, изменения при установлении государственно-гарантированного социоэкономического прожиточного минимума — правда, с рисками и побочными эффектами (к ним я ещё вернусь). В Германии уже сегодня социоэкономический прожиточный минимум, призванный надёжно защитить от бедности, установлен так высоко, что относительная граница бедности в 50% среднего эквивалентного дохода, как правило, значительно превышена. Но концепция относительной бедности не имеет ничего общего с бедностью в классическом смысле. Она имеет, в конечном счёте, социально-психологическое обоснование. Человек оценивает свои материальные возможности и своё положение в жизни преимущественно по социальному контексту, в точности по старому британскому девизу: «To keep up with the Jones»*. Субъективный социоэкономический прожиточный минимум находится всегда где-то чуть выше или чуть ниже собственных текущих потребительских расходов⁹.

Тем самым мы придерживаемся определения бедности, данного Амартией Сеном: бедность есть недостаток «возможностей осуществления»: «Будучи относительно бедным в богатой стране, можно экстремально сузить возможности осуществления даже тогда, когда абсолютный доход высок по сравнению с мировым стандартом»¹⁰. На определение бедности Амартии Сена ссылается между тем большая часть исследователей бедности, к ним привязан также «Отчёт о бедности и богатстве Федерального правительства»¹¹. Его определение, ориентированное на шансы участия и осуществления для каждого человека, очень гибкое. Оно основано

* «To keep up with the Jones» (англ.) — «Равняться на Джонсов», то есть стараться жить не хуже других (своих соседей) [выражение вошло в язык после серии карикатур на тему «Как не отставать от Джонсов хотя бы по внешнему виду»].

на дифференцированном образе человека, для которого характерна предрасположенность, и выводит далеко за пределы темы бедности. Правда, тем самым оно расширяет определение бедности до безграничности, так что края становятся весьма приблизительными и размытыми.

Концепцию, которая делает ставку на бóльшие шансы участия и осуществления, нельзя интерпретировать как необходимое требование большего перераспределения, ибо оно может привести и к росту пассивности среди более успешных граждан и оказать противоположное действие. Лучше увеличивать шансы людей путём активирования каждого отдельного человека и его сил. Тот, кто часто оперирует определением бедности, данным Амартией Сеном, должен понимать, что стратегия бедности, нацеленная в основном на перераспределение материальных благ, не обладает длительной устойчивостью.

Воздействия, оказываемые на индивидуума

Социальный ранг и социальное исключение

Обычно люди не хотят выделяться из общей среды, они хотят одеваться, как все, иметь то же, что имеют все, и делать то, что делают все. На этом основании для Германии неуместны стандарты одежды или стандарты жилья индийских трущоб. Концепция социокультурного прожиточного минимума, на которой основаны социальная помощь и обеспечение в Германии, принципиально принимает это в расчёт. После того как квартира на необходимом уровне освещена и натоплена, санитарное состояние и одежда в порядке и остаётся достаточно денег для сбалансированного питания — другими словами, как только удовлетворены основные физические потребности, так все вопросы материального потребления перемешиваются с вопросами социального взаимодействия и социального ранга и становятся неотделимы от них. Поэтому там, где говорят о бедности и неравенстве, всегда имеет место зависть.

Зависть возникает, когда не утолена наша потребность в социальном ранге, которую мы считаем адекватной. Позитивная зависть — «это могу и я!» — существенный стимул для активности и честолюбия. Негативная зависть — «почему он, а не я?» — в тенденции деструктивна. Она заводит человека в тупик и может нанести вред даже целому обществу, если возьмёт верх. Если мы постоянно сравниваем с тем, что не поддаётся сопоставлению, мы наносим урон стимулу, который мог бы возникнуть из позитивной

зависти, и ведём бесплодные дебаты о том, заслуживают ли другие того, что они зарабатывают¹².

Каждый человек нуждается в оценке со стороны, она даёт ему смысл жизни и осознание своей идентичности. Чем меньше человек верит в то, что его личные качества, способности и достижения принесут ему достаточную меру оценки, тем важнее становятся материальное потребление и вся полнота материальных возможностей. Решающим для его материальных желаний является материальный уровень той социальной группы, на которую он ориентирован: получатель пособия по безработице П будет горевать, если у его соседа плазменный экран телевизора больше, а инвестиционный банкир будет расстроен, если его бонуса хватит только на «Ауди-ТТ», тогда как его коллега может купить на свой бонус «Порше-Каррера». В обоих автомобилях можно ездить вполне комфортабельно — разве что в одном из них чуть быстрее. На обоих телевизионных экранах можно прекрасно смотреть программу — разве что на одном из них чуть крупнее. Тем не менее банкир с «Порше»-бонусом может воображать себе, что его более высокий бонус как-то связан с его — лучшими — достижениями, и извлечь из этого удовлетворение. Это удовлетворение остаётся недоступным для получателя пособия с бóльшим экраном — и это показывает границы всяких стараний решить вопрос социального ранга путём повышения социальных выплат.

В конечном счёте происходит даже обратное: вскрываются новые проблемы. Чем больше социальные выплаты приближаются к нижней границе трудовых доходов, тем более очевидно работающему, что его усилия обесцениваются и он теряет в своём социальном ранге. *Требование дистанции между зарплатой и пособием* имеет целью не только поддержание на достаточно высоком уровне стимула к труду у получателей пособия, оно ещё и является важным условием для гордости трудовыми достижениями.

В немецкой дискуссии о бедности предполагается, что материальный уровень обеспечения слишком мал и обуславливает явления социального исключения, поскольку взрослым не хватает денег на посещения ресторанов, детям не хватает денег на поездки всем классом и т. д. Проблема выездов всем классом между тем решена уже во всех школах Германии, а в случае какого-либо уличного праздника на покупку пива хватит пособия по безработице П. Интересным в этой связи представляется опыт с берлинским социальным паспортом, который даёт всем получателям социальной помощи, основного обеспечения и пособия по безработице П право на льготный месячный билет на проезд в общественном городском

и пригородном транспорте по цене 33,50 евро. Кроме того, они могут бесплатно посещать все городские музеи и библиотеки и приобретать за 3 евро билеты в театр и на оперные спектакли. В то время как льготный билет берлинских транспортных предприятий пользуется большой популярностью, спрос на бесплатные или льготные предложения в области культуры остаётся минимальным. Связанное с этим «социальное исключение», таким образом, не столько обусловлено материально, сколько является делом выбора самих пользователей льгот.

Материальная и духовная бедность

Вот мы и подошли к центральному пункту немецкой, равно как и международной, дискуссии о бедности: зависимость от государственных выплат зачастую сопровождается низким уровнем общего и профессионального образования, иждивенческим поведением и разного рода личностными изъянами. Это статистическое наблюдение может указывать на причинные взаимосвязи, но не обязательно, а причинные взаимосвязи могут указывать в обе стороны: кто-то становится безработным на долгое время, потому что он малоквалифицированный и развил в себе иждивенчество, а кто-то надолго оказался безработным не по своей вине, из-за этого его квалификация обесценилась, и постепенно в нём развилось иждивенчество.

Если не разделять внутренние, внешние, обусловленные поведением, и объективные факторы бедности, то возникнет размытость, которая во все не способствует ясному пониманию и к тому же подкрепляет тенденцию к освобождению тех, о ком идёт речь, от их доли ответственности. Это в свою очередь усугубляет проблемы, вместо того чтобы способствовать их решению. Висбаденский социальный судья Петер Брендле говорит о своих клиентах: «Мне очень нравится идея обеспечения детей в большей степени неденежными формами социальной помощи, ибо я сомневаюсь, что большие денежные суммы действительно дойдут до детей. У меня с годами развилось чутьё на родительскую заботливость. Многие приводят своих детей на процесс, и я могу видеть, как они обращаются друг с другом, могу и побеседовать с детьми. По многим я вижу, что они страдают не только от материальной бедности, но и от недостатка поддержки»¹³.

В ЕС действует определение бедности, которое звучит так: бедными считаются лица, домохозяйства и семьи, «которые располагают настолько малыми средствами (материальными, культурными и социальными), что

они исключены из того образа жизни, который в том государстве ЕС, где они живут, приемлем в качестве минимального»¹⁴. По этому определению состоятельный идиот, который не научился в школе как следует читать и не смог овладеть профессией, может подпадать под определение бедного человека. Конечно, это нелепость. Распоряжение «культурными и социальными средствами» — это вуалирующее выражение. На хорошем немецком это должно было звучать так: тот, кто располагает «лишь малыми культурными и социальными средствами» (политкорректный язык ЕС), недостаточно умен, недостаточно образован и недостаточно стабилен в поведении. Бедный, по определению ЕС, освобождён от ответственности за ситуацию, в которой оказался, и избавлен от морального принуждения хоть что-то изменить в этой ситуации. Описанная в определениях ЕС бедность ума и поведения в принципе не обусловлена слишком низкими социальными выплатами и потому не может быть исправлена более высоким социальным доходом. Во всяком случае это справедливо там, где государственные социальные выплаты гарантируют социоэкономический прожиточный минимум.

Питание

С тех пор как в 1993 г. был учреждён благотворительный фонд «Берлинский стол», собирающий в магазинах продукты с истекающим сроком реализации и распределяющий их среди тех, кто испытывает материальные трудности, принципы работы этого фонда распространились по всей Германии. Такие объединения есть уже более чем в 800 городах¹⁵. Они распределяют продукты, которые ещё безупречны по качеству, но уже не могут предлагаться в торговле, бесплатно в благотворительных учреждениях, в том числе в бесплатных столовых, приютах для бездомных, в консультационных пунктах, приёмных для женщин и подростков.

Необходимость такого учреждения в Берлине обосновывали тем, что в этом городе «много людей, нуждающихся в помощи». К нуждающимся в помощи причислялись получатели пособия по безработице II, основного обеспечения и социальной помощи, другими словами, все, кто жил за счёт государственного обеспечения социоэкономического прожиточного минимума.

Активность «стола» широко освещается на телевидении и в прессе. Основатели и спонсоры фонда — желанные гости разных ток-шоу, знаменитости и политики всех видов охотно выступают в роли раздатчиков еды. Иные телевизионные передачи, такие как «Воскресное слово», и множество

озабоченных комментариев в прессе отсылают нас к длинным очередям детей, которые выстраиваются за едой у бесплатных столовых.

Откуда берётся это ослепление СМИ? Мой ответ, признаться, полемический, таков: здесь бедность в библейском смысле предстаёт во всей своей наглядности. Тот факт, что это есть в Германии, заставляет нас с негодованием содрогнуться. Мы вспоминаем о пяти тысячах, накормленных пятью хлебами, и о словах Иисуса: «Сие есть Тело Моё». Все коннотации нашего забытого христианского воспитания снова оживают при этом, а кроме того, утоляется наша потребность в скандале: бедность в Германии так велика, что есть необходимость в бесплатных столовых — эта история просто слишком хороша, чтобы не стать правдой.

Хорошая история почти всегда побеждает неудобную правду. Неудобная же правда такова: норма социальной помощи, действительная и для пособия по безработице II, и для основного обеспечения, достаточна для того, чтобы питаться сбалансированно, разнообразно и правильно. Однако кто захочет в это поверить, глядя на очереди у раздачи еды фонда «Берлинский стол»? Притом что факты однозначны. Достаточно лишь сравнить фактические средние расходы немецких личных домохозяйств на продовольствие, напитки и табачные изделия со ставкой соответствующего раздела норм социальной помощи.

Немецкое личное домохозяйство имеет среднюю численность 2,08 человека, среди них детей моложе 15 лет — 0,29. Долевая норма в соответствии с предписаниями 2009 г. для расчётов выведена в табл. 4.3 из средней численности домохозяйства и средней доли детей. Из этого выходит, что домохозяйство, получающее основное обеспечение, социальную помощь или пособие по безработице II, может потратить в месяц 247 евро на продовольствие, напитки и табачные изделия, если оно ориентировано на нормальное потребление. Это 86% фактических расходов среднего немецкого домохозяйства. В фактических расходах среднего домохозяйства 40 евро отводится на табачные изделия и сопоставимые суммы (в приблизительной оценке) на потребление алкогольных напитков и безалкогольных прохладительных напитков (минеральная вода и т. п.)¹⁶. В одних только этих двух позициях содержится потенциал экономии, который каждому живущему в домохозяйстве, зависящему от социальных выплат, даёт возможность питаться в точности так же, как питаются люди со средним заработком, а то и лучше.

Эти расчёты я проделал в начале 2008 г., будучи сенатором Берлина по вопросам финансов. Берлин — столица социальных выплат Германии.

Таблица 4.3

Расходы на продукты питания личных домохозяйств и социальная норма

Личные домохозяйства	Расходы на продовольствие, напитки и табачные изделия (евро)	
	Ежемесячные факти- ческие расходы	Социальная норма
Все	287	
С нетто-доходом:		
ниже 1300 евро	157	
от 1300 до 1700 евро	205	
от 1700 до 2600 евро	268	
С правом на социальную помощь		247

Ср.: Verordnung zur Durchführung des § 28 des Zwölften Buches Sozialgesetzbuch vom 1. Januar 2005, zuletzt geändert durch Art. 17 GG vom 2. März, 2009 (BGBl I S. 416, 432), ferner die Wirtschaftsrechnungen privater Haushalte 2006, Statistisches Jahrbuch 2008 für die Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden, 2008. S. 549.

Перед лицом этого прискорбного положения, которое накладывало и накладывает свой отпечаток на ситуацию домохозяйств и настроение в городе, я ни во что не ставил и не ставлю сочувственную дискуссию, которая загоняет в угол бедности 20% населения и всех их разом оплакивает. Из этого не могло и не может получиться ничего продуктивного. Я не соглашался связывать неподобающее состояние части населения — неправильное питание, пренебрежение своими родительскими обязанностями и т. п. — с доходами или долей получателей социальной помощи и хотел публично оспаривать эту связь.

Публичная дискуссия должна начинаться на наглядном и конкретном, а заканчиваться она может на общем и абстрактном. Наоборот не бывает никогда. Так я начал с самого наглядного — с питания. Поскольку у меня привычка полагаться не только на статистику, мы с женой несколько дней питались в пределах нормы социальной помощи, что не потребовало от нас никаких особенных усилий. Затем я попросил одну сотрудницу своей администрации сообразно тестовым закупкам составить меню на три дня. Оно оказалось очень сбалансированным и разнообразным и включало четыре приёма пищи в день. Правда, один раз это была жареная колбаса, так позже эта жареная колбаса стала единственным пунктом из всего меню, который постоянно цитировался.

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Меню домохозяйства из одного человека

Меню		Стоимость (евро)
День 1-й		
Завтрак	2 булочки	0,30
	25 г варенья	0,06
Обед	20 г сливочного масла	0,10
	1 ломтик сыра	0,25
	1 яблоко	0,24
	1 стакан сока, 200 мл	0,30
	2 чашки чая	0,10
	Спагетти по-болонски:	
	100 г мясного фарша	0,38
	125 г спагетти	0,15
Подник	200 г томатного соуса	0,40
	Пряности/растительное масло	0,10
Полдник	1 чашка кофе + 1 йогурт	0,40
Ужин	½ огурца	0,30
	130 г печёночного паштета	0,56
	200 г картофельного салата	0,34
Сумма		3,98
Норма для сравнения		4,25
День 2-й		
Завтрак	80 г мюсли	0,40
	1 банан	0,25
Обед	¼ литра молока/1 стакан йогурта	0,35
	20 г мёда	0,08
	2 чашки кофе	0,10
	Овощной суп с мясом:	
	100 г картофеля	0,05
	1 морковь	0,05
	1 стебель лука-порей	0,30
	½ кольраби	0,30
	80 г говядины	0,50
	Пряности/зелень	0,15
	1 стакан чая	0,05

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО

Меню		Стоимость (евро)
Полдник	1 стакан чая + 3 печенья	0,25
Ужин	2 ломтика хлеба	0,12
	2 ломтика сыра	0,50
	1 ломтик ветчины	0,15
	100 г зелёного салата	0,20
	20 г сливочного масла	0,10
<i>Сумма</i>		3,80
<i>Норма для сравнения</i>		4,25
День 3-й		
Завтрак	3 ломтика тостов	0,12
	2 ломтика колбасы	0,30
Обед	1 ломтик сыра	0,25
	2 чашки кофе	0,10
	1 стакан сока	0,30
	20 г сливочного масла	0,10
	1 мандарин	0,25
	Жареная колбаса с кислой капустой и картофельным пюре:	
	1 сарделька	0,38
	Картофельное пюре, 1 порция	0,25
	150 г кислой капусты	0,12
	Пряности/растительное масло	0,20
Полдник	1 чашка кофе + 1 банан	0,30
Ужин	2 ломтика хлеба	0,12
	100 г творога (с зеленью)	0,30
	1 ломтик ветчины	0,30
	2 томата	0,27
	2 стакана чая	0,10
<i>Сумма</i>		3,76
<i>Норма для сравнения</i>		4,25

Реакция на это меню была потрясающей. В одном выпуске передачи «Воскресное слово» речь шла обо мне как образце нехристианского поведения. Многочисленные социальные функционеры публично ругали меня и стыдили. Мне приходили по электронной почте сотни писем,

исполненных ненависти, от получателей Hartz IV, но были и многочисленные, частью восторженные, письма от пожилых женщин и супружеских пар, которые хотели показать мне посредством педантичных расчётов, что я прав. Один консультант по питанию из газеты *Berliner Zeitung* установил, что меню, скорее, избыточно по калориям и слегка перегружено мясом. Хайнер Гайслер, напротив, уверял в газетном комментарии, что от такого питания можно умереть с голоду. Ульрих Шнайдер, руководитель правления «Паритетного союза благотворителей», был того же мнения в одном из ток-шоу радио «Берлин-Бранденбург». Моё замечание, что недостаточный вес как раз не входит в число проблем получателей социальных пособий, побудило ведущего задать мне вопрос: уж не хочу ли я сказать, что получатели социальных пособий чересчур толсты.

В собственной партии у меня начались большие трудности. Мой рейтинг в Берлине на некоторое время упал до предела. Однако устойчивый резонанс по стране в целом показывает, что я, очевидно, задел нерв. Впрочем, телеоператор после одного из многочисленных интервью на эту тему признался мне, что редакция велит ему и его коллегам так вести съёмку в квартирах получателей социального пособия, чтобы не показывать их богатое электронное оснащение. Ведь, судя по всем данным, получатель пособия по безработице, который принадлежит к нижнему слою, располагает электронной мультимедийной техникой в объёмах выше среднего уровня.

Но как же может быть, спрашиваю я себя, чтобы простое использование статистических фактов могло вызвать столько эмоций, причём не только у тех, кого эти факты касаются, но и у функционеров и поборников нашего социального государства в широком смысле. Я, конечно, подозревал, в чём причина, потому и затеял эксперимент, после которого уже знал ответ. Он состоит из трёх пунктов, причём третий — самый существенный.

1. Получатели социальных пособий имеют естественную и понятную заинтересованность в стабильности выплат и в их будущем повышении, поэтому нежелателен даже малейший намёк на то, что сумма достаточна.

2. Социальные политики, социальные объединения и вообще весь слой функционеров, учёных и публицистов, которые материально и морально кормятся с заботы о слабых, реагируют весьма чувствительно и в целом негативно на все указания и аргументы, которые так или иначе ставят под сомнение остроту этой проблемы, поскольку тем самым ставится под вопрос и их собственная роль и значение.

3. Если продуктовая норма сбалансирована, разнообразна и позволяет питаться хорошо, то получатели социальных пособий, которые кормят

себя и своих детей неправильно и с любой точки зрения неадекватно, имеют проблему не с доходами и бедностью, а с *собственным поведением*. Тем самым требование к обществу оборачивается требованием к индивидууму, а критика общества становится критикой индивидуума.

Этот последний пункт и есть то, что вызывает агрессию и ярость, поскольку ты, таким образом, идёшь наперекор, указывая индивидууму на его обязанности, а не рассуждая о неравенстве шансов, как это вошло в обиход. Пример такого отклонения подаёт «Отчёт Федерального правительства о бедности и богатстве»:

«Концепция шансов на участие и осуществление, предложенная лауреатом Нобелевской премии Амартией Сеном... задаётся вопросом, насколько... различия объясняются неравными шансами на осуществление. Цель действий социального государства — в том, чтобы смягчить неравенство уже имеющихся шансов. Все должны иметь шанс реализовать свои индивидуальные возможности... Шансы участия становятся шансами осуществления, если к индивидуальным потенциалам добавятся соответственно стимулирующие общественные шансы реализации, которые действительно предоставят личности возможность пользоваться открытыми шансами участия. Решающим здесь является оформление системы социального обеспечения и системы образования, но также и положение на рынке труда и проницаемые структуры общества. По Амартии Сено, бедность при этом представляет собой недостаток шансов осуществления, а богатство, напротив, очень высокую меру шансов на осуществление»¹⁷.

Тут всё верно, за исключением того, что вообще никоим образом не является индивидуум, его поведение и его ответственность. Кажется, что вопрос заключается только во внешнем предоставлении шансов, а за них отвечают государство и общество. Если кто-то впадает в бедность или попадает под угрозу бедности, причина не в нём самом, а в недостатке шансов. Другая точка зрения считается в Германии неполиткорректной.

Однако в связи с меню Hartz IV можно наблюдать и некоторые индивидуальные упущения, например, если:

- дети приходят в школу натошак и питаются преимущественно фаст-фудом и сладостями, потому что родители не умеют готовить или ленятся встать утром, чтобы приготовить детям завтрак;
- родители покупают алкоголь и сигареты вместо овощей и фруктов и не следят за тем, чтобы дети достаточно двигались, что приводит

к ожирению и косвенному ущербу здоровью, чаще всего диагностируемым в нижнем слое (который частично, но не целиком идентичен получателям социальных пособий).

Для всякого индивидуального поведения можно назвать и общественные причины, однако нельзя в принципе снимать с индивидуума ответственность за его поведение. Однако в дискуссиях о бедности мы склоняемся именно к этому, и в большей части исследований бедности это обстоит именно так, а не иначе.

Но почему тогда выстраиваются длинные очереди на раздаче еды «Берлинского стола», если нормы всё-таки хватает? Ответ совсем простой: там, где что-то дают бесплатно, общий бюджет разгружается. Если бы получателям пособий бесплатно раздавали DVD, аппаратуру и развлекательную электронику, они образовали бы ещё более длинную очередь. Но в такой раздаче благотворителям не доставало бы столь привлекательной библейско-эмоциональной апелляции, какой обладает публичное кормление.

Раздача еды и бесплатные столовые преследуют благую цель и являются выражением похвального личного служения. Это ни в коем случае не должно оспариваться. Но деньги лучше было бы инвестировать в поварские курсы, курсы домоводства и тренинги поведения для нижнего слоя. Зачем семье, живущей на пособие Hartz IV, брать на себя труд планировать закупку продуктов, самим готовить и сообща есть, если всё даром приготовлено в бесплатной столовой поблизости? Таким образом, неправильное поведение закрепляется и становится постоянным, а причины его не преодолеваются. Да, есть слабые люди, которые не умеют ни планировать, ни обращаться с деньгами, ни готовить, им не хватает силы воли, и они нуждаются в бесплатном супе, тогда как остальная часть получателей пособий в этом вовсе не нуждается. Но и нестойким людям тренинги поведения помогли бы больше, чем потакание их слабостям.

Здоровье

Неумная и спорная поговорка гласит: «Коли беден, умирай пораньше». В атласе социальной структуры Берлина эта поговорка, кажется, находит своё подтверждение. В атласе по 12 берлинским районам и меньшим территорияльным единицам сгруппированы социоструктурные факторы, в том числе образование, рынок труда, получатели пособий, доля иностранцев. Полученные отсюда данные обнаруживают тесную связь между социальным индексом и ожидаемой продолжительностью жизни¹⁸: в среднем мужчины в районе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф живут на 4,1 года дольше,

чем в районе Фридрихсхайн-Кройцберг, у женщин разница между лучшим и худшим районами составляет 2,8 года. Берлинский случай потому так интересен, что условия окружающей среды и инфраструктура социального и медицинского обеспечения во всех районах во многом одинаковы. Все получатели социальных выплат являются членами законной больничной кассы и имеют ровно те же права, что и любой гражданин.

Разницу в ожидаемой продолжительности жизни по большей части создают сердечно-сосудистые заболевания и злокачественные новообразования. И те и другие в немалой степени зависят от образа жизни (питания, физической активности, употребления алкоголя и табака). В районе Фридрихсхайн-Кройцберг 40% населения курит, в Шарлоттенбурге-Вильмерсдорфе курят только 29%¹⁹. За такими цифрами стоит индивидуальное поведение, а не бедность. Справедливо и обратное: бедность является также следствием индивидуального поведения и, в свою очередь, может наложить свой отпечаток на поведение.

Если есть взаимосвязь между бедностью и здоровьем, то она выражается через параметры поведения, а именно — через питание, зависимости и физическую активность. В «Отчёте федерального правительства о бедности» говорится:

«Бедность и социальное отчуждение как следствие нехватки ресурсов и возможностей преодоления представляют большую тяготу как для детей и подростков, так и для их социального круга. Риски бедности в семьях не ограничиваются при этом одним только недостатком финансовых средств. У детей и подростков наличествуют и дополнительные дефициты развития, недостаточное обеспечение предметами первой необходимости с такими следствиями, как проблемы со здоровьем и социальная дискриминация, например, из-за недостаточной интеграции в школе или среди ровесников. Существует также взаимосвязь между состоянием здоровья (телесного и душевного) и материальным обеспечением. Наносится урон разумному поведению в отношении питания и здоровья: чем скуднее социальноэкономические ресурсы, тем хуже и питание»²⁰.

Этот абзац нужно прочесть дважды, чтобы понять его. Очевидно, что при формулировке политкорректность одержала верх над ясностью. На понятном немецком языке это звучало бы так:

«Семьям, зависимым от социальных выплат, приходится бороться не только с ограниченными материальными возможностями. Зачастую они не могут как следует распорядиться деньгами, и, как правило, у них нет

энергии, способностей планирования и навыков, чтобы кормить семью здоровой и сбалансированной пищей. Это наносит ущерб успеваемости детей в школе. Поскольку родители в таких семьях вообще мало заботятся о детях — регулярно ли они выполняют домашнее задание, достаточно ли двигаются, не слишком ли много сидят перед телевизором или за компьютером, — у этих детей часто накапливаются дефициты развития, и, как следствие, они отстают в школе. Это наносит урон их уверенности в себе и возможностям устанавливать контакты и заводить дружбу с более устойчивыми детьми, которые в большинстве случаев и более успевающие ученики. Так домашние отношения вредят здоровью, способствуя избыточному весу и неправильному питанию, равно как и плохой успеваемости».

Короче говоря: *проблемой является не материальная, а духовная и моральная бедность*. Она оказывает влияние на поведение, а поведение, в свою очередь, на здоровье. Такие простые истины, однако, политически неудобны и потому, насколько возможно, вуалируются. Например, в Институте Роберта Коха был проведён в качестве подготовительной работы ко второму «Отчёту о бедности» очень красноречивый анализ «Бедность, социальное неравенство и здоровье», в котором со знанием дела сопоставляются доступные данные и факты.

Анализ доказывает, что значимые для здоровья факторы зависят исключительно от поведения, хотя авторы и говорят в отчёте, то и дело повторяясь, о «неравенстве шансов на здоровье»²¹. Но в качестве эмпирического доказательства они приводят лишь факторы, которые зависят не от доходов, а исключительно от поведения:

- избыточный вес (питание, малоподвижный образ жизни);
- диабет (избыточный вес, питание);
- цирроз печени (алкоголь);
- рак лёгких (табак).

Недооценка или вытеснение причинных связей типичны для большей части исследователей бедности. Учёные Института Роберта Коха вначале подробно описывают, что обязательно застрахованные — по сравнению с не имеющими обязательного страхования, — обладатели низкого дохода — по сравнению с обладателями высокого дохода, — получатели социальной помощи — по сравнению с неполучателями — больше курят, пьют и меньше занимаются спортом, а затем делают загадочный вывод:

«Накопление проблем со здоровьем и отклонений в поведении людей, находящихся в группе риска бедности, говорит о значении материальных лишений»²².

А ведь куда естественнее было бы догадаться, что те личные свойства, которые предрасполагают человека к тому, чтобы больше курить, пить и меньше двигаться, ровно в той же степени увеличивают статистически его шанс впасть в бедность по доходам. Но такой анализ был бы, увы, неполиткорректным.

Счастье

Выборка опросов, проводимых в государствах с различным стандартом жизни, равно как и долгосрочные оценки по Германии, показывают, что субъективный уровень счастья по ту сторону от настоящей материальной нужды поистине независим от объективно достигнутого стандарта жизни. Зато большое влияние на хорошее самочувствие оказывает относительная позиция в пирамиде доходов, причём не абстрактная, а в сравнении с собственной социальной группой. Вот два примера: тот, кто в 1950-е гг. мог позволить себе автомобиль «жук» в 30 лошадиных сил, в то время как его коллеги, друзья и родные ездили на велосипедах, — получал от своей машины дополнительный выигрыш радости, более высокий, чем получает сегодня владелец «гольфа» со 120 лошадиными силами, знакомые которого ездят на большом «Sport Utility Vehicle», то есть на лимузине повышенной проходимости, на «мерседесе» S-класса или на «порше». Владелец «гольфа» чувствует себя обделённым, клянёт своего работодателя и министерство финансов. У инвестиционных банкиров стимул от бонуса бесспорно зависит не от абсолютной его величины, а от сравнения с бонусами коллег. Возможно, 10 млн евро вызовут у Йозефа Аккермана примерно то же чувство, что и 2500 евро компенсации за сданный в утилизацию старый автомобиль у социального пенсионера.

Итак, материальное потребление есть знак социального ранга. Потому и продаются костюмы, сшитые по мерке, дорогие часы, неэкономично моторизованные автомобили, благородные вина и большие плазменные экраны. Но это значит, что социальные выплаты, которые превышают основные потребности в пище, одежде и жилье, не могут оцениваться чисто материально. Получатель пособия Hartz IV, который имеет более высокий реальный доход, чем квалифицированный рабочий в возрасте до 40 лет, всё же более недоволен в материальном смысле, потому что масштаб для сравнения у него другой. Тем самым дискуссия о границах бедности — в таком богатом обществе, как наше, — превращается в бесплодные дебаты представителей, поскольку, собственно, речь идёт вовсе не о материальных ценностях, а о социальном ранге и связанном с этим социальном уважении.

Уже одно то обстоятельство, что человек падает ниже границы бедности и становится получателем социальных пособий, оказывает на его душевное состояние противоречивое действие: с одной стороны, он испытывает унижение от принадлежности к «бедным» и соответственно от своего низкого места в социальном расслоении, с другой стороны, он может извлечь чувство удовлетворения из того, что государство гарантирует ему социально-экономический прожиточный минимум.

В дебатах о бедности и во всякой дискуссии о перераспределении так и громоздятся стремления устранить неравенство людей путём перераспределения материальных благ или как минимум замаскировать его. Но это упирается в свои границы: с одной стороны, честолюбивые, стремящиеся работать люди расценивают заработанное ими положение как часть вознаграждения и заслуженный выигрыш в престиже, а чрезмерное бремя налогов на имеющих работу людей — по их ощущению, заслуженно имеющих — как несправедливое государственное вмешательство. С другой стороны, менее везучие и менее честолюбивые чувствуют, что им грозит слишком значительное материальное неравенство. Хотя они и приветствуют государственное перераспределение, но чувствуют себя, тем не менее, униженными, поскольку им приходится принимать государственную помощь. То, что на социальной шкале они стоят так низко и зависят от государственных выплат, омрачает их настрой. Более высокие выплаты ничего не могут изменить в этом, напротив: если границу бедности отдалить более высокими выплатами, то увеличится численность людей, оказавшихся ниже этой границы, и тем самым общее недовольство возрастет. Итак, если рассматривать проблему только в аспекте человеческого счастья, то выгоды дальнейшего роста экономики сомнительны для его достижения, если рост нейтрален по отношению к распределению и никто не может улучшить свою относительную позицию²³.

Наша Конституция гарантирует свободное развитие личности. Каждый может преумножить свой доход и имущество работой, сноровкой, везением, и общество не вправе чинить ему в этом препятствия, а должно всемерно поддерживать. Если как можно больше членов нашего общества делают это, соотношения в распределении неизбежно изменятся, что может оказать влияние на рост экономики. В любом случае успех целеустремлённых и везучих приведёт к ухудшению относительных (а может, и абсолютных) позиций остальных, участвующих в распределении. Тот, кто стремится к равенству на максимально высоком материальном уровне и видит в этом свою цель, для него индивидуальное стремление найти

работу является постоянной угрозой стремлению к большей справедливости через большее равенство. Сделав отрыв от других путём личного и материального успеха и продемонстрировать это — вот что будет весьма способствовать ощущению человеком счастья. На этом зиждется статусное потребление, которое налагает отпечаток на мир потребителя тем больше, чем выше его реальные потребительские возможности. Хотя разумнее было бы довольствоваться машиной «Dacia Logan», текстилем из торговой сети C&A и съёмной квартирой площадью 60 кв. м. Но какой материально успешный человек согласится на это добровольно? Итак, на верхнем конце вертикальной шкалы должен быть BMW-SUV, личный портной и вилла в Груневальде (соответственно для продвинутых — пентхаус в 200 кв. м в Принцлауэр Берг)²⁴.

Свобода и самоопределение

Если сравнить доход от социальной помощи с нетто-доходом от простой и средней полной занятости, то наталкиваешься на удивительный и весьма радующий факт: многие люди все силы вкладывают в то, чтобы заработать себе на жизнь, хотя лучше преуспели бы в этом при помощи пособия Hartz IV и нелегальной подработке от случая к случаю. Кроме того, оказывается, что они, несмотря на труды, в большинстве случаев чувствуют себя менее обделёнными, чем получатели социального пособия, живущие рядом и имеющие — с нелегальным приработком — те же или бóльшие деньги.

Многочисленные деятели культуры и многие студенты живут на доходы на грани или ниже социоэкономического прожиточного минимума. Несмотря на это, они чувствуют себя более счастливыми и независимыми, чем большинство получателей пособия, поскольку свой личный ранг и своё место в обществе выводят не из уровня доходов.

Те, кто свободен и не зависит от государственной поддержки, чувствуют себя, как правило, счастливее, чем те, кто получает от государства алименты за то, что ничего не делает. К сожалению, счастье зачастую осознаёшь лишь тогда, когда его теряешь, а иногда и вообще не осознаёшь. Конечно, приятно оставаться в тёплой постели, когда у соседей в 6 часов утра звонит будильник. Приятно в 9 часов утра включать за завтраком телевизор, когда другой, стоя за прилавком в закусочной, на сквозняке разливает клиентам кофе. Но потом, когда кончается рабочий день, именно последний чувствует себя лучше, и кружка пива после смены кажется ему слаще. Как раз менее честолюбивые люди, действующие менее

плановмерно, соблазняются удобной жизнью на государственное пособие, однако постепенно эта жизнь лишает их гордости, парализует силы, уничтожает таланты и съедает уверенность в себе. Сказать это вслух и искать выход из создавшегося положения — вовсе не патернализм и высокомерие, как многие думают, а необходимость — разве что следует позаботиться о том, чтобы сделать для нуждающихся выход из сложившихся обстоятельств максимально удобным.

В связи с «меню для Hartz IV» одна берлинская бульварная газета пригласила меня в редакцию для дискуссии с получательницей Hartz IV. Я согласился, но попросил о том, чтобы в собеседницы мне выбрали серьёзного человека. Ею оказалась молодая, одетая в тёмное женщина лет 20-ти с её 22-летним другом, одетым также в тёмное. Оба жили на Hartz IV. Молодая женщина два года назад закончила реальную школу. Она хотела получить работу гримёра-визажиста, но не нашла её. Я приблизительно подсчитал, какова потребность в гримёрах на телевидении, в кино и во всех театрах Берлина и что это означало для её шанса получить работу. Не хотела ли она пройти обучение хотя бы на продавщицу? Да, руководитель филиала сети супермаркетов Lidl, где она временами подрабатывала, уже спрашивал её об этом, сказала она. Но она не захотела. Как же она проводит свой день, спросил я. Жизнь у неё скучная, рассказала она. Готовить она не умеет, её родители — также получатели Hartz IV — тоже не умеют. Когда у человека мало денег и нечего делать, дни протекают медленно. Я был шокирован: эта далеко не глупая и в принципе рассудительная женщина жила в расцвете своей юности на государственной поддержке со своим другом и отвергала шансы, которые ей предлагались, потому что некому было её подтолкнуть. Это происходит в Германии в миллионах случаев, и это возмутительно! Нашим способом смягчения материальной бедности мы поддерживаем пассивность, инертность, а также духовную нищету, лишая людей гордости и самоуважения.

Неравенство

Бедность в Германии проявляется в социальном сравнении: тот, кто имеет меньше, чем другие, сравнивая себя с ними, чувствует себя беднее, если, например, все ездят на машинах, а он — на велосипеде, или у него только двое брюк, а у других по пять, или у него телевизор с кинескопом, а у других — с большим плазменным экраном. Это классическая форма проблемы получателя социального пособия. Студент в возрасте 21 года, в отличие от него, хотя и имеет меньше денег, но с удовольствием ездит

на велосипеде, имеет в настоящий момент только *одни* приличные брюки, а телевизор вообще не смотрит. Деньги не являются его проблемой, проблемы у него другие: привлекательные девушки интересуются не им, а его друзьями; ему отказали в Эразмус-стипендии в Лондоне, а его друг поедет туда. Субъективно тяготы этого студента не меньше, чем у получателя пособия, но он беден не деньгами, а шансами у девушек и у комиссии по распределению стипендий.

По определению бедности Амартии Сена — как нехватки возможности участия — этого студента вполне можно назвать бедным: желанные девушки на него не смотрят, и на учебный семестр в Лондоне его не допустили. Это его печалит, и он воспринимает окружающий мир как несправедливый. Мир несправедлив. Дары природы — красота, интеллект, здоровье — распределены не поровну и не по тому принципу, что человеку с красивой душой достанется и лучшее генетическое оснащение. Случайность в том, где родиться — в Сомали или Германии, в благополучной семье среднего достатка в Дюссельдорфе или третьим ребёнком в семье безработной незамужней подёнщицы в Дуйсбург-Хамборне, — и впредь обеспечивает вам разительную несправедливость, а случайные перемены в жизни, равно как везение и рок, с которыми приходится сталкиваться, доделывают остальное. Строго говоря, мысль, что шансы у людей одинаковы, абсурдна: красивый и умный имеет не те же самые шансы, что имеет уродливый и тупой. И эти неравные исходные позиции неизбежно порождают результаты, ещё более неравные.

Поэтому борьба с бедностью может быть лишь частью общественных усилий по снижению материального неравенства до приемлемого общественным уровнем. В демократическом обществе нельзя ограничивать возможности человека по использованию себе во благо своих способностей, свойств и характера. Даже при полном равенстве шансов на исходной позиции разная одарённость и установка, разное здоровье и везенье неизбежно сделают так, что жизнь и деятельность людей приведут их к неравным результатам. Тем самым вновь и вновь возникает относительная бедность в сфере доходов и возможностей, и она не может быть устранена, пока государственное перераспределение не позаботится о значительном выравнивании результатов. Но при демократии это совершенно невозможно, поскольку относительно бедные, в пользу которых идёт перераспределение, составляют меньшинство. Это было бы возможно лишь при диктатуре общего блага, в добродетельном режиме с государственным террором. Равенство, в том числе и равенство доходов, до сих пор ещё ни разу не достигалось

без тоталитарных методов, что регулярно заканчивалось диктатурой и кровопролитием.

Даже максимально достижимое равное распределение доходов и имущества ничего не могло бы изменить в природном неравенстве людей в отношении их способностей, свойств и многого другого. Нашему несчастному студенту можно было бы помочь, только если бы желанных девушек ему выделяли, руководствуясь аспектом равенства и справедливости.

Тем не менее о неравенстве и справедливости можно поспорить. К поставленному Франком Нульмейером вопросу — «насколько справедливо неравенство?» — следует отнестись серьёзно. Однако не получится просто, как это делает Нульмейер, критиковать всякое увеличение неравенства как растущую брешь справедливости²⁵. Для этого слишком различны причины неравенства и слишком размыто само понятие справедливости. Вопрос о справедливости тем самым ставится относительно бедности.

Справедливость

Амартия Сен верно заметил, что не существует нормативной базы социальной справедливости, которая хоть в чём-нибудь не исходила бы из принципа равенства²⁶. В американской Декларации независимости было сказано, что люди рождаются равными и должны иметь свободу искать своё индивидуальное счастье (*pursuit of happiness*). Поскольку в наши дни, кажется, ни одно определение бедности не может обойтись без ссылки на Амартию Сена, я подробно изучил его труд и был в восторге от его глубокого и многогранного анализа.

Исходя из точки зрения, что не может быть непротиворечивой функции межличностной полезности (парадокс Эрроу), Сен упражняется в прагматической и логической критике усилий Джона Ролза в том, чтобы понимать установление справедливости как общественный договор²⁷. Сен полемизирует с теми, кто считает, что вовсе не может быть полной справедливости ни на логическом, ни на фактическом основании. Он указывает другой, прагматический путь: состояние справедливости в мире будет всегда улучшаться в том случае, если удастся смягчить очевидную вопиющую несправедливость или устранить её совсем. Тогда всё ещё останется достаточно несправедливости, с которой надо будет обходиться соответствующим образом. Это очень напоминает *social piecemeal engineering** Карла Поппера, которого Сен, кстати, не цитирует. Это ступенчатое продвижение

* *Social piecemeal engineering* (англ.) — постепенная социальная инженерия (по Карлу Попперу).

освобождает дискуссии от ненужной строгости в соблюдении принципов и делает возможным согласие в конкретных частных целях.

По поводу публикации своей новой книги «The Idea of Justice» Амартия Сен сказал в одном интервью: «Не существует такой вещи, как совершенная справедливость. Идея совершенной справедливости ведёт к выбору неверного пути»²⁸. Дескать, дело, скорее, в том, чтобы путём разумной аргументации и соответствующих институций, а также регулирования в различных областях ступенчато создавать всё больше справедливости. Справедливость, по его словам, не поддаётся количественной оценке, правда, на различных полях справедливости можно установить иерархию более справедливых и менее справедливых состояний. Так, в Индии доля неграмотных неприемлемо высока, однако её показатель ниже, чем прежде. Стремление к увеличению справедливости — скорее, прагматический процесс и в меньшей степени попытка абстрактно вывести справедливую систему и соответственно претворить её законодательно через общественный договор. Следовательно, справедливость всегда видится относительно — как сравнение различных состояний — и никогда не достигается абсолютно.

В отношении вопросов бедности и распределения Сен ставит под сомнение традиционную сосредоточенность на *primary goods**, то есть на обладании материальными благами и услугами или на распределении доходов. Он считает, что взаимосвязь между вопросами, какими материальными благами кто-либо располагает и какими вещественными свободами пользуется для самореализации, раскрывает далеко не всё. Следует концентрироваться не на *primary goods*, а на *actual capabilities*** людей²⁹. Сен указывает на то, что ещё Аристотель говорил: «Жизнь, направленная на добычу денег, имеет в себе что-то неестественное и принудительное, и богатство явно не является искомым благом, ибо оно существует лишь для применения и может быть лишь средством на пути к цели»³⁰. Если хочешь судить об относительных преимуществах, какие имеют люди в сравнении друг с другом, считает Сен, то следует принять во внимание все их способности и возможности, а не основывать сравнение только на доходах и имуществе.

Здесь мы выходим на след интересного сдвига: *actual capability* в немецкой дискуссии о бедности охотно переводят как «способность к участию».

* *Primary goods* (англ.) — сырье, первичные блага.

** *Actual capabilities* (англ.) — реальные (действительные) возможности.

Это *тоже* верно. Но *capability* в первую очередь подразумевает индивидуальную способность и индивидуальную возможность не в смысле имущества, а в смысле умения и ресурсов. Сюда, например, причисляются образование, воспитание, личные свойства характера, спортивные способности или владение музыкальными инструментами. У нас «способность к участию» опускается до похода в ресторан или в кино, то есть до того, чтобы ещё больше повысить объём разделяемых на всех *primary goods*. Сен, напротив, имеет в виду под *capability* способность человека к мобилизации собственных ресурсов. Эту способность улучшает образование, право на медицинское обслуживание, её улучшает свобода, тогда как лучший доступ к *primary goods*, напротив, не обязательно ей способствует.

От либеральной позиции, которая выражается слоганами «помощь в мобилизации собственных ресурсов» или «требовательная поддержка», Амартия Сен не столь уж и далёк. Его подход к теме бедности несёт на себе отпечаток состояния дел в его родной Индии и во всём «третьем мире». Тот, кто в дискуссии о бедности и справедливости сосредоточен на распределении доходов в такой благополучной стране, как Германия, тот совсем не обязательно имеет в своих союзниках Амартию Сена.

При обеспечении *primary goods* соответственно социоэкономическому прожиточному минимуму в Германии «узким местом» для ведения жизни в самоопределении является не доход, а социализация, квалификация, общее образование и другие индивидуальные способности и свойства. С этого и надо начинать, если хочешь создать больше справедливости в духе Амартии Сена. И бороться надо с «духовной бедностью», то есть с той комбинацией необразованности, дефицита социализации, а также нехватки конструктивного честолюбия и жизненной энергии, которой отмечена большая часть нижнего слоя в Германии. Следует также снова и снова перепроверять все инструменты преодоления материальной бедности на их воспитательное действие и на управление поведением.

Как раз в аспекте счастья государство должно прежде всего поддерживать те *capabilities*, которые делают человека способным к самостоятельному, наполняющему его гордостью образу жизни. Чисто материальной поддержки, сколь бы высока она ни была, всегда хватит лишь на жизненный стандарт на нижнем конце пирамиды доходов, и она никогда не сможет сделать затронутых ею людей счастливыми. Инвестиция в счастье людей должна быть инвестицией в их гордость, а это значит, в развитие их способностей и стимулирование готовности к усилиям.

Амартию Сена можно прочесть и так.

Бедность и общество

Политический характер определения бедности

Понятие бедности, как и его противоположности — благосостояния или богатства, немислимо без сравнения с другими людьми, без оглядки на общество, ибо речь всегда идёт о распределении ресурсов в общине, будь то глухая деревня или современное индустриальное общество. Поэтому дискуссия о бедности всегда означает и дискуссию о справедливости, и программа уменьшения или устранения бедности всегда является также программой создания большей справедливости.

Научные проекты, нацеленные на создание справедливого общества, либо утопичны, потому что предполагают межсубъектную сопоставимость и логическую консистенцию льгот, которых не бывает по чисто логическим причинам, либо прагматичны в смысле «постепенной социальной инженерии» (*social piecemeal engineering*). Тогда они требуют общественного дискурса и демократического или сходного с ним формирования воли, если исключить фигуру всезнающего и благодетельного диктатора.

Тем самым понятие справедливости, как и вытекающее из него определение бедности, приобретает политический характер. Однако поскольку политическое неделимо, то нельзя отделить одно от другого в целях, инструментах и побочных действиях, взаимосвязь которых можно проанализировать научно. Можно исследовать эффективность различных форм перераспределения, а также их воздействия на чувство удовлетворённости, работоспособность, генеративное поведение, менталитет, рост экономики и т. д. Можно исследовать причины бедности и предпринять построенную на этом попытку победить эти причины и воспрепятствовать их возникновению. В такой комплексной картине могут также сказаться границы преодоления бедности, определяемой привычным способом, поскольку есть стремление не вредить другим целям или избежать негативных обратных связей.

По причине их политического характера определение бедности, дискуссия о её причинах и возможностях устранения подчинены течению времени, моде и интересам. Речь идёт не только о чистой правде, но и о борьбе за мировоззрение, а также о проведении в жизнь определённых политических представлений. В современной немецкой дискуссии в центре стоят негативные индивидуальные следствия и общественные причины. Напротив, индивидуальные, относящиеся на счёт личности причины состояния бедности, равно как и общественные последствия борьбы с бедностью, ориентированной главным образом на личные доходы, обсуждаются гораздо

меньше. Почти табуированным стало то обстоятельство, что наш способ преодоления бедности частично вознаграждает отсутствие усилий и нехватку воли к мобилизации собственных ресурсов и тем самым вносит свой вклад в укрепление нижнего слоя, зависимого в Германии от социальных пособий.

В любом случае о материальной бедности в Германии можно сказать следующее: якобы наблюдаемые негативные последствия бедности на 90% являются последствиями не скудости доходов, а сопровождающих её явлений, которые, однако, имеют те же причины, что и скудость доходов. Ставшее почти последовательным пренебрежение этой взаимосвязью лишает научных оснований изрядную часть исследований проблемы бедности в Германии и отсылает их в область идеологии.

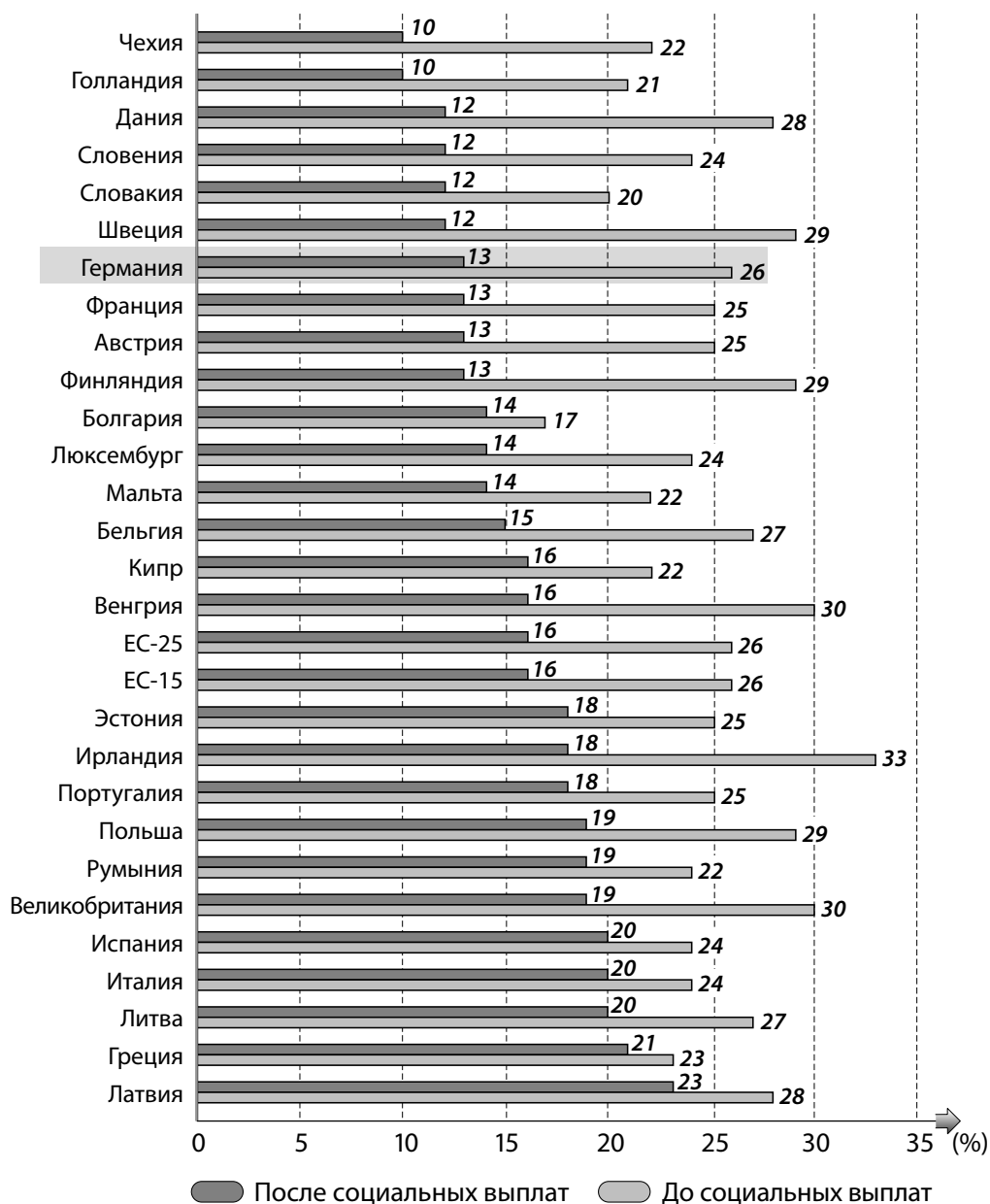
Перераспределение

Различие в доходах и вместе с тем относительная бедность по описанным логическим и фактическим причинам в принципе неустранимы и также не могут быть устранены путём роста экономики, что вытекает из определения относительной бедности как меры распределения. Но относительная бедность может быть смягчена, это и происходит при помощи инструментов налоговой политики, пошлин, доступа к общественным благам и прямыми выплатами пособий во всех индустриальных государствах. Различные пути и комбинации ведут при этом к относительно сходным обстоятельствам (рис. 4.2).

Если сравнивать с порогом риска бедности (60 или менее процентов среднего эквивалентного нетто-дохода), 26% домохозяйств Германии имеют до перераспределения доход на этой границе или ниже, а после перераспределения таких домохозяйств — 13%. Таким образом, Германия находится на уровне Скандинавских стран (которые, кстати сказать, до перераспределения все имеют более высокую квоту риска бедности, чем Германия).

С квотой риска бедности в 26% до перераспределения Германия находится на среднем уровне в ЕС. Очевидно, распределение доходов повсюду подчиняется — независимо от достигнутого экономического уровня — сходным закономерностям и ведёт к сходному неравенству. Это также доказывает, что относительная бедность не может быть устранена — якобы по определению — путём всеобщего роста экономики и благосостояния, и подтверждает несовершенство и иллюзорный характер концепции бедности, которая сосредоточена на относительной бедности. По расчётам ЕС

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО

Источник: Lebenslagen in Deutschland (3-й «Отчёт федерального правительства о бедности и богатстве»). Entwurf des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales vom 19. Mai 2008. S. 12.

Рис. 4.2. Снижение риска бедности населения ЕС за счёт социальных выплат (по данным 2005 г.)

в Чехии, например, живут в относительной бедности после перераспределения лишь 10% населения против 13% в Германии. Значит ли это, что в Чехии меньше бедных? Как раз наоборот, ибо по абсолютной покупательной способности граница бедности в Чехии составляет 56% немецкого уровня. Это значит, что немецкий «бедный» имеет чуть ли не вдвое больший доход, чем чешский.

Тот, кто хочет преодолеть относительную бедность, гонится за химерой: если бы уровень среднего эквивалентного нетто-дохода в Германии равнялся 1 млн евро, тогда порог риска бедности находился бы на отметке в 600 тыс. евро. Сегодня порог риска бедности решает вопрос приобретения новой малолитражки или цветного телевизора, а в мире миллионеров определённый таким же образом порог позволяет приобрести 20-метровую яхту. С точки зрения реальной бедности в мире немецкий порог риска бедности располагается где-то вблизи мнимого мира миллионеров и бесконечно удалено от действительности в трущобах Бомбея или Джакарты.

Воздействия всей системы налогообложения и системы социальных выплат на первичное распределение измерить трудно, и это составляет также методическую проблему, поскольку рассматривать нужно не только взимание сборов и пошлин, но и использование доходов. Тут можно выделить несколько индикаторов.

Если, например, рассматривать последствия распределения социальных сборов³¹, взимание которых в объёме 462,2 млрд евро (2008) следует считать, скорее, регрессивным из-за существования границы, от которой начинается исчисление взносов, и из-за освобождения от взносов самостоятельных предпринимателей, работающих не по найму, то *использование* социальных сборов оказывает чрезвычайно выравнивающее действие:

- многолетние плательщики в фонды пенсионного страхования получают назад намного меньше суммы, соответствующей действительной стоимости их взносов³²;
- установленное законом медицинское страхование предоставляет услуги, не зависящие от доходов, тогда как взносы зависят от заработка;
- 80% плательщиков взносов в фонды страхования от безработицы никогда не увидят компенсации своих отчислений.

Налог на добавленную стоимость с годовыми поступлениями в 176 млрд евро (2008) с точки зрения политики распределения либо нейтрален, либо регрессивен (из-за той части дохода, которая идёт на вклады и увеличивается вместе с ростом заработка). В отличие от него сильно

прогрессивен подоходный налог, сборы по которому в год составляют 175 млрд евро (данные 2008 г.):

- нижние 20% получателей зарплаты практически не платят никакого подоходного налога;
- нижние 50% получателей зарплаты выплачивают совокупно 6,5% всего собранного подоходного налога;
- верхние 10% получателей зарплаты выплачивают, напротив, 51,8% всего сбора подоходного налога³³.

Итак, в сумме система немецких налогов, сборов и социальных выплат оказывает массивное воздействие на распределение доходов. Но это, тем не менее, не приводит к тому, чтобы действительно устранялось фактическое и ощущаемое неравенство, что без диктатуры общего блага было бы и невозможно — как логически, так и фактически. В Германии в отношении дальнейшего перераспределения, а также и в отношении осторожных реформ имеющихся структур достигнуты границы формирования, поскольку больше не удаётся за счёт роста экономики перекрывать противоречия и эффекты распределения реформ.

Право государства на вмешательство и перераспределение таит в себе, с одной стороны, опасность, что часть высокооплачиваемых граждан охладеет к системе. Это угрожает возможности прихода к власти как гражданских коалиций, так и коалиций, возглавляемых СДПГ. Здесь стоит напомнить предостережение Джованни ди Лоренцо: «Умная политика правительства следит за тем, чтобы соблюдать интересы того уменьшающегося слоя, которому приходится нести все социальные расходы»³⁴. С другой стороны, СДПГ своей осторожной попыткой основополагающих реформ, которая состоялась под ключевым словом «Hartz IV», потеряла существенную часть своих приверженцев. Это послужило на пользу выступлению левой партии, приверженцев которой можно лишь ненадолго удовлетворить бóльшим перераспределением. А для этого в Германии всё же не хватает общественного большинства. Можно сказать, что модель правления и формирования с социал-демократическим уклоном некоторым образом зашла в тупик, из которого не видно выхода, который должен быть убедительным по содержанию и способным собрать большинство³⁵. Это и превратило предвыборную борьбу в 2009 г. за места в бундестаге в столь бессодержательное лавирование.

Широко распространённый индикатор экономической силы и благосостояния — валовой национальный продукт. Красноречивее — наличный доход, ведь списания не идут на потребление; ещё красноречивее — общее личное потребление, поскольку нетто-инвестиции и соответствующее

образование сбережений всегда необходимы. Абсолютное равновесное распределение личного потребления в Германии (взвешенное по размеру домохозяйства) было бы теоретически мыслимой верхней границей перераспределения — правда, лишь теоретически мыслимой, ибо равновесное распределение результата было бы несовместимо с закономерностями продуктивного народного хозяйства.

В 2007 г. расходы на личное потребление составляли в Германии 1374 млрд евро, это примерно 16 400 евро на человека или 34 600 евро на личное домохозяйство. Социоэкономический прожиточный минимум, гарантированный всем за счёт социальной помощи, основного обеспечения и пособия по безработице II, составляет около 35% среднеарифметического личного потребления и, как уже говорилось, в зависимости от семейного положения колеблется от 50 до 63% среднего эквивалентного нетто-дохода. Если бы решили, как того всячески требуют, предоставлять основной доход всем поголовно приблизительно на уровне сегодняшней социальной помощи, то эта сумма составила бы около 35% личных расходов на потребление или 20% национального дохода brutto.

Расходы на преодоление бедности в Германии

В конечном счете, весь государственный аппарат по перераспределению денег из налогов и социальных сборов, равно как и сумм всех социальных выплат, тоже служит преодолению бедности. Это относится и к ренте по доходам, не подлежащим налогообложению, и к разделению налога на совместный доход супругов, и к надбавке за многодетность, и к деньгам на оплату жилья, и к субсидиям на учёбу, и к помощи по уходу и обслуживанию и т. д. Если всего обеспечения недостаточно, то последнюю подстраховочную сетку и тем самым непосредственную защиту от бедности образуют:

- социальная помощь, включая основное обеспечение по старости, общие расходы на которую в 2008 г. составили 23,7 млрд евро;
- основное обеспечение для безработных (пособие по безработице II) объёмом 39,6 млрд евро в 2008 г.³⁶

Всего в Германии около 10% населения живут либо полностью, либо в основном на средства основного обеспечения. В 2008 г. все расходы на основное обеспечение составляли 62,9 млрд евро, это 8,2% немецкого социального бюджета в 767 млрд евро и 21,6% финансируемых из налогов социальных выплат³⁷, или 2,5% немецкого социального продукта³⁸.

Для сравнения: на образование, начиная с детского сада и кончая университетом, государство расходует 4,1% ВВП. Этот уровень расходов

неоднократно назывался слишком низким³⁹ и вызывал соответствующую критику ОЭСР.

Гарантированный доход для всех — действительно ли это выход из ловушки бедности?

Есть мысли, которые эмоционально привлекательны и согревают сердце, независимо от того, близки ли они к реальности и осуществимы ли. К таким мыслям относится идея нетрудового основного дохода для всех. Существуют разные предложения⁴⁰, и все они исходят из одной основной мысли: все разнообразные социальные выплаты надо заменить единым государственным основным доходом, который полагается каждому гражданину без обложения налогом и без необходимости искать работу. Этот основной доход должен обеспечивать человеку достойное существование и делает ненужными большинство социальных и трансфертных выплат. В зависимости от модели сюда либо вовсе не засчитываются собственные доходы или состояние, либо засчитываются лишь ограниченно. Среди политических партий близки к идее безусловного основного дохода ХДС и РДПШ*, равно как и отчасти Левая партия — с различными вариациями.

Такой свободный от условий основной доход имел бы, по мнению своих сторонников, следующие преимущества:

- источники бедности и страха существования были бы радикально устранены для всех и без всякой дискриминации;
- большинство социальных платежей стали бы лишними, и тем самым были бы сэкономлены большие бюрократические затраты. По сумме перестройка обошлась бы не дороже, а дешевле существующей системы.

Время, когда человек определял себя через оплачиваемую наёмную работу, по словам сторонников, подходит к концу, потому что вследствие технического прогресса уже не хватает оплачиваемой работы для всех. Тем не менее те, кто хочет, могут заниматься оплачиваемой работой, но другие могут заботиться о своих семьях, супругах, не испытывая нужды, или заниматься культурной, творческой деятельностью.

Эта идея исходит из мифических источников, что и делает её такой неотразимой. Проклятие, наложенное на человека во время его изгнания из рая, кажется, снято: хотя мы и остаёмся смертными и можем заболеть, но мы будем находиться под защитой (в Библии — под защитой Бога, а при «гражданских деньгах» — под защитой заботливого государства)

* РДПШ — Радикально-демократическая партия Швейцарии.

и больше не должны беспокоиться. Даже левый оппозиционер переходит на государственное обеспечение: могучее развитие производительных сил (одно из бесспорных преимуществ капитализма) наконец-то ускорит переход из царства необходимости в царство свободы, как мечтали об этом трудящиеся массы. Больше никакого принуждения к труду, все расходы уже оплачены, утром — рыбалка, вечером — охота. Дальнейшее развитие тогда обеспечит ещё большее перераспределение путём пошагового роста гражданских денег.

Идея замены всей нашей сложной системы трансфертных выплат на простую социальную выплату — безусловный основной доход — избавления всех граждан от нужды и страха существования, а попутно и экономии денег — это, несомненно, впечатляет, и почти всегда ощущаются энтузиазм и восторг, когда сторонники оглашают свою модель.

При ближайшем рассмотрении, правда, выявляются некоторые проблемы, а именно: всё перенаправление налоговых потоков, перечислений и социальных выплат не создаёт новых ресурсов. Тезис упрощения сплошь и рядом не доказан, согласование с существующей правовой системой до конца не продумано. Расчёты по встречному финансированию из имеющихся систем сложны, частично противоречивы, при этом отсутствует удовлетворительный ответ на вопрос: как осуществить переход. В конечном счёте, основной доход в просчитанных моделях оказывается не выше нынешнего официально определённого социальноэкономического прожиточного минимума (исключение — социально-утопическая модель Гётца Вернера). Особые условия жизни, например повышенные потребности при некоторых болезнях и увечьях, и в будущем сделают необходимыми исключения и отступления от единых солидарных гражданских денег. И градация по размеру домохозяйства и количеству детей, требование дистанции от зарплаты и причисление собственных доходов и состояния, равно как и налогообложение последних, должны точно так же регулироваться при «гражданских деньгах», как и при социальной помощи.

А как быть со сбережениями? Безусловный основной доход для всех, который соответствует действующему прожиточному минимуму социальной помощи, привёл бы — на основании данных за 2008 г. — к ежегодным брутто-расходам в 490 млрд евро. При этом ещё не учтены расходы на медицинское обслуживание и обеспечение по уходу в размере 180 млрд евро. В этих расходах «гражданские деньги» ничего бы не изменили. Всё вместе взятое, включая расходы на медицинское обслуживание и обеспечение по уходу, составило бы в год 670 млрд евро. Это соответствует

сегодняшнему общему поступлению из взносов на социальное страхование и из финансируемого за счёт налогов социального обеспечения⁴¹. И при этом ещё не были бы профинансированы все выплаты пенсионного обеспечения, выходящие за пределы социального прожиточного минимума.

Итак, основной доход даже на уровне социальной помощи может быть профинансирован, только если он будет дополнен точными предписаниями по причислению других доходов. Тем самым исчезает отличие от сегодняшней структуры основного обеспечения, за исключением одного пункта, правда, существенного: люди в трудоспособном возрасте имеют сегодня, поскольку они трудоспособны, лишь право на пособие по безработице II, если они в принципе готовы к возобновлению работы. Это условие выпадает при «безусловном основном доходе»: «Отличительный признак модели основного дохода, или модели «гражданских денег», — отключение права на монетарное обеспечение существования от рынка труда. Право на «гражданские деньги» имеется независимо от готовности устроиться на приемлемую работу»⁴².

Сторонники «гражданских денег» находят унижительным, что надо ходатайствовать о пособии по безработице II или социальной помощи, но не обосновывают, почему это унижительнее, чем заявление на строительство или предоставление налоговой льготы. Свобода этого права от условий, напротив, подкрепляет человеческое достоинство, утверждают они. Гегель видел это иначе: «Если на более богатые классы возложить непосредственное бремя... содержать беднеющие массы в приличном состоянии, то существование нуждающихся было бы обеспечено без того, чтобы они прибегали к работе, что противоречило бы принципу гражданского общества и чувству самостоятельности и чести его членов». По его воззрениям (при этом он ссылается на положение дел в Англии) следует прибегнуть к проверенному «первейшему средству... как против бедности, так и, в частности, против девальвации стыда и чести, субъективной базы общества, а также против лени и расточительства и т. д., из которых и выходит чернь: предоставить бедных их участи, пусть просят милостыню»⁴³.

В этом и состоит суть дела: нужно рассматривать гарантированный основной доход в социологическом и психологическом аспекте «включения, а не исключения». Материального исключения из социоэкономически необходимых благ и услуг можно избежать, и в Германии ему препятствуют путём основного обеспечения посредством пособия по безработице II и социальной помощи. Но чем меньше настаиваешь на том, чтобы каждый человек вносил свой посильный вклад, тем больше способствуешь, собственно говоря, наихудшему исключению из реальных взаимосвязей жизни — отходу

от обмена результатами труда в обществе и отказу от источника справедливой гордости. Социолог Хайнц Буде доводит эту мысль до точки:

«Убеждение, что можно компенсировать социальную дискриминацию посредством индивидуально присуждённых и розданных выплат, привело к порождению культуры зависимости, которая сделала людей клиентами учреждения вместо хозяев собственной жизни... Изначальная цель — оказать помощь в реализации собственных ресурсов — превратилась в свою противоположность, а именно: в закрепление зависимости от благотворительности. Будем откровенны. “Тот, кто живёт на средства от благотворительности, — писал ещё Токвиль в 1835 г., — живёт без страха, но и без надежды”»⁴⁴.

Сторонники гарантированного дохода для всех исходят сплошь и рядом из *конца трудового общества*, из растущих диспропорций между бедными и богатыми и из растущей ненадёжности и неоднозначности индивидуальной жизни. В этом отношении они следуют Ульриху Беку⁴⁵. В мире, где работы становится всё меньше, люди хотят избавиться от необходимости, которую ощущают как недостойную: прилагать старания к тому, чего они всё равно не получают, то есть к оплачиваемой работе.

Верно, что для одиноких людей стали ощутимее ненадёжность и разрывы в глобализированной экономике. Это порождает страхи и неуверенность. Вообще говоря, растущие диспропорции между бедными и богатыми плохо поддаются доказательствам, и к области мифов относится утверждение, что в современном народном хозяйстве кончается оплачиваемая работа. В ФРГ число оплаченных рабочих часов на душу населения составляло около 1000 в 1960 г., а в 1990 г., накануне объединения Германии, это было уже 750. В настоящее время эта цифра уже много лет держится на уровне 700 — не очень впечатляющее подтверждение конца трудового общества. Если провести сравнение по разным странам, количество работы в Германии необычайно низко⁴⁶. В Швейцарии и в США — обе страны богаче Германии — количество оплаченных рабочих часов на одного жителя на 30% и соответственно на 35% выше, чем в Германии.

Впрочем, тот аргумент, что работы становится мало, довольно стар. Эрих Фромм^{**} ещё в 1966 г. в своём глубоком анализе «психологическо-

* Ульрих Бек — известный германский социолог, автор концепций «рефлексивной модернизации» и «общества риска».

** Эрих Фромм — немецкий философ, социолог и психоаналитик.

го аспекта гарантированного дохода для всех» исходил из допущения, что «для постоянно растущей части нашего населения вообще больше нет работы»⁴⁷. И хотя он заблуждался в этом, тем не менее провидчески пришёл к выводу, что свобода от принуждения к труду для многих ставит также вопрос и о смысле жизни. Он понимал гарантированный доход как вхождение в общество, которое ограничивает материальное потребление, и путём изменения человека действует, создавая новые смыслы. Только препятствуя тому, чтобы другие имели существенно больше, гарантированный доход может способствовать росту удовлетворенности:

«Сегодняшний человек обладает ненасытной жадой ко всё большему потреблению. Это имеет свои последствия: поскольку алчность к потреблению больше не знает границ и в обозримом времени никакая экономика не сможет произвести достаточно, чтобы обеспечить любое неограниченное потребление, никогда не может быть (с точки зрения психологии) настоящего избытка до тех пор, пока главенствует характерная структура *homo consumens*. Алчный всегда страдает от нехватки, поскольку он никогда не получает достаточно, сколько бы он ни имел... Но это означает, что те, кто будет жить на уровне гарантированного дохода, будут чувствовать себя фрустрированными и неполноценными и что те, кто больше зарабатывает, останутся пленниками обстоятельств, поскольку будут бояться потерять возможность максимального потребления. На этом основании я думаю, что гарантированный доход решит лишь известные (экономические и социальные) проблемы, но желаемого радикального действия не окажет, если мы одновременно не откажемся от принципа максимального потребления»⁴⁸.

Фромм рисует затем утопическую картину управляемой экономики, которая перестроится с личного потребления на общественное благо, а в итоге изменится и сам человек: «Лишь с превращением *homo consumens* (человека потребляющего) в продуктивно-деятельную личность человек испытает свободу как истинную независимость, а не как безграничную возможность выбирать из благ потребления». Но он видит и риски: «Опасности, что государство, которое всех кормит, может стать материнским божеством с диктаторскими свойствами, можно противостоять лишь одновременным эффективным умножением демократических методов во всех общественных сферах»⁴⁹.

Привет от духа 1968 г. (смешанного с толикой вонни ГДР). Легко насмешичь, но заслугой Эриха Фромма является то, что он последовательно додумал до конца мысль о гарантированном доходе: довольство, которое было

целью стремлений, и освобождение от давления конкуренции наступят лишь в случае, если никто не будет иметь намного больше, чем остальные, а это должно обеспечить государство путём управляемой экономики и вмешательства в свободу потребления. Поневоле вспоминается слоган Левых в последней предвыборной кампании в бундестаг: «Богатство — для всех».

Безоговорочно присутствующая эстетически-моральная заманчивость равного для всех материального обеспечения, распределяемого государством, не задающим никаких вопросов, должна быть основательно взвешена на предмет колоссального раздувания государственной системы перерасчётов, если система должна оставаться платёжеспособной. Но при подведении итогов этого перерасчёта при общеэкономических гражданских деньгах нетто может быть выплачено только то, что и сегодня выплачивается по социоэкономическому основному обеспечению. Спрашивается, зачем тогда всё это? Ведь случаи невыявленной «стыдливой бедности», которые как раз и приводятся для обоснования безусловного основного дохода, с момента введения пособия по безработице II и основного обеспечения по старости полностью устранены.

Одно дело натянуть сеть подстраховки для неудачников, обделённых и не очень трудоспособных, и другое дело — охватить всё общество собственным представлением об общем благе. Если безусловный основной доход должен оказать благотворное действие, нужно радикально изменить общество (и, пожалуй, природу человека), тут Эрих Фромм прав. Прикорбный опыт XX в. призывает нас к осторожности.

Прав Эрих Фромм и в другом: не деньги делают человека счастливым, счастливым его делает смысл. Но смысл возникает не через пассивное потребление, а через социальный обмен и продуктивную включённость. Для большинства людей, которые не являются ни исследователями, ни художниками, ни спортсменами высшей лиги, этот смысл складывается из ежедневных дел, которые они должны выполнить, и связанных с этим контактов, распределения времени и сигналов со стороны среды, подтверждающих востребованность данного члена общества. Тот, кто освободит людей от необходимости зарабатывать на свои нужды, подложит свинью как раз слабейшим из них. Политолог Варнфрид Детлинг ясно сформулировал, куда это должно привести:

«Если долгое время держать человека вдали от взаимосвязей, обусловленных работой, то принесёшь ему наибольший вред и изолируешь его от общества. Вовсе не дешёвые рабочие места создают новый класс, а менталитеты, которые больше ничего от себя не ждут, и системы

социального обеспечения, которые больше ничего не ждут от человека. Далеко за пределы рынка труда, в дома инвалидов и престарелых, а также в семьи прокладывает себе путь наполненное опытом знание: кто делает за другого то, что тот сам мог бы сделать для себя, действует асоциально. Он разрушает в человеке чувство самооценности и способности действовать самостоятельно»⁵⁰.

Всякая форма основного обеспечения должна быть спланирована так, чтобы она не ограничивала и не парализовала, а поощряла; поэтому связи между получением пособия и причислением трудовых доходов придаётся особое значение не только из фискальных соображений. Формирование так называемой нормы лишения социальных выплат существенно воздействует — наряду с уровнем социальных выплат — не только на издержки, но и на стимулы для отдельного человека к его освобождению от зависимости от дотаций. Соображения, приводимые в первую очередь сторонниками гарантированного дохода, сводятся к реанимации изначального американского проекта отрицательного подоходного налога (см. об этом гл. 5).

Побочные эффекты борьбы с бедностью

Социальное государство заботится — путём перераспределения и подстраховочной сетки — о том, чтобы каждый гражданин материально был в состоянии позаботиться о своём здоровье, прокормить себя, одеться и т. п. Более того, путём основного обеспечения на базисе социокультурного прожиточного минимума гарантируется, что жизненный стандарт даже самых бедных не упадёт ниже 50% среднего дохода, то есть того уровня, который соответствует западногерманскому среднему уровню конца 1960-х годов⁵¹. Немецкие получатели социальных пособий живут как представители среднего класса в Чехии, но заметно лучше, чем представители того же класса в Польше, и намного лучше, чем «средние» турки.

К неизбежным побочным эффектам такого страхования принадлежит в первую очередь эффект социализации: чтобы получить минимальную страховку, которая в мировом масштабе означает богатство, не требуются ни знания в школьном объёме, ни усердие, ни чувство долга в социальном и семейном смысле, да вообще никакие свойства и способности, кроме самого существования. Также нет в мире социальных выплат и механизма вознаграждения за такие качества, тем самым они деградируют или вообще не образуются, подобно мышечной атрофии у тех, кто мало двигается.

Для морально и умственно более слабых членов общества это является большим искушением. Если они надолго остаются в состоянии, свободном

от каких бы то ни было требований, даже если и попали в него не по своей воле или по несчастью, они теряют наряду с волей также и те способности, которые необходимы, чтобы снова выбраться из этого состояния:

«Многие нуждающиеся семьи долгое время остаются в зависимости от основного обеспечения... Долговременное получение дотаций налагает отпечаток на личность и на расходование основного обеспечения... Действие системы распространяется далеко за пределы долговременных безработных, ведь она создает основное обеспечение не только для тех, кто ищет работу, но и для большей части населения в трудоспособном возрасте и их детей. В настоящее время это выглядит так, что основное обеспечение главным образом получают семьи, которые долгое время, постоянно или регулярно, нуждаются»⁵².

Эта группа людей покорила своей судьбе, но, кроме того, это группа людей, гордость которых сломлена. Не может быть гордым человек, который в зрелости, то есть в свои лучшие годы, живёт на государственное пособие. Там, где отсутствует гордость, плохо развивается движущая сила, необходимая для того, чтобы поменять имеющееся комфортное состояние на непредсказуемые трудности. Такой человек предпочитает сосредоточиваться на кратковременных формах удовлетворения. Их дают ему алкоголь, сигареты, СМИ и фастфуд.

Чем больше нуждающаяся семья, тем больше сумма месячного основного обеспечения. Супружеская пара с двумя детьми получает в месяц 1710 евро. Единственный работающий член семьи, обязанный выплачивать взносы в социальное страхование, должен зарабатывать 2500 евро брутто, чтобы иметь в распоряжении такую сумму. С четырьмя детьми ему пришлось бы добиваться заработка брутто 3500 евро, чтобы получать на руки сумму основного обеспечения в 2300 евро. С каждым ребёнком основное обеспечение возрастает на 322 евро. О расходах никто не обязан отчитываться. Продукты питания теперь можно получить бесплатно в различных благотворительных «столах», а ношенная детская одежда также раздаётся либо даром, либо продаётся очень дешево. Бедная семья из двух взрослых и четверых детей может, таким образом, заметно пополнить основное обеспечение. Известная экономическая логика есть в том, что доля детей из домохозяйств получателей пособий раза в два выше, чем доля самих получателей пособий. В Берлине в настоящее время 35% детей происходят из домохозяйств получателей пособий, в Бремене их 30%, в Гамбурге — 25%, а в среднем по федерации — 16%.

Не дети производят бедность, а получатели пособий производят детей. Статистика со всей очевидностью доказывает это, ибо в Германии те, кто живёт на социальную поддержку, рожают заметно больше детей, чем сопоставимое по численности остальное население. Тем самым в нашей системе образования непрерывно растёт доля детей из необразованных семей нижнего слоя. По окончании, как правило, малоуспешного школьного пути малоквалифицированные подростки по большей части идут по стопам своих родителей и тоже рожают детей в количестве выше среднего. Системные различия в фертильности разных групп означают, что через пару поколений произойдёт радикальный сдвиг в состоянии населения, поэтому разница в генеративном поведении нижнего слоя и остального населения надолго изменит наше общество — разве что произойдёт какая-нибудь принципиальная перемена.

Итак, основное обеспечение воздействует на социализацию и генеративное поведение нижнего слоя. Но оно же существенно определяет миграционные события и готовность мигрантов к интеграции. Без немецкого основного обеспечения большая часть мигрантов из Турции, Африки и Ближнего Востока никогда бы не приехала сюда, поскольку на рынке труда уже 35 лет как нет оснований для иммиграции. Без основного обеспечения было бы меньше воссоединений семей, а Германия в качестве убежища была бы вдвое менее привлекательной. Без основного обеспечения — по крайней мере, у турок и арабов — в Германии было бы другое генеративное поведение. В частности, среди арабов в Германии широко распространена склонность рожать детей, чтобы получать больше социальных выплат, а женщинам, чаще всего запертым в четырёх стенах, в принципе больше и нечего и делать.

Основное обеспечение оказывает и отрицательное воздействие на готовность мигрантов из исламских стран к интеграции: они имеют в виде основного обеспечения беспримерно более высокий стандарт жизни, на их взгляд, по сравнению со странами их происхождения. Это избавляет мигрантов от необходимости менять свой традиционный образ жизни, прилагать усилия к изучению языка, поиску работы и предоставлять своим жёнам больше западноевропейской свободы. Так прямой путь от основного обеспечения ведёт к параллельному обществу исламских мигрантов (ср. гл. 7).

Если мы не желаем всего этого, то нужно что-то предпринимать — на рынке труда, в образовании, семейной политике и обращении с мигрантами. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

РАБОТА И ПОЛИТИКА

О ГОТОВНОСТИ К ТРУДУ И СТИМУЛАХ К РАБОТЕ

Дней лет наших — семьдесят лет, а при
большей крепости — восемьдесят лет;
и самая лучшая пора их — труд и бо-
лезнь, ибо проходят быстро, и мы летим.

Псалтырь (Пс. 89:10)

Заводя речь о работе и производительности труда, нельзя избежать явной или скрытой ссылки на картину мира и общества, и тем самым нам не обойтись без оценок. Многие, судя по всему, с восторгом приветствуют желанный конец общества труда. Но тут нас подстерегают некоторые недоразумения. Даже высокотехническая и всё более абстрактная экономика не работает сама по себе, в полностью автоматическом режиме; ни технологически, ни социологически, ни в своём политическом управлении она отнюдь не является вечным двигателем. Без многообразного применения труда, в первую очередь умственного, и значительных усилий хотя бы небольшого числа сограждан мы быстро получим стагнацию, отставание, растущую безработицу, равно как и — при растущих потребностях — тенденцию к массовому обнищанию.

Сегодняшнее массовое потребление возможно лишь благодаря механизации и автоматизации всех производственных процессов, равно как и большинства услуг, а также благодаря дешёвому импорту с Дальнего Востока, который мы можем оплачивать лишь до тех пор, пока немецкие машины и оборудование там весьма желанны, а люди бесконечно трудолюбивы при низкой оплате труда. Тот, кто покупает в сетевом супермаркете «Альди»* литр молока за 49 центов или хлопчатобумажную рубашку

* «Альди» — крупнейшая европейская компания, специализирующаяся на дискаунтной (от англ. *discount* — «скидка») торговле. Имеет дочерние предприятия во многих странах мира. Названа в честь основателей и владельцев — братьев Альбрехт.

за 5 евро — будь он миллионер или получатель основного обеспечения, — приобретает конечные продукты, которые прошли очень сложный процесс производства и распределения, и в этом процессе принимали участие десятки тысяч людей. Если говорить о молоке, например, то эти люди трудились в крестьянском хозяйстве, на молокозаводе, на производстве упаковки, на грузоперевозках, в логистике и в магазине, чтобы пакет молока, в конце концов, очутился на полке в супермаркете; что же касается рубашки, то люди трудились на хлопковых полях, в прядильне, на ткацкой фабрике, в швейном цеху, на транспорте и в логистике, а затем уже в магазине. Если вспомнить, что ремонт протекающего водопроводного крана вряд ли обойдётся нам дешевле 50 евро, то нынешние цены на товары — поистине чудо. Но без труда эти товары не появились бы, как вообще не появилось бы ничего, что имеет рыночную стоимость, будь то физический предмет или услуга.

Рынок живёт за счёт той простой взаимосвязи, что, если вы хотите получить нечто, стоившее людям труда и усилий, вы должны за это отдать кое-что ценное, тоже стоящее труда и усилий. Нарушается эта взаимосвязь только посредством грабежа, либо посредством унаследованной собственности, приобретённого владения, либо с помощью свободного участия в солидарном сообществе. Будь это солидарное сообщество государством или семьёй, всё зависит от того, соблюдается ли равновесие в том, что вы берёте и что отдаёте, если вы предполагаете долго сохранять здоровые отношения.

Ни морально, ни функционально не будет правильным, если кто-то, имея возможность внести собственный вклад, живёт трудом других людей, не оказывая им ответной услуги. Право на услугу без оказания ответной услуги сохраняется лишь за теми, кто не может иначе: за людьми, существенно ограниченными умственно или физически, душевнобольными, стариками или немощными. Большинство людей имеют здоровые инстинкты и сами хотят обеспечивать свои расходы, правда, они реалистичны и своекорыстны и тоже не упустят случая воспользоваться чужой услугой без отдачи.

Центральным элементом современного социального государства является то обстоятельство, что никто не должен впадать в нужду из-за вынужденного отсутствия работы. Того, у кого нет возможности заработать себе на хлеб путём обмена услугами, государство будет временно безвозмездно содержать. Совершенно неотвратимо, что при таких условиях то и дело будут возникать проблемы лимитирования и сопутствующие льготы явления, с которыми получатель помощи должен мириться.

Социальная вовлечённость, социальное признание, образ жизни и материальная обеспеченность для большинства людей во многом зависят от места работы. Поэтому для них актуален вопрос: что делать, когда не по своей воле теряешь работу? И уже один только страх, что можно в короткий срок скатиться до уровня Hartz IV, становится травмой. На этой травме в Германии строится политика¹.

Бесспорно, что богатой стране вполне по силам справиться с ситуацией, если основное обеспечение тех, кто не может позаботиться о себе сам, составит 3, 4 или 5% социального продукта. Но поскольку социальные процессы, следуя своей природе, действуют динамично и никогда не приходят в равновесие, постольку нет равновесия и в социальных злоупотреблениях. Последние в прямом смысле налицо, если кто-то получает от государства пособия, за которые не оказывает ему объективно возможную встречную услугу. Это налагает отпечаток на менталитет получателей помощи, равно как и на менталитет тех, кто всё это видит, то есть, в конечном счёте, сказывается на всех. К тому же это лишает людей, получающих неоправданную помощь, гордости и длительное время оказывает на них неблагоприятное влияние.

В детстве и юности человек проходит процесс созревания, готовясь к взрослой жизни, в которой за всё будет отвечать сам. Эти годы предназначены для социального, интеллектуального и практического продвижения в учёбе, которое предъявляет молодому человеку достаточно высокие требования и должно формировать его сознание. В возрастную фазу по ту сторону работоспособности — в фазу старости — человек вступает как сложившаяся целостная личность, с самосознанием и чувством уверенности в себе, которое подпитывается всей его прошлой деятельностью. Однако многим старым людям, которые предоставлены сами себе и лишены многих возможностей для самоутверждения в социальном обмене, тяжело даётся создание смысла жизни. Оно даётся тем легче, чем с большим удовлетворением они могут оглянуться на свои активные десятилетия.

Но жизнь теряет цель и смысл, если четыре-пять десятилетий, прошедших между юностью и старостью, не были наполнены логичным решением задач — чужих или поставленных перед собой самостоятельно — и связанной с ними продуктивной деятельностью. Для большинства людей это работа по найму, поскольку лишь меньшинство располагает достаточной личной инициативой и творческим импульсом, чтобы внести в свою жизнь структуру и смысл — например, художественной и научной деятельностью или почётным общественным служением. Этому меньшинству, кстати,

по причине личных свойств, вряд ли угрожает опасность стать жертвой длительной безработицы.

Когда мы допускаем, что немалая часть населения в трудоспособном возрасте ведёт скучное, пассивное, пусть и более-менее комфортное существование на социальные пособия, мы подкладываем этим людям большую свинью и причиняем вред также детям и подросткам, которые растут в такой структуре в раннюю пору своего умственного и душевного развития. Не столь важно, какую работу человек выполняет и сколько за это получает. Решающим для чувства собственного достоинства и личной удовлетворённости является сознание, что ты можешь содержать себя и свою семью, а также необходимость дисциплинированного образа жизни, который складывается из регулярных обязанностей и чёткого распорядка дня.

Была одно время такая мода — говорить о разобщённости, возникающей в жизни людей из-за работы. Это понимание ошибочно, ведь неудобства и неохота, связанные со всякой работой, и их успешное преодоление с помощью силы воли и напряжения, собственно, и являются источником личного удовлетворения. Настоящее отчуждение испытывает лишний человек, которому государственные пособия позволяют покупку технически сложного продукта, произведённого в мире труда, где сам он оказался совершенно ненужным. Унижение состоит не в том, что количество благ, которые ему позволяют пособия, слишком мало — он в любом случае воспринимает его как слишком маленькое, — а в том, что никто не нуждается в его услугах.

Это унижение можно компенсировать двумя способами, а именно: активно, ища самоутверждения в деятельности — будь то оплачиваемая работа, спорт, общественное служение, — или пассивно, разгоняя накатывающую неудовлетворённость потреблением сладостей, алкоголя, сигарет и просмотром видео. Этот вариант, как показывает опыт, предпочтителен для основного ядра получателей пособий.

Потребление может лишь заглушить чувство унижения, но не устранить его. Оно часто приводит к наркотической зависимости. Это плохо для личного развития представителей данной группы и для их будущей продуктивной реализации, и это катастрофично для развития их детей и подростков. А таких людей становится всё больше, ибо, живя без дела на одни пособия, они часто ищут смысл жизни в создании больших семей по принципу: «Раз я никому не нужен, то буду нужен хотя бы собственным детям!» А большое число детей означает и бóльшую сумму трансфертных выплат. Тут кроется одна из причин растущей доли детей и подростков в так называемых необразованных слоях. Через репродуктивное поведение приводится

в движение процесс, который несёт обществу будущего по меньшей мере такую же угрозу, как и чисто количественные изменения из-за демографического старения.

Работа исчезает?

Можно спорить о том, придаёт ли работа жизни смысл, а человеку — содержание. Речь в таких спорах может идти только о мнении оценочного и почти философского характера, а это означает, что подобные дискуссии не могут привести ни к какому объективному или единодушному результату. А вот утверждение о том, что в современном обществе кончается работа, напротив, допускает вполне объективную проверку, и можно однозначно решить, верно оно или нет.

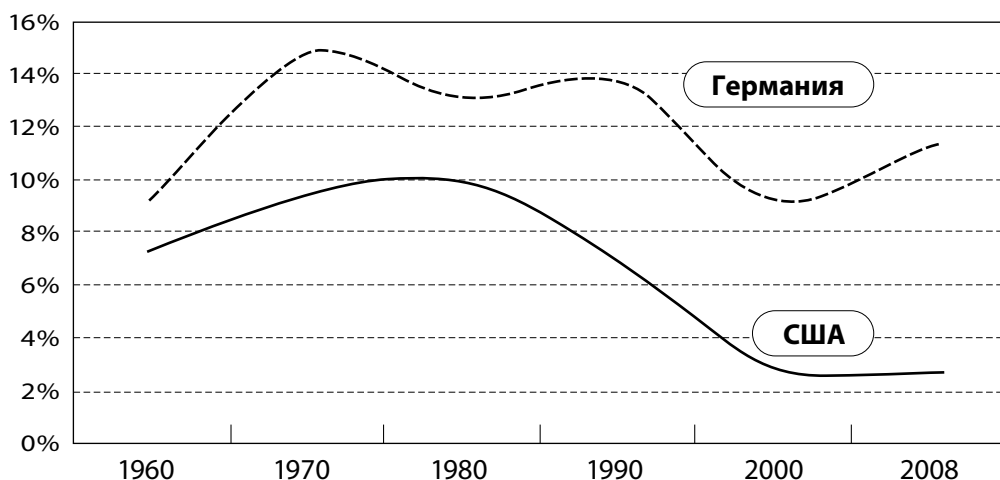
Для начала можно обнаружить, что такие продукты, как буханка хлеба, яйцо для завтрака, хлопчатобумажная рубашка и многочисленные услуги, в сравнении со стоимостью оплаченной работы непрерывно дешевеют (табл. 5.1). Но верно также и то, что люди, несмотря на сильно возросший реальный доход, свои деньги всё-таки растрачивают. Квота сбережений

Таблица 5.1

Количество рабочего времени среднестатистического работника, необходимое для производства типичных продуктов потребления (за период с 1950 по 2008 г.)

Год	1000 г супового мяса	1 пара мужских полуботинок	10 яиц	500 г сливочного масла	1 билет в кино
1950	2 ч 20 мин	23 ч 20 мин	1 ч 30 мин	60 мин	50 мин
1960	1 ч 50 мин	13 ч 40 мин	40 мин	30 мин	30 мин
1970	50 мин	7 ч 30 мин	15 мин	15 мин	30 мин
1980	35 мин	7 ч 15 мин	10 мин	9 мин	25 мин
1990	25 мин	6 ч 10 мин	6 мин	5 мин	22 мин
2000	20 мин	4 ч 50 мин	5 мин	3 мин	20 мин
2008	22 мин	6 ч	5 мин	2 мин	25 мин

Источник: Statistisches Bundesamt, Entwicklung der Bruttoverdienste. Цены на отдельные товары — от 1948 г.; цифры округлены, данные за 2008 г. приводятся по собственной оценке.

Источник: Deutsche Bundesbank (на графике показанны интервалы в 10 лет).

Рис. 5.1. Квота сбережений от наличного дохода домохозяйств в Германии и США (%)

немецких личных домохозяйств в долгосрочном тренде не увеличивается, а в США она даже опустилась (рис. 5.1).

Тренд падения объёма труда, наблюдаемый в индустриальных государствах в течение десятилетий, остановился. Уже упоминалось, что на душу населения в Германии приходится 700 часов работы по найму в год, это, правда, на 30% меньше, чем в 1960 г., но всего на 9% меньше, чем в 1990 г. в прежней ФРГ. В США, Швейцарии, Швеции и многих других сопоставимых с нами индустриальных странах объём оплаченной работы по найму на душу населения заметно выше². Социальные привычки, разные виды социального обеспечения, различные структуры оплаты труда и различные правовые общие условия приводят в сопоставимых во всём прочем индустриальных странах к заметным различиям в количестве работы на душу населения.

Гораздо больше, чем объём, изменилась структура деятельности по найму. Всё меньше людей в индустриальных странах занято в физическом производстве товаров. В промышленности, строительстве, ремёслах и сельском хозяйстве в 1960 г. работало ещё 62% всех работающих в ФРГ, к 2008 г. эта доля уменьшилась до 27,4%³. Одновременно повсюду сократилась и доля простого труда. Сегодня 20% личного потребления в Германии приходится на импортные потребительские товары (2008 г.)⁴, в США эта доля

составляет даже 27,4% (2009 г.)⁵. Доля импорта в промышленном создании добавленной стоимости товаров широкого потребления ещё выше этих значений.

С одной стороны, для обеспечения населения массовыми товарами — от стиральной машины до мужской сорочки — сегодня используется лишь небольшая и всё сокращающаяся часть работающих людей. Поскольку стоимость этих товаров по отношению к среднему вознаграждению за труд уменьшается, падает и доля создания добавленной стоимости в них. С другой стороны, растёт потребность в рабочей силе в областях, касающихся здоровья, ухода, спорта и свободного времени, а также в разнообразных услугах. Однако спрос на многие простые услуги очень чувствителен по ценам, что в тенденции оказывает давление на зарплату, и это означает, что заканчивается не работа как таковая, а увеличивается расхождение между ценами на нижних ступенях рынка труда, по которым предлагается работа, и ценами, по которым есть на эту работу спрос.

Итак, вопрос заключается в том, каким путём установить общие условия, чтобы работа по найму окупалась для возможно большего числа людей. Но эта цель не уживается в Германии с установленной через основное обеспечение минимальной зарплатой, размер которой определяется гарантированным социоэкономическим прожиточным минимумом⁶. Это означает, что в тенденции нет спроса на работу с зарплатами, которые нетто не достигали бы как минимум 60% среднего дохода, то есть проблему представляют собой те люди, производительность труда которых не соответствует хотя бы 60% средней производительности. Эта проблема осложняется ещё и многообразными помехами в виде разных квалификационных структур, разных региональных частей рынка, а также возрастом и здоровьем этой целевой группы.

Решение могло бы заключаться в том, что в обеспеченном товарами стареющем обществе будущего возрастет и потребность в личных услугах простого типа. Покупательная способность этого спроса зависит во многом от стоимости работы. Проблему представляет собой всё та же группа, которая по причине дефицита социализации или по другим причинам не может и не желает выполнять требования, которые предъявляют к ним даже в оказании простейших личных услуг — пунктуальность, тщательность, надёжность и честность.

Так же стойко, как и утверждение о том, что работа кончается, держится следующий аргумент: даже если работа и не кончается, то хорошо оплачиваемой работы становится всё меньше, а плохо оплачиваемой работы

всё больше. Мол, на зарплату в наши дни зачастую уже нельзя «прилично жить». Этот аргумент играет центральную роль в дебатах о минимальной оплате труда.

Верно здесь то, что доля работающих, обязанных платить социальную страховку, среди всех трудящихся в последние годы упала и теперь составляет 66%, в то время как доля нетипично занятых (на мини-работе, с неполной занятостью, на временной работе) прибавилась. Также выросла доля низкой зарплаты (меньше $\frac{2}{3}$ среднего заработка). Рынок труда стал более дифференцированным, многообразным и трудным, неравенство увеличилось⁷. Вообще не исключено, что работодатели будут использовать гибкий подход, как, например, занятость на временной работе или мини-работу⁸. Тем не менее работающие по найму даже при низкой брутто-зарплате будут иметь в своём распоряжении — по причине взаимодействия с системой социальных трансфертов — нетто существенно больше, чем основное обеспечение. К тому же работать за низкую плату всё равно лучше, чем не работать вообще, как для народного хозяйства, так и для самих работающих⁹.

Даже при почасовой оплате всего в 5 евро работающий по найму имеет в своём распоряжении больше из-за более высоких трансфертных поступлений, чем с одним лишь основным обеспечением (см. табл. 5.2). Правда, разница при фактической почасовой оплате в 5 евро составляет всего 1,68 евро, при 7,5 евро фактической почасовой оплаты она поднимается до 1,93 евро, и даже при 10 евро фактической почасовой оплаты это будет всего 2,94 евро. При таких суммах можно понять, отчего иной работник предпочитает улучшить свой доход путём нелегального приработка. По некоторым оценкам в Германии около $\frac{1}{6}$ социального продукта производится путём нелегальной работы¹⁰. Эта проблема обостряется, если основное обеспечение растёт, обостряется она и тогда, когда ужесточаются правила зачёта. Итак, вопрос вовсе не в том, можно ли жить прилично на свою зарплату, а в том, привлекателен ли официальный наёмный труд, если разница с основным обеспечением оказывается совсем незначительной. Эту проблему можно решить, если:

- заметно снизить основное обеспечение;
- смягчить правила зачётов;
- предписать высокую минимальную зарплату как обязательную.

Первое решение соответствовало бы англосаксонской, строго рыночно-экономической модели. Оно имело бы в Германии не только мало шансов на осуществление, но было бы и социально-политически непродуктивно,

Таблица 5.2

**Взаимосвязь брутто-зарплаты, нетто-зарплаты и наличного дохода
(все данные в евро, частично округлённые)**

Брутто-зарплата	800	900	1000	1100	1200	1400	1600	1800
Затраты работодателя	964,8	1085,4	1206	1326,6	1447,2	1688,4	1929,6	2170,8
Почасовая оплата	5,0	5,63	6,25	6,88	7,5	8,75	10,0	11,25

Пример 1: холостяк

Нетто-зарплата	635,2	714,35	781,09	834,74	903,72	1011,51	1109,7	1215,22
Трансферты	272	203	146	103	44	0	0	0
Наличный доход	907	917	927	937	947	1011	1109	1215
Разница с основным обеспечением	269	279	289	299	309	373	471	577
Виртуальная почасовая оплата	1,68	1,75	1,8	1,87	1,93	2,33	2,94	3,61

Пример 2: женат, 2 детей

Нетто-зарплата	637,2	716,6	783,59	846,49	906,72	1018,19	1122,07	1230,87
Трансферты	1342	1273	1216	1163	113	1021	927	819
Наличный доход	1979	1989	1999	2009	2019	2039	2049	2049
Разница с основным обеспечением	269	279	289	299	309	329	339	339
Виртуальная почасовая оплата	1,68	1,75	1,8	1,87	1,93	2,05	2,12	2,12

Рассчитано на основе данных: www.konz-steuertipps.de/konz/lohnrechner.html

раз уж всем должен гарантироваться социоэкономический прожиточный минимум.

Второй путь — смягчение правил зачётов — стоит денег, но может и сэкономить их, если для многих получателей основного обеспечения возрастёт стимул для найма на оплачиваемую работу.

Третий путь будет действовать лишь с соответственно высокими зарплатами, он вызовет не только сокращение рабочих мест из-за того, что работодатели не смогут увеличить фонд зарплаты, но и повысит число получателей основного обеспечения и потому может оказаться дорогим.

Работа в структурированном мире

Влияние технического прогресса

Технический прогресс несёт в себе нечто захватывающее и вместе с тем нечто крайне пугающее. Захватывающее кроется в постоянном продвижении в качественно новые, неведомые измерения, прежде закрытые даже для человеческой фантазии, которая в основном топчется на традиционных путях, а также в умножении человеческих сил и способностей. С другой стороны, происходит непрерывное обесценивание человеческих способностей и навыков и тем самым привычного содержания работы.

Продолжающееся их обесценивание не представляет собой ничего нового, оно характерно для всей человеческой истории. Кто умеет сегодня пользоваться луком и стрелами? Кто владеет искусством разведения огня без спичек? Но если раньше инновации капали с интервалом в столетия, то теперь они следуют друг за другом с такой скоростью, что могут изменить содержание работы несколько раз за одну профессиональную жизнь. Девиз «пожизненная учёба» указывает в верном направлении, однако он не поможет тем, кому учёба даётся с трудом или кто попросту стар для всего радикально нового.

Правда, там, где технический прогресс делает лишними рабочие места в производственных цехах, станциях сервисного обслуживания и коммерческих отделах, постоянно образуются и новые рабочие места. Однако при том же производстве число этих мест меньше, и они требуют совсем другой, чаще всего более высокой квалификации, нередко и в других фирмах. Так или иначе, вряд ли получится сделать системного программиста из 45-летнего слесаря-механика.

Переворот технических производственных отношений и связанное с этим обесценивание способностей происходят всё быстрее. Мы ощущаем это не так сильно, потому что доля создания добавленной стоимости физической продукции в современном индустриальном обществе становится всё меньше. Это объясняется гигантским сдвигом относительных цен: стрижку у мужского парикмахера, которая стоит сегодня 15 евро, в 1950-е гг. можно было сделать за одну немецкую марку. Цветной

телевизор стоит сегодня 30 посещений парикмахера. В те годы чёрно-белый телевизор стоил 1000 посещений парикмахера. Увеличение производственных возможностей за счёт технического прогресса настолько огромно, что, несмотря на постоянно обновляющиеся сдвиги спроса вследствие падающих относительных цен, возникают всё новые секторальные избыточные производственные мощности, которые форсируют спад производства и занятости. Актуальный пример — автомобильная промышленность, которая по всему миру производит в год 55 млн легковых автомобилей, но с имеющимися производственными мощностями могла бы производить 85–90 млн.

К счастью, технический прогресс осуществляется не только в производственных процессах, но и в самих продуктах. Мобильные телефоны, Интернет и цифровые камеры 20 лет назад были совсем неизвестны, и никто даже приблизительно не смог бы предсказать связанный с ними переворот и новые возможности для трудовой занятости. И сегодня тоже никто не знает, какие продукты и процессы будут определять облик мира через 20 лет. Трудность заключается в том, что мы точно понимаем, что именно отмирает и что по части рабочих мест и возможностей занятости будет разрушено, но не можем составить себе, исходя из этого, правильное представление: как технологическая окружающая среда, а с ней и трудящийся мир будут выглядеть через 20 лет. Не только жалобы, но и настоящая тревога, звучащие в вопросе: «А не исчезает ли у нас работа?» — рождаются, в конечном счёте, оттого, что мы — во многом независимо от уровня образования или интеллекта — видим, где и какие рабочие места исчезают, но при этом не можем знать, что образуется взамен этих мест.

Высвобождающаяся в ходе технического прогресса рабочая сила может некоторое время оставаться неиспользованной, если речь идёт о региональных и секторальных агломерациях, об устаревшей или низкоквалифицированной рабочей силе. Но в длительной перспективе любое предложение рабочей силы в принципе находит свой спрос, если речь действительно идёт о *предложении*, при котором предельная полезность для покупателя рабочей силы выше, чем ставка заработной платы. Эта фраза звучит так, словно она взята из начальной экономической школы, однако оба условия должны быть выполнены: речь должна действительно идти о *предложении*, и покупатель должен иметь экономическую выгоду от того, что примет его. Незаинтересованный и физически нетренированный получатель пособия по безработице П, которого бюро по трудоустройству обязывает заняться уборкой спаржи и который через полдня работы сказывается больным из-за

того, что у него ломит поясницу, не отвечает обоим условиям: тут не присутствует настоящее *предложение* работы, и оно не принесёт хозяйственную выгоду фермеру. Поэтому каждую весну на немецких плантациях спаржи работает так много поляков.

Влияние глобализации

Наряду с техническим прогрессом огромные структурные перемены вызывает глобализация как таковая. Легко спутать, какие влияния на рынок труда и структуру производства можно отнести на счёт технического прогресса, а какие на счёт глобализации, потому что оба влияния взаимно переплетаются. Так, переход к стандартному контейнеру в качестве наиболее удобной транспортировочной ёмкости, имеющей место в мировой торговле, и связанные с этим рационализация и автоматизация транспортной составляющей — результат технического прогресса. Вызванное этим структурное снижение транспортных расходов в свою очередь представляет собой горючее глобализации. Сходным образом строятся отношения между Интернетом и всей совокупностью современной обработки информации. По каждому предмету в режиме реального времени информация может считываться по всему миру без временных потерь, связанных с преодолением пространства. Поддержанная электроникой управленческая деятельность, услуги планирования и развития могут на основе разделения труда передаваться куда угодно.

В индустриальных государствах глобализация усиливает эффект технического прогресса, экономящего рабочую силу: рабочие места исчезают по технологическим причинам и перебазируются в другие места по соображениям сокращения издержек. Там, где производство целых групп товаров исчезает не сразу, часто снижается степень завершённости производства, то есть те части, которые имеют высокую долю издержек на труд и/или низкую долю технологии, предпочтительнее передавать в другие руки.

Суть процесса такова, что он никогда не подходит к концу и в лучшем случае может быть приведён в частичное динамическое равновесие. При этом дело может дойти до таких явлений, как описанная Гансом-Вернером Зинном* «базарная экономика»¹¹, а именно: средняя немецкая доля добавленной стоимости в экспортных продуктах падает и тем самым доля

* Ганс-Вернер Зинн — немецкий экономист, президент немецкого Института экономических исследований.

импортированных подготовительных работ в экспорте возрастает. Для Германии это соответствует действительности, однако эффект рабочего места растущей доли подготовительных работ может быть положительным, если тем самым защищается имеющийся экспорт, а при некоторых условиях даже становится возможен дополнительный экспорт. В качестве положительного встречного эффекта может к тому же оказаться, что доли подготовительных работ в иностранном импорте содержат в себе растущий объём немецких подготовительных работ. Во всяком случае совет экспертов по совокупному экономическому развитию, занимаясь так называемым эффектом базара, выявил, что в исследованном в своё время промежутке с 1991 по 2000 г. сокращение занятых в экспортозависимой индустрии было заметно меньше, чем во всей обрабатывающей отрасли¹².

Если под «эффектом базара» понимать тенденцию растущей доли подготовительных работ в экспортном производстве, то он представляет собой принудительное действие нарастающей глобализации, при которой ориентированное по издержкам расчленение производственных процессов становится всё форсированнее и привлекательнее, что сказывается, естественно, и на импортных продуктах. Понятый таким образом эффект базара совсем не обязательно стоит рабочих мест. Другое дело, когда при растущей доле подготовительных работ экспорта непропорционально растёт импортное, тогда это может выйти за пределы структурного изменения к явлениям деиндустриализации, которые в результате означают, что страна показывает устойчивый дефицит торгового баланса в производстве товаров. Это ведёт к трудностям, если нет существенного превышения баланса по текущим операциям в сфере услуг или иных перечислений, поступающих, например, доходов от имущества или денежных переводов гастарбайтеров.

На мой взгляд, вопрос исторически всё ещё остаётся открытым: удастся ли старым развитым странам в ближайшие десятилетия, несмотря на стремительную индустриализацию Азии и появление по всему миру новых мест с низкой оплатой труда, настолько защитить собственную индустрию, что она могла бы не отставать от других в международном обмене и одновременно могла бы предложить достаточно рабочих мест тем, кто в буквальном смысле слова живёт трудом своих рук, работой, которую он найдёт в индустрии или области производительных услуг? Германия, кажется, имеет в этом вопросе как минимум более выигрышную позицию, чем многие другие старые индустриальные государства.

Перенос спроса на труд с производства товаров на услуги

Относительные цены на все виды товаров будут падать и впредь (разве что цену повысит содержащаяся в них доля сырья, как в случае золотых украшений или бензина), поскольку глобализация и развитие технических нововведений продолжатся и дальше, и точно так же будут падать относительные цены на те услуги, которые поддаются автоматизации (например, стандартные банковские услуги) или не привязаны к определённому региону, и потому могут переноситься в места с низкой оплатой труда (как, например, в колл-центрах). Соответственно из всего общехозяйственного количества работы всё меньшая доля должна быть мобилизована в производство товаров и в поддающиеся автоматизации услуги.

Поэтому логично, а также и рекомендовано с точки зрения политики рынка труда, чтобы всё большая доля спроса на труд приходилась на личные услуги, которые не поддаются механическому замещению. Во многих простых услугах это вопрос цены. Например, это касается услуг по дому или сервиса и качества в розничной торговле. Многие другие услуги — и как раз квалифицированные, с растущим спросом — стали предоставляться в Германии преимущественно как социальные блага, то есть они либо полностью, либо в основном финансируются через налоги и социальные сборы. Это касается, в частности, образования, медицины и ухода за престарелыми, которые можно обозначить, собственно, как области развития в будущем. Эти службы будущего требуют либо относительно высокой квалификации (образование, медицина), либо стабильной структуры личности (уход за престарелыми), то есть они как раз мало пригодны для так называемых проблемных групп на рынке труда, которые характеризуются низкой квалификацией и (или) дефицитами необходимых качеств личности.

Если верно то, что спрос долгосрочно сдвигается в сторону социально финансируемых услуг, тогда это скажется на доле государства в ВВП: в тенденции эта доля должна возрасти, или регулируемая государством доля должна повыситься, например, в форме обязательной частной медицинской страховки или страховки по уходу. В немецкой модели из-за сложившейся ситуации на рынке труда и в структуре спроса, правда, вряд ли возможно повысить занятость в образовании, медицине и уходе так, как это было предложено.

Для старых индустриальных государств модель, ориентированная на англосаксонскую идею, заключающуюся в том, что экономика растёт тем сильнее, а возможностей для занятости предоставляется тем больше, чем ниже доля государства, — судя по всему, наталкивается на концептуальные границы. Высокая степень занятости и одновременно хорошие

коэффициенты роста скандинавских народных хозяйств, в конечном счёте, тоже объясняются тем, что при устойчиво финансируемой высокой доле государства гораздо бóльшая часть работающих трудится в социально-финансируемом секторе¹³.

Минимальное обеспечение и организация рынка

В Германии не нужно работать для того, чтобы получать 60% среднего нетто-дохода, такой уровень гарантирует государственное основное обеспечение. Это имеет свои последствия. Так, нерационально предлагать свою рабочую силу и ходить на работу, пока ты можешь извлечь доход, близкий к 60% среднего дохода или ниже. Поэтому люди с низкой производительностью даже не показываются на рынке труда, хотя формально остаются в его распоряжении. И те, кто подсчитывает возможности заработка на неформальном рынке труда, например в качестве временного работника или домашней прислуги, тоже не будут выступать соискателями на регулярном рынке труда, пока не смогут добиться там нетто-дохода, который был бы ощутимо выше 60% среднего дохода.

С одной стороны, мигранты из стран Ближнего Востока или Турции уже получили крупный выигрыш, проникнув в немецкую систему основного обеспечения, ибо они, при том что от них не требуется ни рабочая повинность, ни какая-либо серьёзная обязанность в отношении интеграции, располагают доходом, который у них на родине сделал бы их состоятельными гражданами. Ничего не делая, они получают в Германии, как правило, существенно больше, чем зарабатывали бы у себя на родине очень напряжённым трудом, если бы вообще нашли работу. Эта группа тоже не показывается на рынке труда.

С другой стороны, работодатели, то есть предприниматели, государственные инстанции и прочие учреждения, стараются так организовать рабочий процесс, чтобы вообще не нуждаться в людях с низкой производительностью, поскольку они слишком дорого обходятся при зарплате на уровне как минимум 60% среднего дохода или более того, то есть основное обеспечение действует на рынке труда как скрытая минимальная зарплата — без того, чтобы пришлось её специально устанавливать.

Эти обстоятельства объясняют тот неурядок, по поводу которого немецкая общественность проявляет беспокойство. Как же получается, спрашивает общественность, что на рынке труда больше нет предложений для людей с низкой квалификацией и низкой производительностью? Ответ очень прост: скрытая минимальная зарплата нерентабельно высока. И почему

каждый год на сезонную работу по срезанию спаржи прибывают целые толпы восточных европейцев, когда у нас так много своих безработных? Если альтернативой уборке спаржи является получение пособия Hartz IV, то жестокая мука тяжёлой сдельной работы на полях для большинства попросту непосильна по сравнению с доходами основного обеспечения. Кроме того, те, кто долго сидел без работы, не привыкли к длительным нагрузкам — ни морально, ни физически — и поэтому легко сдаются. Почему мы слышим так много жалоб на недостаточную квалификацию и социализацию безработных с большим стажем? Эти жалобы нужно рассматривать с известной осторожностью, ведь тут можно выделить две тенденции. Во-первых, непрерывно происходящий на рынке труда обмен поневоле приводит к тому, что в зоне длительной безработицы скапливается отрицательный отсев, потому что возвращение в трудовую жизнь легче даётся активным кандидатам. Во-вторых, личная и профессиональная квалификация теряет свою ценность у тех, кто вынужденно или добровольно пребывает в длительной безработице, уже не отвечая требованиям, сопряжённым с трудовой жизнью. Ещё хуже дело обстоит у тех, кто никогда не использовал ни единого шанса и у кого не было желания действительно утвердиться в трудовой жизни.

Итак, гарантированный основной доход в размере 60% среднего дохода серьёзно вмешивается в организацию рынка труда с двух сторон:

1) рационально мыслящие люди, предлагающие свою рабочую силу и являющиеся при этом получателями основного дохода, отказываются от любой работы, вознаграждение за которую не выдерживает минимальной дистанции с основным доходом, то есть не составляет, например, 70% среднего дохода;

2) рационально мыслящие работодатели не предлагают те рабочие места, которые при скрытой минимальной зарплате нерентабельны.

И то и другое приводит к тому, что большая часть людей, находящихся на нижнем ярусе потенциала наёмного персонала, как бы административно вытесняются в зону бездеятельности.

Политическое воздействие на рынок труда

Работа как средство социализации

Основное обеспечение для безработных теоретически выплачивается лишь в том случае, когда у них наличествует готовность к устройству на работу. Но практически готовность к работе в немецком правовом государстве нельзя ни проверить, ни достаточно законно доказать, ни наказать её

отсутствие. Тот, кто предпочитает получать пособие по безработице, вместо того чтобы работать, всегда найдёт способ это сделать¹⁴.

В Библии сказано: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89:10). И Аристотель писал: «Человеческое благо — это добродетель, соразмерная работе души, и существует много добродетелей: лучшая и самая совершенная добродетель соразмерна деятельности»¹⁵. Такое высокое определение не везде и не всегда применимо, тем более в простой деятельности. Ежедневный подневольный труд может быть бездуховным и мучительным проклятием. Однако эта цитата показывает, что совсем не обязательно вылупиться из яйца пуританской трудовой этики, чтобы отводить работе центральную роль в человеческой жизни и, конечно же, в человеческом счастье.

Если взглянуть на дело с точки зрения левых, например Франкфуртской школы, то речь пойдёт о социальной взаимосвязи, в которой достигнут «результат кооперативных отношений... когда самореализация каждого зависит от ответного уважения со стороны всех остальных»¹⁶. Это в точности то, чего не хватает получателю Hartz IV, потому что он не включён в необходимый для этого обмен услугами. Таящееся в этом скрытое унижение не может быть компенсировано и более высоким денежным возмещением. Как раз наоборот: чем выше денежное возмещение, тем больше людей оказываются вовлечёнными в круговорот унижения.

Из исследований темы счастья мы знаем, что человек склонен преувеличивать действие материальных благ и пассивного комфорта как источников счастья и недооценивать благодатное действие социального обмена или производительной деятельности. Таким образом, человек в большей степени предпочитает «иметь», чем «быть». При этом счастье, состоящее из того, что приносят материальные блага по ту сторону абсолютной бедности, происходит не столько из абсолютного уровня обеспеченности, сколько из осознания своего ранга по отношению к другим людям, а уже этот ранг выражается через степень обеспеченности.

Более скромных людей без выраженного честолюбия или особых способностей здесь и подстерегает ловушка: поскольку они не питают надежду существенно улучшить своё материальное положение путём оплачиваемой работы и не в состоянии понять, какие нематериальные плоды приносит работа — гордость, признание, социальный обмен, — они отказываются от участия в трудовой жизни или делают лишь слабые попытки присоединиться к этому участию. Так они оказываются в ловушке. Она

комфортабельна и обита мягкой подкладкой де-факто безусловного основного обеспечения, однако потребность занимать определённое положение в обществе так и остаётся неутолённой.

В этом кроется причина перманентно плохого настроения и гложущего недовольства, которое обычно царит в среде получателей социальных пособий.

Царство работы — это царство вторичных добродетелей: пунктуальности, надёжности, точности, любви к порядку, стрессоустойчивости, понимания иерархии и подчинения. Без этих свойств не будет функционировать ни один процесс создания добавленной стоимости, даже ни одна эффективно работающая бригада уборщиков. История показывает, что благосостояние нации в большей степени зависит от того, присутствуют ли у населения эти вторичные добродетели и как они поощряются, оплачиваются и развиваются. Изречение Томаса Альва Эдисона, гласящее, что гений есть один процент вдохновения и девяносто девять процентов потопотделения, наглядно показывает, что вторичные добродетели непреложны для любого устойчивого успеха, в том числе и для креативных достижений.

В обезличенном обществе значение работы для социализации возрастает больше, чем когда бы то ни было. В племенах охотников и собирателей эпохи каменного века, в отдалённых деревенских общинах раннего XX в. и по сей день там, куда ещё не дошёл индустриальный модерн, социальные отношения определялись и определяются традицией, они обозримы, но мало поддаются формированию. Человеку от рождения указано определённое место в обществе, и он остаётся на этом месте, как правило, до самой смерти. Иметь ли ему работу или не иметь её, так же как и жить в сложившихся обстоятельствах, — всё это коллективная судьба.

Теперь это не так. Тот, кто сегодня в свой самый активный жизненный период — с 25 до 65 лет — так и не встроился в трудовое общество, хотя бы через семью, тот стоит вне реальных жизненных взаимосвязей и чувствует себя соответственно. Это не вопрос денег: известна история Бориса Беккера*, когда привычная роль чемпиона мира по теннису была им потеряна, а другую он так и не нашёл. Такую же печальную участь делят почившие на лаврах наследники миллионеров и потомки династий. Горе им, если они не обретут своей гражданской позиции; в таком случае они становятся несчастными аутсайдерами, даже если их фотографии появляются в каждом втором номере еженедельника *Neuen Blattes*.

* *Борис Беккер* — выдающийся немецкий теннисист, бывшая первая ракетка мира, чемпион Олимпийских игр (1992), победитель Уимблдонского турнира (1985–86, 1989).

Образование и низкая квалификация

Большая часть тех, кто долгое время не может (или не хочет) устроиться на рынке труда, потерпела поражение ещё в системе образования, правда, по сходным причинам. Ведь молодому человеку наряду с известным интеллектуальным потенциалом необходимы уже упомянутые вторичные добродетели для того, чтобы успешно завершить школьную карьеру. Те, кто не сумел закончить неполную среднюю или реальную школу, потерпели крах не в дифференциальном исчислении, а в простейших арифметических правилах или дробях с разными знаменателями. И тем, кто бросил профессиональное обучение, нередко не хватало именно пунктуальности и тщательности, равно как и способности держать стабильную рабочую производительность, вряд ли они спотыкались об интеллектуальные препятствия.

То, что было упущено в период школьного обучения, длящегося в среднем до 18-летнего возраста, вряд ли можно наверстать в трудовой жизни (подробнее об этом см. в гл. 6). Бывший министр труда Шольц, например, горько сетовал летом 2009 г.:

«Каждый год после школы тысячи подростков исчезают с экранов наших радаров. Некоторые бросают профессиональное ученичество и перебиваются случайными заработками. Другие заканчивают образовательное заведение, но больше не фигурируют ни в одной статистике, и мы ничего о них не знаем... Ведь что толку, если подросток покидает школу в 16 лет, а потом мы снова видим его, 22-летнего, необученного, в каком-нибудь центре занятости. Старт в профессиональную жизнь — это центральная точка жизненного пути. Тут мы не имеем права оставить кого-либо в одиночестве... Полтора миллиона человек в возрасте от 20 до 29 лет не имеют профессионального образования, 15% этого возрастного класса остаются необученными... Мы должны что-то делать. Причём быстро».

В дальнейшем Шольц требовал улучшения ситуации в школах и в профессиональном образовании. Лишь одно обстоятельство он умалчивал, а именно: тот, у кого не слишком много честолюбия, вполне может избавиться себя от этих чрезмерных нагрузок, получая основное обеспечение. Политически ответственные лица явно не приняли в расчёт, что растущая группа людей, как раз молодёжи, может сделать исходным пунктом планирования своей жизни уровень Hartz IV и вовсе не видеть повода развивать в себе честолюбие и готовность к нагрузкам.

Естественную мысль — а не отказать ли подрастающему поколению в Hartz IV — министр труда отверг: мол, он «не имел в виду никаких санкций». Нетрудно догадаться, что та молодёжь, о которой шла речь, смеётся над его призывами — если эти призывы вообще дошли до её сведения. Это печально, поскольку Шольц прав в своих опасениях: подросток, покидая школу в 16 лет и не получая никакого профессионального обучения, в следующие пять десятилетий жизни «вновь и вновь будет клиентом министра труда»¹⁷.

Культурное формирование и развитие общества

«Ведь все они хотят, но не имеют шансов». Эта фраза верна для некоторых, а для многих — нет. Впрочем, с «хотением» дело обстоит следующим образом. Будучи 13-летним школьником, я хотел изучать латынь, хотел каждый день заучивать по целой странице новых слов, но не делал этого, несмотря на бесконечные напоминания родителей и учителей. В итоге я остался на второй год, причем с плохой отметкой по латыни, которую получил вполне справедливо. Это явилось для меня хорошим уроком; я раз и навсегда понял, что никто не вставит мне в голову латинские слова просто так. На меня подействовала санкция, а также страх не справиться (он, кстати, действует и поныне); они-то и стимулировали мой дальнейший путь в получении образования. Если бы мои родители были необразованными людьми и получали Hartz IV, я бы, пожалуй, тоже пошёл по их стопам, много ли понимаешь в 13 лет! У кого отсутствует честолюбие и кто не боится нужды, того нечем мотивировать и совершенно нечем испугать.

Политика рынка труда и социальная политика в нашей стране построены, таким образом, на иллюзиях в отношении человеческой природы. Правда, сегодня бесспорно то, что рационально действующий *homo oeconomicus** — это искусственная модель хотя бы потому, что рациональность при зачастую противоречивых и меняющихся собственных предпочтениях вообще трудно определить, а при неизвестных общих условиях ещё труднее выдержать до конца. Человек когнитивно перегружен предпосылкой рациональности¹⁸. Но на всяком когнитивном уровне он очень даже хорошо следует непосредственно ощущаемой им собственной выгоде. Гипотеза, которая гласит, что человек в случае сомнения действует себе на пользу, как правило, находит своё подтверждение.

* *Homo oeconomicus* (лат.) — человек экономический — модель, разрабатываемая экономической антропологией, ставящей перед собой задачу изучения человека как экономического субъекта.

Однако этим далеко не исчерпывается и не объясняется сложность управляемого инстинктом и культурно внушённого поведения. На генетическое формирование человека накладывается культурное формирование общества, в котором он социализируется, а к этому добавляется влияние его непосредственного окружения. В такой же степени в человеческой истории играет роль не только генетическая эволюция, происходящая путём естественного отбора, но и культурная эволюция, которая может вести людей и целые общества в диаметрально противоположных направлениях¹⁹. Секюляризованное индустриальное общество, в котором мы живём, представляет собой лишь одно из многих мыслимых направлений развития с многочисленными модификациями. Разумеется, южноитальянское общество функционирует совершенно иначе, чем общество в Швабии, и оба они совсем не похожи на общество американского Среднего Запада.

Такое разное культурное и цивилизационное развитие ведёт к различиям в том, что касается продолжения рода и выживания, и порождает также всевозможные генетические проявления. Здесь культурное развитие и естественный отбор воздействуют друг на друга. Известно, например, что цвет кожи в неодинаковых условиях отбора проходит процессы приспособления к этим условиям, что проявляется уже через несколько поколений. В принципе это верно и для физических возможностей, ментальных установок и интеллектуальных свойств. Поэтому вполне естественно, что народы и типы обществ с различными культурными традициями в той или иной степени подстраиваются к требованиям современного индустриального общества и находятся в совершенно разных состояниях развития.

Современное социальное государство отменило действовавший с самого начала человеческой истории механизм селекции, исключив смертность из материального статуса, — и правильно поступило. Далее оно отключило обеспечение по старости от репродуктивного поведения, что существенно поспособствовало тому, что норма нетто-репродукции многих современных индустриальных обществ упала намного ниже уровня, способного поддерживать численность населения.

Прежние общества, скорее сословно ориентированные и построенные на унаследованных привилегиях, привязывали большую часть одарённых людей к их слою. Чем больше проявлялась проницаемость общества, чем более меритократическим* оно становилось, вознаграждая своих членов

* *Меритократическое общество* — общество, в котором руководящие посты занимают наиболее одарённые люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

по заслугам, а не по принадлежности к родовой аристократии, тем в большей степени социальное расслоение приспособлялось к профилю одарённости. Нижние слои отдавали своих одарённых наверх, а верхние слои своих менее одарённых — вниз. Это разделение происходило тем радикальнее, чем большее равенство шансов господствовало в обществе — проблематика, которая в принципе неразрешима. Допущение, что равенство шансов может ликвидировать существующие неравенства, является большой ошибкой. В действительности равенство шансов только обостряет горькую правду: в обществе с действительно равными шансами человек оказывается «внизу» только по тем причинам, которые кроются в нём самом.

В Германии мы уже много лет наблюдаем постепенное укрепление и устойчивый рост нижнего класса — бездельного и безработного. По уже описанным причинам сравнительно высокий и гарантированный основной доход загоняет этих менее трудоспособных людей в незанятость и привязывает их там. Современное социальное государство особой немецкой штамповки делает ещё кое-что дополнительно для того, чтобы менее квалифицированные и менее толковые размножались активнее, чем дельные и квалифицированные: с них полностью снимается материальная забота о детях. На каждого ребёнка родители получают 322 евро ежемесячно в качестве гарантированного государством социального прожиточного минимума. Это весомая причина для того, чтобы нижний слой рожал заметно больше детей, чем средний и верхний слои. За большей частью этих детей неудачливость закрепляется уже с самого рождения: 1) они наследуют в соответствии с законами Менделя интеллектуальные возможности своих родителей и 2) будут обделены по причине их необразованности и общей основной диспозиции (подробнее об этом в гл. 6).

На проблемы крепнущего и недостаточно интегрированного в производительный круговорот нижнего слоя²⁰ накладываются к тому же нерешённые проблемы большей части мигрантов из Турции, стран Африки, а также Ближнего и Среднего Востока. Но эти проблемы неравнозначны (об этом в гл. 7).

Должна ли политика рынка труда воздействовать на поведение?

Мы то и дело читаем в прессе истории жизни и карьеры получателей Hartz IV. Особенно наглядный случай, на котором сказался и опыт реформы Hartz IV, был описан в мае 2009 г. в *Spiegel** под заголовком «Чувство

* *Spiegel* («Шпигель») — немецкий еженедельный информационно-политический журнал.

работы»²¹. Речь шла о Гельсенкирхене, где доля безработных достигает 16%. Дирк Зюсман, заместитель руководителя службы по трудоустройству Гельсенкирхена, говорит: «Если вам нужна работа, то здесь вы найдёте её за 15 минут». Он с гордостью делает на компьютере запрос и объявляет: «Вот место, где действительно есть работа». По монитору в это время бегут 427 предложений работы в Гельсенкирхене и его окрестностях.

Карола Гётце, 46 лет, уже много лет безработна, как и её муж. Супружеская пара и их 8-летняя дочь получают 1400 евро в месяц. Карола Гётце имеет «однорвовую» работу на раздаче еды в благотворительном «Гельсенкирхенском столе». Однажды она побывала в службе по трудоустройству и в результате пришла к такому выводу: «Для меня там ничего не нашлось». За прошедшие четыре года агентство по трудоустройству сделало ей шесть предложений по работе, ни одно из них она не приняла. Агент Зюсман говорит, что в Гельсенкирхене каждые 20 минут заключается трудовой договор и безработица не является статичной. В его руках сосредоточены большие возможности, но ему так и не удалось устроить на постоянную работу Каролу Гётце. Если бы Карола и её небольшая семья не получали ежемесячно 1400 евро от государства, она бы уже давно устроилась на оплачиваемую работу.

Таких людей — миллионы, что наглядно показывает исследование динамики во втором томе Социальных законов (Основное обеспечение для ищущих работу), проведённое Институтом изучения профессий и рынка труда: в первые три года основного обеспечения, согласно второму тому Социальных законов за 2005–2007 гг., 3,15 млн человек (1,5 млн нуждающихся семей) были непрерывно зависимы от Hartz IV. В конце 2007 г. около 5 млн человек (3,1 млн нуждающихся семей) более 24 месяцев жили на Hartz IV, что составляло 87% от всех получателей пособий Hartz IV. На абстрактном языке исследователей это означает следующее:

«Многие нуждающиеся семьи долгое время остаются на основном обеспечении. Существует заметное ядро, состоящее частично из закрепившихся долговременных получателей, частично из людей с возобновляющимся долговременным получением... Долговременное получение характерно для всего контингента и тем самым для расходов на основное обеспечение... Около 18% населения, потенциально имеющего право претендовать на помощь, до этого уже прибегали к ней. Система действует далеко за рамками проблемы долговременных безработных

и образует основное обеспечение не только для тех, кто ищет работу, но и для значительной части населения в трудоспособном возрасте и для их детей. *В настоящее время дело выглядит так, что основное обеспечение с большим перевесом характерно для нуждающихся семей, которые испытывают нужду непрерывно в течение долгого времени или испытывают её периодически.* Этим отличается среди получателей пособий группа домохозяйств, которые, несмотря на все старания активизировать их, в течение долгого времени остаются зависимыми от социально-политической функции Социальных законов»²².

Если государственные исследователи дают сдержанную формулировку — «в течение долгого времени», то это спокойно можно перевести как «пожизненно»: миллионы трудоспособных людей 30, 40 и 50 лет будут сидеть на шее у государства следующие 30–50 лет, тогда как их способности будут всё больше и больше хиреть, а их социализация разовьётся вообще не в ту сторону. Они произведут на свет детей, причём заметно в большем количестве, чем в среднем по стране, и передадут свою жизненную установку им, а те, повзрослев, примкнут к получателям Hartz IV.

Похоже, могучий аппарат трансфертов уже не остановить. Добрые люди заламывают руки, а государственные исполнители стоически пипут свои распоряжения. Будет заложена ещё одна программа активизации, за которой последует ещё одна аналогичная программа. Между тем в Берлине Сенат выделяет на 7000 мест так называемого Второго рынка труда абсурдную сумму — ежегодно 170 млн евро²³, что при 600 тыс. человек, которые только в Берлине живут на основное обеспечение, всего лишь капля на горячий камень, не говоря уже о том, что Второй рынок труда — это дорогостоящий и бесперспективный тупик.

Что можно было бы изменить? В принципе есть три пути:

- 1) понизить уровень основного обеспечения, чтобы создать больше стимулов к работе;
- 2) создать больше стимулов к работе путём изменённых предписаний по зачётам;
- 3) трудоспособные люди, не достигшие законной границы старости, должны получать пособия основного обеспечения только за обязательные ответные услуги.

Непродуктивны любые стремления поднять относительный уровень основного обеспечения, ибо из-за этого стимулов к работе стало бы ещё

меньше; число так называемых «надстройщиков» — людей, получающих наряду с зарплатой дополняющие пособия основного обеспечения, сильно бы увеличилось, и проблема имеющейся дистанции с зарплатой в целом обострилась бы ещё сильнее²⁴.

Стимулы к найму на работу

1. Сокращение нормы социального пособия для трудоспособной части населения.

Без сомнения, наибольший стимул к работе содержится в понижении основного обеспечения²⁵. Это доказано эмпирически национальными и международными исследованиями. В США этим путём пошли с большой последовательностью, а в Великобритании — по крайней мере, с относительной, комбинируя низкий, ограниченный по времени уровень основного обеспечения со стимулами к работе. Это принесло заметный успех, причём понижение трансфертных выплат оказалось гораздо действеннее, чем усиление стимулов к найму на работу²⁶.

В континентальной Европе такие инициативы затормозились, потому что они вставали поперёк дороги стремлению обеспечить каждому человеку социоэкономический прожиточный минимум независимо от его достижений и усилий. Для рынка труда проблемы тем больше, чем выше установлен порог основного обеспечения.

Экспертный совет 2006 г. в своём проекте модели комбинированной зарплаты предложил снизить пособия по безработице II для трудоспособных получателей помощи на 30% и, помимо этого, распорядился провести проверку на предмет конституционности²⁷. В остальном же он, исследуя немецкую модель комбинированной зарплаты и причины её неудач, обнаружил, что действующая и оплачиваемая модель вообще не может быть конструктивной до тех пор, пока трудоспособным получателям основного обеспечения не выдвигается требование встречных услуг²⁸.

Требование экспертного совета о понижении нормы социального пособия основного обеспечения для трудоспособных получателей натолкнулось на столь интенсивное и массовое неприятие, что его модель комбинированной зарплаты не привлекла того внимания, какого заслуживала. При этом эксперты зашли не так далеко, как Ifo-институт с его «активирующей социальной помощью». Этот план сводился к тому, чтобы трудоспособным получателям основного обеспечения урезать его до суммы расходов на жильё, а возможности зачёта для работы по найму сформировать намного привлекательнее; для всех трудоспособных получателей основного обеспечения, которые ничего не найдут на свободном рынке,

создать обязательные предложения по занятости в коммунальной сфере²⁹. Слабость этой модели кроется в том, что предполагаемое полное вычёркивание пособия по безработице II для трудоспособных, явно не желающих работать, лежит далеко за пределами того, что одобряется политическим мейнстримом, и далее в том, что создание рабочих мест в достаточном количестве возможно лишь с возвратом к коммунам. Модель «активирующей социальной помощи» в том виде, как она была задумана, утопична и неосуществима, но в своей последовательной радикальности свежа и вызывает симпатию.

Следует рассмотреть вопрос: правильно ли, в самом деле, чтобы каждому гражданину безвозмездно был гарантирован основной доход в размере 60% среднего дохода. И почему трудоспособные члены нуждающихся семей не должны ощущать явного стимула для активного поиска работы? Ведь для нетрудоспособных членов нуждающихся семей размер основного обеспечения остался бы прежним. Правда, и их пособия основного обеспечения становятся проблемой, которую необходимо срочно решать: никому не хочется, чтобы дети испытывали нужду, но должны быть устранены ложные стимулы, которые состоят в том, что социальные выплаты основного обеспечения могут дотировать жизненный стандарт родителей, вместо того чтобы идти во благо детям. Тут напрашивается такой выход: минимизировать денежные выплаты для детей, а государственные ресурсы вложить в полнодневные детские учреждения, в государственную систему образования и школьное питание.

План экспертного совета касается исключительно нормы выплат для трудоспособных, он не затрагивает норму выплат остальным членам нуждающейся семьи и стоимость жилья. Итак, не возникает никакой опасности, что из-за 30%-ного понижения нормы выплат для *трудоспособных* членов нуждающейся семьи сама семья как таковая впадёт в нужду.

2. Большие материальных стимулов.

Устройство даже на самую простую работу должно лучше вознаграждаться. В настоящее время это не так: как показывает табл. 5.2 (с. 144), получателю Hartz IV из-за предписаний зачёта при почасовой оплате в 5 евро остаются нетто всего 1,68 евро. Другими словами: при 5 евро предельное обложение — 66%, при 7,5 евро — 74%, при 10 евро — уже 70% (у одинокого человека) или 80% (у женатого с двумя детьми). Очевидно, это способствует участию в нелегальной работе, что же касается группы, которая вообще мало готова к труду, то и вовсе сокращает стремление к трудоустройству.

Решением могла бы стать модель, называемая американцами *negative income tax**, которая обсуждается у нас уже несколько лет. Ввести её было бы поистине просто: де-факто каждый работающий по найму привык к тому, что предельное обложение его дохода — подоходный налог плюс социальная страховка — уже при 1000 евро месячной зарплаты составляет 40%, а при 1500 евро достигает 50%³⁰. В отношении получателя трансфертных выплат, который устраивается на работу, по всем ступеням доходов совершается перерасчёт, по завершении которого ему должно остаться 50% его зарплаты. Только после этой границы зачётов начинает действовать нормальное право социальных сборов и налогов. Правда, переход должен быть сформирован так, чтобы придерживаться предельного обложения в 50%, только тогда система была бы действительно логичной.

В смысле действенного стимула к трудоустройству это было бы хорошей системой, правда, очень дорогой, поскольку с «нормальным» наёмным работником пришлось бы поступать равным образом. Для многих возник бы стимул снизить свою деятельность по найму, потому что комбинированная зарплата выглядит привлекательнее³¹. В то время как один работник с заработком 1200 евро брутто в месяц уже перестал бы получать основное обеспечение, но и не подпадал бы под обложение сборами, среднее обложение работающего по найму составляло бы при 1200 евро брутто на сегодняшний день (2010) уже 44 евро подоходного налога и 252 евро социальной страховки, что в сумме составляет 296 евро.

Все модели комбинированной зарплаты, все модели с зачётом основного дохода, все модели, которые основаны на отрицательном подоходном налоге, имеют одну и ту же проблему: доходы, достигающие уровня, при котором ступенчато заканчивается сокращение трансфертных выплат, должны оставаться свободными от сборов. Также и после этого предельное обложение не должно превышать 50%. Это ведёт, в частности, к гигантским потерям у органов социального страхования, ибо их выручка будет складываться главным образом из отчислений с низких и средних доходов³².

Проблема зачёта, правда, смягчается в том объёме, в котором понижается возмещение дохода для трудоспособных получателей трансфертных выплат, но всё равно быстро входит в конфликт с принципом, что каждому человеку полагается социэкономический прожиточный минимум.

* *Negative income tax* — отрицательный подоходный налог.

Необходимость дистанции между зарплатой и пособием и минимальная зарплата

Эмпирические исследования по законодательно утверждённым минимальным зарплатам обширны. Они с большим перевесом приходят к тому результату, что минимальные зарплаты, если они очень низкие, не оказывают влияния на структуру зарплаты и в этом случае не вредят занятости. Но если они высоки настолько, что оказывают влияние на структуру зарплаты, тогда они ограничивают возможности занятости³³. Экспертный совет справедливо указывает на то, что преодоление безработицы у долговременных безработных и низкоквалифицированных работников требует дальнейшего расширения структуры зарплаты и что минимальная оплата труда, которая препятствует этому, работает против цели создания рабочих мест для получателей основного обеспечения³⁴.

Даже низкое рыночное вознаграждение за труд для работающего по найму с полной занятостью должно было бы приносить нетто-зарплату, имеющую достаточную дистанцию с нетто-доходом основного обеспечения. При основном обеспечении в 60% среднего дохода этого не происходит. Поэтому остаётся актуальной модель зачёта. Но она не должна приводить к тому, чтобы получатель трансфертных выплат благодаря лишь частичному зачёту дохода от зарплаты имел бы в итоге больше, чем получатель зарплаты, не являющийся при этом получателем трансфертных выплат.

Где уже только не говорилось, что со времени реформ Hartz IV и введения повсеместного основного обеспечения опасения, что кто-то из-за низкой зарплаты впадёт в бедность, стали необоснованными. Если трудового дохода недостаточно, так называемый надстройщик получает дополнительное основное обеспечение, которое в любом случае поддерживает его выше границы угрозы бедности³⁵. К этому добавляется значительный рост занятости, обусловленный реформами. С одной стороны, тому, кто не имеет работы, система основного обеспечения предлагает всё ещё слишком мало стимулов для поиска оплачиваемой работы, а с другой стороны, она поистине щедро надстраивает доходы тех, кто трудится за низкую плату.

Проблемой остаётся недостаточный стимул для безработных получателей основного обеспечения к поиску оплачиваемой работы на рынке труда. Но стоит только глубже задуматься над этой проблемой, как выясняется, что она практически неразрешима до тех пор, пока не будет понижено основное обеспечение для трудоспособных получателей трансфертных выплат, поэтому нужно искать другие решения.

План Workfare (система трудового социального обеспечения)

По ощущению большинства людей тот, кто пользуется благами общества, должен сделать всё возможное, чтобы оказать ему ответную услугу. Это можно доказать даже путём социального эксперимента³⁶. В США об этом велась дискуссия под девизом «*От велфера* — к работе*», который и породил краткую форму *workfare*. Дискуссия велась в 1970-е гг., когда был введён Earned Income Tax Credit (EITC)** и заложил основу реформ рынка труда и социальной помощи под патронажем президента Клинтона, благодаря которым, с одной стороны, получение социальной помощи было ограничено, в том числе и по времени, а с другой стороны, возрос стимул к устройству на работу³⁷.

Нельзя назвать несправедливым требование обязать всех трудоспособных получателей основного обеспечения к ответной услуге. При этом поначалу можно и не обсуждать, насколько продуктивна эта ответная услуга и продуктивна ли вообще. Решающим является то, что она затребована без исключения, а запросы в отношении пунктуальности, дисциплины и готовности к работе по возможности приближены к требованиям регулярной трудовой жизни. Те, кто вообще не обращает внимания на свои обязанности или отличается недисциплинированностью и ненадёжностью, получают основное обеспечение в сокращённом виде или вообще лишаются его. Правда, это должно исполняться последовательно, быстро и по очень строгим меркам.

Такая модель повлекла бы весьма желательные действия. Например, создала бы существенный стимул к поступлению на оплачиваемую, регулярную работу. А именно, если «бремя труда», в частности требование поддержания дисциплины как условие для трансфертных выплат, приближается к требованиям регулярного рынка труда, тогда стоит похлопотать о работе, потому что занятость даже в низкооплачиваемой сфере в сочетании с системой трансфертов приносит больше денег, чем одно лишь основное обеспечение (см. табл. 5.2, с. 144). Склонность к губительному безделью, приводящая к утрате способностей, явно уменьшилась бы.

* *Велфер* — правительственная программа содействия благополучию жизни людей, обычно предоставляемая безработным, больным, инвалидам, людям, имеющим на иждивении детей, престарелым, ветеранам. Суть системы велфера заключается в том, что любой легально проживающий в стране человек, уровень дохода которого по какой-либо причине находится за чертой бедности, может рассчитывать на финансовую помощь государства.

** *Earned Income Tax Credit (англ.)* — налоговый кредит на заработанный доход; в США — федеральный кредит по налогообложению, предоставляемый низкооплачиваемым семьям в целях привлечения их к участию в труде.

Далее, нелегальная занятость осложнилась бы из-за обязанности иметь работу или сделалась бы невозможной по времени. Тот, кто предпочитает нелегальную работу трансфертным выплатам, будет вычеркнут из списка получателей пособий, а это значит также, что он лишается права на медицинскую страховку, по закону положенную получателю трансфертов. Поэтому для нелегального рабочего тоже было бы предпочтительнее позаботиться о регулярной деятельности. Принуждение к труду постепенно осушило бы большую часть неформального рынка труда и тем самым повысило бы платёжеспособный спрос на регулярном рынке, ибо для всех служб, которые прежде функционировали неформально, впредь имелся бы платёжеспособный спрос и его пришлось бы удовлетворять иначе.

Однако все эти благотворные воздействия наступят лишь тогда, когда принуждение к труду будет проводиться последовательно и самой действенной санкцией станет немедленный отказ в трансфертах. Оценки для Германии исходят из того, что последовательный план *Workfare* на регулярном рынке труда создал бы 1,9 млн рабочих мест и что для маловостребованных на рынке, но трудоспособных получателей основного обеспечения необходимо подготовить 500 тыс. рабочих мест³⁸. Такие оценки, естественно, ненадёжны, поэтому не стоит придавать им большое значение. В отличие от этого совершенно бесспорно и доказано всеми доступными эмпирическими выводами, что эффективно проведённое и санкционированное отказом в трансфертах принуждение к работе немедленно снижает число тех, кто претендует на пособия, причём снижает существенно.

К тому же проведение того, что американцы называют *noncouching*, является решающим фактором для способности людей активизироваться. Даже недолгий период пассивности ведёт к негативным последствиям для совокупной способности справляться со всевозможными жизненными проблемами. В американской социальной реформе 1996 г.* было ограничено общее время пользования социальной помощью и вместе с тем были ужесточены условия её получения. Программа была нацелена на то, чтобы приобщить к работе, в первую очередь, матерей-одиночек. Никаких устрашающих последствий для их детей при этом не возникло, напротив: оказалось, что дети матерей, которые всё же устроились на работу, чтобы сохранить поддержку, развиваются лучше³⁹.

* Социальная программа «Временная помощь нуждающимся семьям», заменившая в 1996 г. «Помощь семьям с детьми на иждивении».

Столь непохожие города, как Роттердам⁴⁰ и Нью-Йорк⁴¹, каждый по-своему продемонстрировали, какие возможности кроются в применённой с умом концепции Workfare. Нужно только захотеть и принять конкретные решения для конкретных людей. Лучше всего это действует на местах. В Германии, правда, потребовалось бы радикальное изменение взглядов, чтобы в таких городах, как Берлин или Бремен, осуществить политику рынка труда так же, как это было сделано в Роттердаме или Нью-Йорке.

К какому бы решению мы ни пришли, будет очень трудно организовать для трудоспособных получателей основного обеспечения достаточное количество рабочих мест. При этом дело заключается, в первую очередь, не в продуктивной прибыли с таких рабочих мест, а в профиле требований, предъявляемых получателям пособий: кто вообще не появляется на рабочем месте или появляется нерегулярно, кто не отличается пунктуальностью, не справляется с приемлемой нагрузкой, тот исключается из списка получателей трансфертов. В частности, у молодых людей, получателей трансфертов, это чудо срабатывает. В любом случае следует избегать того, чтобы кто-то безнадзорно и скрытно в течение месяцев и лет всё больше и больше отдалялся от процессов социализации в реальной жизни. Такие карьеры «трансфертистов» должны стать более затруднительными и сократиться в численности. «Однорядных работ» больше быть не должно. Вознаграждением за работу должно стать само основное обеспечение, а следствием отказа от работы должен стать отказ в пособии.

В требуемую от получателей трансфертов рабочую нагрузку можно интегрировать все меры, которые повышают их востребованность на рынке труда, а также соответствующие меры по сокращению дефицита знаний и квалификации. Зато переобучение и повышение квалификации больше не должны оставаться в центре усилий по «оздоровлению» получателей основного обеспечения. Все исследования указывают на то, что такие меры в этой целевой группе не вызывают сколько-нибудь заметного и подтверждённого эффекта занятости. Здесь, к сожалению, применима старая поговорка: «Чему не выучился Гансик, тому Ганс уже не выучится». Основы, так и не заложенные в ходе профессионального образования, впоследствии уже не приобретёшь. Это значит, что образование и обучение должны быть структурированы так, чтобы вообще не возникали дефициты рынка труда, обусловленные квалификацией.

ОБРАЗОВАНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ БЛАГОМ И БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Людьми становятся не по рождению,
а по обучении.

Эразм Роттердамский

В главе 3 я писал о том, как в Германии взаимодействуют различные тренды количественного и качественного изменения населения — население сокращается, становится разнороднее и в целом старше, оно всё менее образованно и интеллектуально. Если видеть в «человеческом сырье» существенный ресурс для будущего Германии, то совместное действие этих трендов поневоле ощущается как угрожающее.

В главе 4 я показал, что основа нашей системы трансфертов, которая сводится к безвозмездному минимальному доходу для всех, хотя и защищает людей от бедности в библейском смысле, но сопровождается негативными последствиями, которые благоприятствуют дальнейшему прирастанию и структурному закреплению бездеятельного необразованного и неспособного к труду нижнего слоя.

В главе 5 я подробно исследовал последствия такого развития для рынка труда и пришёл к выводу, что концепция Workfare предлагает структурно наилучшую возможность активизации, привязывая получение трансфертов всеми без исключения трудоспособными людьми к их ответным услугам в форме работы.

Но, в конечном счёте, все вопросы социализации, мотивации и квалификации на каждой ступени рынка труда и на каждой ступени умений вращаются в основном вокруг темы образования. Это выходит далеко за пределы вопроса интеграции в трудовую жизнь, ибо общее качество и стабильность образа жизни прямо пропорциональны успехам в образовании¹. Конечно, такая положительная корреляция ничего не говорит

о причинных связях: успехи в получении образования сами по себе являются индикатором толковости и стабильности, и вполне возможно, что основные свойства и качества тех, кто преуспевает в обучении, будут приписаны образованию, хотя они заложены уже в самой личности.

Есть оптимисты по части образования, которые верят в пластичность человеческой психики и искренне убеждены, что кого угодно можно научить чему угодно. Таковы в большинстве и те, кто возлагает на «общество» или «систему» ответственность за то, что у определённых людей ничего не получается с образованием. К этим оптимистам главным образом и обращена обширная литература полезных советов, которая внушает, что можно научиться чему угодно — от умения работать в команде до способности мыслить математически, — если только правильно взяться за дело и внедрить соответствующие методы преподавания. Этот оптимизм подстёгивает профессиональную педагогику, дидактику и государственную политику в области образования и приводит их ко всё новым методам преподавания, которые «наконец-то» сократят имеющиеся дефициты и принесут успех в обучении (почти) всем². Правда, он оказывает огромное давление на родителей и воспитателей детей, одарённых меньше других или имеющих средние способности. С другой стороны, есть те, кто верит в главенство человеческой природы и в то, что способности в основном врождённые. Они часто склоняются к консервативному самоутверждению и недооценивают, в частности, потенциал не слишком образованных слоёв. Как правило, оптимисты в сфере образования принадлежат к противникам раздельной системы обучения и всякого вида раннего отбора, тогда как структурные консерваторы по большей части являются сторонниками гимназий и спецшкол.

Многие оптимисты не могут примириться с врождённой разницей в одарённости и добиваются равной школьной системы, которая привела бы к максимально равным результатам. По данным исследователя в области образования Эльсбет Штерн и те, и другие — как структурные консерваторы, так и эгалитарные оптимисты от образования — находятся на ложном пути:

«Сторонники раздельной школьной системы должны принять к сведению, что они не могут привести научных аргументов для подтверждения практикующегося в Германии деления. Защитникам общей школы, в свою очередь, должно быть ясно, что оптимальное поощрение каждого школьника ведёт не к большему равенству, а к большему

неравенству. Ибо чем больше справедливость шансов, тем больше выдвигаются на первый план гены. Хорошая школа, нравится это кому-то или нет, производит огромные различия в успеваемости»³.

Цели

В системе образования, по крайней мере до окончания школьного пути, проблема кроется не только в одной успеваемости. Ясли, детские сады и школы формируют также и социализацию детей, их способность к коллективизму, их мотивацию, их уверенность в себе. Они наряду с семьёй создают особое жизненное пространство на важнейший жизненный период. Надо, чтобы человек чувствовал себя необходимым, а требования, предъявляемые к нему, не казались ему заниженными, чтобы человек познал товарищество, границы собственных способностей, научился гордиться своими возможностями, но и без отчаяния принимал как собственные слабости, так и силу других.

В конце школьного пути трезвое представление о себе и честолюбие, соответствующее собственным возможностям, должны связываться со здоровой самооценкой, то есть молодой человек должен быть уверен в себе и не агрессивен по отношению к другим. Эта педагогическая задача развития личности в последние десятилетия стала ещё важнее, поскольку социализирующая сила современной маленькой семьи несоизмерима с социализирующей силой традиционных семейных объединений. Сказывается и то, что растёт доля родителей-одиночек, а в полных семьях оба родителя работают. Современные мультимедийные развлечения гораздо сильнее формируют картину мира и эмоциональную жизнь детей, чем ещё несколько десятилетий назад. Поэтому задача образования и воспитания для всё большего числа детей перемещается из родительского дома в официальные воспитательные учреждения. Нравится такая тенденция кому-то или нет, но факт остаётся фактом: когда ясли, детский сад и школа не принимают этот вызов, неравенство шансов для наших подрастающих детей усиливается, вместо того чтобы уменьшаться.

Каждый ребёнок в каждой фазе развития и на каждой ступени одарённости в принципе обладает волей к тому, чтобы применить свои способности и в этом смысле чего-то «достичь». Хотя ему больше, чем взрослому, необходимо чувствовать, что ценность его личности определяется не качеством и не количеством достижений, а его готовностью к усилию и его

социальной пригодностью. В сравнении и соревновании с другими он постепенно учится классифицировать себя. Такое соревнование должно присутствовать, но в школе полагается также обучать и правильному умению проигрывать. И тогда мы можем сказать вместе с Ремо Х. Ларго*: нам нужна «школа, которая учит солидарности, в которой каждый находит своё место. Это означает оглядку на более слабых и чувство ответственности у более сильных»⁴.

Оскар Уайльду принадлежит высказывание: «Цель жизни — саморазвитие. Полностью реализовать свою суть — вот наше предназначение»⁵. Итак, в конечном счёте, дело заключается в том, чтобы каждому дать возможность сделать из себя то, что ему отмерено, — а значит, лучшее, — и в соответствии с этим формировать свою жизнь. Результаты этих усилий будут настолько же разными, насколько разнятся люди. Каждый человек это свободный субъект, единственная цель которого — он сам, а цель воспитания — привить ему навыки, знания и опыт, полезные для восприятия этой свободы. Потому совершенно неизбежно и неизменно то, что педагогические теории и программы столь же многообразны, сколь разнообразны и сами люди. Всякая демократическая система образования должна отражать эти противоречия и раз за разом решать их.

Наряду с этим всё-таки верно и то, что общество живёт за счёт производительного вклада своих членов, и благосостояние, социальное положение, культура и технический прогресс развиваются в соответствии с этими вкладами. С этой позиции отдельный человек со своими способностями является средством для достижения цели, и задача образования — оснастить его теми умениями и навыками, которые сделают его максимально полезным членом общества.

С другой стороны, поскольку в школе и в период раннего воспитания способности и навыки детей и подростков развиваются по-разному, именно успех в образовании распределяет индивидуальные жизненные шансы: один в 18 лет уже проходит *numerus clausus*** в медицинский вуз, а другой с трудом находит место ученика продавца в продовольственном магазине-дискаунтере. Образование сортирует людей, и характер этой сортировки тем неумолимее, чем более равные шансы она предоставляет. Гельмут Фенд

* Ремо Х. Ларго — профессор, в течение 30 лет работал в Центральной детской больнице г. Цюриха, считается одним из самых авторитетных педиатров Европы.

** *Numerus clausus* (нем.) — определённая квота или процент кандидатов, которые могут быть приняты в вузы.

называет это распределительной функцией образования⁶. Результаты этой сортировки для каждого человека в отдельности тем изобличительнее, чем меньше он может оправдаться нехваткой равенства шансов.

Общество должно стоять на том, чтобы каждый в рамках своих личных возможностей развил оптимальную готовность к нагрузкам, выстроил свои способности и навыки в системе образования, а позднее, в трудовой жизни, смог внести наиболее продуктивный вклад. Совсем не обязательно быть приверженцем учения Маркса, чтобы исходить из принципа, что вся прибавочная стоимость создаётся человеческим трудом. В современном индустриальном обществе доля применённой мускульной силы падает, тогда как доля интеллекта возрастает. Этот процесс ещё не завершился. Он ставит под угрозу способность вписаться в рынок труда у всё более растущей части людей, недостаточно способных в умственном отношении.

Три функции образовательной системы — развитие личности, распределение жизненных шансов, оптимизация производительного фактора работы — даны объективно и в равной степени императивны. Их вообще-то нельзя противопоставлять друг другу, но именно это и происходит непрерывно, определяя 80% образовательно-политических дискуссий. Одновременно демографический тренд в Германии и растущее давление конкуренции приводят посредством глобализации к тому, что активно обсуждается работоспособность нашей системы образования как инструмента передачи знаний и повышения квалификации.

Иерархическая структура образовательного канона, или Как я учился читать

Сдавая в феврале 1955 г. вступительный экзамен в гимназию ап. Петра в моём родном городе Реклингхаузене, я мог бегло читать (причём делал это быстрее, чем сегодня), был полностью уверен в правописании, мог письменно делить и умножать, знал все библейские истории вдоль и поперёк и мог ориентироваться в географии и истории своего региона. Моим школьным классом, который насчитывал 50 учеников с железной дисциплиной, руководил старый учитель. Четверо из пятидесяти вызвались сдавать вступительный экзамен в школы повышенной ступени, трое поступили, в том числе и я. На диктанте проваливался тот, кто делал больше трёх ошибок. Пунктуационная ошибка считалась за полную, об этом нас предупреждали заранее.

Секста (так назывался пятый класс гимназии) стала для меня шоком. Нас опять же было 50 учеников, и классный руководитель утешил нас тем, что к выпускным экзаменам останется всего 20, что спустя десять лет (в одном классе я оставался на второй год) и произошло. Но шокировали меня не эти перспективы, а тот факт, что я, при субъективно прежней успеваемости, уже не входил в число лучших учеников, а был лишь середнячком среди сплошных лидеров. Эта нарциссическая обида, которая не согласовывалась с моим представлением о себе, сказывалась ещё долгие годы.

К моменту приёмного экзамена я уже прочитал всю детскую и подростковую литературу, какая была под рукой, поскольку был страстным пользователем городской библиотеки. В нашей семье не было радио, не говоря уже о телевизоре, однако изготовленный столяром книжный стеллаж, который стоял в гостиной рядом с угольной печью, в 1953 г., это я помню точно, был надстроен. Зарождающееся благосостояние ранних лет «экономического чуда» проявлялось у нас в доме растущим собранием изданий классиков.

В нашей семье, состоящей из восьми человек, было тесно и шумно, и я, как старший из детей, всегда испытывал тревогу, что на меня взвалит тяжёлые обязанности. Я охотно сбегал после обеда к тётке и двоюродной бабушке, живущим неподалёку, и оставался там до ужина, который подавался на стол всегда ровно в шесть часов. Обе мои родственницы были хороши тем, что радовались моему приходу, а в остальном оставляли меня в покое. В моём распоряжении было личное время и множество книг, унаследованных двоюродной бабушкой от её родителей. В комнате с тёмными стеллажами висел на стене чёрно-белый оттиск известного портрета Гёте, выполненного Йозефом Карлом Штилером, под ним стояло кресло с высокой спинкой, сидя в котором я и читал то, что мне казалось интересным, например переплетённое в кожу издание «Тысячи и одной ночи» конца XIX в. (я полагаю, в слегка урезанном виде), которое я со временем прочитал полностью. Насытившись «Тысячью и одной ночью», я взял в руки один из четырёх томов выпшедшей в начале XX в. «Большой иллюстрированной истории мира». Моей любимой картинкой была цветная вклейка «Битвы народов», на которой изображалось сражение под Лейпцигом: австрийский маршал князь Шварценберг величественно передаёт трём монархам-союзникам новость о победе над Наполеоном.

Моя читательская карьера началась с болезни. В первом классе я заболел скарлатиной и вынужден был восемь недель лежать в постели. Это было ужасно скучно. Развлечением служила лишь книга в светлой

обложке — издание сказок братьев Гримм с рисунками Людвига Рихтера. По вечерам мне читал эту книгу отец. К сожалению, всё было напечатано ещё готическим шрифтом, а не прямым печатным, а я был к тому же посвящён лишь в начальные основы чтения по складам, когда слёг со скарлатиной. Долгими скучными днями я вновь и вновь разглядывал картинки и пытался разобрать незнакомые буквы. Поначалу дело шло с трудом, а потом всё быстрее. Отвлечься было больше не на что, а времени более чем достаточно. Сам того не заметив, я прочитал всю книгу. Незадолго до Рождества мне снова разрешили ходить в школу, а обучение чтению для меня уже завершилось.

Иногда я спрашиваю себя: где бы я был теперь, если бы формирующие годы детства провёл за компьютерной игрой «World of Warcraft» вместо сказок братьев Гримм, «Тысячи и одной ночи» и «Иллюстрированной истории мира»? Как знать. Без рано приобретённой лёгкости в чтении и вытекающего отсюда навыка в устном выражении я бы никогда не пробился безаварийно сквозь школьные годы, поскольку в юности был чудовищно ленив. Я принадлежал к числу тех детей, которыми, как говорят, «нелегко управлять». Из того, что преподавалось, 80% влетало мне в одно ухо, а из другого вылетало — я просто ничего не слушал. В занятиях по немецкому языку я, собственно, не нуждался, по истории и географии тоже, а английскому я обучился лишь тогда, когда начал читать по-английски. Греческий и латынь не представляли для меня серьёзных трудностей. По музыке наш географ, который был одновременно и учителем музыки, всегда ставил мне «твёрдую четвёрку»*. Рисовать мне нравилось. От естественных наук я увлился как мог, и только общие усилия учителей математики привели к тому, что я, несмотря на длительное пассивное сопротивление, покинул школу с основательными математическими познаниями. Чему впоследствии был очень рад.

По собственному опыту знаю: способность читать, понимать текст и благодаря этому получать основные знания есть центральная компетенция образования. Она облегчает доступ и к математической, и естественно-научной компетенциям, ибо логические и эмпирические взаимосвязи, так же как и постановка проблем, должны объясняться в первую очередь, чтобы тем самым найти точку приложения для формального решения проблемы и уровня дискурса. Первое препятствие при решении текстового

* В российской школьной системе соответствует оценке «удовлетворительно».

задания по математике всегда коренится в непонимании содержания текста, который описывает проблему и ставит задачу.

Этот собственный опыт был подтверждён педагогической литературой, которую я читал, и он совпадает с опытом школ. В конечном счёте, индивидуальный успех в образовании в целом привязан к центральным компетенциям в понимании прочитанного и в математике. К этим компетенциям привязаны и PISA-тесты. Тот, кто читает много, быстро и хорошо понимает прочитанное, вообще никогда не имеет проблем с правописанием. И для того, кто развил достаточно глубокое понимание в математике, естественные и инженерные науки, если он достаточно ими интересуется, никогда не будут книгой за семью печатями. Справедливо и обратное: тот, кто хромает в понимании прочитанного и в основах математики, никогда не сможет компенсировать это другими знаниями и умениями и очень скоро натолкнётся на ограничения.

Если бы сегодняшнее окончание неполной средней школы после десятилетнего обучения гарантировало такой же уровень понимания прочитанного и основ математики, какой можно было получить в 1955 г. в классе из 50 учеников по окончании четвёртого класса, то сегодня мы бы продвинулись существенно дальше в образовательной политике и квалификации на рынке труда. Вселяет тревогу то, что как минимум в начальной и неполной средней школах в последние десятилетия уровень требований и успеваемости по математике и чтению непрерывно снижался. Это не осталось без последствий для большей части реальных школ и гимназий. Доказательством тому служат уже упомянутые вступительные тесты химического концерна BASF при наборе учеников (см. табл. 3.5, с. 66).

Требования по математике и немецкому языку в учебниках непрерывно снижались начиная с 1970-х гг.: доля цветных картинок в учебниках по математике для начальной школы после 1970-х гг. была существенно увеличена в ущерб глубине объяснений, а число упражнений и степень их трудности уменьшились. Это видно, когда сравниваешь учебники разных лет для одного и того же класса⁷.

Насколько опустошительно обстоит дело с основами математического понимания, показывает простой тест: лишь 46% немцев из фразы о том, что аллергическую реакцию на определённый медикамент имеет один из тысячи, способны вывести, что вероятность аллергической реакции составляет 0,1%. То, что подобную задачу могут решить лишь 25% американцев, — слабое утешение⁸. При использовании СМИ, где

от всевозможных процентных значений никуда не денешься, будь то коэффициент роста, доля голосов, вероятность поломок в автомобилях, изрядной части населения не хватает основ аналитических знаний, необходимых для того, чтобы ориентироваться и что-то понимать в теме. Поистине нелепо, что вследствие финансового кризиса стали требовать, чтобы в школе давали больше экономических знаний. Дело совсем не в этом. Узким местом в гораздо большей степени является аналитическое понимание риска и вероятности, то есть всё дело в основных математических навыках, которые закладываются в школе.

Ещё более опустошительно падение способности к чтению. Под этим имеется в виду вовсе не то, что в Германии 4 млн человек, а это 5% населения, практически неграмотны, то есть неспособны читать текст, понимая его смысл. Так было всегда. Тревогу вызывает то, что с падением интереса и уменьшением привычки к чтению по всему фронту падает способность понимания сложных текстов. Это связано также с продвижением современных технических информационных средств и не компенсируется даже широким распространением Интернета. Там ведь как раз не требуется осваивать длинные, а то и громоздкие тексты. «50% населения почти не читают или читают лишь газеты с короткими заметками и по возможности простыми фразами». Лишь $\frac{1}{3}$ населения «регулярно читает книги, из этой трети 70% — женщины и только 30% мужчины. Те, кто читает особенно мало или вообще не читает, больше времени проводят перед телевизором»⁹.

Точно так же, как это произошло с учебниками по математике, в Германии вот уже несколько десятилетий упрощаются учебники по литературе. Не останавливается этот процесс и перед каноном классического чтения. В издательстве Cornelsen вышла серия книг под названием «Просто классически», которая в упрощённой форме описывает драмы и романы для учебных целей. Несмотря на это, многоактному действию непрерывного падения уровня требований не видно конца. Всё больше учеников вообще уже не в состоянии понимать хорошую литературу¹⁰.

Недостаток способности понимать текст и смысл отмечен и у многих студентов¹¹. День у каждого из нас длится 24 часа, и каждый час, проведённый перед телевизором, в Интернете или за компьютерной игрой — независимо от степени образования, — потерян для чтения. Потому и падают тиражи и распространение газет, потому и растёт доля тех, кто редко берёт в руки книгу или вообще её не берёт, и потому сокращается среднее число прочитанных книг у тех, кто пока ещё читает регулярно.

Наряду с «классическими» необразованными слоями растут необразованные средние слои. Но и в домах людей с высшим образованием читают всё меньше. Это имеет последствия также для их потомства, ибо культура чтения у детей развивается в подражание взрослым. Четверть немцев вообще не читает книг; доля родителей, пытающихся привить детям любовь к книгам и подающих в этом пример собственным регулярным чтением, за десять лет уменьшилась вдвое — с 50 до 25%, и половина 6–13-летних либо «вообще не читают», либо «без всякого желания», либо «не очень охотно»¹².

К сожалению, действует правило: лишь тот, кто благодаря интенсивной и непрерывной практике чтения овладел хорошим и достаточно надёжным пониманием текстов, располагает предпосылкой к осмыслению и усвоению совершенно разных учебных материалов.

Обучение

Часто можно слышать, что дети должны «научиться учиться», а не накапливать гору учебного материала, ибо знание устаревает всё быстрее, поэтому большой объём информации означает и обилие балласта. Это настолько же верно, насколько и неверно, но в своей двусмысленности скорее неверно. Чтение и понимание текста, языки, математика, изучаемая до выпускных экзаменов, основы физики, химии и биологии, история, музыка и искусство не устаревают. Здесь знаешь по большей части слишком мало и очень редко знаешь достаточно. Совершенно неверно противопоставлять требование «уметь учиться» «голому заучиванию» и регулярному упражнению.

Латинское выражение *non multa, sed multum** — бесспорно. В вольном переводе это означает «сосредоточиться на существенном». И уж точно не является «концентрацией на существенном», когда тех школьников, которые испытывают трудности с чтением и математикой, мучают ещё и английским. Это ничего не даст и помешает им и их учителям сосредоточиться на *единственно* существенном, а именно: чтении, письме и счёте — до тех пор, пока ученик не овладеет ими в достаточной степени.

Способность читать, понимание текста, математико-аналитические способности, а также пространственное воображение создают существенную часть того, что швейцарский детский врач Ремо Х. Ларго

* *Non multa, sed multum* (лат.) — не многое, но много.

называет *знаковыми функциями*. Они — «основы креативности и продуктивности. Если мы хотим по возможности осмысленно формировать воспитание и образование наших детей, то должны уделить надлежащее внимание знаковым функциям»¹³. Большинству людей это удаётся без усилий и напряжения. Но это ещё не всё, что от них требуется. Для всякой деятельности — высокого или низкого ранга — необходима далее социальная компетенция, и она точно так же должна поощряться в системе образования.

Всё ещё сохраняет силу высказывание Гёте: «Что знаешь, то и видишь!»¹⁴, а знаешь либо можешь извлечь самостоятельно тем больше знаний, чем лучше владеешь знаковыми функциями. Способен ли ученик к этому, зависит не от одного лишь количества уроков. Координатор PISA-тестов Манфред Пренцель констатирует:

«Во время тестирования мы увидели, что приблизительно половина учеников в течение учебного года не делает заметного прогресса в математике. При TIMSS (Trends in International Mathematics and Science Study)* не было отмечено прироста компетенции в математике с 12 до 13 лет. Если преподавалось много материала, то это ещё не значит, что из него многое усвоилось. В настоящее время мы в Германии только начинаем добиваться более прочного и устойчивого обучения».

Как раз в математике приобретение способностей ограничено интеллектом учеников. Для многих дело застопоривается не на новом материале, а на одних и тех же основах, ориентированных на решение повторяющихся задач. Такие ученики на занятии, посвящённом новой теме, уже не продвигаются вперёд, потому что у них не хватает основных знаний¹⁵.

Ребёнок учится из желания понравиться тем людям, к которым он привязан. Это в первую очередь родители и близкие члены семьи. Эти отношения привязанности переносятся в детском саду и школе на других людей. Но таких людей всегда немного, и отношения с ними должны отличаться стабильностью. По этой причине Ремо Х. Ларго считает неправильным, чтобы с детьми младших классов занимались разные преподаватели: «Это не даёт возможности возникнуть прочным отношениям с обеих сторон. Ребёнок в силу поведенческих и биологических причин не хочет, чтобы

* Речь идёт об исследовании качества школьного математического и естественнонаучного образования, регулярно проводимом Международной ассоциацией по оценке образовательных достижений.

вокруг него было много людей, он хочет, чтобы их было мало, но они оставались надолго... Лучше всего две-три учительницы как минимум на три года. Если же у них не только много учителей, но эти учителя ещё и меняются через 6–12 месяцев, то может так случиться, что вести такой класс уже не получится»¹⁶. Смену учителей многие школьники переживают так, будто их бросили. Частая смена учителей — это пренебрежение эмоциональными потребностями ребёнка.

Внимание к детям может и должно быть требовательным, вседозволенность лишает учеников того руководства и управления, которые им необходимы. Поэтому строгие, но внимательные к ученикам учителя всегда вспоминаются с уважением. Ребёнок/ученик и сам хочет, чтобы его принимали и ценили. «Самый важный вклад, который могут оказать родители и воспитатели-учителя, — это дать ребёнку необходимую защищённость и расположенность, и принять его безоговорочно как личность, а не как носителя успеваемости»¹⁷.

Документальный фильм «*Rhythm is it*»*, который имел ошеломительный успех, показывает 250 школьников в возрасте от 10 до 20 лет из трёх берлинских начальных школ и одной неполной средней школы при подготовке в 2003 г. их выступления в «Весне священной» Игоря Стравинского с музыкантами из Берлинской филармонии под руководством сэра Симона Раттла. «После шести недель изнурительных репетиций» исполнение на сцене — «волнующий момент. Оглушительный успех. И победа каждого отдельного школьника». Спектакль готовил британский хореограф Ройстон Мэддум. Ему сказали: «Вы говорите, что каждому подростку хотите внушить чувство значимости. Но в фильме видно, что вы обращаетесь с ними довольно грубо». На что он ответил: «Мы вместе смеёмся, вместе курим за дверью, но подростки должны знать, что я абсолютно верю в их способности и поэтому не потерплю никаких глупостей. Они очень быстро усваивают, что я так же раним, как и они, и что не вынесу, если они не будут выкладываться полностью, а будут удовлетворяться пустяками... Я говорю каждому: если ты работаешь вместе со всеми, ты должен приложить всю свою энергию и концентрацию. Будь то Мадонна, рэпер или поп-звезда — все, кем вы любуетесь и про кого думаете, что им всё даётся просто, знают, что такое дисциплина. Дисциплина, дисциплина, дисциплина. И на этой дисциплине я настаиваю, и я снова и снова объясняю, почему». И на вопрос: «Дети про-

* «*Rhythm is it*» — «Всё дело в ритме», режиссёр — Томас Грубе. На российском телевидении фильм демонстрировался по телеканалу «Культура» в 2010 г.

сто не привыкли к требованиям — таков был их суммарный опыт?» — он ответил: «Да, мы не верим в их способности, и эти способности нам не важны до тех пор, пока школьная система выплёвывает достаточно людей, которые обеспечивают функционирование общества»¹⁸.

На понимании дисциплины мнения расходятся. Бернард Бюб, многолетний директор школы-интерната Салем*, констатирует: «Дисциплина — это нелюбимое дитя педагогики, однако она — фундамент всего воспитания. Дисциплина воплощает всё, что отпугивает людей: принуждение, подчинение, предписанную покорность, подавление порывов, ограничение собственной воли»¹⁹. Для детского и подросткового психиатра Михаэля Винтерхоффа неверно понятый идеал партнёрства родителей и учителей — причина многих трудностей воспитания. Это, по его мнению, приводит ребёнка к нарциссической самооценке и отказывает ему в необходимом руководстве и управлении²⁰. Ремо Х. Ларго, напротив, интерпретирует это как возврат к авторитарной форме воспитания, по отношению к которой он настроен критически, и полагает, что вне поля зрения остаётся основная проблема сегодняшнего воспитания: нехватка расположения к детям²¹.

Здесь противопоставляются требования, которые являются двумя сторонами одной медали, а именно: руководство, требование успеваемости и дисциплина, с одной стороны, расположение — с другой стороны. Каждый охотник знает о своей собаке, а каждый всадник о своей лошади, что он ничего не может требовать от друга-животного, если не может дать ему своё расположение. Но он знает также, что лошадь самостоятельно не дрессируется и собака сама по себе не подаёт поноску. Не так уж сильно отличаются правила и в человеческом воспитании. Родители и учителя должны давать детям расположение и руководство, но они должны также артикулировать свои ожидания в поведении и успеваемости. Ребёнок в большей степени будет соответствовать этим ожиданиям, если будет чувствовать, что его ценят как суверенную личность, внимательны к нему и берегут его.

Нейробиолог Йоахим Бауэр говорит: «Результаты современной нейробиологии ведут к новому открытию центральной роли отношений для детской или юношеской мотивации... То, что активизирует систему мотиваций человеческого мозга, — это внимание, интерес, расположение и симпатия других людей, а то, что её дезактивирует, — это социальное отчуждение

* Основана в 1920 г. принцем Максом фон Баденом. Является крупнейшей и наиболее известной школой-интернатом в Германии и единственной немецкой школой-интернатом, дающей возможность получить среднее образование на английском языке.

и изоляция. Мозг делает из психологии биологию, или, другими словами, самое сильное средство мотивации для человека — другой человек... Чтобы вызвать в мозгу мотивацию, требуются сложившиеся межличностные отношения. Они строятся — если речь идёт об отношениях между педагогом и ребёнком или подростком — на балансе между понимающим расположением и руководством»²².

Но этого-то, очевидно, и не хватает в педагогической действительности. Слишком часто заниженные требования и попустительство родителей и учителей сочетаются с безразличием по отношению к детям и ученикам. Идя навстречу удобству взрослых, поощряется ни к чему не обязывающий либерализм, в то время как дети и подростки предоставлены сами себе. Это тоже гиблое наследие 1968 г., особенно злокачественное в трёх городах-государствах — Берлине, Гамбурге и Бремене, — где оно частично может объяснить плохие результаты тестов PISA.

Особое значение расположения к детям для педагогического успеха, доказанное в последнее время и нейробиологией, может объяснить, почему некоторые учителя более успешны, чем другие. Но одного расположения как раз недостаточно, к этому необходимо добавить авторитет и руководство. Тот, кто делает это так, как хореограф Ройстон Мэлдун, тот хороший учитель: любовь к материалу, симпатия к ученикам и воля требовать от каждого того, что соответствует его возможностям.

«Ребёнок может освоить лишь тот опыт, который соответствует его способностям»²³, — считает Ремо Х. Ларго. В этом опытный детский врач прав, равно как прав и в высказывании, что нельзя преподавать ребёнку те знания, для которых он ещё не созрел²⁴. От детей ещё можно ждать дальнейшего развития, от подростков уже в меньшей степени. К какому-то моменту распуск и психика созревают, и после этого ожидать чего-либо уже бессмысленно. Мы знаем, что для определённого учебного материала есть лишь определённое учебное окно. Если оно не использовано, то возникает дефицит детской социализации и языкового развития, и впоследствии они могут быть навёрстаны лишь с большим трудом. В школе к этому добавляется естественная иерархия учебного материала: если ребёнок до конца второго учебного года не может читать в достаточном темпе и понимать прочитанное, то это нанесёт урон всему его дальнейшему школьному пути. То же самое касается владения основными видами счёта, включая письменное умножение и деление в конце четвёртого класса, поэтому в школе нельзя мириться с дефицитом основных навыков, разве что они обусловлены неустранимыми интеллектуальными границами. Свобода и индивидуальность

учёбы должны, само собой, всегда поощряться, но не ценой пробелов в тех необходимых основных навыках, владение которыми является основным условием всякого успеха в образовании.

Поощрение «соразмерного ребёнку» обучения, предотвращение «давления успеваемости» всегда верны, но они незаметно переходят в состояние, при котором от ребёнка не требуют того, на что он действительно способен, и недостаточно поощряют его готовность к нагрузкам и дисциплину. Конечно, пускать всё на самотёк намного проще и для учителя — тем более в обществе, которое всюду норовит заподозрить «давление успеваемости» и избыточные требования.

Оптимальная учебная ситуация существует тогда, когда требования успеваемости соответствуют возможностям ученика, а также требованиям к его ровесникам и когда усилия ученика по достоинству оцениваются учителями. Несмотря на это, учение не всегда доставляет удовольствие, а поскольку цели надо достигать, учебные требования зачастую вызывают враждебный настрой. Принять это в школе многим тяжелее, чем, например, в спорте или при обучении игре на музыкальном инструменте.

Мастер без упражнения?

Каждый спортсмен, который хочет улучшить свои достижения, должен регулярно и интенсивно тренироваться. Каждый музыкант, неважно, насколько он одарён, должен, если хочет добиться наилучших результатов, ежедневно по многу часов упражняться на своём инструменте. В крупных художественных мастерских эпохи Ренессанса ученики вначале были заняты постоянным копированием произведений мастеров, пока полностью не овладевали техникой. Именно это Альбрехт Дюрер считал лучшим путём к тому, чтобы набить руку и глаз.

Во многих школах в последние десятилетия регулярные упражнения вышли из моды. Домашние задания опорочены, поскольку они якобы дают детям из образованных семей сравнительные преимущества. Конечно, упражнения не должны быть скучными и тупыми. Но уверенность в некоторых навыках приобретается только за счёт практики. Специалисты знают, что хирург статистически имеет тем более высокую квоту успешных операций, чем чаще их проводит. Точно так же ребёнок тем увереннее проводит определённую вычислительную операцию, чем чаще её практикует. И понимание прочитанного материала, как и темп чтения, растут по мере

длительности и объёма практики чтения. Ведь чтение с точки зрения биологии неестественное занятие. У человека для этого, в отличие от речи, нет задатков, говорит Артур Якобс, профессор нейроекспериментальной психологии в Свободном университете Берлина*. «Чтение — это сугубо приобретённое ремесло, работа мозга, а мозги не все одинаковы»²⁵.

Распространённая у многих учителей и родителей антипатия к упражнению — позднее наследие социализации 1968 г. Её оправдывают тем аргументом, что хотят предотвратить «давление успеваемости» и обеспечить детям равенство шансов, но она часто отвечает лишь удобству учителей и родителей в равной степени: меньше домашних заданий означает, что у родителей будет меньше забот по присмотру за детьми, а у учителей будет меньше работы по проверке домашних заданий.

В ноябре 2009 г. я принимал участие в подиумной дискуссии перед аудиторией в Союзе работодателей в Кёльне. Речь шла об образовании как продуктивном ресурсе и о необходимых реформах нашей системы образования. Министр финансов земли Северный Рейн-Вестфалия Линссен указал на возросшие финансовые трудности своей земли, другие участники согласились. Дебаты, казалось, вырождались в обычное успокоительное самовосхваление. И тут слово взял сидящий за круглым столом Чжэнжун Лю.

Лю, 1970 г. рождения, родом из Шанхая, вырос в Китае. Он отвечает за персонал концерна Lanxess AG** в Леверкузене с 14 тыс. сотрудников. Дети Лю посещают хорошую немецкую гимназию. Дети его сестры — а они того же возраста — ходят в школу в Шанхае. Разница в знаниях и требованиях по математике и естественным наукам огромна, говорит Лю, его дети намного отстают от своих двоюродных братьев и сестёр в Шанхае. Когда он видит эту разницу, ему становится страшно за будущее Германии. По окончании мероприятия он высказал мне своё недоумение по поводу того, что его дети не получают домашнего задания на время шестинедельных летних каникул. Дети его сестры за 40 дней каникул должны выполнить домашнее задание, которого хватило бы и на 50 дней. Это, по его словам, может, и многовато, но так, как это делается в Германии, тоже не годится.

Мы подкладываем свинью как раз детям из необразованных слоёв, создавая у них и их родителей впечатление, что можно чему-то научиться,

* *Свободный университет Берлина* — один из четырёх университетов столицы Германии, второй по величине после Берлинского университета им. Гумбольдта. Основан в 1948 г.

** *Lanxess AG* — один из крупнейших в мире производителей химической продукции.

не углубляясь в регулярные упражнения. Конечно, упражнения не могут заменить хорошее преподавание, но оно станет гораздо эффективнее, если изученный материал закрепить практикой. С другой стороны, есть границы, установленные уровнем развития и интеллектом. Некоторые ученики, несмотря на интенсивные занятия, не поднимаются выше определённого уровня математической компетенции и понимания в чтении, и тогда действует правило: «Кто этого не смог, тому не удастся выйти на нужный уровень и с большими временными затратами»²⁶. Дальнейшие занятия по этому предмету пройдут для таких учеников впустую. Они должны вместо этого делать что-то, соответствующее их способностям. Нет ничего более фрустрирующего и вызывающего большую агрессию, чем присутствие на занятии, смысл которого ты не улавливаешь. Но для того, кто не овладел математикой в пределах начальной школы и не в состоянии устранить этот пробел, дальнейшие занятия по этому предмету в старших классах будут пустой тратой времени.

Думать и учить наизусть

Там, где высок интеллект, как правило, память хорошая, а умеренный интеллект, по большей части, шагает в ногу с умеренными возможностями памяти. Знать, где что лежит, — не то же самое, что иметь что-то в голове. Заучивать наизусть телефонную книгу, конечно же, бессмысленно, о телефонных номерах всегда можно справиться. Однако без наличия в памяти сведений из географии или истории, например, невозможно правильно истолковать текущие политические события. При равных возможностях мышления превосходство всегда остаётся за тем, кто больше знает о деле. Кто же станет доверять врачу, памяти которого не хватило на то, чтобы выучить анатомию человека (поэтому многие студенты-медики проваливаются на экзаменах после пятого семестра). Принципиальная ограниченность человеческой памяти — не повод к тому, чтобы не использовать те ёмкости, которыми она обладает. Даже с таким предметом, где требуется сообразительность — математикой, — легче управиться, если определённые вещи просто знаешь наизусть, например таблицу умножения, теорему Пифагора или биномиальные формулы.

Верно, что часто встречаются люди, которые хорошо запоминают наизусть, но при этом плохо соображают. Но верно и то, что никогда не встретишь человека, который хорошо соображает, но имеет плохую

память. Мышление можно в определённых границах упражнять, да и необходимо это делать. При заучивании можно усилием воли расширить границы дальше, чем при мышлении. Тот, кто много знает, может компенсировать дефицит мышления. Но тот, кто способен при помощи мышления увязать друг с другом предметы знания, тот и заучивает легче, быстрее и сохраняет заученное в памяти дольше. В итоге лучше соображает тот, кто больше знает, и он добивается больших успехов в любом деле, имея равный с другими интеллект. Этим объясняется феноменальный успех восточноазиатских учеников в немецкой школьной системе. Конечно, не стоит одобрять все перегибы восточноазиатской зубрёжки и экзаменов²⁷, но нельзя не заметить и преимуществ интенсивного заучивания.

Конечно, если теорему Пифагора просто зазубрить, это ни к чему не приведёт. Необходимо её вначале понять и продемонстрировать это понимание, доказав её. Если однажды её поймёшь и докажешь, тогда для дальнейшего применения достаточно того, чтобы всякий раз вызвать в памяти формулу.

Не будет ошибкой развивать в первую очередь мышление. Ведь мышление доставляет удовольствие (пока не натолкнёшься на границы собственного интеллекта). Умная постановка вопросов, побуждающая к мышлению, будит интерес, который облегчает изучение материала. Ведь задача не в том, чтобы загрузить в мозг ученика бессвязную массу информации, а в том, чтобы накопить столько знания, чтобы был материал для размышления. Всякое заучивание подразумевает и разбор учебного материала, оно даёт не только ориентировочные знания, но и новые толчки к размышлению.

«Заучивание содержания ещё никогда не было возможно без понимания методов. Научно обоснованная психология обучения знает, почему это так. Тот, кто хочет зубрить вместо изучения слов, законов термодинамики или принципов Аристотелева театра, выдаёт себя как герменевтический дилетант, — пишет опытный учитель и педагог Клаус Русс, критикуя дидактическую манию инноваций, которая постоянно отвергает проверенные методы и производит всё новые педагогические заблуждения. — Учиться, запоминать, размышлять — трудное дело, так было, так есть и так будет. Полемика против знания, подвергаемого проверке, пущена в обиход так, словно бывает какое-то другое знание»²⁸.

И при заучивании действует правило: объём изучаемого материала должен стоять в разумном соотношении с ёмкостью памяти того, кто должен

его усвоить, и процесс заучивания должен проходить так, чтобы ограниченный материал мог усваиваться разумно. Кто, будучи педагогом, мыслит эгалитарно, легко впадает в искушение ограничить материал для всех таким образом, чтобы самый слабоодарённый ученик не имел проблем. Но оба ученика — и слабый, и сильный — имеют право на полную загрузку своих умственных ёмкостей.

Всякий ли может изучать всё что угодно?

Тесты PISA 2006 г. указали Германии её место в компетенции 15-летних по чтению в среднем по ОЭСР; от передовых в PISA стран мы с нашим средним значением в 495 пунктов отстаём на 50–60 пунктов. Это соответствует разнице по знаниям в два школьных года (табл. 6.1)²⁹. Похожие результаты были и по математической компетенции. Здесь Германия отстаёт от передовых стран на 40–45 пунктов. Это соответствует разнице по знаниям приблизительно в полтора школьных года (табл. 6.2)³⁰.

Все страны, независимо от того, занимают ли они верхние строчки в тестах PISA или нет, имеют драматические различия *внутри* одной и той же возрастной группы: даже если вынести за скобки лучшие 25% и худшие 25%, разница по ОЭСР в среднем соответствует 5 школьным годам; в Германии от 5 до 6 школьных лет; у передовой Кореи 5 школьных лет и у передовой Финляндии 4 школьных года. Страны, которые как по средним, так и по абсолютным значениям достигают высшего уровня, имеют и по совокупности меньшие различия, но всё равно эти различия остаются очень большими. Это соответствует опыту внутри Германии.

Таблица 6.1

Компетенция по чтению в PISA-2006

Страна	Средний показатель	25%	75%	Соответствует дистанции
ОЭСР	492	429	563	5 школьных лет
Германия	495	429	573	6 школьных лет
Финляндия	547	494	603	4 школьных года
Корея	556	503	617	5 школьных лет

Ср.: Drechsel B., Artelt C. Lesekompetenz // Prenzel M. PISA 2006. Die Ergebnisse der dritten internationalen Vergleichsstudie. Münster, 2007.

Таблица 6.2

Компетенция по математике в PISA-2006

Страна	Средний показатель	25%	75%	Соответствует дистанции
ОЭСР	498	436	561	5 школьных лет
Германия	504	437	574	5 школьных лет
Финляндия	546	494	605	4 школьных года
Корея	547	485	612	5 школьных лет

Ср.: Frey A. Mathematische Kompetenz im Ländervergleich // Prenzel M. PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008.

Земли, которые прошли тесты особенно плохо, например Берлин, имеют большие различия, чем те, которые прошли тесты особенно хорошо, например Бавария.

PISA-тесты нормированы так, чтобы разница в 25 пунктов соответствовала разнице знаний приблизительно в один школьный год. В PISA-2006 в математической компетенции между 25 и 75% в Баварии зияла разница в 5 школьных лет, в Берлине — в 6 школьных лет. Итак, даже если вынести из рассмотрения за скобки худшие 25% и лучшие 25% 15-летних, разница в знаниях составила в Баварии 5 лет, а в Берлине 6 лет, причём лучшие ученики в Берлине на год отстают от сопоставимой группы в Баварии. Но даже у международных чемпионов в PISA — Канады и Финляндии — разница в знаниях между 25 и 75% соответствовала 4 школьным годам.

В баварских гимназиях различие в знаниях снизилось между 25 и 75% до 3,5 школьного года, в берлинских гимназиях оно тоже упало, но лишь до 4 школьных лет. Худшие ученики берлинских гимназий отставали на год от баварского уровня, а лучшие ученики — всё ещё отставали на полгода. Сопоставимые различия результатов были получены и в компетенции по чтению. Сказанное о Берлине верно и аналогично для Бремена, Гамбурга и других федеральных земель, относительно плохо прошедших тесты: низкие требования (за которыми, как можно предположить, скрывается низкое качество преподавания) приводят к худшей успеваемости как плохих, так и лучших учеников и к дальнейшему зияющему расхождению результатов в каждой возрастной группе. Независимо от качества школьной системы, никогда не бывает так, чтобы каждый учащийся мог выучить всё.

Для системы образования любой федеральной земли особое значение имеют две группы школьников:

1) абсолютно передовая группа, которая будет обеспечивать технологический и инновационный потенциал региона;

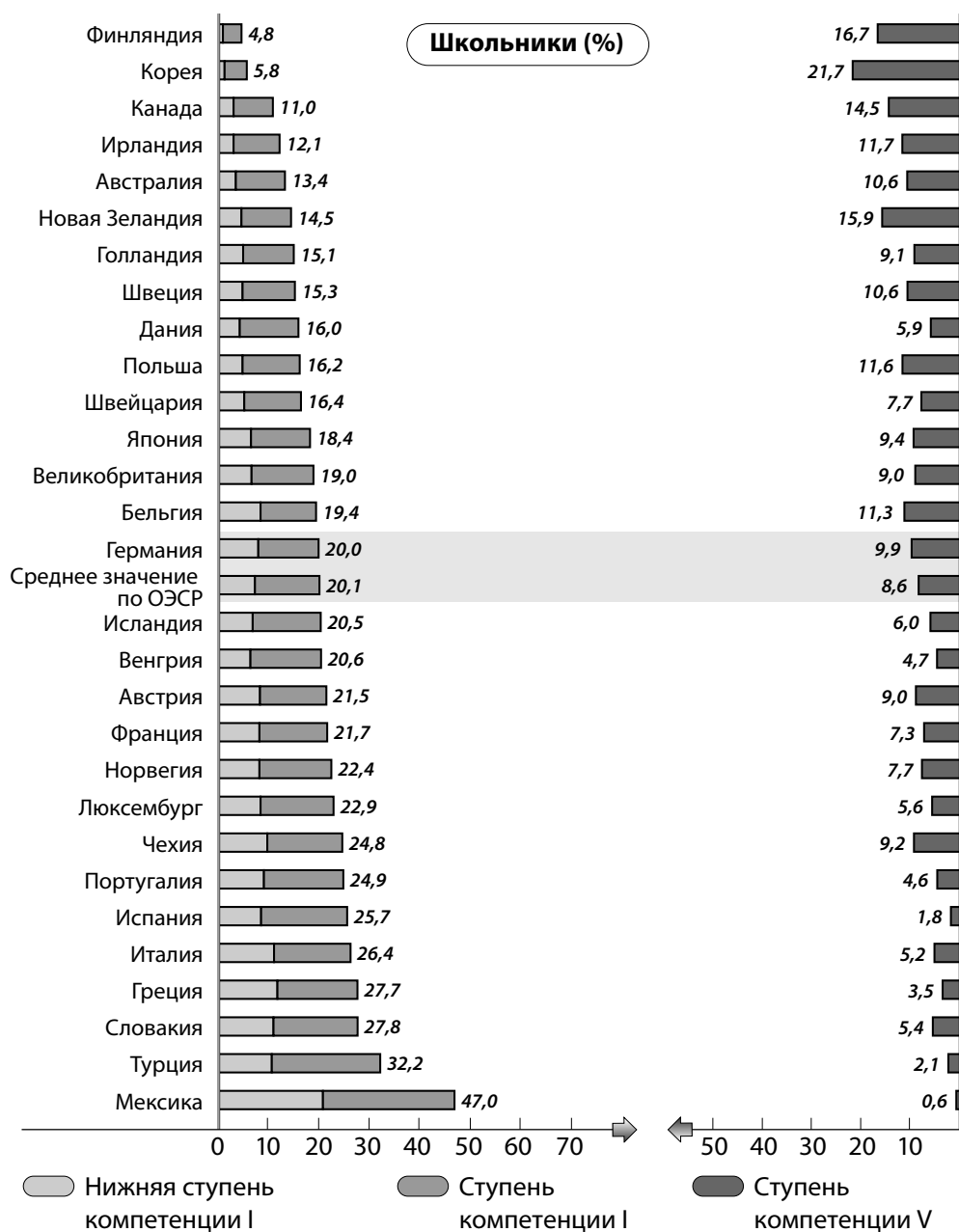
2) группа тех, кто не достигает в компетенциях по математике и чтению того уровня, который был бы совместим с требованиями трудовой жизни. Эти школьники составляют будущую проблемную группу рынка труда. Большая их часть подолгу будет находиться под угрозой бедности и зависеть от трансфертных выплат.

В Германии около 20% 15-летних подростков не достигли в PISA-тестах 2006 г. приемлемого уровня как по чтению, так и по математике, и это означает, что они принадлежат к нижним ступеням обеих компетенций. Эти результаты хотя и лучше, чем в Турции, где на нижних ступенях компетенции по чтению оказались 32%, а по математике 52% учащихся, но намного хуже, чем в Корее, где всего лишь 6 и соответственно 9% попали на нижние ступени компетенции (см. рис. 6.1, 6.2).

И наоборот, в Корее по чтению 21,7% учащихся оказались в группе высшей компетенции, в Германии 9,9%, а в Турции лишь 2,1%. В математике различия выражаются сходным образом: здесь к классу высшей компетенции относятся 9,1% 15-летних корейцев, 4,5% немцев и 1,2% турок.

В передовой группе ОЭСР доля особенно плохих результатов составляет лишь около 10%. Либо в этих странах меньше слабых учеников, либо с ними по-другому обходятся. Возможно и то и другое, ибо страны, лучше всех прошедшие тесты PISA, в историческом прошлом имели мало иммигрантов, или вообще их не имели, или подвергали их очень строгому отбору в аспекте квалификации. Кроме того, «хорошие» в PISA страны таковы, что укрепившийся нижний слой в них относительно тонок. Страны с укрепившимся нижним слоем, например Англия, уже явно достигли предела в возможностях подъёма³¹. Те страны, у которых относительно малые доли плохих результатов в PISA-тестах, показывают и особенно высокие доли сильных учеников (ступень компетенции VI), и это позволяет сделать заключение «от противного», что система образования в этих странах лучшая. Сравнение немецких земель также показывает сильное расхождение результатов: в Южной Германии лишь 12–17% учеников остаются по математике на ступени компетенции I и ниже; в Берлине, Гамбурге и Бремене их, напротив, 26–29%³². Эти различия наверняка объясняются различным качеством системы образования, но, пожалуй, ещё и тем, что необразованный нижний слой в Германии распределён по федеральным землям

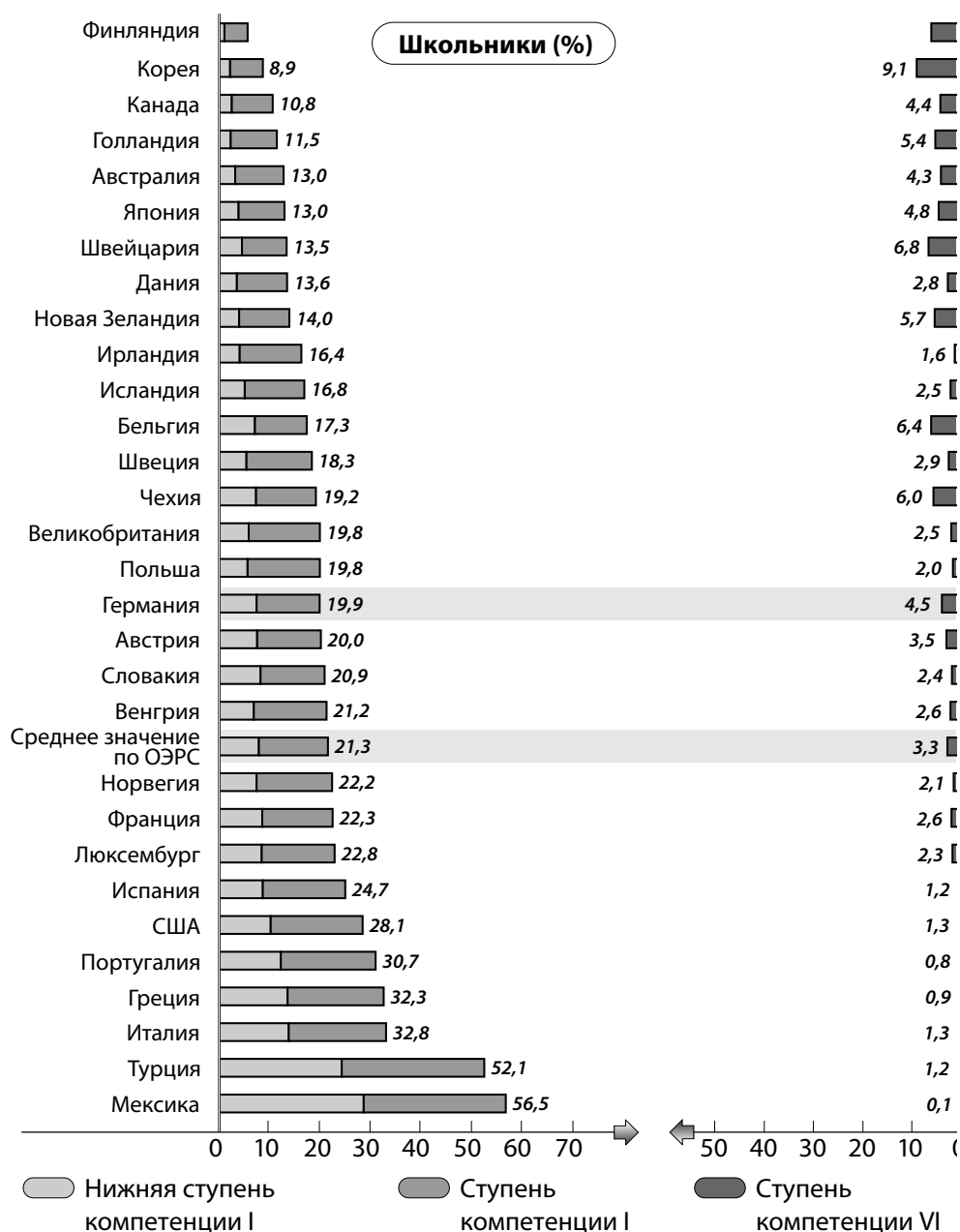
ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Источник: Prenzel M. PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. S. 233.

Рис. 6.1. Сравнительная оценка компетенции по чтению в PISA в различных странах: доля учеников по уровням компетенции

ОБРАЗОВАНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Источник: Prenzel M. PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. S. 262.

Рис. 6.2. Сравнительная оценка компетенции по математике в PISA в различных странах: доля учеников по уровням компетенции

не равномерно, а сконцентрирован в агломерациях с высокой плотностью населения.

Различия в результатах между государствами можно объяснить во многом разницей социализации, зависящей от национального характера, и различным качеством школьной системы. К тому же совершенно очевидно, что у наций с гомогенным населением — таких, как Корея и Финляндия, — в системе образования меньше трудностей. Но причины внутригосударственной разницы результатов лежат, по-видимому, во врождённых различиях, касающихся способности к обучению, иначе ничем не объяснишь её стабильность при совершенно разных школьных системах. Здесь начинается реалистичная педагогика, служащая школьникам во благо, и ей приходится считаться с генетически обусловленной вариабельностью человеческих задатков³³. В каждой популяции существует — очевидно, это касается также Финляндии и Кореи — стабильное ядро подростков, неспособных или малоспособных к обучению, по которому видны объективные границы всякой системы образования: 5% населения Германии и Австрии практически неграмотны, а в Швейцарии каждый седьмой не может бегло читать и писать³⁴.

Что, собственно, измеряют тесты PISA?

Известно, что корреляции не объясняют самих причин. Правда, они могут подкрепить догадки и предположения. Так, мы знаем, что корреляции между интеллектом и школьными успехами относятся к высшим корреляциям в психологической диагностике и, кроме того, что хороший интеллект является одним из лучших прогнозов школьного успеха. Поэтому поднялось много пыли и шума в кругах специалистов, когда Хайнер Риндерман в 2006 г. показал, что результаты всех трёх компетенций в PISA 2000 и 2003 гг. — по чтению, математике и естественным наукам — очень высоко коррелируют не только друг с другом, но и с интеллектом. Риндерман задался вопросом, а не измеряют ли PISA-тесты всего лишь интеллект. Кроме того, он сравнивал результаты PISA, полученные по ОЭСР, с результатами измерений среднего IQ, которые собрали в тех же странах Ричард Линн и Тату Ванханен*, и тоже обнаружил высокую корреляцию³⁵. Тем самым был открыт ящик Пандоры.

* *Ричард Линн* — психолог из Ольстерского университета (Ирландия); *Тату Ванханен* — политолог из Университета Тампере (Финляндия).

В своём комментарии к исследованию Риндермана представители немецкого консорциума PISA критиковали различные аспекты его методики и пришли к следующему заключению: «На наш взгляд, имеют силу лишь две из находок и интерпретаций Риндермана: 1) размеры интеллекта и индикаторы образования или компетенций, приобретённых в школе, высоко коррелируют друг с другом; 2) уровень образования в так называемых западных индустриальных государствах выше, чем в других государствах, и взаимосвязан с признаками этих индустриальных государств — такими, например, как демократическое устройство, рыночная экономика и правовая система»³⁶.

Тут возникает классическая проблема курицы и яйца: в какой степени различные результаты PISA являются результатом различного уровня интеллекта или, по-другому, в какой степени различное качество преподавания отвечает за различия в измеренном интеллекте? На этот вопрос в принципе не имеют ответа и представители немецкого консорциума PISA.

Проблема не может быть и вовсе не должна быть разрешена и в этой книге. Но это не значит, что она не относится к делу. Линн и Ванханен показали, что благосостояние наций положительно коррелирует с измеренным средним уровнем интеллекта народов³⁷. Точно так же исследователи в области образования Эрик А. Ханушек и Людгер Вёсман показали, что когнитивные результаты тестов, как, например, полученные в PISA, положительно коррелируют с экономическим ростом исследуемых стран. «Результаты исследований доказывают, что различия в образовательных компетенциях могут объяснить большую часть различий в экономическом росте»³⁸. Если интеллект отождествить с когнитивной результативностью тестов, то это наилучшим образом совпадёт с результатами, которые получили Линн и Ванханен. Но, как уже было сказано, вопрос курицы и яйца в этом месте должен оставаться открытым.

Однако вряд ли можно закрыть глаза на другой вывод: широко распространённое убеждение, что более высокие расходы на образование могут сами по себе улучшить результаты образования, не подтверждается ни в пределах нации, ни в международном масштабе. Решающую роль, на мой взгляд, играют учебные планы, качество организации школ, подготовка и мотивация учителей, контроль качества и состязательность в системе образования: передовые в PISA немецкие земли имеют заметно более низкие расходы на одного ученика, чем те, что плетутся в хвосте.

Ни к чему не приведёт, если в связи с дискуссией по PISA противопоставлять среду и наследственность. При 80% наследственного компонента и 20% компонента среды благоприятные условия последней могли бы повысить IQ на 7 пунктов, если их улучшить на размер погрешности. Если наследственный компонент составляет 50%, то поправка условий среды на размер погрешности повысит IQ на 11 пунктов³⁹. Но в условия окружающей среды входит множество компонентов, а именно: родительский дом, социальное происхождение и общественные условия. Школа лишь часть из них, и потому маловероятно, чтобы она могла повлиять на измеренный интеллект более чем на 5 пунктов. Самая лучшая школа не сделает тупого ребёнка умным, и самая плохая школа не сделает умного ребёнка тупым. Но хорошая школа может внести решающий вклад в то, чтобы в полном объёме включить имеющуюся меру интеллекта и превратить её в фактические когнитивные знания.

Девочки и мальчики

У мужчин и женщин, соответственно у девочек и мальчиков интеллект имеет разные задачи. Кроме того, девочки по сравнению с мальчиками до завершения полового созревания имеют преимущество в развитии, которое может выразиться в более быстром росте IQ. У мужского пола зачатую лучше развиты пространственное представление и логическая система умозаключений, женский пол обладает лучшей вербальной памятью и возможностями вербального выражения, а кроме того, навыками счёта и тонкомоторной координацией.

Начиная с 1930-х гг. задания в тестах на интеллект нормированы так, что оба пола показывают одинаковый средний IQ. Мужчины оказываются в большинстве среди высокоинтеллектуальных (IQ от 120 и выше, причём численный перевес мужчин с ростом коэффициента увеличивается) и среди менее интеллектуальных (IQ от 80 и ниже), причём здесь относительный перевес мужчин возрастает по мере понижения интеллекта. У чрезвычайно одарённых — IQ от 145 и выше — соотношение между мальчиками и девочками 8:1 и выше⁴⁰. Тем не менее девочки имеют однозначно бóльшие успехи в школе: в Германии их доля среди бросивших школу до окончания неполного среднего курса всего 36%, а среди абитуриентов, наоборот, 56%⁴¹. Частично объяснить это могут бóльшая вербальная компетенция и более сильные коммуникативные свойства. Роль

играет также и то, что бóльшая стабильность поведения девочек и их лучшие возможности коммуникации ведут к тому, что они даже при равных знаниях зачастую имеют лучшие оценки, чем мальчики, и поэтому чаще получают рекомендацию в гимназию. По этой причине учёный и педагог Дитер Ленцен называет мальчиков неудачниками системы образования и объясняет этим малую долю мужчин среди преподавателей начальной школы⁴².

Правда, бесспорно то, что мальчики в среднем читают менее охотно, чем девочки. «Так, например, 35% мальчиков считают чтение пустой тратой времени, а девочек таких всего 15%»⁴³. И наоборот, мальчики проводят существенно больше времени за компьютерными играми и проявляют в этом иной раз даже симптомы зависимости. Эта проблематика также зависит от принадлежности к определённой среде, но не только⁴⁴. Время, проведённое за компьютерными играми, отнято у школьной учёбы, чтения и других активных занятий, и это зачастую опустошительно сказывается на школьной успеваемости. Растущее потребление мультимедийных развлечений по вечерам и недостаточное предложение спортивных мероприятий в школе мало учитывают выраженную потребность в движении у большинства мальчиков, из-за чего их воле к учёбе и умственной восприимчивости наносится дополнительный урон. Достичь выравнивания путём заманчивого предложения подвижных занятий было бы важной задачей полудневных школ.

То, что достаточная подвижность и занятия спортом имеют большое значение для комплексной уравновешенности человека и его умственной работоспособности, давно известно. Не случайно «гимназия» получила своё название от греческих спортивных площадок. То, насколько важна подвижность, продемонстрировали в школьном округе Напервилл в Иллинойсе. Там была введена ежедневная часовая спортивная нагрузка для всех учащихся. Предпочтительнее всего были фитнес-тренировки, приспособленные к индивидуальным возможностям. Эта мера привела к значительному улучшению школьной успеваемости всех детей. И это коренным образом сказалось на сдаче национальных тестов на знания. Также заметно упала и доля детей с избыточным весом среди школьников — а в США эта проблема стремительно нарастает. Позитивное воздействие на интеллектуальную работоспособность было особенно велико, когда ежедневные спортивные занятия проводились до начала уроков. Опыт Напервилла между тем произвёл переворот в мышлении во многих школьных округах США⁴⁵.

Кто должен совместно обучаться? Какая школьная система нам нужна?

Обсуждение актуальных результатов PISA-тестов эмпирически показало то, на что аналитически намекали проверенные результаты исследований интеллекта: амплитуда индивидуальных различий одарённости огромна, и её влияние на интеллектуальные возможности и школьную успеваемость намного больше, чем влияние различных структур образовательных систем или школ. В любой возрастной группе различия в развитии и успеваемости достигают амплитуды от четырёх до шести школьных лет. Как при таких обстоятельствах можно достаточно загрузить сильного, не перегрузив при этом слабого, или как поддержать слабого таким образом, чтобы сильный не заскучал?

Традиционным ответом была отдельная школьная система: для умственно отсталых существовала вспомогательная школа, для основной массы детей — народная школа, для одарённых — реальная школа и, наконец, для немногих — гимназия. Эта система функционировала, пока школу более высокой ступени посещало по факту не так много школьников, а 80–90% детей обучались в народной школе. Она получила своё название по праву. Но эта система тем больше попадала в ложное положение, чем сильнее росла доля гимназий. Причин тому было несколько. Пришлось поневоле снизить уровень гимназии, поскольку с течением времени вместо 10% учеников этот тип школы стали выбирать 35% и более. С растущей долей гимназий для учеников народных школ закрывались многие пути, прежде открытые для них. Тем самым вопрос, идти ли ребёнку в гимназию, всё в большей мере становился вопросом предоставления жизненных шансов. Чем больше становилась доля школ повышенного типа, тем больше старшая ступень народной школы превращалась в поле для отсева. В 1950-е гг. вовсе не считалось выбраковкой, если ученик оставался на второй год народной школы, а поступить в гимназию вообще было большой честью. Сегодня же переход в школу повышенного типа скорее норма. Тот, кто остаётся в неполной средней школе, является частью негативного отбора и чувствует себя соответственно, что нередко находит выражение в плохом поведении.

Распределение интеллектуальных способностей подчиняется кривой нормального распределения Гаусса. Отсечение гимназистов от остальных учащихся проходило в послевоенные годы далеко в правой половине на нисходящей ветке. Но когда 30–40% ровесников, а то и больше, идут

в гимназию, то это означает, что весьма сходные по одарённости дети либо получают гимназический шанс, либо не получают. Связанные с этим случайности воспринимаются как большая несправедливость.

С нынешней тенденцией к двучленной школьной системе круг начинает замыкаться: уже предпринятое в большинстве федеральных земель или запланированное слияние старшей ступени народной и реальной школы в новую «старшую», «среднюю», «вторичную» или «районную» школу должно вернуть часть старой народной школы. В этих новых «народных школах» можно будет доучиться до аттестата зрелости⁴⁶. Логичный конец всех этих реформ — создание единой школы, которая в силу внутренней проницаемости и дифференцирования будет способствовать всем степеням одарённости и сможет доучить школьников до абитуры. Кажется, уже доказано, что такая единая школа, да и всякое долговременное совместное обучение, повышает шансы всех учащихся и понижает зависимость от социального происхождения⁴⁷.

Сторонники единой школы надеются, что дифференцированные возможности станут лучшим стимулом для тех 20% учеников — чья доля в тенденции повышается, — которые с точки зрения Немецкой торгово-промышленной палаты лишены как способностей к образованию, так и воли к нему. Такие возможности стимулирования могло бы обеспечить лучшее согласование школьного образования с практическим обучением⁴⁸. Если последовательно довести эту мысль до конца, то гимназия могла бы вообще стать лишней благодаря дифференцированной единой школе. Однако в политике образования нет никакой последовательности. Педагогика и дидактика продолжают следовать меняющейся моде и диктату меняющихся общественно-политических представлений. При этом главная цель демократии, сообразно её природе, состоит в увеличении равенства посредством образования. Но политика колеблется между злободневностью и мечтой об изменении общества посредством образования. Речь заходит то о стимулировании превосходства, то о покое неполной средней школы, то об очередных выборах. А родители в первую очередь заинтересованы в хороших стартовых и жизненных шансах для своих детей.

Этот родительский интерес может преследовать разные цели. Некоторые ищут для своего ребёнка щадящее пространство, желая, чтобы у него было поменьше «стрессовой нагрузки» и как можно более поздний выбор путей образования. Другие хотят, чтобы их ребёнок как можно больше учился, и стремятся, чтобы он посещал лучшую школу, что практически всегда означает гимназию, пока нехватка способностей ребёнка не станет

слишком очевидной. На практике те родители, которые верят в своего ребёнка и соответственно развивают в нём честолюбие, почти всегда выбирают гимназию. Каждая попытка вывести образование на путь большей интеграции вызывает затем острую борьбу за направление — с непредсказуемым результатом, как показывает успешная гамбургская народная инициатива против местной школьной реформы⁴⁹.

Различные точки зрения в дебатах можно показать на двух сопоставимых гамбургских семьях. Одна семья считает, что выставление оценок наносит детям травму, и хотела бы ликвидировать родительское право выбора на посещение школы повышенного типа, чтобы создать для детей большее равенство шансов. Другая, приехавшая из Южной Германии, в ужасе от гамбургского школьного уровня и спрашивает, неужели так уж высоки требования, чтобы дети к концу начальной школы знали таблицу умножения и могли написать бабушке письмо без ошибок. Эта семья хочет отдать своего ребёнка в частную школу, если школьная реформа сделает невозможной переход из школы в гимназию после четвёртого класса⁵⁰.

В вопросе «общего обучения», который также подразумевает и вопрос о целесообразности и справедливости раздельной школьной системы, сталкиваются друг с другом совершенно различные интересы, жизненные установки и политические позиции. Есть идеалисты, в том числе и среди родителей, придающие большое значение образованию, и они воспринимают необходимое при совместном обучении внутреннее дифференцирование преподавания вовсе не как тяготу для более способных учеников, а как дополнительный шанс⁵¹. Для консервативного понимания совместное обучение, напротив, представляет собой посягательство на возможности образования элиты. Ограничение или устранение гимназий подпадает в этой группе под идеологическое подозрение⁵². Эгалитаристы, в свою очередь, видят в раздельной школьной системе атаку на их понимание равенства шансов⁵³.

Никакое взаимопонимание, кажется, так до сих пор и не возникло между заинтересованными педагогами и реформаторами, которые хотят стимулировать необразованных и менее одарённых учащихся посредством ежедневного школьного контакта с одарёнными и стремящимися к образованию, и теми родителями, которые видят себя защитниками интересов своих детей. Их позиция тем более элитарна и склоняется в пользу гимназий, чем выше они оценивают потенциал успеваемости своих детей.

Давно ясно, что развитие каждого ученика ограничено его собственным потенциалом. «Общие школы — следствие постулатов образования,

которые хоть и имели благие намерения, но исходили из ложной предпосылки, что различная успеваемость есть лишь следствие неправильной структуры и что можно, так сказать, из любого ребёнка сделать гимназиста, если будет подходящая среда. Но это, к сожалению, иллюзия»⁵⁴. Гораздо больше сюда подходит уже цитированная фраза Эльсбет Штерн, что «оптимальное стимулирование каждого ученика ведёт не к большему равенству, а к большему неравенству».

С эмпирической точки зрения на вопрос, ведёт ли совместное обучение к лучшей реализации потенциала одарённости, нет убедительного ответа. «В принципе исследование показывает, что школьные структуры играют подчинённую роль при объяснении школьных успехов... Современная школа — та, которая в первую очередь радуется за развитие преподавания», — говорит директор института развития качества в образовании Олаф Кёллер⁵⁵.

Это было впечатляюще подчёркнуто новым исследованием, проведённым по заданию Конференции министров культов, «Сравнительные языковые компетенции по землям»: земли Бавария и Баден-Вюртемберг с их «традиционной» раздельной школьной системой имеют не только самый высокий уровень знаний, но и самые низкие расхождения в успеваемости, а также самую высокую успеваемость в нижних группах по компетенции⁵⁶. Как раз самые слабые по успеваемости ученики там хорошо стимулируются. Правда, доступ в гимназию затруднён по сравнению, например, с Берлином, зато преподаётся большой объём учебного материала. Насколько сложны взаимосвязи, видно по тому, что средний уровень языковой компетенции и процентная доля девятиклассников в гимназиях по землям коррелируют друг с другом отрицательно. Это значит: в среднем дети учатся в конкретном регионе тем меньше, чем выше в нём доля гимназий⁵⁷. Этот парадоксальный результат (которому тоже нельзя придавать слишком большого значения) должен послужить предостережением для тех, кто именно в реформе школьной структуры видит основное звено и центральную точку для улучшения результатов образования.

Короче говоря, системные сравнения исследования образования свидетельствуют о том, что дело заключается не в структуре системы образования, а в её качестве. Это немного напоминает о результатах исследования здоровья: нет корреляции между различными системами медицинского обслуживания и состоянием здоровья или ожидаемой продолжительностью жизни населения. Хотя немецкий чиновник, как частный пациент, устроен

комфортабельнее, чем британский государственный служащий в National Health Service*.

Для оптимальной самооценки школьника может быть лучше либо вовсе неизбирательная, либо малоизбирательная система образования, потому что необходимое внутреннее дифференцирование в общей школе не связано с видимыми социальными градациями и принадлежностью к разным группам. «Хорошему самочувствию и ощущению собственной ценности ребёнка наносит урон не только слабость или сила, но и недостаточное приспособление среды к его индивидуальным особенностям». Из этого могут следовать вторичные особенности поведения⁵⁸.

Наблюдаемые в каждой возрастной группе различия в знаниях, достигающие 4–6 школьных лет, решительно не могут быть устранены в совместном обучении, и в первую очередь это касается основных предметов: математики и немецкого языка. Внутреннее дифференцирование требует, попросту говоря, распада классов — по крайней мере, в интеллектуально определяющих основных предметах — и введения школьников в разновозрастные группы знаний. Мучить биномиальными формулами ученика, у которого ещё остались проблемы с письменным умножением и делением, просто не имеет смысла. И не имеет смысла читать «Вильгельма Телля», если чтение и понимание текста у ученика находится на уровне восьмилетнего ребёнка.

Однако разумное разновозрастное дифференцирование наталкивается на границы в отношении практической осуществимости и допустимости: вряд ли можно рекомендовать помещать 15-летнего подростка, находящегося в процессе полового созревания, на уроки немецкого и математики к 11-летним детям, где ему, вообще-то, самое место. Но и сталкивать его с уровнем преподавания, за которым он не может поспевать из-за нехватки знаний или умственных способностей, не имеет смысла. Поэтому часто случается так, что напряжения, возникающие в малогомогенных учебных заведениях, устраняют снижением уровня преподавания. Но нельзя допускать, чтобы дифференцирующие педагогические усилия, направленные на тех, кому трудно удерживать внимание, приводили к тому, чтобы школьники со средней и высокой одарённостью так и не раскрыли свой потенциал. Действует общее правило: эффективность преподавания и учебные успехи возрастают при том же качестве преподавания по мере роста гомогенизации учебной группы. В негомогенной учебной группе менее одарённые

* *National Health Service* — Национальная служба здравоохранения Великобритании.

хотя и могут иметь некоторый выигрыш от уровня более одарённых учеников, но лишь до тех пор, пока не теряют нить урока. Правда, сопоставимого выигрыша для более успевающих, если они учатся вместе с менее успевающими, не существует.

Образование и происхождение, равенство и справедливость шансов

Сильное сопротивление созданию групп высокой успеваемости вполне понятно, поскольку каждой государственной системе образования присущи эгалитарные стремления. Но если такие стремления гипертрофированы, это стимулирует тенденцию эмиграции из государственной системы, поскольку образованные слои выбирают для своих детей то обучение, которое считают лучшим.

Успех в системе образования определяет, в конечном счёте, получение жизненных шансов и перспективы занять влиятельную позицию, добиться благосостояния или даже богатства. То, что это распределение должно происходить по справедливости, есть легитимное основное требование всякой демократии.

В соревновании за лучшие стартовые позиции ребёнок из образованной семьи имеет преимущества в трёх аспектах:

1) происхождение из образованной семьи сопряжено, как правило, с лучшим воспитанием. Лучшее воспитание в большинстве случаев способствует — уже у детей и подростков — более приятным формам обхождения, более высокой чуткости к людям и ситуациям, чувству уверенности в себе, но и большему признанию авторитетов. Это ведёт к положительной обратной связи с учителями и к лучшей успеваемости. Кроме того, симпатия преподавателей к ученикам в большинстве случаев обуславливает и лучшие оценки;

2) образованные родители больше помогают школьной карьере своих детей. Они напоминают и мотивируют, перепроверяют состояние успеваемости, контролируют домашние задания, дополнительно занимаются, если это кажется необходимым, или организуют занятия с репетитором. Кроме того, они лучше понимают, как обеспечить их ребёнку в школе достаточное внимание;

3) образованная семья и родительский дом обеспечивают ребёнку превосходство в знаниях и умениях, которые выражаются прежде всего

в способностях к чтению и пониманию текстов, но также и в общей ориентации в окружающем мире.

Эти преимущества имеют большой вес и в принципе незаменимы. Лучше всего они могут быть компенсированы через всеобщее воспитание детей в раннем возрасте, которое особенно большое значение придаёт социализации и языковой компетенции. Далее — в полудневных школах со стимулирующим, способствующим развитию формированием свободного времени, куда входят занятия спортом и не в последнюю очередь выполнение домашнего задания, а кроме того, упражнения на углубление учебного материала под присмотром преподавателей. Неравенство исходных шансов, таким образом, может быть уменьшено, однако создание равенства шансов упрётся в свои границы там, где оно превращается в ущемление интересов детей из образованных семей — например, понижением требований ради того, чтобы «все успевали». В конечном счёте, это касается и одарённых детей из необразованных слоёв, ибо нет способа выяснить, какую часть преимуществ в успеваемости (или минимальной успеваемости) ребёнок определяет происхождением, а какую — одарённостью и инициатива.

Статистически доказуемо, что выбор профессии и тем самым косвенно будущий карьерный путь также ориентированы по социальному и региональному происхождению. Итак, наряду с одарённостью роль играют также регион, пример родителей и не в последнюю очередь различные склонности, обусловленные половой принадлежностью: для женщин — языки и науки, связанные с культурой, для мужчин — математика и естественные науки⁵⁹.

Это не так уж плохо, ибо каждый хорош там, куда его приводят склонности и где он чувствует себя уверенно. В системе образования нельзя допускать, чтобы срезались верхушки, но ещё важнее, чтобы целью образовательной политики было дополнительное развитие вширь. Иоганн Вольфганг фон Гёте и Александр фон Гумбольдт происходили из высокообразованных семей и получили превосходное воспитание, какое доставалось в те времена лишь немногим. Смогли бы они достичь таких же творческих результатов, если бы учились в интегрированной общей школе в Рюссельхайме или Дуйсбурге?

Нам никак не обойти тот вывод, что при неравных способностях и неравных профилях характера даже самая справедливая относительно шансов система приведёт к неравным результатам. В отношении материальных последствий они могут быть смягчены путём социально-государственного перераспределения — и смягчаются. Но до тех пор, пока каждый получает

шансы развития в системе образования по своему потенциалу и склонностям, следующее из этого неравенство не может считаться ни порочным, ни вредным, а является лишь выражением многообразия жизни. Это не нравится тем, кто справедливость измеряет по равенству результатов⁶⁰. Эта дискуссия, пожалуй, никогда не закончится. Там, где речь заходит о справедливости, равенство всегда стоит неподалёку, однако навечно останется нерешённым вопрос, когда с людьми надлежит обращаться по их потребностям, а когда по заслугам.

Тесты PISA показали, что немецкие школьники выдают лишь средние результаты по ОЭСР и изрядно отстают от передовых в этом тестировании стран — Финляндии, Кореи и Канады. Вместе с тем «социальный градиент» в Германии круче, чем во многих других странах, а это значит, что результаты стоят в тесной взаимосвязи с социоэкономическим статусом семьи. Критики объясняют это тем, что в Германии дети из образованных слоёв имеют бóльшие преимущества, чем в других странах. Но вряд ли это верное объяснение.

Человеческий интеллект на 50–80% передаётся по наследству, и чем большее равенство шансов предлагает система, тем выше наследственный компонент в оставшемся интеллектуальном различии. Гениальные высшие достижения всегда содержат сильную генетическую составляющую. Одарённость Моцарта не объяснишь влиянием среды⁶¹. Измеренный интеллект к тому же является стабильным показателем школьного уровня успеваемости и последующего профессионального успеха. Поэтому можно было бы ожидать, что средний интеллект растёт с социоэкономическим статусом. И так оно и есть⁶². Кроме того, интеллект — намного более стабильный показатель вузовского успеха, чем социоэкономическое происхождение⁶³. Сюда добавляется то обстоятельство, что зависимость интеллекта от социоэкономического статуса усиливается со степенью интеллекта. Чем сильнее выражена высокая одарённость, тем выше доля происхождения из верхнего слоя и верхней части среднего слоя⁶⁴. Тогда, по логике, и доля детей из родительских домов с высоким социоэкономическим статусом тем выше, чем в большей степени школьная система селектирована по успеваемости.

В традиционном обществе, где расслоение не определяется достижениями или почти не определяется, уровень интеллекта распределён по общественным слоям более равномерно, чем в обществе с традицией проницаемости. В проницаемом обществе толковые легче пробиваются вверх, так что через несколько поколений резерв талантов нижнего и среднего слоёв в тенденции истощается. Это дополнительно усиливается склонностью

образованных слоёв к гомогамии. Партнёров себе выбирают в том же образовательном статусе. Вряд ли молодой врач женится сегодня на медсестре, а тем более на красивой девушке из пекарни.

Немецкое общество с начала XIX в. становилось всё более проницаемым: заметная одарённость давала в Пруссии ещё в XIX в. шансы на обучение в гимназии — тенденция, которая в течение XX в. усилилась. Наряду с этим были многочисленные внеуниверситетские возможности карьеры через ремесленные профессии, обучение в качестве техника, карьеру служащего среднего и более высокого звена и т. д. Этой немецкой карьерной традицией особенно легко объяснить ту научную и экономическую динамику, которая с середины XIX в. и до недавнего прошлого была так характерна для нашей страны. Но это означает, что оскудение интеллектуального потенциала нижних слоёв общества у нас зашло дальше, чем в тех обществах, проницаемость которых развилась позднее.

Однако взаимосвязь может и не работать. Хотелось бы, чтобы оказались правы те, кто предполагает в так называемых необразованных слоях весомый интеллектуальный потенциал. Правда, чем скорее и лучше удастся его раскрыть, тем острее будет принципиальная проблема: прогрессирующее откачивание интеллектуального потенциала из нижних слоёв. Статистически это можно было бы показать в ещё более крутом социоэкономическом градиенте школьного успеха. Зависимое от принадлежности к определённому слою различное генеративное поведение*, как мы это наблюдаем в Германии, ещё больше обостряет проблематику. Итак, процесс опустошения интеллектуального потенциала нижнего и среднего слоёв идёт тем быстрее, чем успешнее система образования настроена на равенство шансов. Как раз «успешная» в понимании её сторонников общая школа только усилит этот процесс.

По меньшей мере, частичная наследуемость интеллекта и других признаков личности вместе с растущей проницаемостью общества приводят к тому, что падает доля людей, которые по причине личных способностей могут подняться из нижних слоёв. Поэтому вполне логично и ни в коем случае не является отсутствием справедливости, если руководящий персонал рекрутируется в основном из верхних слоёв. В Германии считается политкорректным беспокойство по этому поводу⁶⁵, однако, в конечном счёте, очевидно: беспокоятся те, кто не понимает простой логической цепочки: *если* верно, что интеллект и одарённость частично наследуются, тогда

* Генеративное поведение — демографическое поведение в отношении деторождения.

растущая справедливость успеха поневоле приводит к тому, что таланты, а тем самым и потенциал руководящего пополнения концентрируются в верхних слоях общества.

Обмен между слоями происходит, впрочем, в обоих направлениях: исследования в Швейцарии показывают, что 40% детей из образованных семей опускаются относительно положения родителей, 15% детей рабочих и служащих поднимаются и составляют 8% высокообразованных специалистов и менеджеров. Этот обмен можно приветствовать, поскольку сходжение вниз избавляет детей из образованных семей от перегрузок в тех позициях, до которых они не дотягивают. Так же действуют барьеры доступа в образовательные учреждения, которые зависят от уровня знаний учащихся, защищая перегруженных детей честолюбивых родителей. И это правильно⁶⁶.

Правда, с внедрением равенства в школах усилится тенденция создания для высокоодарённых детей решений вне общей школы. В итоге опять пришлось бы, проделав долгий путь, прийти к идее гимназии начала XIX в.: народная школа (современная «общая школа») — для всех и гимназия («особый путь») — для немногочисленной элиты.

Как уже было показано в главе 3, расходы на немецкое образование на одного школьника, скорректированные по покупательной способности, лежат в диапазоне сопоставимых государств ОЭСР. В частности, страны, особенно успешные в PISA, расходуют не больше средств, чем немецкие отстающие земли. Также и немецкие расходы на одного студента держатся в пределах средних международных значений.

То обстоятельство, осуждаемое со стороны ОЭСР, что Германия в расходах на образование и исследования всё ещё не достигла 10%-ной отметки, а застряла на уровне 7,5%⁶⁷, объясняется среди прочего тем, что демография страны показывает особенно низкую долю молодых людей, а потому и низкую ВВП-квоту расходов на них. Зато очень высока в ВВП Германии доля расходов на обеспечение по старости. Если обе категории сложить, то дело со средним значением по ОЭСР будет обстоять существенно лучше. К сожалению, каждый евро может быть израсходован только один раз, в том числе и в Германии.

В принципе сосредоточенность на величине расходов ничего не даёт, так как в Германии как раз земли с самыми плохими результатами в PISA демонстрируют самые высокие расходы на образование в расчёте на одного школьника. Некоторые модные явления — как, например, индивидуализированное обучение в общих школах — подняли бы расходы ещё выше,

поскольку такие меры требуют дополнительных кадров. Голландия, напротив, по статистике ОЭСР, приведённой к ВВП, расходует на одного школьника меньше, чем Германия, однако голландские школьники прошли тесты PISA существенно лучше. Ни численность учеников в классе, ни уровень зарплаты преподавателей не оказывают статистически заметного влияния на результаты учёбы⁶⁸.

Важнее сосредоточиться на содержании: по семейно-политическим и демографическим причинам, а кроме того, для повышения всех потенциалов одарённости в Германии необходимо как можно скорее выйти на покрывающий все потребности уровень предложения мест в полудневных дошкольных детских учреждениях, а также ввести всеохватывающий переход к полудневым школам. Такие школы должны — благодаря привлекательному предложению занятий спортом и занятий свободного времени — стать жизненным пространством школьников. Речь не о том, чтобы поделить весь день на учебные часы. Гораздо важнее обеспечить в послеобеденное время продолжительную тишину с присмотром за выполнением домашнего задания и уходом за детьми, а в остальное время обеспечить школьников спортивными и другими занятиями. Такие проекты многосторонне опробованы и не новы — будь то интернат Салем или иезуитский интернат⁶⁹. Собственно, узкое место — отнюдь не деньги, а создание большого числа полноуровневых учреждений за достаточно короткое время.

Необразованные

С какой стороны ни подойди к задаче, проблема необразованных граждан остаётся центральной проблемой всякой образовательной политики. Средний и верхний слои помогают себе сами, в крайнем случае, в плохой или средней государственной системе образования. В конце концов, всё ещё есть несколько хороших государственных гимназий, есть частные школы и не в последнюю очередь остаётся получение образования за границей.

Предварительно надо обозначить, что в отношении трансфертных пособий на жизнь ни в коем случае не ставится знак равенства между необразованностью и принадлежностью к нижнему слою. Однако три эти величины имеют значительные пересечения. Поэтому вызывает тревогу, что в Германии около 20% всех детей растут в семьях, получающих пособия, в Берлине они составляют даже 35% всех школьников, и на эту группу приходится 40% всей берлинской рождаемости. При неизменном демографическом тренде доля рождаемости в нижнем слое будет расти по всей стране.

В материальном отношении воспитание детей и подростков не страдает и в семьях получателей пособий. По состоянию на лето 2009 г. каждый ребёнок повышает социоэкономический прожиточный минимум, оплачиваемый государством, на 322 евро (ср. табл. 4.1, с. 96). Обыкновенно считается, что дети делают нас душевно богаче, но материально беднее. Для получателей трансфертов это правило не действует, ибо в зависимости от того, как они содержат своих детей, эта поддержка заметно повышает бюджет родителей, находящийся в их распоряжении. А это приводит к тому, что получатели трансфертов рожают детей в количестве выше среднего.

Заглядывая в будущее, надо перестроить систему трансфертов: больше натуральных выплат для детей, меньше денежных пособий для родителей. Если, детские сады и полудневные школы для государства дороги, но для родителей они должны быть бесплатными. Питание в дошкольных учреждениях и школах должно быть бесплатным. Зато достаточно будет того, чтобы денежные перечисления на детей покрывали только расходы на домашнюю часть питания и одежду.

Государственное предложение для детей из необразованных слоёв (и тем самым для всех детей) должно быть всеохватывающим и начинаться с раннего возраста. Типичная забота о ребёнке из необразованной семьи должна выглядеть следующим образом:

- после рождения ребёнка матерей при патронажном посещении дома наставляют по вопросам питания и ухода за ребёнком. При этом особое внимание должно уделяться тому, как избежать избыточного веса; ведётся разъяснение о значении регулярного движения, о необходимости регулярного общения с ребёнком, о непригодности телевизора в качестве няни и т. п. Там, где это требуется, посещения следует повторять регулярно;
- когда ребёнок достигает подходящего возраста, можно рекомендовать посещение яслей. Они устроены так, чтобы компенсировать дефициты родительского внимания и заботы и обеспечить те стимулы, в которых нуждается малыш, чтобы развиваться согласно своему возрасту;
- посещение детского дошкольного учреждения, начиная с третьего, самое позднее с четвёртого года жизни, обязательно, и оно в принципе настроено на полудневный уход за ребёнком. Телевизора и других современных мультимедийных устройств в детских учреждениях быть не должно. Наряду со свободными играми там много читают вслух. Тексты должны быть подобраны заранее с учётом ясного, хорошего и понятного немецкого языка. Там регулярно поют, небольшие

песенки заучивают наизусть. Систематически упражняются в обращении с ножницами и карандашом. Если ребёнок отстаёт в речевом развитии, воспитательницы беседуют с ним особенно интенсивно;

- школа, начиная с первого класса, полудневная. Учителя присматривают за выполнением домашних заданий и обслуживанием детей. Дефициты отдельных школьников устраняются целенаправленными адресными занятиями;
- предложение по спорту и другим занятиям примыкает к выполнению домашнего задания и уходу за детьми. Телевизора и компьютерных игр в школе нет;
- школьная форма должна быть обязательной. Она стирает социальные различия, для менее зажиточных решает проблему подбора одежды и создаёт ясное разграничение зоны школы и личной зоны. Таким образом, форма облегчает детям ориентацию;
- школа в первые годы сосредоточивается на приобретении центральных навыков в чтении, письме и счёте. Умственно полноценный ребёнок *должен* при любых условиях до конца второго класса уметь бегло читать, до конца четвёртого владеть безупречным правописанием и четырьмя основными арифметическими действиями. В сравнении с этим совершенно неважно, знает он несколько английских слов или нет. Если где-то возникли пробелы в основных компетенциях, то и в следующих классах работают над их устранением до тех пор, пока не ликвидируют полностью;
- по мере обучения детей со слабой успеваемостью предлагается всё больше практических предметов: домоводство, кулинария, ручное ремесло. Для того, кто и в шестом классе всё ещё имеет трудности с математикой начальной школы, уроки более сложной математики пройдут впустую. Такого ученика следует направить к тем занятиям, которые будут соответствовать его возможностям, повысят уверенность в себе и могут оказаться полезными в его будущей частной или профессиональной жизни;
- как минимум для старших детей полудневная школа должна быть устроена так, чтобы они проводили дома только вечера и выходные дни. Это лучший способ ограничения непомерного потребления мультимедийных развлечений, которое наносит детям из необразованных семей дополнительный ущерб;
- особенно большое значение придаётся упражнению в навыках и приобретению вторичных полезных качеств — пунктуальности,

тщательности, обязательности, честности. Школьные хвосты недопустимы⁷⁰. В отношении пропусков занятий без уважительной причины должен вестись строгий учёт. За каждое неоправданное отсутствие ребёнка в школе родители облагаются чувствительным денежным штрафом. Эти штрафы списываются затем из трансфертных выплат, даже если выплаты из-за этого становятся меньше социоэкономического прожиточного минимума.

И даже при такой жёсткой программе найдутся школьники из необразованных семей — и не только из них, — от которых нельзя будет добиться терпимой школьной успеваемости и/или готовности учиться. С одной стороны, есть границы интеллекта или личности, которые не преодолеть, и есть лишения, которые лишь частично можно выправить государственной политикой. К ним относится нередко отсутствующая у необразованных людей социализация в полной семье. Актуальные британские исследования придают этому последнему факту центральное значение⁷¹. С другой стороны, всегда есть люди, на примере которых видно, что даже в неблагоприятных условиях можно сделать карьеру. К ним относится чернокожий американский учёный-экономист Роланд Фрайер (род. в 1977 г.), который рос в тяжёлых условиях у своей бабушки-наркодилерши, торгующей крэком, поскольку его мать бросила семью, а отец сидел в тюрьме за изнасилование. Ему удалось попасть в университет за счёт спортивной стипендии, он выучился за рекордное время, защитил диссертацию в 25 лет и в 30 лет стал профессором Гарварда.

Фрайер сосредоточился в своём исследовании на различии в успеваемости между белыми и чёрными школьниками и студентами, которое он даже не оспаривает⁷². Он скептически относится к системе квот, потому что она воспитывает лень, и объясняет дефициты успеваемости чёрных частично из *peer group pressure*: хорошая успеваемость приравнивается к «белому поведению», что ставит потенциально хороших чёрных учеников под давление своей группы. Фрайер работает среди прочего над программой стимулирования чёрных школьников, у которых хорошая школьная успеваемость будет вознаграждаться деньгами⁷³. Для Фрайера характерен его конструктивный оптимизм, но также и его стойкость. Если смог он, то почему не сможет кто-то другой? Ученый и педагог Манфред Пренцель, ответственный за PISA в Германии, говорит:

«Замечено, что есть дети, для которых не имеет значения, в каких условиях они растут. Они идут своим путём, никто не знает точно, как получается, что они развивают такую выносливость и уверенно справляются с очень тяжёлыми обстоятельствами»⁷⁴.

По-настоящему толковых детей не сбить с пути неблагоприятными обстоятельствами — и это знание чрезвычайно утешительно. В конечном счёте, нужно всегда апеллировать к воле и честолюбию индивидуума. Никогда нельзя попускать отдельному человеку, чтобы он оправдывался изъятиями группы.

Пожалуй, самое большое искушение для необразованных в наши дни — электронные мультимедиа, непрерывное потребление которых ведёт к пассивности и оглушению, к избыточному весу и слабым коммуникативным навыкам, а также к недостаточным речевым способностям. Как нарочно, именно мальчиков подталкивают посредством компьютерных игр к бегству в виртуальные миры. Они постепенно отдаляются от реальности и нередко впадают в игровую зависимость. Четыре, пять, шесть часов, которые они проводят за компьютером, потеряны для спорта, социальных контактов и приобретения знаний. Всё это способствует неудачам в школе.

Если принять за 100 единиц посещение гимназий немцами, то соответствующий индекс для мигрантов из Ливана составит 15, из Марокко — 24, а из Турции — 29⁷⁵. Тесты PISA за 2003 г. ясно показали для Германии, «что молодёжь турецкого происхождения добивается в немецкой школьной системе худших результатов, чем молодёжь из других групп происхождения. В анализе тестов PISA-2003 выявилось отчётливое различие между молодёжью турецкого происхождения и молодёжью, приехавшей из бывшего Советского Союза». Различия в успеваемости настолько ощутимы, что они «не могут быть объяснены различиями в социальном и экономическом фоне между двумя этими группами происхождения»⁷⁶.

Этот научный вывод подтверждается в представленном в июле 2010 г. исследовании «Сравнительные языковые компетенции по землям». В нём сказано следующее: «Что касается таких предметов, как немецкий и английский языки, и сопутствующих им зон компетенции, то бесспорно следует вывод, что молодёжь турецкого происхождения в сравнении со всеми другими группами происхождения показывает стабильно меньшее среднее значение успеваемости»⁷⁷. Различия слишком очевидны. Так, школьники немецкого происхождения по предмету «немецкий язык» в чтении имели средний балл 513, у детей из Польши средний балл был 470, у детей из бывшего Советского Союза — 466, а у школьников турецкого происхождения — 417, они отставали по знаниям от школьников немецкого происхождения на три класса, а от школьников польского и русского происхождения — на два класса⁷⁸.

Состояние знаний школьников с турецкой миграционной историей вполне сопоставимо с состоянием знаний школьников из других исламских стран, это показывает международное сравнение результатов PISA⁷⁹. По сути, проблема немецкого образования — это прежде всего проблема мусульманских мигрантов. Если здесь говорится о мигрантах, то подразумеваются исключительно мигранты из мусульманских стран (Турции, Африки, Ближнего и Среднего Востока). Они — единственные, кто в основной своей массе имеют языковые проблемы и вместе с тем образуют существенную часть нижнего слоя и трансфертного населения в Германии, а их дети сталкиваются с самыми большими трудностями в немецкой системе образования.

Ход учёбы в большой мере зависит от семьи, в которой растёт ребёнок. Мусульманские мигранты происходят в большинстве случаев из необразованных семей, которые и у себя на родине принадлежали к низшим слоям. По этой причине часть того, что в политике образования воспринимается как проблема интеграции, на самом деле является проблемой слоёв⁸⁰. Дело осложняется тем, что качество отечественной школьной системы отражается на поведении и профиле знаний соответствующей мигрантской группы⁸¹. Между плохой школьной успеваемостью турецких мигрантов в Германии и плохим прохождением тестов PISA-2006 в турецкой школьной системе (см. рис. 6.1 и 6.2, с. 188–189) существует взаимосвязь. Не в последнюю очередь из этого плохого прохождения тестов растёт агрессивный потенциал многочисленных молодых турок и арабов. Агрессия и насилие зачастую являются единственным выходом из дилеммы⁸², заключающейся в том, что подчёркнуто мужская роль, которую на них возлагает половой стереотип их происхождения, не подходит к поведению школьника, готового к учёбе. Но вместе с тем эта роль несовместима и с неуспешностью в школе и трудовой жизни, проистекающей из отсутствия готовности учиться.

Для мигрантов из мусульманских стран электронные СМИ являются особым препятствием для интеграции и образования. Во многих семьях телепередачи с далёкой родины включены почти непрерывно. Поэтому трудно установить дистанцию к культуре происхождения в такой мере, которая была бы необходима для интеграции. Но прежде всего исчезает стимул учить немецкий язык. В замкнутых поселениях, где по спутниковым тарелкам можно круглосуточно принимать телепрограммы с родины, в принципе отсутствует необходимость наряду с родным языком овладевать ещё и официальным. Дочерям незачем учиться, потому что им нужно

выходить замуж и рожать детей, а сыновьям в авторитарных структурах подаётся пример мужественного образа, который сказывается на учёбе, полной трудов и лишений, так же вредоносно, как и подчёркнуто-мужественная гетто-культура чёрных в Америке.

Особенные дефициты компетенций и участия в учёбе мусульманских мигрантов частично объясняются низким социоэкономическим статусом в их родных странах. Бедность духовных побуждений, которая отягощает и домашнюю среду немецкого нижнего слоя, в сходной форме действует у мусульманских мигрантов. Рецепт преодоления этих проблем тот же: они должны компенсироваться в государственной системе образования. Мигрантам это даётся тяжелее, поскольку ко всему прочему добавляется языковая проблема и культурные различия. Эти трудности могут невероятно возрасти, если мигранты живут тесной совместной жизнью и в школах составляют 80–90% учащихся. Правда, здесь путь такой же, как и описанный выше, разве что к центральным компетенциям в понимании текстов и в математических навыках должно добавиться знание немецкого языка. Поэтому можно и позволительно, как бы трудно это ни давалось, вести школьные занятия только на немецком языке. Как раз у мигрантов дошкольное воспитание должно способствовать максимально хорошему знанию немецкого языка при поступлении в школу.

Если классические страны иммиграции — как, например, Канада — достигают существенно большего успеха в образовании мигрантов, то дело заключается в первую очередь в том, что тамошние мигранты простились со своей родиной и делают всё для того, чтобы они и их дети прижились в новом окружении. Готовность приспосабливаться к новой среде у них существенно выше, и точно так же воля к овладению языком становится у них той установкой, которая передаётся и детям.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Благо — это противоположность благим намерениям: неудачный пример берлинских реформ

Две вещи на сегодняшний день ясны и, пожалуй, для всех бесспорны:

1) создание справедливых шансов и максимально хорошая реализация различных потенциалов одарённости требуют максимально дифференцированной привязки к состоянию знаний и специфической одарённости каждого ребёнка;

2) создание полудневной школы с выполнением домашних заданий под присмотром педагогов предлагает лучшие предпосылки, которые уравнивают неодинаковые стартовые шансы детей разного происхождения.

В Берлине в 2006 г. увидели повод к тому, чтобы в принципе ликвидировать в начальной школе классы с первого по третий, ввести обязательное разновозрастное обучение и, кроме того, ступенчато расширить послеобеденное обслуживание детей и уход за ними в начальных школах.

Эмпирических доказательств того, что ликвидация классов облегчит необходимое педагогическое дифференцирование, нет, и даже наоборот: из-за объединения классов различия в знаниях и развитии в группе становятся поначалу больше, а не меньше. Также нет и доказательств того, что там, где разновозрастные дети учатся вместе, лучше удаётся стимулировать тех, у кого слабая успеваемость. Правда, верно и то, что при разновозрастном обучении всякая модель преподавания, которая изначально не была рассчитана на экстремальное дифференцирование, неизбежно потерпит крах. Верно также, что по логике модели необходимое дифференцирование потребует дополнительных помещений для работы групп, затем дополнительных преподавательских сил (потому что иначе внутри разновозрастных групп не получится достаточной дифференциации, а возросшая необходимость в согласовании займёт очень много времени), а также повышения квалификации большей части учителей.

Чтобы распространить предложение на послеобеденное время, в Берлине были расширены группы продлённого дня, а от школ потребовали более интенсивной кооперации с этими группами либо соответственно включения их в состав школ. Необходимые ёмкости для разновозрастного обучения могли попасть в распоряжение школ только в случае ликвидации в Берлине очень успешных подготовительных классов, вместо которых было принято решение начинать обязательное школьное обучение раньше, а именно с пяти с половиной лет. Обычные причины отказа от подготовительного класса больше не принимались во внимание, поскольку они должны были устраниться благодаря дифференцированному обучению. Разновозрастное обучение стало обязательным для всех берлинских начальных школ с 2007 г. Правда, по причине большого сопротивления учителей были допущены временные исключения. Решение о конкретном введении разновозрастного обучения должна была принять школьная конференция.

Введение разновозрастного обучения в начальной школе с набором в три класса в Шарлоттенбурге можно считать типичным для многочисленных берлинских школ: при согласовании на педсовете из 25 педагогов

22 были против, и только директор школы и три педагога высказались за введение. И всё равно на школьной конференции было принято решение в пользу введения, потому что по закону о голосовании для обеспечения большинства достаточно было голоса директора и одного (!) преподавателя. Родителей, проголосовавших за разновозрастное обучение, школьная реформа вовсе не касалась, поскольку их дети уже посещали школу. Кроме того, им не хватало предметных предпосылок, чтобы выносить суждение о принципиальных вопросах, стоявших за всем этим. Они не обсуждали по существу решение, которое предстояло принять, скорее, просто примкнули к мнению директора либо плыли по волне общей моды.

После того как введение разновозрастного обучения состоялось, первым делом начиная с 2007/08 учебного года были объединены первые и вторые классы и поделены на разновозрастные группы. Число учащихся в группе было как в обычном классе. Некоторые предметы преподавались в группах, поделённых на первую и вторую ступени. Через полтора года выяснилось, что в целом прогресс в обучении детей был существенно ниже, чем при разделении на классы по возрасту, а вот затраты на согласование и подготовку для учителей — существенно выше. Распространение разновозрастного обучения на третьи классы отложили, потому что для этого не нашлось достаточно учителей.

В шарлоттенбургской практике было слишком много недостатков. Вообще-то ребёнок в начальной школе из-за необходимой для успешного обучения личной связи должен иметь одного, максимум двух взрослых, с которыми он связан; на деле же их насчитывалось до семи — в целях дифференцирования постоянно меняющихся подгрупп. На самом деле ребёнок из начальной школы должен иметь *одну* классную комнату, к которой он привык и в которой чувствует себя по-домашнему, но из-за меняющегося деления на подгруппы занятия происходили каждый раз в разных помещениях. По идее сильные по успеваемости дети должны были помогать слабым, а старшие младшим. Но оказалось, что успевающие школьники ориентируются на других успевающих и не имеют склонности помогать слабым. Старшие дети скорее подсказывали младшим решения, чем объясняли им эти решения. В конечном счёте, последовало «дифференцирование» в главном — немецким языком и математикой дети занимались, разделившись на классы по возрасту. Это хотя и сделало учебные группы меньше, чем обычные классы, но преподавание от этого не стало лучше или хуже, а всего лишь дороже, поскольку группы стали маленькими. Дети первого разновозрастного класса, которым после второго года обучения

снова стали преподавать в традиционном составе класса, были безумно рады, что у них снова *одна* учительница и *одна* классная комната. По состоянию знаний они заметно отставали. Когда их расспрашивали о полученном опыте, они особенно жаловались на то, что было очень беспокойно⁸³.

Фактически основание разновозрастного обучения уже в самом зачатке замысла содержало ошибку: даже в нормальном классе ровесников различия по одарённости и развитию ведут к очень разным результатам по успеваемости, так что всякий хороший учитель ещё с незапамятных времён вынужден был прибегать к дифференцированному подходу. Успевающим детям требуется больше умственной пищи и более высокие требования, чтобы не заскучать. Слабоуспевающим детям необходимо целенаправленное внимание учителя и больше объяснений и упражнений. Разновозрастные группы ещё больше обостряют эту проблематику. Такие группы были оправданы только в том случае, если их формировали по уровню знаний. Но этому есть предел, заданный различием в физической и умственной зрелости учащихся. Психическое и социальное развитие детей протекает в целом гармоничнее, когда они находятся в группе ровесников.

В Берлине разновозрастное обучение было введено без предварительного выяснения, к какому же дополнительному дифференцированию, которое невозможно в традиционном преподавании, приведёт эта реформа. Минимальным условием разновозрастного обучения была бы возможность точного определения знаний детей в любое время и соответствующего формирования групп. Удивительным образом оказалось, что сторонники разновозрастного обучения в большинстве своём являются противниками точного измерения успеваемости.

Берлинской реформы добились политические силы и руководство школ вопреки мнению большинства учителей. Мнение специалистов никогда и никому не было интересно. Кроме того, эта сомнительная реформа лишена личных и экономических предпосылок, которые по её же собственной логике были необходимы, а школы при этой перестройке оказались предоставлены сами себе по причине того, что их руководство оказалось оторванным от реальности и малокомпетентным в вопросах управления. Особенно большой урон понесли в разновозрастном обучении слабые школьники и дети, отстающие в развитии, поскольку им для доверия и мотивации особенно необходимы покой стабильного коллектива и прочные, надёжные отношения с педагогом, дающие эмоциональную поддержку, однако обеспечить это в сложной структуре отношений разновозрастного обучения было намного труднее.

Обычно причину дискриминации необразованных слоёв видят в традиционной немецкой полудневной школе, поскольку после обеда дети лишены стимулов, а зачастую и надзора, и некому присмотреть, достаточно ли они упражняются или выполняют домашние задания. Поэтому повсеместно стали ограничивать домашние задания и послеобеденные упражнения, чтобы обеспечить выравнивание шансов для всех учащихся. Такой подход оказался тупиковым. Потому что образованные семьи и без требований педагогов заботятся об уровне знаний и успеваемости своих детей, а в случае необходимости могут прибегнуть и к такой мере, как смена школы. Отказ от достаточного количества упражнений и регулярных домашних заданий лишь снижает успеваемость детей из необразованных семей, потому что их родители наивно полагаются на школу или безразличны к ней. Результат — всё больший разрыв в знаниях. Этому могли бы противодействовать послеобеденные занятия с выполнением домашнего задания под присмотром учителя, во время которых дети получали бы то внимание, те наставления и упражнения, которые дают своим детям родители из образованных семей. Только так можно было бы компенсировать влияния различного социального происхождения.

Но как раз этого и не наблюдается в упомянутой начальной школе в Шарлоттенбурге. Учителя, работающие в группах продлённого дня, не видят свою главную задачу в том, чтобы устранить отставание слабых детей из необразованных семей. В группе продлённого дня на выполнение домашнего задания по немецкому языку и математике в первых и вторых классах отводится по десять минут. Содержательной и педагогической помощи нет вообще. Остальное послеобеденное время посвящено другим занятиям. Кроме того, общая Конференция по работе групп продлённого дня приняла решение, чтобы по четвергам вообще не было никаких домашних заданий. По пятницам многие учителя и без того ничего не задают. Но в первую очередь именно те родители, детей которых надо было бы особенно стимулировать, исходят из того, что с посещением группы продлённого дня тема домашних заданий закрыта. Большинство детей делает теперь меньше домашних заданий, чем делали до группы продлённого дня, а учителя меньше задают на дом.

Результат удручающий: ещё до реформы дети в таких школах, как и в большинстве берлинских школ, в конце четвёртого класса отставали по немецкому языку и математике от учебного плана и федерального стандарта на один год, а у высокой доли детей отставание было даже ещё больше. Со времени введения разновозрастного обучения это отставание

увеличивалось, если родители не спохватывались и не начинали заниматься с детьми дома.

Начатая в Берлине реформа с разновозрастным обучением — в том виде, как она заложена, — обостряет эту структурную проблему. Поскольку путь от ключевых слов — «разновозрастное обучение», «полнодневный присмотр» — до реформы с педагогической прибавочной стоимостью очень долгий. Берлинская реформа — классический пример того, как можно достичь меньшего результата при помощи больших ресурсов. Эта реформа следует старинной левой идеологии уравниловки, согласно которой требования понижаются до тех пор, пока не станут по плечу самым слабым. Но это только увеличивает дистанцию знаний между детьми из необразованных и образованных семей, ибо последние — и именно в Берлине — больше не полагаются на школу в вопросе образования своих детей.

Что можно сделать?

В успешных системах образования, например в Финляндии, уже на ранней стадии предпринимают меры против явных дефицитов. Если замечают у ребёнка когнитивные ограничения* вплоть до препятствий к обучению, то с самого начала проводят специальное стимулирование. Точно так же целенаправленно борются против падения знаний в основных компетенциях. Это — наряду с гомогенностью структуры населения — является одной из причин, почему в Финляндии и Корее так мало детей находится на нижней ступени успеваемости.

В Германии на сей счёт, к сожалению, слишком часто срабатывает плохая традиция бороться запоздало и недостаточно энергично с основополагающими дефицитами успеваемости в чтении, письме и счёте. Трудности в этих предметах влекут за собой соответствующую успеваемость и по остальным предметам. Школьники теряют мотивацию, не берутся вовремя за свои тяжеловесные пробелы в знаниях и превращаются в жалкие фигуры, которые и после десяти и более школьных лет не обладают основной подготовкой, необходимой хотя бы для ремесленной профессии, не требующей высшего образования. После окончания школы такую молодёжь уже вряд ли можно вывести на правильный путь. Получив или не получив свидетельство об окончании неполной средней школы,

* *Когнитивное ограничение* — слабая способность к умственному восприятию и переработке информации.

они — без сколько-нибудь заметного прогресса и, в конечном счёте, без перспектив на место ученика — проходят множество ступеней дополнительного обучения. В этой системе, которая в год обходится государству в 2,5 млрд евро, «оседают» сотни тысяч молодых людей. Это улучшает статистику, поскольку они в это время не числятся безработными, но на самом деле за этим скрываются, как правило, рано потерпевшие крушение образовательные карьеры. Самые разные организации привносят в это много средств⁸⁴ и предложений по улучшению, однако они кажутся выброшенными в большую систему, где хотят преподать 17-летнему юноше те знания и навыки, которые необходимо было преподать ему в семилетнем возрасте.

Один особенно типичный случай такой потерпевшей крушение образовательной карьеры описывается в журнале *Spiegel*: «Ему всего 24 года, но он уже потерял перспективу своей жизни. Минувло девять лет, как Деннис Б. из Гамбурга закончил неполную среднюю школу — и это всё, в чём он уверен. О том, что за этим последовало, он больше не может вспомнить в подробностях. “Я не нашёл место ученика и тогда решил поучиться в профессионально-техническом училище”, — говорит он. Поскольку на экзаменах он провалился, то сразу же угодил в многочисленные мероприятия по поддержке и продвижению. То его обучали практике, то он учился писать заявки, а в промежутках был безработным. Для молодёжи трудятся многочисленные педагоги и социальные работники. Ученическое или рабочее место при этом не возникает». Если в Гамбурге, в Автономных молодёжных мастерских ему не удастся получить свидетельство о присвоении квалификации электронщика, то он как раз к завершению своего 25-го года жизни станет получателем Hartz IV. По времени всё складывается удачно, поскольку после 25 лет права на особые меры поддержки истекают⁸⁵.

Нельзя доводить дело до подобных карьер. Тот, кто до окончания школы не приобрёл основную квалификацию для места ученика, может в принципе воспользоваться самым лучшим решением — воспитанием через рынок труда, на котором будет вынужден сам зарабатывать себе на пропитание. Многие дефициты социализации и проблемы мотивации решаются сами собой под давлением обстоятельств. К тому же в наши дни, главным образом из-за падения численности выпускников школ, в целом больше не существует нехватки мест ученика. Тот, кто хочет и способен обучаться профессии, получит место ученика даже в Берлине с его высокой безработицей⁸⁶. Но это значит также, что для этих молодых людей комфортабельная подстраховочная сетка основного обеспечения растянута не будет и им придётся столкнуться с необходимостью самим зарабатывать себе на жизнь.

Трудоспособные подростки, бросившие школу, тоже должны не косвенно, как члены нуждающейся семьи своих родителей, приобрести право на основное обеспечение, пока не прошли обучение.

В коалиционном договоре ХДС/ХСС и СДПГ за 17-й законодательный период заявления по поводу образовательной политики, в частности по поводу поддержки изучения языка, обслуживания и образования детей в раннем возрасте, имеют определённые диспропорции — и это при отсутствии федеральных полномочий⁸⁷. Постоянно растущая доля необразованных слоёв и мусульманских мигрантов среди детей представляет собой и на федеральном уровне гораздо больший повод для тревоги, чем хотелось бы признать. Сюда добавляется тот факт, что нехватка предложений по обслуживанию и уходу за детьми тоже может служить объяснением ненормально частой бездетности женщин с высшим образованием.

То, как много эмоций кроется во всех этих вопросах, показала забастовка дошкольных детских учреждений летом 2009 г.⁸⁸ Речь шла о качестве обучения воспитателей. Оглашались требования привязки профессии воспитателя к высшему образованию. Тем самым была бы достигнута вершина вывернутой наизнанку логики, которая доводится до абсурда: бездетные или малолетние воспитательницы с высшим образованием отказываются от собственного, возможно, интеллектуального потомства, чтобы посвятить себя воспитанию малолетних детей из немецкого нижнего слоя и необразованной мигрантской среды, которые в среднем ни интеллектуально, ни социально не образуют тот потенциал, какой могли бы иметь их собственные дети. Это и есть будущее Образовательной Республики Германии?

Для будущего немецкого общества важно, чтобы всё более редующие подрастающие поколения при падающей численности демонстрировали бы, по меньшей мере, достаточное интеллектуальное оснащение и ориентированную на достижения социализацию, потому что в противном случае под угрозой окажется устойчивость немецкой модели общества. Принесут ли они с собой этот потенциал, в первую очередь зависит от того, в каких общественных слоях они рождаются. Всё более усиливающийся сдвиг рождаемости в сторону нижних слоёв и мусульманских мигрантов представляет собой вовсе не решение, а растущую проблему.

Большой вес, который в политике и публичном обсуждении придаётся с некоторых пор воспитанию детей раннего возраста, указывает на то, что эту проблему надеются если не решить, то хотя бы удержать под контролем. Ведь в нормальных гражданских условиях можно спокойно предоставить воспитание детей раннего возраста родителям и семьям. Речь идёт

всего лишь о предложении по обслуживанию и уходу, которое позволило бы матерям последовать своему желанию работать по найму.

Вопрос о том, как можно повлиять на социологический состав рождаемости в Германии в сторону более высокой доли среднего и верхнего слоёв, является метавопросом относительно образования, который я подробнее разберу в главе 8. Образовательной политике не остаётся ничего другого, кроме как принять структуру рождаемости в Германии такой, как она есть, и извлечь из неё лучшее.

Важнейший аспект государственного участия в образовании детей раннего возраста состоит в том, чтобы создать в яслях и дневных детских учреждениях такую среду, богатую стимулами, какой недостаёт во многих необразованных родительских семьях; детям должны быть предоставлены оптимальные и не зависящие от родительского дома возможности для развития. Это начинается от социального поведения и ведёт через целенаправленное поощрение развития речи к тренировке тех навыков, которые дошкольник обычно приобретает в родительском доме: рисовать, мастерить, владеть карандашом и ножницами и т. п. При этом остаётся открытым вопрос, до какой степени могут быть действительно компенсированы необразованность и происхождение из нижнего слоя.

В принципе всякое образование — это личное дело, в том смысле, что его содержание должно вводиться в индивидуальную голову и там, в зависимости от интеллекта и уже имеющегося содержания, оказывать совершенно разные воздействия. Приобретение образования в этом отношении всегда личное дело. Также и его передача в официальной школьной системе всегда имеет личную долю, которая, правда, меняется от ребёнка к ребёнку: тот, кто, например, наряду со школьной программой много читает или выполняет дома больше упражнений, улучшает официальное образование личным вкладом. Чем одарённее ребёнок и чем сильнее домашняя поддержка и стимулирование, тем больше на любой возрастной ступени личная, а не преподанная официально, доля образования. У высокоодарённых учеников это может пойти так далеко, что их запросы по образованию не может удовлетворить даже эффективная официальная школа — хотя бы потому, что его умственные интересы намного выше нормированной школьной программы⁸⁹.

Официальная система образования должна всем предоставлять равные шансы, но делает она это с различным качеством. Поборники равенства шансов боятся за качество образования в целом, особенно если будет открыто слишком много частных альтернатив, ведь образованные слои могут их предпочесть. Мол, это может идти вразрез стремлению улучшить шансы менее

способных или чуждых образованию — за счёт максимально долгого совместного обучения⁹⁰. В конечном счёте, эта модель может свестись к тому, что навредит образовательным шансам детей из образованных семей ради того, чтобы лучшие шансы имели дети из необразованных слоёв за счёт их совместного обучения. Даже если это правильно задумано с точки зрения социального управления обществом. Но только это не работает: согласно немецкому законодательству частные школы могут претендовать на государственную финансовую поддержку, которая близка к финансированию государственных школ, если они открыты для всех, а условия доступа не являются материально дискриминирующими, то есть не взимается высокая плата за обучение.

Частные школы могут выбирать себе учеников, поэтому особенно тяжёлые и слабые по успеваемости школьники там практически не водятся, напротив, большинство детей происходят из образованных семей. Частные школы становятся тем привлекательнее, чем больше государственная политика пытается управлять доступом в гимназии в пользу эгалитарных представлений или перенаправлять поток школьников в новые общие школы.

Преимущества, которые предлагают частные школы в таком окружении, имеют объективную природу:

- одарённые дети находят больше стимулов и поощрений;
- все школьники выигрывают от отсутствия учащихся со слабой успеваемостью или вызывающим поведением;
- родительское сообщество гораздо более заинтересовано и скооперировано и передаёт своим детям наилучшую первоначальную установку по отношению к школе;
- учителя зачастую более заинтересованы и в целом лучше образованы;
- различные профили успеваемости, а также педагогические профили легче прослеживаются.

Не удивительно, что частные школы — заноза в теле государственной школьной системы.

Растущие нагрузки официальной школьной системы, вызванные нарастающей гетерогенностью состава школьников, а также и разнообразными реформаторскими усилиями, значительно повысили привлекательность частных школ для образованного среднего слоя⁹¹. Между тем всего 8% учащихся в возрасте до 17 лет посещают в Германии частные школы⁹². К частным школам причисляют так называемые «прессы», в которых натаскивают для сдачи экзаменов на аттестат зрелости тупых и ленивых буржуазных отпрысков, но к ним также относятся учреждения, предлагающие высокоодарённым детям поддержку и стимулирование среди единомышленников⁹³.

Частные школы дают возможность образованной буржуазии в случае необходимости в любое время уйти из государственной системы образования, которая одарённым детям предоставляет недостаточно стимулов и поддержки. Но, конечно, и среднеодарённые буржуазные отпрыски тоже выигрывают от более благоприятной по сравнению с государственными школами учебной среды.

Итак, слишком эгалитарные стремления государственной политики в области образования наталкиваются на свои естественные границы, если растущее число стабильных и одарённых детей, выходцев из буржуазного слоя, устраняется из государственной школьной системы. Но это ещё не всё. Государственные гимназии, а также всё в большей степени и начальные школы вынуждены вступать в соревнование с частными школами, и это стимулирует процесс поиска и оптимизации, необходимый всякой системе образования.

В оптимальной системе образования, которая стимулирует каждого школьника по его способностям и требует от него также по способностям, для нижнего конца вертикальной шкалы — при IQ 80 — является успехом, если ученик, оканчивая свой школьный путь, может сносно читать и владеет четырьмя арифметическими действиями. На другом же конце шкалы — при IQ 140 — может быть так, что в физике ученик оперирует основами квантовой механики и наряду с этим проходит курс древнееврейского языка.

Даже в лучшей системе образования врождённое неравенство людей не сокращается посредством образования, а, скорее, подчёркивается им. Функционально — в смысле оптимального вклада системы образования в функционирование экономики и общества — важны три вещи.

1. Социализация в том смысле, какой был заложен в демократическом и гражданском обществе; стимулирование социальной компетенции и личной стабильности.

2. Успешная передача основной квалификации в чтении и счёте как можно большему числу учащихся в качестве предпосылки для профессионального обучения.

3. Стимулирование и использование всего интеллектуального потенциала.

Правда, сомнительно, считает Ремо Х. Ларго, что в западном индустриальном обществе ещё можно существенно повысить интеллектуальный потенциал:

«Возможно, мы уже стоим ближе, чем хотим это признать, к непреодолимой верхней границе потенциала образования. Улучшения ещё достижимы — прежде всего у детей социально дискриминированных

слоёв, — но едва ли у детей среднего и верхнего слоя. Потенциал образования общества, под которым я понимаю все способности, присутствующие у населения, задан заранее. Он не поддаётся произвольному умножению, а поддаётся лишь оптимальному использованию. Я подозреваю, что западноевропейское общество по сравнению с развивающимися странами уже исчерпало свой потенциал»⁹⁴.

В отношении системы образования то формулируется новое требование, то возвещается новая истина, то оплакивается новый дефицит. Вряд ли это может быть иначе, ведь каждый открывает для себя роль образования заново — в качестве родителя, социолога, психолога, реформатора, утописта, преобразователя мира, политика. Внутренние противоречия занимают кого-нибудь одного и затем проходят через общественные группы. С течением времени меняется восприятие дефицитов, меняются также популяции школьников и, наконец, меняются центры тяжести в общественном согласии, если оно вообще достижимо.

По другую сторону стоят постепенно стареющие, по мере демографических перемен, педагоги, по большей части состоящие на государственной службе, которые пытаются делать то, чему их учили 20 или 30 лет назад во время обучения или стажировки. Некоторая часть педагогов уходит, когда становится невмоготу, во внутреннюю эмиграцию или в болезни, что по-человечески вполне понятно.

Соединительное звено между политикой и обществом, с одной стороны, и школами, с другой стороны, образует 16 земельных управлений образования, которые относятся к своей задаче по-разному и с разными приоритетами, но в целом они, пожалуй, ещё инертнее, чем «нормальные» управления. Не успеет одна волна реформ достигнуть всех школ и проникнуть в головы участников, как уже накатывает следующая.

А над всем этим возвышается Конференция министров культов. Она пришла к единому мнению о том, что будущие результаты PISA больше не следует публиковать раздельно по землям, потому что из-за этого возникает слишком большой разлад в интерпретациях и объяснениях разницы знаний (такое решение иллюстрирует дух этого учёного собрания). Притом что мощные тренды — растущая доля детей мигрантов, детей из немецкого нижнего слоя, значительный наплыв в частные школы — обеспечивают ещё большее расхождение и более сильный дрейф результатов по разные стороны. И было бы чрезвычайно полезно это рассмотреть и обдумать.

Одновременно нарастает общественное возбуждение, поскольку из-за демографической ловушки становится всё важнее, чтобы молодёжь,

неуклонно убывающая в своей численности, хорошо обучалась, ибо ей придётся в будущем обеспечивать высокое положение немецкой экономики и науки, а также заботиться о содержании тех 35% немецкого населения, которые войдут в пенсионный возраст.

Из этого вполне понятно, что требования централизации образовательных полномочий растут. Правда, в Германии этого не случится, и это принесёт с собой новую опасность: как всегда, какая-нибудь мода или политический приоритет, предложенный в качестве реформы, но слишком поздно выявленный как ошибочный или вредный, заденет всю республику. Живут же другие страны — например, США и Англия — вполне себе хорошо с очень гетерогенной школьной системой. В конечном счёте, важны две вещи, а именно: должен быть достигнут консенсус в отношении 1) ступеней школьного пути и их продолжительности; 2) центрального состава знаний и компетенций, которые положено преподавать учащимся на определённых отрезках их обучения; с этим связан консенсус об основной структуре учебных планов и закладываемом ими стандарте образования⁹⁵.

К такому консенсусу должна прийти Конференция министров культов, и в принципе она может это сделать.

Консенсус о результатах, к которым следует стремиться в центральных компетенциях, это предпосылка и одновременно подходящий базис для того, чтобы предоставить федеральным землям — а в них различным государственным и частным школам — больше свободы в отношении путей и методов достижения этой цели. Но результаты должны измеряться централизованно и с возможностью сопоставления по всей федерации. Способы международного тестирования PISA и TIMSS, как и американский SAT⁹⁶, показывают, что есть проверенные методы для такого тестирования. Американский SAT был разработан ещё в 1940-е гг., чтобы в полностью гетерогенной американской школьной системе можно было осуществить единообразное измерение успеваемости. Его результаты служат предварительным отбором для приёма в колледжи и университеты.

В Германии сопротивление систематическим сравнениям знаний — как раньше, так и теперь — очень велико. Оно характерно для многих политиков в области образования и большей части педагогов. Шеф немецкого отделения PISA Экхард Климе заметил по этому поводу:

«В нашем местном исследовании, первом национальном исследовании успеваемости, мы установили, что лишь треть учащихся неполной средней школы достигает той цели, которая поставлена учебным

планом. Никто не предвидел такого — все просто исходило из того, что цель, как правило, достигается... Как прежде, так и теперь встречается распространённая позиция: если настроение верное, то есть радость от учёбы и интерес к ней высоки, то можно быть довольным. Карта интереса и социальных способностей школьников разыгрывается против карты познавательных достижений. Это, к сожалению, основной мотив дискуссии об образовании в Германии»⁹⁷.

Велик соблазн сформировать стандарты в конкретных методах теста таким образом, чтобы не слишком много школьников очутилось на низших ступенях компетенции. Исследователь образования Олаф Кёллер выражается здесь поистине саморазоблачающе: «Иногда нам приходится констатировать, что эксперты чрезмерно завысили требования, поскольку слишком многие школьники достигли бы по ним лишь нижних ступеней компетенции... итак, есть несколько этапов прохождения тестов, и границы будут юстироваться, чтобы можно было защитить их политически»⁹⁸. Требования явно будут понижать до тех пор, пока квота провалившихся испытуемых не станет приемлемой. Не удивительно, что многие из тех, кто заканчивает неполную среднюю школу, не располагают теми специальными предпосылками, которые требуются для производственного обучения, хотя стандартам неполной средней школы они явно соответствуют.

На этом фоне нижеследующее предложение натолкнётся на большое сопротивление, но, на мой взгляд, никаким путём этого не миновать: в каждой школе и в каждом классе к концу учебного года по всей федерации проводится тест на достигнутый уровень в центральных компетенциях по чтению и математике. Результаты публикуются с соблюдением правил защиты личных данных. Это гарантирует, что тестами не будут манипулировать. В том числе их не будут проводить учителя, отвечающие за испытуемый класс.

Чтобы обеспечить надёжное сравнение, тесты на полученные знания дополняются анонимным тестом на уровень интеллекта. Ведь, в конце концов, следует проверить, удалось ли раскрыть в каждом классе имеющийся интеллектуальный потенциал. Каждой школе будет к тому же присвоен социоэкономический индекс на основе происхождения учеников, и он регулярно будет обновляться. Социоэкономический индекс тоже должен быть опубликован, так как может послужить сопоставлению результатов тестов различных школ.

Ясный и регулярный контроль результатов — решающая предпосылка для того, чтобы предоставить свободу в использовании различных методов.

Если школа с разновозрастным обучением или иными методами, признанными как особо современные, преуспевает в тестах на знания, — тем лучше. Если школы с учётом социоэкономических влияний проходят тесты лучше или хуже других, придётся с этим жить. Лучшие школы будут иметь бóльшую привлекательность, худшие будут пользоваться меньшим спросом, независимо от того, частные они или государственные. В любом случае ежегодное сравнение знаний в школьной системе разовьёт большую динамику.

Государственные и частные школы должны, как и прежде, быть уравнены относительно финансового дотирования со стороны государства. Государственным школам будут ступенчато предоставлены административные свободы, типичные для частных школ, как, например, право самим находить учителей, самоорганизовываться на своё усмотрение и распоряжаться своими учебными пособиями. Такой переход к большей свободе должен вводиться дифференцированно с учётом особенностей каждой отдельной школы. Минимальная предпосылка — компетентное и конструктивное руководство школой.

Риски такой системы лежат в растущей сегрегации школьников по трудоспособности или по социальным группам. Такую сегрегацию не удастся предотвратить полностью — она уже состоялась, — но можно ограничить тем, что всем школам, в том числе и частным, задать известную минимальную смесь относительно происхождения. Риски усиливающейся тенденции к сегрегации надо соизмерять с общим подъёмом успеваемости путём установления транспарентности результатов и вызванной этим состязательности. Если фактически в ряде государственных школ будут концентрироваться менее сильные по успеваемости школьники, то эти школы имеют шанс прилагать особенные усилия к дефицитам и специфическим нуждам этой группы. Ученики таких школ не понесут урона для своего будущего *в том случае*, если сопоставимые знания будут и оцениваться сопоставимо; так как тогда шансы на получение места в производственном обучении или поступление в школу более высокой ступени будут зависеть только от знаний, измеренных путём тестирования, а не от названия школы.

ИММИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

БОЛЬШЕ ТРЕБОВАТЬ, МЕНЬШЕ ПРЕДЛАГАТЬ

Богоданный Восток!
Богоданный и Запад!
Южный и северный край —
В колыбели его ладоней.

*Иоганн Вольфганг фон Гёте.
«Западно-восточный диван»*

Человек — существо территориально ориентированное. Относящиеся к этому инстинкты заложены в нём глубоко. Всё начинается с собственного жилья, продолжается у ограды палисадника и простирается до границ государства. Военные события — от междоусобиц за охотничьи угодья эпохи каменного века, через битву в Тевтобургском лесу и до Второй мировой войны — были изначально и в первую очередь борьбой за территории. Ибо к ней привязана возможная охотничья добыча, плоды сельскохозяйственных работ или полезные ископаемые. Территория была также базисом для роста населения и накопления экономической и политической мощи.

Вместе с тем человек — существо, ориентированное на группу. Принадлежность к группе включает в себя логичное отграничение от остальных. Тот, кто является болельщиком команды «Шальке», не может быть одновременно болельщиком команды «Бавария». При этом на разных уровнях человек может чувствовать свою принадлежность к совершенно разным группам: будь то футбольные болельщики, члены партии, члены семьи, жители одного района, люди одной профессии, сотрудники одного предприятия, представители одной нации, одной народности, одного культурного круга или одной религиозной общины — повсюду действует противопоставление «мы» — «они», и путём такого отграничения оно создаёт связи и чувство солидарности, но и постоянно является исходной точкой для спора, агрессии и насилия.

Отношения взаимосвязи и кооперации, заложенные в групповой принадлежности, являются наряду с интеллектом существенным источником успеха человека как вида, правда, одновременно это и источник всех войн и большей части насилия, которое люди применяют против себе подобных.

Культурная задача современной цивилизации и государственности состоит в том, чтобы непобедимые человеческие инстинкты, которые вращаются вокруг территориального принципа и групповой принадлежности, с большим или меньшим успехом встроить в государственные или надгосударственные организации. Так, Римской империи удавалось в течение доброй половины тысячелетия контролировать всё Средиземноморье и Западную Европу в рамках *Pax Romana**. Правда, это базировалось на интеллектуальной силе превосходящей военной организации римлян. На другом конце мира сходное достижение осуществила Великая Китайская империя. Новейшие великие империи — это Соединённые Штаты или — как полугосударственное образование — Европейский союз.

Однако устранение внутренних границ в государственных организациях всегда имело предпосылкой отграничение снаружи, и укрупнённое государственное образование было тем стабильнее и сохранялось тем дольше, чем лучше удавалась охрана внешних границ. Они служили не только для защиты от военных вторжений, но и для *контроля притока людей*. Неуправляемый приток мог в любой момент превратиться в угрозу для государственного образования и подорвать стабильность общества, поэтому Китайская империя имела свою Великую Китайскую стену, а у римлян был их пограничный вал. И стена, и вал веками защищали империи и давали им безопасность.

США это далось легче — за счёт океанов с запада и востока. Сейчас они строят дополнительное пограничное укрепление на границе с Мексикой стоимостью в миллиарды долларов. Для Европейского союза пока остаётся открытым вопрос, как ему защитить внешние границы зоны Шенгенского соглашения.

Ни в какие времена защита территории и регулирование притока населения не были второстепенными вопросами. Осложнения, возникающие вокруг них, часто грозили самой сути государств и обществ, оставляя глубокий отпечаток, и вновь и вновь сопровождались кровопролитиями и насилием.

* *Pax Romana* — Римский мир, или «Августов мир», — длительный период мира и относительной стабильности в пределах Римской империи эпохи Принципата.

В немецких СМИ это часто замалчивается. Вопросам иммиграции там грозят пальцем, занимая смехотворную позицию, которую лучше всего охарактеризовать стишком: «Пип, пип, всем молчать, у нас тут тишь и благодать». Такая позиция настолько же внеисторична, насколько и неразумна. Тем более достойно сожаления, что немецкие политические классы позволяют голосам из СМИ диктовать себе позицию по отношению к вопросам миграции. Тем самым они рискуют отдалиться как от ядра проблемы, так и от народа. В других европейских странах положение не намного лучше. Растущий приток людей в правые популистские организации во многих европейских странах или, например, референдум по допустимости минаретов, проведённый в Швейцарии, — это следствия внеисторичной, наивной и оппортунистической государственной миграционной политики в Европе.

Крупные миграционные движения редко протекают бескровно, разве что иммигранты поселяются на необжитой территории. Но таких территорий уже не осталось из-за стремительного роста населения. Сегодня невозможно и на самую малость уменьшить проблему населения Африки или Ближнего Востока, даже приняв в Европу 100 или 200 млн мигрантов. «Ключевой проблемой будущего остаётся прирост населения. Чтобы не нарушить равновесие в мире, каждый народ должен соизмерять своё население с несущей ёмкостью собственной страны. В перенаселённом мире размножение не может быть аргументом для захвата чужих земель»¹. К справедливому утверждению Иренея Эйбл-Эйбесфельдта можно добавить ещё одно: а также естественное сокращение населения в стране или группе стран не может быть основанием для морального или политического оправдания иммиграции и захвата этих земель. Территориальный принцип — неприкосновенная составная часть государственного суверенитета, и его соблюдение выполняет миротворческую функцию.

В глобализированном мире капитал и товары могут перемещаться свободно, но совершенно немыслимо, чтобы это правило распространялось и на рабочую силу, ибо к ней привязаны семьи, общества и народы. В конечном счёте, рабочая миграция 1960-х гг. привела в движение новое европейское переселение народов, от последствий которого мы страдаем. Сегодня мы знаем, что перемещаться должны фабрики и услуги, но не люди. Западной Европе, которая стареет и сокращается, этого не пережить и в своей культурной субстанции. Географические и культурные границы Европы совершенно чётко проходят по Босфору, а не по турецкой границе с Ираком и Ираном, как можно заключить, заглянув во многие статистические справочники.

Приток и отток населения в Германии

После Второй мировой войны четыре зоны оккупации, на которые был поделён остаток Германии, приняли около 14 млн беженцев и изгнанников из областей немецких поселений на востоке и бывших территорий Германии восточнее Одера и Нейсе. На востоке граница немецкоговорящих областей в 1950 г. вернулась приблизительно туда, где она проходила за 800 лет до этого.

Соотечественники быстро интегрировались в бурно растущую западно-германскую экономику, однако с начала 1960-х гг. их уже не хватало, чтобы покрыть всю потребность экономики в рабочей силе: с конца 1950-х гг. до 1973 г. (прекращение вербовки) Федеративная Республика Германия приняла к себе миллионы «гастарбайтеров». К моменту «прекращения вербовки» в 1973 г. их число составляло около 2,6 млн. Уже с конца 1960-х гг. многим гастарбайтерам было позволено забрать к себе семьи. Правда, здесь модели поведения были весьма различны. Так, из 2 млн итальянских гастарбайтеров, нанятых до 1973 г., большинство через несколько лет вернулись на родину. Сегодня в Германии живёт около 550 тыс. итальянцев. А из 750 тыс. турок, которые тоже были наняты до 1973 г., большинство остались в Германии и перевезли к себе семьи. Сегодня в Германии живёт около 3 млн человек турецкого происхождения. Их доля в рождаемости в два раза выше, чем их доля в населении, и она продолжает увеличиваться.

Приток мигрантов из Восточной и Южной Европы вот уже несколько лет как утих. Южноевропейские иммигранты хорошо интегрируются, если решают остаться в Германии. Почти 4 млн въехавших переселенцев из бывшего Советского Союза после начальных трудностей очень хорошо прогрессируют в интеграции, их успехи в образовании выше среднего. То же самое касается других мигрантов из восточноевропейских стран. Они по-настоящему обогатили рынок труда и оживили образование.

С сегодняшней точки зрения поток гастарбайтеров в 1960-е и 1970-е гг. был гигантской ошибкой: рабочие в основном вербовались на производства, которые были умирающими. Это замедлило неотвратимые структурные изменения и на время заслонило тревожную ситуацию с сокращением рождаемости в Германии. Последствия же только отсрочились притоком мигрантов, но не устранились им. А именно: если коэффициент рождаемости мигрантов со временем сравняется с низким немецким коэффициентом рождаемости, то ничего не изменится в той основной проблеме, что поколение внуков всегда по численности вдвое меньше поколения дедов,

так и происходит при коэффициенте фертильности 1,4. Вместе с тем это означает, что через четыре поколения население сократится на три четверти и половина его будет старше 50 лет. Социальная и экономическая жизнь должна быть организована в таких условиях совершенно иначе. Если же коэффициент рождаемости мигрантов надолго останется выше, чем у автохтонного населения, то государство и общество за несколько поколений перейдёт к мигрантам. Тем самым был бы опровергнут аргумент, что низкий немецкий коэффициент рождаемости является якобы предопределённым последствием модернизации, ибо если бы это было верно, то и мигранты не могли бы долго иметь высокий коэффициент рождаемости.

Многие немцы охотно впадают в иллюзию, что миграция может решить какую-нибудь из наших демографических проблем и что, может, даже удастся привлечь большое число квалифицированных мигрантов. Притом что таковых — и это относится ко всей Европе — либо вовсе нет, либо они предпочитают уехать в англоязычную страну. Для Германии и Европы реальной опцией остаётся только пополнение из Северной Африки и Ближнего Востока — а насколько оно желательно, мы увидим.

Всегда считается, что работающие должны платить за тех, кто не работает: в 2007 г. в Германии на 100 человек с преобладающим доходом от работы по найму приходилось 68,7 человека, живущих на пенсию или социальные выплаты. Для людей без миграционной истории соотношение составляло 70,6%. Итак, мигранты, несмотря на их существенно более благоприятную возрастную структуру, согласно этой пропорции вряд ли принесут стране демографическое облегчение².

Надёжный эмпирический и статистический анализ возможного вклада гастарбайтеров и их семей в благосостояние Германии в настоящем или будущем отсутствует³. В отношении итальянцев, испанцев и португальцев этот вклад можно считать положительным, поскольку их семьи воссоединялись реже и большинство из них позже вернулись к себе на родину. Для турок и марокканцев была характерна обратная тенденция. Слишком велика диспропорция между числом изначальных гастарбайтеров и вызванным затем притоком членов больших семейств, стремящихся к воссоединению.

Мигранты мусульманского происхождения

Проблематика притока и интеграции, которая заслуживает обсуждения и не улаживается со временем сама собой, существует сегодня в Германии исключительно с мигрантами из Турции, из стран Африки, Ближнего

и Среднего Востока, которые более чем на 95% исповедуют ислам. Но политика интеграции по отношению к такому положению дел во многом слепа, как доказывает отчёт «Интеграция в Германии», выполненный по заказу Федерального правительства⁴. В объёмном механизме индикаторов взгляд обращён исключительно на *всю совокупность* людей с интеграционной историей. Данные об образовании, рынке труда, зависимости от трансфертных выплат и криминальности не дифференцированы по региону происхождения или по группам народов. Этот недостаток дифференцирования был явно намеренный, ибо дискуссия о том, влияют ли на способность и волю к интеграции культурные различия между группами мигрантов, была политически нежелательна⁵.

Отчёт Федерального правительства по интеграции за 2009 г. осторожно касается проблем в общих чертах и явно силится преуменьшить опасность. Особенно отчётливо это видно по показателям зависимости миграции от социальных трансфертов, а также касающимся криминалитета. Эти данные совершенно размыты, поскольку опрос ведётся среди миграционного населения в целом, а не дифференцированно по группам. Также недостаёт показаний по репродуктивности различных мигрантских групп и связанных с этим демографических включений.

Согласно микропереписи 2007 г. в Германии живёт 15,4 млн человек с миграционной историей⁶. Из них на граждан Евросоюза приходится 3,7 млн, на области происхождения Босния и Герцеговина, Турция, Ближний и Средний Восток, а также на Африку приходится 4 млн. Мигранты из этих областей происхождения далее будут называться *мусульманскими мигрантами*. Наверняка среди них есть некоторые с христианским или другим религиозным фоном. Но их удельный вес незначителен и к тому же меняет статистическую картину интеграционной проблематики только в лучшую сторону, поскольку христиане и евреи из этих областей устойчиво показывают интеграционное поведение выше среднего.

В этой микропереписи 4,6 млн человек с миграционной историей не могут быть отнесены к определённому региону происхождения из-за ненадёжных или недостаточных данных. Если исходить из того, что при микропереписи квота ошибочных или неполных данных по всем людям с миграционной историей распределена равномерно, тогда это означает, что число мусульманских мигрантов фактически на 43% выше, то есть составляет около 5,7 млн. Однако очень высокое число детей в этой группе указывает на то, что среди мигрантов с недостаточными либо недостоверными данными мусульмане представлены намного выше среднего. Итак, число мусульманских мигрантов в Германии может составлять 6–7 млн.

Средний возраст мусульманских мигрантов меньше 30 лет, в то время как средний возраст автохтонного немецкого населения — около 45 лет. Доля мусульман в населении младше 15 лет составляет сегодня уже 10%, доля их рождаемости ещё выше, причём намного (см. табл. 8.8, с. 313). Если принять во внимание проблематику идентификации, то цифры соответственно повышаются.

Итак, из добрых 15 млн людей с миграционной историей в Германии 25–45% — выходцы из мусульманских стран. Но в этой группе 70–80% всех проблем мигрантов происходят в области образования, рынка труда, трансфертных выплат и криминалитета⁷. Сваливание всех мигрантов в одну кучу в статистике отчёта Федерального правительства (цифры Берлинского института⁸, приведённые в главе 3, показывают, что может быть и по-другому) способно ввести в заблуждение, поскольку преувеличивает проблемы более успешных групп мигрантов либо переводит проблемы туда, где их вовсе нет. Вместе с тем это отражение преуменьшает опасность специфических проблем интеграции, которые связаны с миграцией из мусульманских стран. Ещё более выражено то, что по сравнению с другими мигрантскими группами мусульмане в Германии не принимают активного участия в рынке труда, успехи в образовании у них ниже среднего, а квота получателей трансфертных выплат — выше среднего, равно как и участие в преступной деятельности, связанной с насилием.

Надежда на то, что интеграция мусульманских мигрантов, измеренная по образованию, присутствию на рынке труда и уровню владения немецким языком, с годами будет прогрессировать, не оправдалась. Степень интеграции и готовность к ней, кажется, наоборот, понизились. Причины для этого — недостаточные успехи мусульман в системе образования и занятости, весьма значительный приток с родины, связанный с воссоединением семей, но также и сильная фиксация на родной культуре.

В 1950 г. мусульмане практически не жили в Западной Европе. В 1970 г. их было около 2 млн, в основном это были алжирцы во Франции, пакистанцы в Англии и турки в Германии. Сегодня их 15–20 млн, и это число быстро увеличивается. Это увеличение в Европе идёт параллельно со старением и сокращением местного населения — пусть и в разной степени, но всегда и повсюду.

В 1968 г. число западноиндийских, индийских и пакистанских мигрантов в Великобритании составляло 1 млн. Миграция поначалу казалась как бы случайной, поскольку в Британской империи все жители считались британскими подданными (*british subjects*). Так продолжалось многие годы,

пока право на паспорт и пребывание в стране не стали ограничиваться. Однако волнения в Англии были велики уже из-за малого числа мигрантов. За эту тему взялся консервативный политик Енох Пауэлл. Он прогнозировал в 1968 г., что при неизменном темпе иммиграции через 30 лет большая часть Йоркшира, Мидленда и «ближних графств» будут населены преимущественно или исключительно афро-азиатским населением, и настойчиво предостерегал от последствий⁹. Его высказывания вызвали скандал, и он лишился своей должности в качестве теневого министра обороны. Но одобрение населения было подавляющим: Пауэлл получил за 10 дней 100 тыс. писем, и только в 800 из них ему возражали. На деле он оказался прав. Пауэлл предсказывал, что афро-азиатское население в Великобритании к 2002 г. вырастет с 1 млн до 4,5 млн, и к этому времени оно на самом деле выросло до 4,63 млн. Тем не менее в Великобритании и точно так же во Франции, Голландии и Германии не произошло смены политики.

Как же случилось, что такое развитие было пущено на самотёк? Кристофер Колдуэлл* объясняет это фактором стыда: Великобритания за 15 послевоенных лет лишилась мировой империи и управляла её обломками с надломленным чувством собственного достоинства. У Франции была травма войны в Алжире, у Голландии травма проигранной колониальной войны в Индонезии, а у немцев — травма нацизма. «Даже те, кто считал, что такой стыд неуместен, были вынуждены признать его силу»¹⁰.

В Англию начиная с 1950-х гг. прибывали три группы: западные индийцы (преимущественно чёрные), индийцы, а также жители Пакистана и Бангладеш. Лишь последние группы исповедовали ислам, и именно они создали самые большие проблемы: школьная успеваемость и интеграция в рынок труда пакистанцев и бангладешцев намного отставали от индийской, и это осталось без изменений во втором и третьем поколении иммигрантов.

Особая проблематика исламских иммигрантов не ограничивается Англией. Во всех затронутых иммиграцией странах, будь то Англия, Франция, Германия, Голландия, Бельгия, Дания или Норвегия, у группы мусульманских мигрантов наблюдается одно и то же, а именно¹¹:

- интеграция в рынок труда ниже среднего уровня;
- зависимость от социальных трансфертов выше среднего уровня;

* *Кристофер Колдуэлл* — американский журналист, автор книги «Размышления о революции в Европе: иммиграция, ислам и Запад» («Reflections on the Revolution In Europe: Immigration, Islam, and the West»).

- участие в образовании ниже среднего уровня;
- фертильность выше среднего уровня;
- обособленность поселений с тенденцией к образованию параллельного общества;
- религиозность выше среднего уровня с растущей тенденцией к традиционным либо фундаменталистским течениям ислама;
- преступность выше средней, от «простой» уличной преступности с применением насилия до участия в террористических действиях¹².

Повсюду в Европе поначалу исходили — по прошествии времени это кажется наивным — из того, что эти мигранты будут разделять западно-европейскую систему ценностей: демократию, культурную и религиозную свободу, индивидуальное стремление к благосостоянию и самореализации, и что различия сотрутся через два, самое позднее через три поколения. Этого не произошло, напротив: среди въехавших мусульман и их потомства усиливается тенденция культурной и пространственной самоизоляции. Европейская социальная система не способствовала интеграции в рынок труда и облегчала возможность оставаться среди своих — за счёт европейских социальных касс. Традиционная авторитарная структура семьи осталась неприкосновенной. Социальное давление на девочек и женщин, принуждающее их носить головные платки, покрывала и одеваться традиционно, нарастало, и наглядное отграничение от общественного большинства проступало всё отчётливее. Это привело к тому, что во всех затронутых европейских странах росла агрессия автохтонного большинства населения против этой чуждой группы, которая получала социальную поддержку в размерах выше среднего. Голландский социолог Пауль Шеффер пишет по этому поводу:

«Этот мир свил гнездо в наших городских кварталах, что приводит нас в замешательство и шокирует. Рынки, церкви, школы и спортивные общества — всё вместе и по отдельности затронуто этим переселением народов, которое происходит у нас на глазах и конца которому не видно. Мы переживаем глубочайшие изменения, и совсем не разумно недооценивать или игнорировать их»¹³.

Часто сравнивают нынешнюю мусульманскую иммиграцию в Европу с нынешней латино-американской иммиграцией в США. Кристофер Колдуэлл указывает на то, что здесь есть основополагающие различия: иммигранты из Центральной и Южной Америки говорят на одном из европейских языков, они христианского вероисповедания и разделяют

традиционную версию культурных ценностей США «подобно культуре белых представителей рабочего класса 40 лет назад»¹⁴. Латино-американские иммигранты укрепляют и обогащают культуру Старого Света и цивилизацию США, а не ставят их под сомнение.

Исламу — да, исламизму — нет?

Пауль Шеффер своей статьёй «Мультикультурная драма» развязал в 2000 г. дискуссию о мусульманских мигрантах в Голландии. Она вызвала большой резонанс и приняла повышенную эмоциональность из-за трёх событий: удара по Всемирному торговому центру в 2001 г., убийства Пима Фортюна* в 2002 г. и убийства Тео ван Гога** в 2004 г. В результате она распространилась по всей Европе. Шеффер подверг критике попытку преуменьшить особое качество мусульманской миграции теми «азбучными истинами», что, мол, миграция существовала во все времена:

«Миграция, которую мы переживаем сейчас, не сделала наши общества более открытыми во многих отношениях. Из-за традиционных взглядов, которые приносят с собой многие мигранты, вдруг опять начали обсуждаться вопросы, касающиеся положения женщины, а право на свободное выражение мнений опять оспаривается. Мы с чего-то вдруг опять заговорили о богохульстве и о запрете отпадения от веры. И хотя речь при этом идёт о взглядах, знакомых нам из нашего исторического прошлого, какой же это прогресс, если мы вынуждены заново повторять эмансипацию, уже пройденную нами пятьдесят лет назад»¹⁵.

Это верно, и мы оказались в эмоциональной сердцевине проблемы: западная цивилизация из-за мусульманской иммиграции и растущего влияния исламистских направлений веры сталкивается с авторитарными, несовременными, а то и антидемократическими тенденциями, которые не только

* *Пим Фортюн* — голландский политик, лидер Leefbaar Fortuyn party, был смертельно ранен активистом защиты прав животных в мае 2002 г. за несколько дней до общенациональных выборов. Одним из главных пунктов предвыборной программы его партии было закрытие границ Нидерландов для иммигрантов.

** *Тео ван Гог* — голландский кинорежиссёр, телепродюсер, публицист и актёр. Был жестоко убит исламским радикалом Мохаммедом Буйери. Ван Гог снял 10-минутный фильм «Submission» («Покорность»), в котором раскрывал и осуждал насилие над женщинами в исламском мире. Убийца режиссёра в записке, прикреплённой к жертве, написал, что сделал это в отместку за фильм.

навязывают нам своё разумение, но и представляют прямую угрозу нашему жизненному стилю.

Отчётливим это стало лишь тогда, когда аятолла Хомейни* издал религиозный эдикт (фетву) против индийско-британского писателя Салмана Рушди, потому что тот позволил себе пару поэтических вольностей. Из-за нескольких карикатур на пророка Мохаммеда в датской газете по всему миру в 2005 г. прошли исламские демонстрации и насильственные акции, в результате которых было убито 150 человек. Художник Курт Вестергаард, 1935 г. рождения, живёт с тех пор под защитой полиции, постоянно меняя квартиры, а в рождественские дни 2009 г. он едва не стал жертвой покушения молодого сомалийца, имеющего разрешение на жительство в Дании. Датские молочные продукты с тех пор бойкотируются в исламских странах из-за карикатур на пророка Мохаммеда. Миллионы женщин, живущих рядом с нами, подвергаются социальному давлению их религии и культуры, испытывая принуждение к соблюдению предписаний в одежде, которые унижают их человеческое достоинство, а их семьи чинят им препятствия в профессиональном и личностном развитии.

Всё это, собственно, нам без надобности. Экономически мы не нуждаемся в мусульманской миграции в Европу. В любой стране мусульманские мигранты по причине их низкого участия в производительном труде и их высокой зависимости от социальных пособий обходятся государственной казне дороже, чем их вклад в экономический прибавочный продукт. В аспекте культуры и цивилизации та картина общества и система ценностей, которую они представляют, означает регресс. Демографически большая фертильность мусульманских мигрантов в перспективе представляет собой угрозу для культурного и цивилизационного равновесия в стареющей Европе.

Те, кто высказывает это со всей определённой, обнаруживают себя во враждебном окружении, где упрёк в «исламофобии» — ещё самый щадящий. И хотя кажется, что в немецкой политике растёт осознание того, что исламу присущи проблематичные силы, эта тема до сих пор продолжает отпугивать. «Исламу добро пожаловать, исламу — нет», — сказал министр внутренних дел Томас де Майзьер в своей первой парламентской речи после вступления в должность. Ему следовало бы разок побеседовать с премьер-министром Турции Эрдоганом, который заявил в 2008 г.: «Не бывает ислама и исламизма. Есть только ислам. Кто говорит другое, тот оскорбляет

* *Рухалла Мусави Хомейни* — лидер исламской революции 1979 г. в Иране. Высший руководитель Ирана с 1979 г. до дня своей смерти в 1989 г.

ислам»¹⁶. Бассам Тиби, политолог сирийского происхождения и ведущий представитель так называемого евроислама, полагает:

«Ислам очень разносторонний, он включает в себя в равной мере толерантность и нетерпимость. Как духовная религия, он не является политическим образом мысли. В противоположность этому исламизм, как разновидность религиозного фундаментализма, есть тоталитарная идеология с праворадикальными чертами, которой нельзя позволять сколачивать капитал из открытости Германии другим культурам»¹⁷.

Христианство тоже переживало фундаменталистскую фазу, были религиозные войны и костры, на которых гибли еретики. Это закончилось всего 300 лет назад с предвестниками эпохи Просвещения. Тем не менее в целом хорошо оснащённая фактическим материалом передовица еженедельника *Spiegel* «Чей Бог сильнее?»¹⁸ ставит на один уровень сегодняшнее христианство и сегодняшний ислам с точки зрения осознания миссии и воли к распространению. Это неправильно — во всяком случае для Европы. Христианство имеет многие века секуляризации, и католическая церковь давно уже не та, что была во времена инквизиции. Проблематичное в современном исламе — комбинация из в принципе отсталых обществ, молодых, сильно растущих народов и сознания миссии, грани которой простираются от смиренной набожности до священной войны джихада, причём переходы между ними размыты. Кстати, в 1997 г. Эрдоган, тогда ещё лидер оппозиции, сказал: «Минареты — это наши копыя, купола — наши шлемы, правоверные — наша армия».

Либеральные мусульмане остерегаются приписывать исламу как таковому определённые свойства, и в этом они правы. Писатель Навид Кермани, выросший в Германии сын персидского врача, подчёркивает недостаток однозначности в исламе и сомнительный конструкт «исламской идентичности»: «Идентичность сама по себе есть нечто упрощённое, нечто ограниченное, как всякое определение»¹⁹. Мол, есть разные формы существования ислама. «Саудовский ваххабизм, запрещающий женщинам водить машину, или идеология аятоллы Хомейни, который объявляет Аллаха, а не человека, сувереном государства, без сомнения, противоречат демократии, толерантности и правам человека, — соглашается Кермани, однако настаивает на том, что это ещё не весь ислам: — Кто утверждает, что ислам несовместим с западным модерном, должен был бы отлучить просвещённых мусульман от церкви, чтобы продолжать настаивать на собственной точке зрения»²⁰.

К сожалению, бесспорно то, что среди многих частью неоднозначных, частью противоречивых течений ислама доминирует образ общества, в котором отделение государства от религии во многом ещё не наступило, равноправия полов почти не существует, а устаревшие формы жизни благоприятствуют дальнейшему размножению и без того молодого общества, в том числе в мигрантской среде, да и в целом существует огромная культурная разница между нашими формами жизни.

У большинства исламистских направлений веры тот процесс общественного развития, который различные направления христианства, как правило, прошли за последние 500 лет, ещё впереди. Как наглядно описывает Абдельвахаб Меддеб, французский критик ислама, имеющий тунисское происхождение, были и в исламе те начала секуляризации, которые в христианстве, в конце концов, возобладали, но они так и не развились, а всё больше вытеснялись в последние десятилетия фундаменталистскими течениями веры²¹.

Доминирующий в наши дни исламизм вместе с тем есть антизападничество, у которого все переходы размыты и теологические основополагающие позиции увязаны с борьбой арабов против государства Израиль, с основанием Исламской Республики Иран и войной в Афганистане, где, как говорит Меддеб, «в конце концов, процветало антизападничество, в то время как египетский и центральноазиатский интегрализм сливался с ваххабизмом, чтобы образовать интернационал сторонников священной войны (*джихада*), и... чтобы возник также идеологический и стратегический базис рекрутирования Аль-Каиды»²².

Внутриисламская война между западничеством и антизападничеством всё ещё идёт полным ходом, исход её неизвестен. Что перевешивает в спектре исламских мнений — со стороны не узнать. А должны бы заставить призадуматься слова Клода Леви-Стросса*, процитированные Меддебом:

«В одном пассаже, посвящённом исламу, в конце *Печальных тропиков* он пишет, что страшится ислама. В качестве причины он называет, во-первых, принцип воинственной мужественности, который в нём торжествует, затем его замкнутость по отношению к другим и, наконец, его возможную гегемонию, равно как и будущие конфликты с Западом: поскольку ислам представляет собой сущность, которая создала универсальность, столь же завершённую и эксклюзивную, как и созданная Западом»²³.

* Клод Леви-Стросс — французский этнограф, социолог и культуролог.

Западный взгляд не может различить, к какому исламу принадлежит та или иная часть из 15–17 млн мусульман Европы. Вряд ли кто-то знает, что проповедуется в мечетях. Фактически речь идёт об очень обособленной религии и культуре, приверженцы которой вряд ли интересуются окружающей их западной цивилизацией, разве что в качестве источника материальных пособий.

То, что можно питать какие угодно иллюзии, но только не на ответственном посту, показывает статья бывшего канцлера бывшей ФРГ Герхарда Шрёдера, которую он опубликовал как реакцию на швейцарский референдум по поводу запрета минаретов²⁴. Шрёдер считает:

- мы должны признать, что ислам стал частью нашего общества и европейского сообщества;

Комментарий: Нет, не должны. Признать следует лишь то, что живущие у нас мусульмане, так же как и католики, и свободные религиозные секты, и свидетели Иеговы, имеют право на свободное исповедание религии. Не больше и не меньше.

- ислам есть не политическая идеология, а мирная религия. Так учит Коран;

Комментарий: Коран учит и противоположному, в этом-то и состоит проблема с исламом.

- понятие просвещения нельзя использовать для отграничения;

Комментарий: Можно, как раз его-то и можно! Поскольку позиция по отношению к западноевропейскому Просвещению выражает суть.

- взгляд на мусульманские страны следует изменить. Турция основательно демократизировалась;

Комментарий: Это наше право и наш долг — смотреть на мусульманские государства западным взглядом и соизмерять их с нашими нормами.

Через два дня после этого Некла Келек* опубликовала язвительный ответ на шрёдерский ложный перечень норм. В отличие от Шрёдера, она знает Турцию и ислам²⁵:

- ислам тысячу лет — от битвы при Туре и Пуатье до осаждения Вены Сулейманом — вёл против Запада священную войну;

* Некла Келек — известная писательница, публицистка и социолог, автор книг «Чужая невеста», «Блудные сыновья» и «Горько-сладкая родина»; лауреат многочисленных премий, в числе которых премия Ханса и Софи Шолль (2005), премия Хильдегарда фон Бинген (2009), премия Свободы (2010) немецкого Фонда им. Фридриха Гаумана; член организации Немецкая исламская конференция и авторитетный эксперт в области исламской культуры в западном мире.

- ислам есть вера в *Бога*. Учение ислама не ведает отделения церкви от государства. Отдельные мусульмане могут быть просвещёнными, ислам — нет;
- универсальная ценность Просвещения означает, что не все культурные и религиозные различия могут быть приемлемы, иначе придётся принять и принуждение к браку;
- на демократизации Турции Эрдоганом надо ставить большой вопрос. При его власти женщины снова были оттеснены на обочину, то есть в дом, лишь одна из четырёх турецких женщин работает, а до Эрдогана работала каждая третья.

Некла Келек делает вывод: «Шрёдер не хочет понять, что ислам есть система, а не только вера в Бога, и вот опять измениться предложено европейцам и их СМИ, которые должны посмотреть на мусульман “другими глазами”. Этим призывом, вновь обращённым к Западу, бывший канцлер наносит нам, секулярным мусульманам, удар в спину в нашем споре с охранителями ислама».

Свобода религии — и тем самым свобода мысли — в исламе в лучшем случае слабый росток, который пробивается то там, то здесь на скудной почве. В одной и той же статье в *Neue Zürcher Zeitung* комбинировались две новости. Первая новость: турецкий премьер-министр Эрдоган расценил референдум о запрете минаретов «как знак очевидно расистской и фашистской позиции в Европе». Мол, исламофобия так же, как и антисемитизм, — преступление против человечности. Вторая новость: Европейская комиссия в своём последнем отчёте о прогрессе критикует то, что в Турции всё ещё происходят нападки на религиозные меньшинства. К тому же отсутствуют правовые рамки, внутри которых все немусульмане и все алевиты* могли бы свободно действовать и формировать своё духовенство²⁶.

В Турции старым оседлым христианским общинам отказывают в строительстве новых церквей. Высшие церковные учебные заведения были закрыты ещё 30 лет назад, и их открытие по-прежнему находится под запретом. Малая Азия раннего Средневековья была сугубо христианской, и накануне Первой мировой войны 25% сегодняшней Турции всё ещё были христиане. Эта доля сократилась до 0,2% с момента геноцида 1,5 млн армян и многих сотен тысяч ассирийцев, говорящих на арамейском языке, в Первую

* *Алевиты* — самое крупное религиозное меньшинство в Турции: по разным оценкам составляет примерно 20% населения. Турецкие власти до сих пор предпочитали игнорировать их существование: алевитская община не имела никакого официального статуса.

мировую войну, равно как и массовое изгнание 1,5 млн православных греков после Первой мировой войны.

Большим поборником религиозной терпимости сегодняшнюю Турцию при всём желании не назовёшь, и необузданные либо надменные речи их премьер-министра — всё что угодно, но только не блестящий пример толерантности. Христианские церкви за несколько столетий были принуждены к секулярному, плюралистическому разумению. Исламу этого не хватает до сих пор. Почти во всех исламских странах — от Египта до Малайзии — в наши дни даже усугубляется давление на христианские меньшинства вплоть до преследований и угроз физической расправы²⁷. Коран, как и Библия, во многих местах противоречивая и тёмная книга, к тому же слишком образная и слишком привязанная ко времени своего создания. Претензии на абсолютную истину, которую приписывают буквальному тексту сур Корана, может привести к совершенно разным результатам, в зависимости от толкования и выбора текста. Для оправдания террористических действий там тоже всегда найдётся достаточно подходящих сур. Из них можно вывести указание на какое угодно, вплоть до самого худшего, обращение с неверными. В частности, разрешено при необходимости обманывать неверных и вводить их в заблуждение.

Как бы ни было справедливо утверждение, что на каждого нужно воздействовать убеждением, всё же наивно полагать, что конструктивный диалог с нашими мусульманскими мигрантами может раскрыть исламу глаза на преимущества просвещения. Поэтому у Кристофера Колдуэлла для всех исламских конференций, тут и там вырастающих словно из-под земли во всех европейских странах с мусульманскими мигрантами, есть только одна язвительная шутка: «Все страны следуют примерно одинаковой стратегии ассимиляции ислама, наделяя мусульманские группы давления псевдоправительственным статусом и заявляя, что это позволит создать такую разновидность ислама, которая будет отражать ценности Европы, а не наоборот»²⁸.

Далеко не всегда диалог присутствует там, где есть его вывеска: король Саудовской Аравии Абдулла хоть и стремится к межкультурному диалогу, но вместе с тем хотел бы экспортировать шариат. И с традицией толерантности дело продвинулось не слишком далеко даже в хвалёной мавританской Андалузии: мусульманские владыки хоть и терпели еврейское и христианское меньшинства, члены которых, однако, считались гражданами второго сорта, так называемыми «подохранными», религиозная свобода предоставлялась им только за высокий подушный налог²⁹.

Если берлинский сенатор по внутренним делам Эрхарт Кёртинг хочет говорить с «религиями» (он имеет в виду лишь различные направления ислама), чтобы «воспрепятствовать радикализму», это никогда не помешает: «У меня такое впечатление, что эти религии слишком отклонились от их традиций, если их придерживаться. Я верю в то, что у ислама, как и у христианских церквей, дискуссия с секулярным миром тоже позволит двигаться вперёд»³⁰. Какая, однако, вера! У христианских церквей этот процесс длился несколько веков, и при этом текли реки крови. В конце концов, секулярная государственная власть повсюду добила секуляризации *вопреки* церкви и не в диалоге с ней, а в силу принятия решений монархов или граждан против церкви.

Что касается диалога с исламом, то справедливо трезвое суждение Кермани: «...пожалуйста, говорите с умеренными, но они и так не бросают бомб, о чём же вы хотите с ними говорить?.. Это иллюзия — полагать, что версия ислама, которая наконец-то стала совместимой с правами человека, выбьет почву из-под ног террора»³¹.

Интересны трудности, с которыми сталкиваются либеральные умы в Германии, когда требуют секулярного ислама. Редактор *Die Zeit* Томас Асхойер называет поборников секулярного ислама «секуляристами». Он считает, что борьба «секуляристов», таких, как Хирси Али* и Некла Келек, сама имеет *фундаменталистский крен*, и цитирует известного политолога Тимоти Гордона Эша: «Если мы хотим одолеть религиозный экстремизм, мы должны завоевать себе в союзники мусульманский мейнстрим»³². Томас Штайнфельд из *Süddeutsche Zeitung* и Клаудиус Зайдль из *Frankefurte Allgemeine Sonntagszeitung* рубят в ту же засечку: кто столь же воинственно выступает за западные ценности, как радикальный ислам за свои священные писания, тот сам становится фундаменталистом³³. Некла Келек замечает по этому поводу, что по таким статьям видно, насколько критикам чужда культура ислама, если защиту прав человека против религиозного радикализма они объявляют фундаментализмом³⁴.

Это интеллектуальная дерзость, когда либеральный добрый человек обозначает секулярных мусульман и поборников прав женщин, таких, как Хирси Али и Некла Келек, «секуляристами» и пристёгивает к ним нечто сектантское. Кроме того, критика страдает идейной нечёткостью: секулярная

* *Хирси Али* — нидерландский политик, член Народной партии за свободу и демократию (VVD). Хирси Али планирует снять фильм «Покорность-2», посвящённый терактам исламистов в европейских странах.

позиция и диалог не являются противоречием, которое здесь подразумевается. Другими словами: говорить надо. Но диалог ещё не панацея от всех бед, во что, похоже, верят наивные или удобно устроившиеся либералы. *Есть пункты, которые не подлежат обсуждению!*

Кроме того, в каждой уважительной оценке есть что-то фундаменталистское, это относится и к основополагающим идеям Просвещения, и к вытекающему из них отделению церкви от государства. Ганди был в этом смысле фундаменталистом, хотя и ради доброго дела. Гитлер был фундаменталистом — к сожалению, ради злого дела. Всякий фундаментализм оказывается в ловушке, как только вынужден подводить под себя какое-то обоснование. Поскольку у него больше нет ступеньки, на которую он мог бы отступить. Это относится ко всем «последним положениям веры», в том числе и к вере в права человека, гражданские свободы и просвещение. Упрёк в фундаментализме, адресованный критикам ислама, попадает в пустоту потому, что он справедлив³⁵. Правда, единственное, что можно сделать, это привести доказательство отсутствия логической совместимости различных фундаментализмов. Те, кто склоняется к традиционному исламу, не обязаны следовать духу Просвещения, но они и не критики, для которых всё едино и всё относительно по своей ценности.

В немецкой дискуссии по исламу либеральные добрые люди и мультикультуралисты охотно приравнивают фундаментализм, с которым такие люди, как Некла Келек, защищают гражданские свободы и права человека от обвинений определённых исламских направлений веры, к фундаменталистским позициям ислама. Как пишет Регина Мёнх, тем самым «ставятся на одну ступень ненависть, которая может принести смерть, и “словесный поединок” и свобода, которую так безудержно используют как раз критики ислама»³⁶. Дискуссия окончательно скатывается в доносительство, когда критикам ислама бросают упрёк в «либеральном расизме» и в проповедничестве «ненависти к чужим», как это делает Кэролайн Эмке в *Die Zeit*³⁷.

Рюдигер Сафранский* указал на одно существенное различие. Он делит религии на «горячие» и «холодные». Первые не могут абстрагироваться от своего абсолютного притязания на истину в пользу общественных нужд реального мира и склонны к нетолерантности. Последние признают

* Рюдигер Сафранский — немецкий философ, историк, литератор; лауреат многих премий, среди которых — премия Эрнста Роберта Курциуса за эссеистику (1998), международная премия Фридриха Ницше (2003), премия Гёльдерлина (2006), орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией» (2009).

разделение сфер ценностей, к таким относится современное христианство. Тогда в качестве «гражданской религии» остаётся секулярная вера в неотъемлемость прав человека и отделение церкви от государства³⁸. В секулярном государстве никто не требует от религии отречения от веры в вечную справедливость религиозных откровений, только нельзя, чтобы они определяли государственное право и задавали правила цивилизованной жизни, и нельзя, чтобы они вели к явным или скрытым урезаниям гражданских прав. Например, каждый может рисовать пророка Мохаммеда, когда и как ему вздумается: Мохаммед мёртв, в противном случае он мог бы подать в суд за оскорбление. Если оскорблёнными чувствуют себя мусульмане и требуют воспрепятствовать таким рисункам, то они проявляют принципиальное непонимание концепции гражданской свободы. Пойти в этом на уступки было бы тяжким преступлением против секулярного правового государства.

По ту сторону принципиальных гражданских свобод секуляризация означает переход от «вечных» богоданных ценностей к «временным». Мир рассматривается в историческом контексте так же, как ценности и содержание веры, в этом состоит ядро Просвещения. Некла Келек говорит по этому поводу с полемической резкостью: «У ислама такое Просвещение ещё впереди. На его функционеров, уже достаточно нам известных, мы не питаем никаких надежд»³⁹.

В теологии христианских религий развился — как следствие Просвещения и постепенной секуляризации — историко-критический метод: интерпретация религиозных текстов и их вплетение в здание теологического учения продолжали развиваться во взаимосвязи с актуальными историческими выводами и целокупностью современных научных, гуманитарных и философских сочинений. Это развитие продолжается с неизменной целью — всякий раз заново находить место религиозной веры.

В исламской теологии такое продолжение развития не удалось. Реза Хайятпур, бывший шиитский священнослужитель, ныне работающий в университете Бамберга, говорит об этом: «Историко-критический метод, который со времён Просвещения по сей день пробивал себе путь в западное образование, не мог даже зачаточно пробудить интерес исламских теологов... Содержание веры и тексты откровения, согласно их официальной теологии, нельзя подвергать историко-критическому методу». Теологи, которые делают или делали это, не получают кафедру, а то и вовсе преследуются. Это относится к Ирану и Египту в равной мере⁴⁰. Другими словами: господствующая теология ислама отвергает в своей совокупности просвещение и тем самым остаётся в прошлом.

По этой причине умеренные и радикальные сочинения, а также и те, что призывают к насилию, вновь и вновь вдруг оказываются рядом: «Имам женевской мечети, Хани Рамадан, вызвал большое раздражение, выступив за побивание камнями неверных жён. Его собственный брат, социолог Тарик Рамадан, напротив, настойчиво выступает за мораторий на телесные наказания в исламском мире». *Der Spiegel* резюмирует: «Ясно одно: женщинам в исламе в любом случае предстоит ещё долгий путь»⁴¹.

Коран имеет «абсолютное притязание на истину», пишет немецкий востоковед Тильман Нагель, поэтому многие мусульмане считают смену религии, отречение от веры тяжким грехом, за который полагается, по мнению многих исламских учёных в Саудовской Аравии и Афганистане, смертная казнь. *При этом как раз смена религии или переход к атеизму и является тестом на свободу совести.* Там, где такой переход возможен без опасности и санкций, можно не рассуждать о свободе совести. «Важнейшим индикатором для отказа ислама примириться, наконец, с современностью является его глубоко укоренившаяся враждебность по отношению к плюрализму, — пишут британские журналисты Джон Миклетуэйт и Эдриен Вулдридж. — Сосуществование различных мировоззрений есть решающий признак современности»⁴².

На основании того факта, что ислам в преобладающем большинстве своих течений отказывается от просвещения и отвергает плюрализм, он не может мыслиться без исламизма и терроризма, хотя 95% мусульман миролюбивы. Переходы размыты, идеологии слишком сильны, а плотность насильственных и террористических событий слишком велика.

Мусульмане в Германии и остальной Европе подвержены культурному и религиозному влиянию, которое скрыто от наших глаз и которым мы тем более не можем управлять. Мы терпим рост культурно отличного от нас меньшинства, укоренение которого в секулярном обществе недостаточно, оно не обладает нашим масштабом толерантности и плодится сильнее, чем общество, принявшее его к себе. Нам нельзя закрывать глаза на противоречивые движения в исламском мире и на тенденцию к распространению радикализации, которая, кстати, не имеет ничего общего с бедностью и необразованностью, что нам вновь и вновь пытаются внушить. История исламского терроризма всё больше показывает, что как раз образованные молодые мужчины из благополучных мусульманских семей, с учётом того, что становится всё больше обращённых в эту веру из европейских стран, особенно восприимчивы к радикальным позициям вплоть до пособничества террору⁴³. Клод Берли обработал 285 биографий «мучеников», о смерти которых сообщалось в журналах движения ХАМАС. Они редко

были выходцами из бедных семей и зачастую посещали колледж или университет⁴⁴. Навид Кермани также обвиняет интеллектуальный вампиризм ортодоксального ислама⁴⁵. Он указывает на то, что террористы и убийцы приходят вовсе не из параллельного общества, а, скорее, из буржуазных образованных слоёв, где обращение к исламу представляет собой романтический поиск своих предполагаемых корней, но традиции его поняты ложно, поскольку в исламе однозначность (и тем самым радикальность) заступает на место традиционной исламской двусмысленности. В остальном Кермани не оспаривает тот факт, что исламистские и потенциально террористские тенденции во всём исламском мире нарастают. Это подтверждает статистика: насилие и террор из исламистского угла по всему миру не убывает, а увеличивается. В 2009 г. в США было столько террористических актов и покушений на убийство, как ни в каком другом году со времени 11 сентября 2001 г.⁴⁶

Нечёткая разделительная линия между исламом и радикализмом, фундаментализмом и насилием, высокая фертильность мусульманских мигрантов и подавление женщин, которое многих отталкивает, — всё это подготавливает немусульманскому населению лишние заботы и вызывает рост отторжения исламской миграции не только в Германии, но и по всей Европе. Эти заботы и тревоги, оправданные или нет, подвергаются доносительству под клеймом «исламофобии» — понятие, которое охотно приводят наряду с «расизмом» и «антисемитизмом»⁴⁷. Это должно произвести эффект запугивания. Турецкий премьер-министр Эрдоган использует это слово особенно часто, и это ему ещё аукнется.

Охотно приводимое сравнение «антисемитизма» и «исламофобии» оставляет без внимания то, что антисемитизм зиждется на «истерических страхах, выдумках, проекциях и чувстве зависти», а «исламофобия» — нет, ибо террористические атаки, «убийства чести», бешенство Талибана, браки детей в Саудовской Аравии, побивание камнями неверных жён и повешение гомосексуалистов — всё это реальность⁴⁸. Практикующееся насилие, как и необузданный, агрессивный тон, который уже закрепился в отношении критиков некоторых форм проявлений ислама, действуют угрожающе и уже скрытым образом повлияли на откровенность всего европейского климата выражения мнений.

В Германии целая армия уполномоченных по интеграции, исследователей ислама, социологов, политологов, представителей объединений и ещё масса наивных политиков интенсивно и не покладая рук работают над сглаживанием острых углов, самоуспокоением, самообманом и отрицанием

проблем. Меня, например, упрекали в «расизме» после того, как в одном интервью я критически высказался по поводу недостаточной готовности многих мусульманских мигрантов к инкорпорированию в Германию. Воспользовавшись этой диффамацией, критики даже запустили кампанию по моему исключению из партии СДПГ, в которой я состою с 1973 г. Профессор психологии из Берлина Биргит Роммельшпахер притянула позиции исламских феминисток, таких, как Аяан Хирси Али, Сейран Атес* и Некла Келек, к национал-социализму, где «женщины обосновывали своё «расовое» превосходство введением равноправия мужчин и женщин», как она написала в *taʒ* (*Tageszeitung*)⁴⁹. Над установлением знака равенства между критикой ислама и «исламофобией = расизмом = антисемитизмом = национал-социализмом» работает в Германии множество мелких поджигателей, и кое-кто, у кого не хватает догадливости, помогает им в этом, с тем результатом, что теперь уже и мусульманские феминистки оказываются задвинутыми в угол правых и расистов.

Самый излюбленный приём — упрекать критиков ислама в недостатке либеральности. При этом упускается важное отличие: либерально быть против тех убеждений и уклада жизни, которые отличаются от твоих собственных. Но такая либеральность не может распространяться на тех, кто не хочет терпеть отличающиеся убеждения и уклад жизни. Айхам Сюрюджю, 18-летний убийца, который в феврале 2005 г. в Берлине по заданию своей правоверной турецко-курдской большой семьи застрелил свою сестру Хатун Сюрюджю, старше его на пять лет, потому что она жила иначе, был строго религиозен и представлял широко распространённое среди мусульман направление убеждений⁵⁰. Разве это называется «нетерпимостью» — выносить такого рода религии приговор осуждения, даже если она и не сразу ведёт к убийству? Многие голоса в немецких СМИ в любом случае готовы с воодушевлением упрекнуть критиков ислама, а заодно и большую часть немецких граждан в нетерпимости и ксенофобии, при этом теряя чутьё к рискам многочисленных форм ислама. Эти пороки обнажила и дискуссия, вызванная статьёй Биргит Роммельшпахер в *taʒ*⁵¹.

Опасаящийся за свою жизнь датский график Курт Вестенгаард после волны насильственных актов, вызванной в исламском мире его карикатурами, имел трудности с тем, чтобы просто отпечатать свои карикатуры на пророка Мохаммеда в Европе. Он живёт под защитой полиции, и покушения на него продолжают⁵². Особенно провоцирующе на исламских

* Сейран Атес — известная германо-турецкая правозащитница и адвокат.

фанатиков действовало то обстоятельство, что карикатуры ставят в прямую связь с насилием пророка Мохаммеда и исламскую веру. *Против этой взаимосвязи протестовали и протестуют те, кто хочет табуировать размышления об этом.* Притом что взаимосвязь между насилием и исламом совершенно очевидна с момента его возникновения: пророк Мохаммед непосредственно после своих откровений начал насильственно насаждать ислам, истребляя и изгоняя иноверцев. Христианство, в отличие от ислама, выдержало 350 лет преследований и подавления, прежде чем было признано императором Константином в качестве религии. Тысячу лет история ислама сопровождалась насильственным завоеванием христианских стран, лишь кратковременно прерываясь встречным движением крестовых походов, в военном отношении оставшихся в итоге безуспешными.

В принципе ислам по сей день имеет негативное отношение к западноевропейскому модерну. Экономическая и цивилизационная отсталость исламского мира с начала Нового времени была причиной нарциссической обиды в исламистских ведущих слоях, о чём писал В.С. Найпауль в своей книге «Исламское странствие»⁵³. Отдалённость арабского мира от западноевропейской культуры показывает себя хотя бы в том, что с самого зарождения ислама и по сей день на арабский язык переведено меньше книг, чем за один год переводится в наши дни на испанский. То, что самые высокие в мире небоскрёбы, профинансированные нефтяными магнатами, стоят теперь не в Нью-Йорке, а в песках пустыни, может служить утешением лишь очень наивным душам. Вольфганг Гюнтер Лерх замечает по этому поводу:

«Будучи самоуверенной религией, которая к тому же понимает себя как конец и завершение монотеистического откровения, ислам должен был бы воспринимать как нечто скандальное тот факт, что за прошедшие века он оказался в таком отстающем положении. Навёрстывание и самостоятельное формирование модерна заставят его потрудиться в грядущие века... Выход обширного брожения, которое охватило ислам на всём пространстве между Марокко и островами Индонезии, открыт, причём в настоящее время исламистские силы одерживают верх»⁵⁴.

Это «обширное брожение» можно почувствовать, прочитав один-единственный номер *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* от 1 ноября 2009 г.:

- с. 7: Письмо Замиры. О том, как турецкой девушке семья насильственно чинит препятствия в получении образования и интеграции;
- с. 8: Председатель Совета Евангелической церкви Германии Маргот Кессман указывает на различия с исламом: отношение к насилию,

к демократически-свободному государству, взаимоотношения мужчин и женщин. В совместных молитвах с мусульманами упоминания об Иисусе Христе всякий раз упускаются;

- с. 9: Гамбургский проповедник ненависти отрекается от сказанного;
- с. 11 (комментарий): Пламя террора. Клерикальные идейные первоходцы международного движения исламистов уже открыто заявили о своей долгосрочной цели: образовании всемирного халифата;
- с. 13: В Иране нет правды.

То, что сильный рост мусульманского меньшинства в Европе вызывает озабоченность, поистине нельзя объяснять ненавистью к чужим.

Проблемы экономической интеграции

Интеграция — нечёткое понятие, и лишь тогда оно доступно эмпирическому анализу, когда выражается в фактах, поддающихся измерению и проверке. «Интеграция определяется через негативные признаки: слабое знание языка, необразованность, недостаточное участие в рынке труда и отсутствие согласия с основополагающими правилами нашего общежития»⁵⁵. Экономическая интеграция позволяет судить о себе на основании участия в трудовой жизни, места в профессии и степени зависимости от социальной поддержки. Участие в образовании и успехи в образовании, напротив, являются аспектами культурной интеграции.

Как уже упоминалось, из микропереписи 2007 г. видно, что около 4 млн человек в Германии имеют мусульманскую миграционную историю. Из 4,6 млн человек с миграционной историей, по которым микроперепись не даёт сведений о происхождении, определённая часть тоже может иметь мусульманский миграционный фон (табл. 7.1).

Установлено, что участие мусульманских мигрантов Германии в наёмном труде ниже среднего уровня. Лишь 33,9% из них получают основное жизненное обеспечение из профессиональной деятельности и занятости по найму. У населения без миграционной истории таких — 43%. Разница была бы ещё драматичнее, если бы данные позволяли корректировку по возрасту; так как среди немецкого населения доля людей пенсионного возраста намного выше.

Если рассматривать только трудоспособных, то среди мусульманских мигрантов на пособие по безработице и Hartz IV живёт в четыре раза больше людей, чем среди немецкого населения: у мусульманских мигрантов

Таблица 7.1

**Население Германии с учётом миграционной истории граждан
и преобладающих средств к существованию (по состоянию на 2007 г.)**

Происхождение	Населе- ние (тыс. чел.)	Средства на жизнь из трудовой деятельно- сти	Пособие по безра- ботице, Hartz IV	Квота трудя- щихся (2) к (1)	Отно- шение к транс- фертам (3) к (2)
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Всего:	82 257	34 338	4664	41,4	13,6
Коренные жители	66 846	28 748	3134	43,0	10,4
ЕС-27	3686	1628	231	44,	4,2
Мусульмане	3998	1357	591	33,9	43,6
выходцы из:					
Турции	2527	852	330	33,7	38,7
Африки	480	159	80	33,1	50,3
Ближнего и Сред- него Востока	708	224	147	31,6	65,6
Боснии-Герцего- вины	283	122	34	43,1	27,8
Иное происхожде- ние	4586	1467	325	31,9	22,2

Источник: Statistisches Bundesamt: Fachserie 1 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit, Reihe 2.2 Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2007. Wiesbaden, 2009. Tabelle 15. S. 220f и собственные расчёты.

на 100 человек, которые покрывают свои жизненные потребности преимущественно за счёт трудовых доходов, приходится 43,6 человека, которые живут главным образом на пособие по безработице и на Hartz IV, а у немецкого населения таких 10,4. У людей с миграционной историей без сведений о происхождении квота работающих по найму составляет 31,9%, а зависимость от трансфертных выплат — 22,2%. Кстати, у них число детей в возрасте до 15 лет особенно велико. Неопределённая часть из этой группы также причисляется к мусульманским мигрантам.

Совсем иначе выглядит положение мигрантов из государств Евросоюза. Квота их занятости в 44,2% даже несколько выше, чем у местных немцев, а отношение к трансфертным выплатам находится на уровне 14,2%, то есть

чуть выше, чем у немцев. Значит, проблемы экономической интеграции обусловлены не мигрантским статусом как таковым.

Часто ссылаются на то, что особенно много мусульманских мигрантов занято не по найму, а самостоятельно. Так, в Германии есть около 80 тыс. самостоятельных предпринимателей с турецкой миграционной историей, 40 тыс. из них заняты в розничной торговле продуктами питания. Правда, и квота самостоятельных предпринимателей среди мусульманских мигрантов гораздо ниже, чем у немецкого населения и у других мигрантских групп: в 2007 г. было 10,4% трудоспособных граждан без миграционной истории, занятых самостоятельной деятельностью, у мигрантов из государств ЕС их было 12,4%, а у мигрантов из Юго-Восточной Азии даже 13,9%, у мусульманских же мигрантов, напротив, всего 6,8% и среди них у турок — 6,6%. Ниже всего квота самостоятельных предпринимателей в 4,5% — у мигрантов с неуказанными сведениями о происхождении⁵⁶.

Тревогу внушает то, что проблема мусульманских мигрантов, выражающаяся в недостаточном участии в рынке труда и в высокой зависимости от трансфертных выплат, сохраняется и во втором, и в третьем поколениях, то есть как бы наследуется, и сравнение аттестатов 26–35-летних показывает: в этой возрастной группе немецкие репатрианты из бывшего СССР имеют профиль квалификации, почти соответствующий профилю немцев без миграционной истории (табл. 7.2). Не имеют профессионального аттестата 12% немцев без миграционной истории и 14% репатриантов из СССР, а 20% и соответственно 17% имеют высшее образование. Напротив, 54% турецких граждан в этой возрастной группе не имеют какой-либо специальности и лишь 2% имеют высшее образование. Но и у немцев турецкого происхождения в этой возрастной группе ситуация плохая. Не имеют специальности 33% и только 10% имеют высшее образование. Тем самым они оказываются позади прочих иностранцев.

В Германии 168 тыс. человек с турецким происхождением, не имеющие собственного опыта миграции, заняты трудовой деятельностью. Для сравнения: потомки мигрантов из стран ЕС, не имеющие собственного опыта миграции, хотя бы на 11,2% заняты в области исследований, проектирования, менеджмента, здравоохранения и социальной службы. У людей с турецким происхождением эта доля настолько низка, что даже не отражается в статистике. И наоборот, выше среднего уровня их присутствие на производстве, транспорте и в области простых услуг⁵⁷.

Федеральное агентство по трудоустройству хоть и показывает национальность в своей статистике получателей основного обеспечения,

Таблица 7.2

Уровень профессионального образования 26–35-летних граждан (%)

Происхождение	Уровень образования		
	Без аттестата	Профессиональное обучение	Высшее образование
Немцы без миграционной истории	12	68	20
Выходцы из бывшего СССР	14	69	17
Немцы иного происхождения	21	59	20
Прочие иностранцы	30	59	11
Немцы турецкого происхождения	33	57	10
Граждане Турции	54	44	2

Источник: Selbert H. Junge Migranten am Arbeitsmarkt. Bildung und Einbürgerung verbessern die Chancen // IAB-Kurzbericht 17.2008. S. 13.

но не дифференцирует их по миграционной истории, и нуждающиеся семьи тоже учитываются без указания национальной принадлежности. Итак, статистика Федерального агентства не содержит ни прямой, ни косвенной информации об удельном весе мусульманских мигрантов среди получателей трансфертного дохода. Правда, осенью 2009 г. вышла в свет экспертиза, проведённая по поручению Федерального министерства труда и социальной защиты, которая охватывает всю группу лиц с миграционной историей среди получателей трансфертных выплат и позволяет делать заключения об образе жизни мусульманских мигрантов.

- 28% трудоспособных, нуждающихся в социальной помощи граждан, имеют миграционную историю. Они живут чаще всего в больших домохозяйствах с детьми. В дошкольном возрасте дети воспитываются вне дома реже, чем дети из других домохозяйств. Удовлетворённость жизнью в этих домохозяйствах выше, чем в домохозяйствах нуждающихся без миграционной истории. Здесь меньше сокрушаются по поводу того, что стоят на нижней ступени социальной иерархии. Тут реже случаются семейные конфликты. Турки среди нуждающихся в помощи — если рассматривать в сравнении — из числа самых недовольных.

- Если речь заходит об условиях работы, доходах или необходимости внешнего ухода за детьми, мигранты меньше готовы идти на уступки, чем получатели трансфертов без миграционной истории.
- Религиозные установки этих мигрантов очень сильны. 50% получателей трансфертов с происхождением из Турции и остального мира заявляют, что для них следование религиозным предписаниям важно и на работе. Среди турецких женщин 15% декларируют, что по религиозным соображениям не хотят отказываться от предписанного вида одежды даже в том случае, если «нейтральная» одежда являлась бы условием приёма на работу.

Показательна следующая ссылка: «У немцев без миграционной истории, получающих пособие по Кодексу социального права SGB II, сведения о сравнительно сильной религиозной принадлежности, влияющей на поведение на работе, положительно сказываются на вероятности приёма на работу и прекращении получения пособий, и наоборот, отрицательно у нуждающихся в помощи с турецкой миграционной историей»⁵⁸. Это означает, что прочная религиозно-христианская ориентация усиливает волю к профессиональным достижениям и интеграции в рынок труда, тогда как сильная религиозно-мусульманская ориентация, скорее, тормозит волю к интеграции и труду.

Некла Келек обескуражена результатами интеграции турок: «У них самая высокая квота бросивших школу, самая малая доля в числе абитуриентов, большинство людей без профессионального обучения, самая малая квота трудящихся и самостоятельных. Поскольку именно эта группа увеличивается сильнее, чем другие иммигранты, в то время как большинство общества (пока ещё большинство) стремительно сокращается, их недостаточная интеграция становится центральной проблемой всего общества. Если сложившийся ход дел не остановится, произойдёт “обрушение культуры”, как пишет демограф Гервиг Бирг»⁵⁹.

Проблемы культурной интеграции

Проблемы культурной интеграции лучше всего привязать количественно к степени профессионального обучения и успехам в школе.

Из живущих в Германии людей с мусульманской миграционной историей 30% вообще не заканчивают школу и лишь 14% имеют аттестат зрелости. Среди них 27% людей с турецкой миграционной историей не заканчивают школу и 8% имеют аттестат зрелости; если у них нет собственного

опыта миграции, то 9% не заканчивают школу и 12% добиваются аттестата зрелости. Тем самым они намного отстают от своих ровесников-немцев, из которых школу не заканчивают 1,6%, а аттестат зрелости получают 34%. Но велика и разница с мигрантами из ЕС: 7% последних не заканчивают школу и 27% получают аттестат зрелости⁶⁰. Показательно, что мигранты из ЕС, равно как и из Южной и Восточной Азии, не имеют сопоставимых проблем. Дети вьетнамцев, работавших по договору в ГДР, даже в 80% случаев добиваются получения аттестата зрелости и оказываются в этом намного лучше немцев.

Низкие шансы на хорошо оплачиваемую работу, связанные с низкой квалификацией, вызывают в социальной системе вторичный эффект: карьера в качестве получателя трансфертных пособий становится тем привлекательнее, чем меньше шансы на рынке труда. Преобладающие у мусульманских мигрантов большие семьи выигрывают от того, что объём социальных пособий, в отличие от заработной платы, растёт вместе с числом членов домохозяйства.

Дискриминация как причина недостаточного успеха мусульманских мигрантов в системе образования и системе занятости исключается, ибо другие группы мигрантов, которые, прибыв с Дальнего Востока или из Индии, выглядят, скорее, ещё более чужеродно, чем турки и арабы, но экзамены сдают частично даже лучше, чем немцы. Относительную неудачу вряд ли можно также списать на врождённые способности и одарённость, ибо это касается мусульманских мигрантов различного происхождения. Загадку задаёт также то, почему прогресс во втором и третьем поколениях, если он вообще наступает, у мусульманских мигрантов заметно меньше, чем у других групп с миграционной историей.

Интересны наблюдаемые в Великобритании различия между разными мигрантами из бывшей британской колонии Индии: индийские школьники в Англии сдают экзамены вдвое лучше, чем пакистанские. Школьники с Дальнего Востока в успеваемости оставляют далеко позади себя всех, в том числе и британцев. Но между индийцами и пакистанцами нет другого различия, кроме того, что пакистанцы имеют культурно-исламский фон⁶¹.

Во Францию въезжали несколькими партиями поляки, евреи, китайцы и вьетнамцы. Они добивались экономического успеха, без проблем интегрировались и постепенно сплавлялись с обществом большинства, не прибегая когда бы то ни было к государственной помощи. Совсем другие проблемы у Франции с арабскими мигрантами, особенно из Алжира. Уолтер

Лакуа* высказывает догадку: «Должно быть, есть что-то в духовной установке тех, кто чувствует себя маргинализированным, что затрудняет им жизненный успех»⁶².

Уолтер Лакуа⁶³, Пауль Шеффер⁶⁴ и Кристофер Колдуэлл⁶⁵ каждый на свой лад отражают вызов и угрозу, которые представляют мусульманская иммиграция и сильный рост этой части населения для стареющей и убывающей по численности Западной Европы. Первый — израильский еврей, выросший в Бреслау, второй голландец, а третий британец. Все трое происходят из многоязычных стран, таковы же они и сами. Все трое либералы. Так что не получится так просто задвинуть их вместе с их обеспокоенностью в национальный, народный, а то и вовсе в «исламофобский» угол, как это часто происходит.

Некла Келек⁶⁶, Сейран Атес⁶⁷, Гюнер Бальси⁶⁸ — выросшие в Германии авторы турецкого происхождения — и бежавшая в Голландию сомалийка Хирси Али⁶⁹ уже несколько лет указывают на коллективистский характер исламского общества и присущую ему низкую оценку и подавление женщин, которые часто вырождаются в насильственные действия. Немецко-турецкая актриса Сибель Кекилли (1980 г. рождения) говорит: «У меня такое чувство, что следующее за мной поколение станет ещё более националистическим. Родители этого поколения не обязаны были интегрироваться, привезённые из Турции супруги не обязаны были проходить курс обучения языку. Здесь ведь всегда лишь отворачивались да, посмеиваясь, терпели, если ребёнку не разрешали идти на урок физкультуры или если девочка вдруг больше не являлась в школу, потому что её выдали замуж»⁷⁰. Этнограф Гервиг Бирг констатирует по этому поводу:

«Самые действенные факторы интеграции для иммигрантских обществ — система образования, мир труда и межчеловеческие отношения через браки или связи, подобные браку. Самые действенные *факторы дезинтеграции* — догматичные фундаменталистские религии, а также культуры, спаянные этническими, националистическими или родо-племенными связями мигрантов из развивающихся стран, в истории которых никогда не было периода Просвещения. Угрожающее Германии обрушение культуры из-за наплыва необразованных популяций является, в отличие от экономического спада, необратимым процессом для целых поколений»⁷¹.

* Уолтер Лакуа — историк, публицист, один из наиболее признанных в мире экспертов по проблемам международного терроризма. С середины 1960-х гг. работает в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, где занимает должность ведущего аналитика.

Часть немцев, в том числе из элиты, так ещё и не осознали проблему. В их жизни, в домах или в мире работы мусульманские мигранты появляются разве что в качестве уборщиков или некой чужеродной кулисы, когда случается приехать в гости в берлинский район Кройцберг. Часть интеллектуальной и либеральной прессы, кажется, даже испытывает тайную радость оттого, что мусульманская иммиграция погребает под собой немецкое общество.

Журналистка Ингрид Клёпфер приводит жизнь привезённой из Турции невесты-мусульманки по имени Дилек в качестве доказательства отсутствия интеграционных усилий со стороны немецкого общества: ей 27 лет, десять лет провела в Германии, родила троих детей, за плечами пять лет учёбы в деревенской школе в Турции. Дилек знает лишь домашнее хозяйство, а немецкого языка практически не знает. Что же делало американское государство для интеграции приехавших немцев, евреев, ирландцев или итальянцев? Они интегрировались сами, поскольку у них не было другого выбора, если они не хотели погибнуть. Не существовало никакой социальной помощи для ввезённых невест. *Недостаточная интеграция видна по поведению мусульманских иммигрантов.* Этого Инге Клёпфер, либералка из числа добрых людей, не желает признавать, когда заявляет с агрессивным подтекстом: «Немецкий этнос в дальней перспективе во многих местах сократится до одного из крупных меньшинств. Тогда будет видно — прав ли окажется инвестиционный банкир Саррацин или нет»⁷².

В определённых кругах уже стало обычным делом — забрасывать упреками в расизме даже эмпирически обоснованные ссылки на наличие разницы между этническими группами⁷³. Это очень действенный метод — заткнуть рот человеку, думающему иначе, обложив проклятием неполиткорректности его обыкновение называть вещи своими именами. В Германии это срабатывает особенно эффективно по причине тяжёлого исторического наследия. Некла Келек констатирует:

«Сегодня среди востоковедов и иностранных уполномоченных, у зелёных и у представителей церкви есть много таких, кто из одного лишь страха прослыть нетолерантным или враждебным по отношению к иностранцам находит диковиннейшие аргументы, чтобы понять “своих” иностранцев и защитить их любой ценой. Они пропагандируют толерантное понимание, которое эквивалентно самоотречению. Права на свободу поставлены у них под сомнение в пользу понимания для другой культуры»⁷⁴.

Различия в культурном формировании не являются чем-то оскорбительным. Надо просто видеть их, и нельзя их замалчивать. К этому как раз склонны немцы, и именно интеллектуалы среди них по сей день так и не заметили, насколько сильно они сами отличаются, к примеру, от итальянцев и насколько устойчиво продолжают действовать даже эти минимальные по сравнению с мусульманами различия. Немецкий публицист Дирк Шюмер пишет, что как раз величайшие поклонники Италии — такие, как Гёте, Буркхардт и Гессе, — благоразумно становились итальянцами лишь на короткое время. Сам он даже после 10 лет жизни в Венеции, несмотря на блестящее знание языка, так толком и не интегрировался⁷⁵.

В Германии 47% людей, имеющих итальянскую миграционную историю, признают, что чувствуют себя хорошо интегрированными, но таких людей с турецкой миграционной историей лишь 22%. И наоборот, слабо интегрированными чувствуют себя 42% последних, но лишь 22% первых. Причина этого не может корениться в дискриминации: только 6% турок указывают в сведениях о себе, что они подвергаются дискриминации, у итальянцев таких 3%⁷⁶.

Культурной интеграции препятствует в нарастающем масштабе технико-медийное развитие (спутниковое телевидение). Благодаря телевизионным программам из стран происхождения «родина» присутствует в повседневности иммигрантов гораздо ощутимее, и количественный аспект переходит в качественный... Из-за этого возникают напряжённые отношения, полюса которых — физическое пребывание в стране, принявшей их, и пребывание во власти страны происхождения»⁷⁷.

К культурным различиям и связанным с ними ритуалам отграничения принадлежит и склонность к насилию, которая особенно отмечается в молодёжной среде с мусульманской миграционной историей. Молодые немцы, которые не нападают, а лишь защищаются, считаются слабаками. В Бонне, в обычно мирном районе Бад-Годесберг привлекли общественное внимание систематические нападения подростков-мигрантов на гимназистов. Местное футбольное спортивное общество жаловалось, что его модель интеграции торпедировалась сирийским клубом, который переманивал к себе молодых арабов, и там всё им сходило с рук. Когда один молодой марокканец, внешне неотличимый от немца, попал в лапы насильников и заговорил с ними по-арабски, те его даже не поняли⁷⁸. Совершенно очевидно, что часть этой молодёжи за прошедшее время очутилась в языковом отношении в Нигде. Их интеграционные шансы это не повышает.

И ведь Бонн не исключение, в Дуйсбург-Марксло, в Эссен-Катернберге, в Мюнхен-Хазенбергле, в Берлин-Нойкёльне и во многих сотнях мест Германии, где наблюдается особенно большое скопление мусульманских мигрантов, всё идёт точно так же. Многие благоразумные турки и арабы видят проблемы культурной интеграции своих земляков⁷⁹, а вот немецкие и мусульманские сторонники мусульманской иммиграции, кажется, вытесняют осознание этих проблем. Так, Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии предостерегает от «исламофобии» и критикует: «Мусульмане считают, что их принятие обществом все больше воспринимается как “ассимиляция”, предполагающая утрату ими своей мусульманской идентичности»⁸⁰. Это неправильно. Достаточно того, чтобы мусульмане соблюдали наши законы, не угнетали своих женщин, отменили принуждение в отношении замужества, воспрепятствовали своим подросткам в насильственных действиях и сами зарабатывали себе на жизнь. Вот о чём идёт речь. Те, кто критикует эти требования как принуждение к ассимиляции, на самом деле имеют проблемы с интеграцией. Может, им следовало бы хоть раз подумать о том, почему во всей Европе существует предубеждение против мусульман — и с полным основанием:

- никакая другая религия в Европе не заявляет о себе столь требовательно;
- никакая другая иммиграция не связана так сильно, как мусульманская, с использованием социального государства и криминалитетом;
- никакая другая группа не подчёркивает публично своё отличие, особенно через женскую одежду;
- ни в какой другой религии нет такого лёгкого перехода через грань к насилию, диктатуре и терроризму.

Относительную безуспешность экономической и культурной интеграции мусульманских мигрантов, которая наблюдается по всей Европе, охотно объясняют «расслоением», поскольку эмигрирует главным образом отсталое деревенское население, а не культивированные горожане. А от гипотезы, что интеграции может препятствовать мусульманская культура как таковая, сторонники тезы «расслоения» отмахиваются как от «культуралистской». Однако во все времена было обычным явлением, что в путь на чужбину пускались не образованные и хорошо устроенные, а, скорее, нижние слои, в основном деревенские жители, а не горожане. И всегда те, кто эмигрировал, были самыми активными.

Объяснять проблемы мусульманской интеграции культурным различием между городом и деревней — стратегия преуменьшения. Нет здесь также и различных моделей интеграции, а есть единый образец исламской

иммиграции во всей Европе⁸¹. В любом случае верно то, что мусульманским приезжим в Европу свойственна особая смесь из исламской религиозности и традиционных форм жизни. Эта смесь осложняет экономическую и культурную интеграцию и обеспечивает через связанную с этим недостаточную эмансипацию женщин особую многодетность мусульманских мигрантов, которая ещё и поощряется благословением европейского социального государства. Параллель с немецким нижним слоем возникает лишь в пунктах слабого образования и недостаточной ориентации на рынке труда. Но в немецком нижнем слое это является результатом отрицательного отбора. Никто бы не взялся утверждать, что мусульманские мигранты представляют собой отрицательный отбор из стран своего происхождения, поэтому и их специфические проблемы тоже не могут быть объяснены «расслоением».

Хвалёная роль турецких самостоятельных предпринимателей в торговле овощами и фруктами отрадна для тех покупателей, которым так недостаёт привычной «лавочки тёти Эммы». Но в конечном счёте сильное скопление турецкого меньшинства в перенасыщенном сегменте рынка есть также выражение и результат нехватки или отсутствия подъёма в образовании. Это можно объяснить патриархальной и авторитарной структурой турецких семей, которые ориентированы не столько на индивидуальный успех, сколько на благо семейного объединения⁸². Это тупик, ибо культурная интеграция может удалась лишь тогда, когда мусульманские мигранты признают наш плюрализм и примут его. Некла Келек пояснила по этому поводу: «Общественный договор является для меня тем “минимумом”, которым определяется интеграция и тем самым наше будущее»⁸³.

Параллельные общества?

Человек предпочитает знакомое и стремится держаться подальше от чужого. Это касается языка, блюд, обычаев и обрядов. «Рыбак рыбака видит издалека». Поэтому вполне понятно, что иммигранты в чуждом окружении ищут в первую очередь близости своих земляков, знакомой среды родного языка, своей религии и привычного образа жизни.

Со временем это нивелируется там, где люди сами обеспечивают себе пропитание, ибо для этого приходится выходить вовне, во «враждебную» жизнь и зарабатывать деньги. Существенным условием для этого является знание местного языка. Параллельные общества растворяются тем скорее, чем больше групп мигрантов готовы интегрироваться и чем успешнее они экономически. Поэтому евреи, а также немцы — в отличие, например,

от итальянцев — совсем скоро становятся неотличимы от большинства граждан в американском обществе.

Параллельные общества идут в ногу с региональной концентрацией, но это совсем не обязательно. Характер гетто они легко приобретают там, где население при высокой частичной безработице живёт в основном с социальных трансфертов. Это характерно для Северного Нойкёльна с его турецким и арабским населением так же, как раньше было характерно для нью-йоркского чёрного Гарлема. Параллельные общества образуются к тому же тем легче и существуют тем дольше, чем большее отсутствие интереса проявляют мигранты к обществу большинства и чем больше они предпочитают оставаться среди своих.

Критерий готовности к интеграции — это брачное поведение. К тому же оно управляет темпом растворения параллельных обществ либо соответственно препятствует тому, чтобы они возникали в большем объёме. Здесь дело обстоит плохо, ибо лишь 3% молодых мужчин и 8% молодых женщин с турецкой миграционной историей вступают в брак с немецкими партнёрами, у российских немцев, напротив, таких 67%.

Некла Келек рассказывает о небольшом северогерманском городке. Там «живут около 300 мигрантов, все они являются членами всего лишь двух семей. Тридцать лет назад в городок приехал один курд со своим другом из Восточной Анатолии, и постепенно они перевезли сюда всех своих родственников. Кто на ком женат, кто чей ребёнок, внук или двоюродный брат — со стороны не разобраться»⁸⁴. На день рождения ребёнка в одну состоятельную турецкую семью пришли также матери приглашённых детей. Ни одного немецкого ребёнка при этом не было. Женщины в возрасте от 18 до 35 лет — все импортированные невесты, которые были замужем за турецкими мужчинами второго и третьего поколений. Ни одна из женщин не говорит дома по-немецки, они практически не знают немецкого языка. За всех приходится говорить одной: «Мы и здесь можем жить так, чтобы не иметь никаких дел с другими. У нас свои собственные представления. Ведь мы здесь имеем всё, немцы нам вообще не нужны». И разумеется, их сыновья потом женятся на мусульманках⁸⁵.

Такой менталитет господствует в широких кругах мусульманского населения. В конечном счёте безразлично, считать ли его культурно, религиозно или ещё как-то обусловленным, ибо это такой вид культурной обособленности, который тормозит интеграцию мусульманских мигрантов и препятствует их экономическому успеху. Я называю его культурно обусловленным, но ничего не изменится в положении вещей, если дать

явлению другое название и даже обложить его академическим ругательством «культуралистский».

Параллельные общества возникают путём классической миграционной модели въезда по цепочке, которую демонстрирует область гомогенного поселения⁸⁶. Насколько сильно они укрепились и какие воздействия оказывают на среду, зависит от готовности и способности мигрантов к интеграции. Мусульманская иммиграция с момента прекращения вербовки гастарбайтеров в 1973 г. идёт вопреки тому интеграционному препятствию, что саму иммиграцию объясняют привлекательностью немецкого социального государства, а это означает, что у многих въехавших в страну с тех пор на первом плане стоит не собственный экономический успех за счёт интеграции и профессиональных достижений, а обеспечение и алиментирование со стороны немецкой социальной системы. Перспективы новоприбывших хороши, ибо помощь достаётся каждому въехавшему, независимо от его готовности к интеграции и желания работать. Дальнейшие препятствия состоят в слабой склонности к изучению немецкого языка и к использованию его в частной жизни, в слабом интересе к обучению вообще, в приверженности к иерархическим семейным структурам, в продолжающемся пополнении семей путём воссоединения, в брачном поведении, ориентированном исключительно на свою национальность либо на мусульман.

В отличие от итальянцев, испанцев или поляков вряд ли кто из мусульманских мигрантов возвращается к себе на родину. Ведь там оплата труда ниже, чем получаемое здесь пособие по безработице II и пособие на детей. Возвращается только часть из квалифицированных специалистов, потому что полученная в Германии профессия даёт шансы и на старой родине. Результат — негативный отбор внутри мусульманских параллельных обществ. Таким образом Германия финансирует ту часть мусульманского пролетариата, которая не видит для себя в странах происхождения более привлекательных шансов, чем немецкая социальная помощь. Если не будут изменены общие условия социального обеспечения, очень маловероятно, что параллельные общества мусульманских мигрантов в Германии и Западной Европе со временем автоматически растворятся⁸⁷.

Естественно, параллельным обществам не удаётся полностью восстановить порядки, принятые на их родине. По большей части безработные мужчины, главы семейств, хотя и славят дома вождями, но вне дома не могут показать своим сыновьям престижный образ кормильца. Тем ревностнее они передают мужскому потомству сильно завышенные представления о мужественности — храброй и всегда готовой к насилию во имя «чести».

Эту роль молодые мужчины перенимают тем скорее, чем в большей степени оставляют желать лучшего их успехи в школе, а их знания, кстати, ещё хуже, чем у мусульманских девушек.

К школьной фрустрации добавляется также сексуальная фрустрация, и обе вносят свой вклад в накопление агрессии у молодых людей, которые живут в вольном обществе, повсеместно напичканном сексом и порнографией. Однако мусульманские девушки по религиозным соображениям до брака сексуально недоступны, и даже невинные досексуальные сближения чаще всего невозможны. А «лучшие» немецкие девушки не падки на тех, кого они воспринимают в системе образования как «лузеров». Ложные ролевые образцы, недостаточный успех в образовании и сексуальная фрустрация могут привести к повышенной готовности к насилию, которая проявляется во всей полноте главным образом в бандах юнцов — настоящей родине многих молодых мусульманских мигрантов. Там они находят признание, которого ищут, пусть и за ложные заслуги, а именно — за нарушение закона, грабежи и драки.

Фади Саад делал свою карьеру насильника, будучи членом уличной банды, пока сам не был избит и покалечен другой бандой. Это привело к его исправлению. Сегодня он — социальный работник в берлинском районе Нойкёльн⁸⁸. По большей части Фади Саад возится с «дойраберами», родившимися в Германии арабскими беженцами. «Уютная плюшевая педагогика для этих сорвиголов не подходит», — говорит он. Двенадцатилетний подросток, прибегающий к насилию, должен наказываться незамедлительно. Недостаточно приговорить его к социальным работам лишь месяц спустя. «Он выйдет и побьёт первого же попавшегося». От болтовни на тему интеграции, считает Фади Саад, толку мало: «Интегрировать — значит, включить. Но во что? И кого я должен интегрировать? Я знаю и немцев, которые не говорят по-немецки. Что, их я тоже должен интегрировать?» Фади Саад рассказывает о своей первой поездке в Ливан, о том, что мальчишки там перед началом занятий должны показывать свои ногти и что никому даже в страшном сне не может привидеться идея приветствовать своих друзей обращением «потаскухин сын»⁸⁹.

В Берлине около 20% всех насильственных преступлений совершается лишь тысячей турецких и арабских преступных подростков, группой, составляющей 0,3 промилле всего населения Берлина. Но в отчёте Федерального правительства об интеграции этот криминалитет изображён как нечто относительное. Там говорится: «По меньшей мере, для группы молодых людей криминологи исходят из того, что при сравнении групп

с равными семейными, школьными и социальными общими условиями, равно как и с такими же ценностными ориентирами, более высокое увеличение немцев в конечном счёте уже не регистрируется»⁹⁰. В этой ахинее явно путают эмпирическую науку с политической теологией. Кому, собственно, на пользу то, что замалчиваются очевидные факты, ведь этим замалчиванием не обманешь и самого подростка, если он достаточно разумен. Тут ни истины, ни ясного анализа, ни интеграции. Авторам следовало бы один раз проехать в центр района Веддинг, сопровождая патрульный выезд комиссара полиции Флориана Сёддинга. Там живут 82 тыс. человек, половина с турецкой или арабской миграционной историей. Насилие, в том числе 104 нападения на полицейских в год, исходит почти исключительно из группы мигрантов⁹¹.

Авторы отчёта по интеграции могли бы также побеседовать с Кирстен Хайзиг, судьёй в Нойкёльне, которая видит взаимосвязь между вопросами насилия и существованием параллельных обществ. О своей «клиентуре» она говорит следующее:

«В зале суда у меня сидят преимущественно арабские преступники. Они и их семьи пытаются уйти от нашего правосудия, разбирая инциденты внутри этой этнической группы... Есть в мигрантских кварталах особенное скопление проблем, которыми и питается криминалитет».

На вопрос, этническая ли это проблема или социальная, Кирстен Хайзиг ответила:

«Тут многое сходится вместе: с одной стороны, высокая безработица, отчуждённость в школе и общая запущенность. Сюда добавляются культурные факторы: у некоторых турок и арабов особенно проявляется мания мужественности. Понятия о чести и уважении настолько эмоционально наполнены, что дело быстро доходит до насилия. Побой в воспитании, к сожалению, обычная практика. Если отец не пользуется уважением по той причине, что он безработный, он добивается этого уважения побоями... Закрытые общества развиваются по собственным правилам. В этом я вижу большую опасность».

Кирстен Хайзиг выделила среди турецких и арабских мигрантов в параллельном обществе Нойкёльна также сильно выраженную враждебность по отношению к немцам и привела примеры: «Один двенадцатилетний подросток обозвал свою одноклассницу лахудрой, потому что она не носит головной платок. Другой обвиняемый заявил полицейскому чиновнику:

“Ты — дерьмо у меня под ногами, мне насрать на Германию”. Подростки заявили немецким женщинам: “Вас, немцев, надо газом травить”. Если так ведут себя по отношению к иностранцам немцы, мы называем это расизмом»⁹².

Видимый знак отличия для мусульманских параллельных обществ — головной платок. Его нарастающее распространение свидетельствует о росте параллельных обществ. Даже Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии признаётся, что головной платок мусульманки носят под давлением семей или ровесников. Объявление головного платка вне закона в общественных местах, включая школы, одобряют 78% населения во Франции, 54% в Германии и 29% в Англии⁹³. Каково же должно быть давление на мусульманских девочек, если даже немецких школьниц в государственной школе дразнят за то, что они не носят платок.

Мусульманские семьи, которые разделяют западноевропейские ценности и серьёзно относятся к свободомыслию, не заставляют своих дочерей носить платки и не побуждают остальных членов как-либо визуально отличаться от общественного большинства. Ношение головного платка никогда не выражает одну только религиозность — хорошей мусульманкой можно быть, в конце концов, и без головного платка, — а выражает также стремление оптически отграничиться от «неверных». Головной платок означает одновременно, что женщина признаёт свою подчинённость мужчине, то есть она отвергает эмансипацию женщин по западноевропейскому образцу.

Пример Нойкёльна

Берлинский район Нойкёльн насчитывает 305 тыс. жителей. Согласно официальным цифрам 120 тыс. имеют мигрантское происхождение, из них 60 тыс. иностранцы по паспорту. Сюда надо добавить 20–30 тыс. нелегалов (во всём Берлине их 150–200 тыс.). Иногда в двух комнатах ютятся 20–30 человек. Почти половина жителей Нойкёльна имеет миграционную историю. В Северном Нойкёльне их даже 55%, а в местных школах — 80–100%. На пособие Hartz IV живёт 30% населения младше 65 лет, в Северном Нойкёльне их 45%, а среди 25-летних даже 60%.

Нойкёльн славится самым большим турецким городом Германии. В нашей стране много таких Нойкёльнов. Город Ален в Вестфалии, например, имеет добрых 56 тыс. жителей, но за железнодорожными путями размещается компактный мусульманский городок на 15 тыс. жителей. Сегодня в Германии есть сотни посёлков и целые городские кварталы, в которых турецкие и арабские мигранты образуют большинство или крепкое

меньшинство. Во всех этих посёлках одни и те же проблемы. Они растут намного быстрее, чем города, в которых они расположены (те порой даже сокращаются), и точно так же численность мигрантов растёт быстрее, чем немецкое население. Если по такому кварталу идёт немец, то он кажется чужаком в собственной стране.

Нойкёльн стоит рассмотреть поближе, потому что эта часть города может служить примером-предостережением. В Северном Нойкёльне живут $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ всех питомцев Hartz IV. Хайнц Бушковский, бургомистр этого района Берлина, стал известен на всю страну тем, что обозначает проблемы — обладая глубоким опытом и располагая фактами — конкретно, но при этом всегда дифференцированно. В его партии, берлинской СДПГ, его долгое время недолюбливали за такую неприятную конкретику и за обыкновение доводить до абсурда обций интеграционный гул и ужимки добрых людей. Но проблемы разговорами не решить, и постепенно известность Бушковского ширилась. Возмущение моим интервью в *Lettre Internationale* имело тот приятный для него побочный эффект, что его вдруг стали воспринимать как «умеренного» и «здравомыслящего». Я часто беседовал с Хайнцем Бушковским⁹⁴. На этих беседах построено следующее мозаичное описание Нойкёльна.

Проблемное население в Нойкёльне составляют не рабочие-мигранты 1960–1970-х гг. и их потомки, а семьи, которые приехали сюда после 1980 г. в рамках воссоединения семей как мигранты бедности и как беженцы войн. На 80% это арабы, остальные — турки. Арабы в Нойкёльне были первыми, кто разузнал, как обрести права на получение гражданства. Если хотя бы один ребёнок в семье «натурализован» здесь, тогда весь родовой клан защищён от выдворения. Особенно большие проблемы создают ливанцы и палестинцы. Многие курдские турки успешно выдавали себя за беженцев гражданской войны из Ливана. Турок надо дифференцировать по религиозным направлениям. Сунниты и шииты очень сильно отличаются от алевитов, которые не ходят на пятничную молитву, не постятся, а их жёны не носят головные платки. На взгляд суннитов и шиитов, они вообще не являются настоящими мусульманами. Алевиты — практически протестанты ислама.

Рабочими мигрантами 1960–1970-х гг. были люди, которые отправились в путь, чтобы трудом своих рук создать своё благосостояние. Совсем иначе обстоит дело у мигрантов 1980–1990-х гг. У них есть обетованная земля, и это Германия, где, не работая, становишься богаче, чем мог когда бы то ни было стать в своей деревне (миграция бедных). Турецкий средний класс в Нойкёльне происходит от трудовых мигрантов. Эти семьи не создают проблем, и их не видно на улицах.

Девочки с непременными головными платками происходят из ортодоксальных семей и в большинстве случаев хорошо образованны. Особо строго закутанные девушки зачастую преуспевают в немецком языке. Напротив, турецкие девушки, которые носят платки, но ходят с голым животом и пирсингом, одолели только начальную школу и считаются недалёкими. Ортодоксальность, низкая образованность и головной платок вполне могут сопутствовать одно другому. Это соответствует исламскому единству церкви и государства.

Голландский писатель Леон де Винтер придерживается той точки зрения, что государству всеобщего благоденствия по европейскому образцу никогда не стать страной интеграции. «А Hartz IV на что?» — спрашивают себя мигрантские ученики начальной школы и даже не думают проявлять честолюбие.

Первые волны беженцев бедности из стран Африки, Ближнего и Центрального Востока были ошеломлены встречей с Европой. Политика в Норвегии, например, была тогда настолько либеральной, что не имела тюрем для подростков и поэтому не знала, куда девать в Осло разбойные банды драчливых юных арабов.

Ложно понятая либеральность всячески мешает нам принять правильные меры против такой позиции. Так, Берлин ужесточил условия языковых тестов и издал закон о защите детей. Но в нём не прописаны санкции, разве что в случае несоблюдения закона взимается административный штраф.

«Чем пестрее смесь, тем прозрачнее должны быть законы» — таков практический вывод нойкёльнского бургомистра. Его бывший коллега в Роттердаме тоже сделал такие выводы и последовательно провёл их в жизнь: «Мы вернули Роттердам роттердамцам, отвоёвывая назад квартал за кварталом, улицу за улицей». В Голландии право на поселение предоставляют местные управления. Но это право может быть и отозвано. Семьи, которые зарекомендовали себя плохо, могут быть принудительно выселены. В следующих общинах они ведут себя, как правило, лучше. Носительницам паранджи в Голландии отказывают в социальной помощи, обосновывая это тем, что в таком виде они не способны встроиться в рынок труда.

Мигрантское население очень трудно охватить статистическим учётом. Существует очень много обмана: при рассылке карточек исчисления налога по заработной плате в одном только Нойкёльне обнаружено 10 тыс. несуществующих адресов. На одну однокомнатную квартиру в Кёльне выпало 60 адресатов. При нынешнем уведомительном порядке регистрации каждый может указать любой адрес, и это никак не проверишь. В Нойкёльне

ведётся бойкая торговля чип-картами больнично-страховой кассы. По одной карте часто обслуживают разных людей, зачастую нелегалов из родных мест мигрантов. Больнично-страховые кассы до сих пор не интересовались этим на том основании, что врачам платят поквартально единую сумму. То, что обман мигрантов повышает давление расходов в системе и ограничивает услуги «настоящим» плательщикам взносов, судя по всему, не интересует берлинскую больнично-страховую кассу. Кроме того, в аптеках Нойкёльна отмечен странный отпуск медикаментов. Сюда в больших количествах поступают рецепты на бесплатный отпуск часто очень дорогих лекарств, которые затем отправляются в родные деревни мигрантов.

Очень много злоупотреблений устраивают мигранты и с подработкой. Многие работают гораздо больше десяти часов в неделю, допустимых для получателей трансфертов. Никто не может контролировать соблюдение ограничения часов. Когда инспекция устраивает проверку на стройках, мигранты предъявляют свои карты социального страхования и уверяют, что они работают в рамках допустимых десяти часов. Освобождённая от налогов подработка повышает статистику занятости, поскольку больше людей получают работу. Регулярную работу фирмы дробят. Это массовое явление. В конечном счёте выплата зарплаты происходит за счёт налогоплательщика.

Активные преступники сеют на улицах Нойкёльна страх и ужас, подавая дурной пример. Они составляют лишь 1 промилле населения, но совершают 20% всех преступлений в Берлине. Сегодня от правонарушения подростка до его ареста проходит 9–12 месяцев. Настоятельно необходимо возродить принципы порядка. Всё, что не карается наказанием, расценивается среди мусульманских мигрантов как слабость. Над условным наказанием они только смеются. Поскольку у них нет буржуазных жизненных целей и живут они за счёт пособия Hartz IV и нелегальной работы, их совершенно не волнуют полицейские выписки из их уголовных дел. В далёких от образования мигрантских семьях тюрьма не рассматривается как нечто, затрагивающее их честь. По тому, как происходит поддержка семьи заключённого, видно, насколько тесен клан.

Насилие молодёжных банд направлено не только против немцев. Турецкая женщина-коммерсант во время посещения её фирмы откровенно признаётся: «Господин бургомистр, когда стемнеет, я уже не еду по Зонненаллее: боюсь арабов».

Нойкёльнский бургомистр часто посещал занятия в школах своего района и пришел к следующим выводам: между классами одной и той же ступени лежат целые миры. Около 20% детей в Нойкёльне, поступаая в школу,

вообще не говорят по-немецки или говорят очень плохо. Ещё 30% детей располагают очень ограниченным, чрезвычайно простым запасом слов. Среди молодёжи до 25 лет, которая зарегистрирована в Центре безработных, 90% без дальнейшего повышения квалификации объективно не интегрируемы в рынок труда.

Какие меры принял бы Хайнц Бушковский, если бы у него была на то власть?

- Переход компетенции в деле образования в руки государства.
- Введение обязательного посещения детского сада.
- Введение полудневной школы как единственной формы школьного обучения.
- Принципиальное изменение учебной программы и оснащения школ как наглядными пособиями, так и преподавательским составом в пунктах социальной напряжённости.
- Педантичное проведение в жизнь обязательного школьного обучения.
- Сокращение детских пособий на 50%, а вместо этого — повышение бюджета школ, детских садов, увеличение расходов на учителей и на бесплатную еду в школах (страны ОЭСР инвестируют около 50% средств поддержки семей в учреждения для детей, в Германии это в два раза меньше. Мы расходуем на поддержку семьи больше денег, чем другие страны, а по эффективности стоим на третьем месте с конца).
- Последовательное и скорейшее вынесение приговоров малолетним преступникам.

Ситуация в Нойкёльне показательно доводит до точки вопрос мусульманской иммиграции. Речь идёт о концентрированной смеси из нехватки образования, отсутствия знания языка, зависимости от трансфертов, традиционных форм жизни, малолетней преступности, культурной дистанции, и совершенно очевидна тенденция к закреплению этой смеси. Число школьников показывает, что доля мусульманских мигрантов в Нойкёльне будет и впредь сильно расти. А 60%-ная квота бросивших школу либо закончивших только начальную школу у мусульманских мигрантов не оставляет сомнений, что проблемы на рынке труда сохранятся и в следующем поколении.

При этом речь идёт главным образом о беженцах, мнимых беженцах и мигрантах бедности, которые с начала 1980-х гг. прибывали прежде всего из Ливана и из курдских больших семей. Бушковский говорит: «Эти семьи получают у нас вдесятеро больше того, что могли бы заработать у себя

за год. И молятся они не за то, чтобы Аллах избавил их от сомнительного положения. Их молитва звучит так: “Пожалуйста, сделай всё, чтобы наша жизнь оставалась такой, как есть”. И естественно, они ещё поддерживают семьи у себя на родине. Бушковский — фантазёр, подумаете вы, как же можно отдавать другим деньги из Hartz IV? А так, что отношения потребления, стандарты одежды и обстановки жилища у них другие. У детей нет кроватей, есть только матрацы. Столы отсутствуют, домашнее задание выполняется, лёжа на полу. Но зато всегда имеется плазменный экран, это уж обязательно»⁹⁵.

Действительность куда тревожнее, чем можно предположить из статистики. Бушковский комментирует: «У нас есть школы, где 90% родителей освобождены от доплаты за учебники, и это значит, что не работает ни один из родителей. Фраза “Я хотел бы быть как мой отец, который работает пожарным и спасает людей” тут не может прозвучать по той причине, что в этой социализации отсутствует трудовая жизнь. Разумеется, учительница заведомо проигрывает, когда говорит: “Дети, вы должны учиться хорошо, потому что тогда вы сможете получить прекрасную профессию и зарабатывать большие деньги”. “Госпожа учительница, — скажут ей дети, — а ведь деньги дают социальные службы”. Если спросить подростков, кем они хотят стать, они ответят: “Я буду Hartz IV”».

Во время своей последней поездки по школам Хайнц Бушковский посетил 4-й класс, который занимался по учебникам 3-го класса. И даже эти учебники оказались слишком трудными. «В мигрантских нижних слоях родители плохо владеют немецким языком или вообще не владеют. Иногда детям даже запрещено говорить по-немецки как раз потому, что родители не понимают... В принципе у нас есть только один шанс: мы должны воспитывать детей из этой среды вопреки их родителям»⁹⁶.

Немецкая турчанка Гюнер Ясмин Бальси росла, будучи ребёнком турецких рабочих мигрантов, в Нойкёльне. Рост и укрепление мусульманского параллельного общества из турецкого и арабского нижнего слоя проходили у неё на глазах, и она описала бандитскую карьеру молодого араба Рашида из нойкёльского квартала Рольберг. Безграмотность, мания мужественности, высокомерие по отношению к женщинам и насилие, сочетающиеся в одном человеке, просто потрясают. Действенный рецепт против этого ещё не найден⁹⁷. Одна лишь мантра «учиться, учиться и учиться» не срabатывает.

Некла Келек критикует левых и либеральных мультикультуралистов: «Под знаком толерантности они отстаивали “особенности” турецко-

мусульманского общества в Германии и тем самым поощряли самоизоляции мигрантов». Эти особенности представляют собой «нетерпимость и повседневные отношения насилия», которые невозможно принять просто как составную часть «другого культурного контекста». Тем самым мультикультуралисты оказали бы медвежью услугу просвещению. «Права человека, основные права неделимы и не относительны в разных культурах... Пока немецкое общество по-настоящему не осознало это своё ядро идентичности и не готово наступательно защищать его, интеграции не получится»⁹⁸.

Заявление достаточно решительное, но Некла Келек не останавливается на этом и подливает масла в огонь: «Правда, я сомневаюсь, что большинство живущих в Германии турок действительно хотело бы интеграции — их преобладающее поведение говорит, скорее, об обратном. Большинство не читает немецких газет и тем более немецких книг. Большинство смотрит исключительно турецкое телевидение, делает покупки в турецких лавках и не имеет с немцами никаких личных контактов. Страна, в которой они живут, чужая им и останется чужой». В этом отношении их, по мнению Келек, укрепляют турецкие институты, газеты, религиозные объединения — из убеждения ли, из страха ли потерять рычаги влияния на живущих здесь турок⁹⁹.

Я очень рад, что могу цитировать Неклу Келек. Это могла бы быть и Сейран Атес, которая — иногда чуть примирительнее — говорит то же самое, в частности, указывая, что большинство турецких и курдских семей смотрят передачи турецкого телевидения, потому что не интересуются Германией, поскольку не рассматривают эту страну как свою родину¹⁰⁰. Скажи я то же самое, что говорит Некла Келек, меня бы упрекнули в незнании, заносчивости и расизме. Разумеется, я разделяю её мнение, ибо оно соответствует моим собственным познаниям и опыту, а также доступным эмпирическим данным.

Некла Келек из-за её ясного анализа и стройных оценок навлекает на себя повышенную враждебность. Я присутствовал 9 ноября 2009 г. в церкви св. Павла, где она во время выступления заговорила об антисемитизме многолетнего главного муфтия Иерусалима и не обошла молчанием поведение турок во Второй мировой войне. После этого генеральный консул Турции покинул мероприятие. У многих добрых людей в немецких СМИ такие женщины, как Некла Келек, Сейран Атес или Хирси Али, вызывают досаду, потому что они не встраиваются в их либеральный, тепловатый, избавленный от неудобных противоречий образ мира. Трудно навесить на турчанку ярлык немецкой националистки, но они всё равно пытаются это сделать.

Там, где представители объединений больше не могут скрыть неудачу интеграции, они пытаются вменить это в вину принимающей стране. Пожарный Сейхун Хептайгун был в 1984 г. первым турком в берлинской пожарной службе: «Я закончил начальную школу, стал механиком по электрооборудованию. Но я был целеустремлённым человеком. Можно чего-то достичь, когда хочешь этого. Но захотеть надо самому»¹⁰¹. Кенан Колат, федеральный председатель турецкой общины в Германии, наоборот, требует «новой культуры гостеприимства в Германии, ибо открытым может быть лишь тот, кто чувствует себя уверенно». Это примечательное требование. В конце концов, двери открыты для всех одинаково, только одни в них проходят, а другие нет. Без поддержки родительских домов, которой зачастую не хватает детям мусульманских мигрантов, школа даётся тяжело. А в результате родители переводят стрелки на интеграцию или сегрегацию¹⁰².

Чего мы хотим?

Право каждого государства и соответственно каждого общества — самому решать, кого принимать, а кого нет на свою государственную территорию или в своё общество, и они имеют право следить за тем, чтобы сохранялась культура и соблюдались традиции их страны. Иммиграционные страны, такие, как США, Канада и Австралия, всегда использовали это право и неизменно контролировали иммиграцию на предмет регионального и культурного происхождения, а также на предмет квалификации. И были в этом правы. В Германии и Европе такие соображения также легитимны, и они применяются всё больше. При этом не избежать разных суждений, да было бы и неправильно уклоняться от них. Эти суждения, от которых нельзя уклониться, касаются как требований, которые мы предъявляем способности и готовности мигрантов интегрироваться, так и вопроса, кого мы вообще хотим признавать в качестве мигрантов¹⁰³.

Для меня важно, чтобы Европа сохраняла свою идентичность как западноевропейская земля, а Германия сохраняла себя как страна немецкого языка, будучи европейской страной, объединённой с окружающими её французами, голландцами, датчанами, поляками и другими, но — с немецкой традицией. Эта Европа наших отчизн — секулярна, демократична, и она уважает права человека.

Если уж происходит иммиграция, то мигранты должны либо соответствовать этому профилю, либо приспособиться к нему в ходе интеграции. Я хотел бы, чтобы и мои праправнуки через 100 лет всё ещё могли

жить в *Германии*, если они этого захотят. Я не хотел бы, чтобы страна моих внуков и правнуков была преимущественно мусульманской, чтобы в ней повсюду говорили по-турецки и по-арабски, женщины носили головные платки, а ритм дня определялся призывами муэдзина. Если мне захочется всё это ощутить, я устрою себе поездку в отпуск на Восток.

Будущая Европа и Германия естественным образом должны располагать религиозной свободой, и если имамы будущего обратят в ислам автохтонных немцев и европейцев, этому так же мало можно будет воспрепятствовать, как мало могла препятствовать Римская империя распространению христианства. Поживём — увидим.

Я не хотел бы, чтобы мы стали чужими в собственной стране, даже в отдельных её регионах. Внушающий страх правый радикализм поощряется не тем, что мы ясно выражаем наши легитимные предпочтения и выстраиваем по ним свои политические действия, но тем, что позволяем нежелательным явлениям прокрасться в нашу жизнь. В меньших странах — таких, как Голландия, Бельгия и Дания, — ощущение угрозы уже сильнее, чем в Германии, поэтому там острее дискуссии, строже законы въезда и прочнее стоят на ногах правонационалистические течения¹⁰⁴.

Ассимиляция — это преступление?

Ассимиляцию и интеграцию любят противопоставлять. Собственно, это мнимая противоположность и вопрос терминологии. Ибо кто интегрирован, тот и ассимилирован в некоторой степени, а быть ассимилированным нельзя, не интегрировавшись. Но дело явно имеет своё значение, и потому давайте отдадим ему должное.

Главный муфтий Боснии и Герцеговины, Мустафа Церич, выражается осторожно и прагматично: мол, открытость другим религиям и культурам «важна для интеграции. Она есть золотая середина между ассимиляцией и изоляцией. Я не сторонник ни ассимиляции, при которой человек теряет свою идентичность, ни изоляции, при которой человек отрезан от общества той страны, которая приняла его. Первым делом следует чтить законы принявшей тебя страны. Второе — необходимо выучить язык. Третье — быть полезным обществу, в котором живёшь»¹⁰⁵.

Исследователь интеграции Штефан Люфт формулирует более абстрактно, но в том же направлении: «Условием успешной интеграции является известная мера ассимиляции. Ассимиляция — условие возможности успешной интеграции... На уровне индивидуума интеграция и ассимиляция

не означают, что иммигрант должен отречься от своего происхождения, отказаться от традиций и приоритетов и т. п.»¹⁰⁶. Но нельзя стремиться к стойкому дифференцированию, ибо «все стойко этнически дифференцированные общества представляют собой, более или менее выражено, этническое расслоение. Практически нет этнически дифференцированных обществ, которые не были бы одновременно этнически расслоённым обществом»¹⁰⁷.

Хартмут Эссер различает следующие уровни ассимиляции:

- культурная ассимиляция (знания, навыки, язык);
- структурная ассимиляция (утверждение в образовании и на рынке труда);
- социальная ассимиляция (сеть взаимоотношений, брачное поведение);
- эмоциональная ассимиляция (идентификация, продиктованная чувством)¹⁰⁸.

Данное перечисление подтверждает, что интеграция без известной меры ассимиляции вообще невозможна. В принципе излюбленная формула «интеграция — не улица с односторонним движением», при помощи которой внушается движение навстречу друг другу принимающего общества и приезжих, прикрывает основополагающую необходимость приспособления, чтобы интеграция успешно состоялась.

Интересно разобраться с мнением турецкого премьер-министра Эрдогана по поводу ассимиляции. Турция во всяком случае является экономически наиболее прогрессивной и наиболее демократичной страной исламского культурного круга. Да, собственно, она единственная исламская страна, которая худо-бедно соответствует масштабам западной демократии. К тому же Турция стремится стать членом ЕС. В настоящее время в ЕС живут 5 млн турок. Итак, проштудировав речь, которую премьер-министр Турции произнёс 10 февраля 2008 г. в Кёльне под неистовое ликование 20 тыс. слушателей с турецкой миграционной историей¹⁰⁹.

Эрдоган начинает: «Турецкая община и турецкий человек, куда бы они ни пришли, приносят с собой только любовь, дружбу, покой и защищённость. Ненависть и враждебность никогда не могут быть нашим делом». Другими словами, это значит: ненависть и враждебность — всегда дело других. Можно ли всерьёз представить, чтобы западный государственный деятель говорил нечто подобное своим соотечественникам за рубежом и чтобы он вообще такое говорил? Нет, он бы поостерегся выставлять себя на посмешище, и ему бы никто не поверил. Это — в лучшем случае — риторика, присущая наивному национализму конца XIX в. или происходящая из чуждой нам культуры. Вообще же это язык шовинизма. Эрдоган продолжает: «Вот уже 47 лет, как вы своей работой, своими стараниями вносите

вклад в то, что Германия идёт вперёд, что Германия становится в Европе и в мире могущественной страной... Ваши глаза и уши всегда были обращены в сторону Турции... Я очень хорошо понимаю чувствительность, которую вы выражаете по отношению к ассимиляции. Никто не может ожидать от вас, чтобы вы подчинились ассимиляции. Ибо ассимиляция есть преступление против человечности».

Не говоря уже о неумеренности в выборе слов, этот пассаж отнюдь не является случайным промахом. Для этого он слишком тщательно составлен. Эрдоган хвалит турок в Германии за то, что они остаются турками; он призывает их и впредь оставаться ими и не приспосабливаться к принявшему их обществу. Кроме того, он явно претендует на то, чтобы в качестве турецкого государственного деятеля говорить от имени всех турецких мигрантов в Германии, то есть Эрдоган стремится к стойкой консервации турецкого меньшинства в Германии, которое первым делом должно ориентироваться на страну происхождения. Это тоже шовинизм.

Эрдоган грозит в отношении вступления в ЕС: «Да, вы уже в Европейском союзе... У нас уже и без того почти пять миллионов наших граждан находятся в Европейском союзе». Так и хочется добавить: все 5 миллионов слушают Эрдогана, а не те государства, которые приняли их к себе. Будь это иначе, ассимиляция уже бы состоялась, и тем самым состоялось бы «преступление против человечности».

За несколько дней до этого компания ARD показывала место преступления в Людвигсхафене: там было совершено насилие и убийство в семье турецких алевитов. Эрдоган почти неприкрыто требует цензуры: «Свобода прессы никогда не может быть неограниченной. Свобода мнений никогда не может быть неограниченной. Свободы простираются лишь до границ областей свободы других». Это не имеет ничего общего со свободой прессы. Кстати сказать: речь шла не о предоставлении свободы детской порнографии, и речь шла также не об отрицании холокоста. Речь шла всего лишь о криминальной истории в семье турецких мигрантов.

Скажем сдержанно: Турция Эрдогана не подходит Европе в культурном отношении, а страна, которая хвалит своих мигрантов за то, что они не ассимилировались в принявшем их государстве, является нарушителем спокойствия в мирном сосуществовании.

Допустим (а мы, пожалуй, должны сделать это допущение), что речь Эрдогана является зеркалом турецкой души, и тогда нечего удивляться недостаточному успеху в интеграции турецких мигрантов. Турки в Германии, следующие желанию Эрдогана так и оставаться турками, да ещё при этом

размножаться на уровне выше среднего, со временем нанесут ущерб культурной идентичности Германии, поскольку они ставят вне закона закономерность действительной интеграции: «Внутри Европы переселяются лица определённой этнической принадлежности в область другой этнической принадлежности, затем при помощи языка они постепенно меняют и свою культурную идентичность, и самое позднее их дети становятся полностью интегрированными членами солидарной общины страны их выбора. Так, из французов, итальянцев и поляков становятся немцами и наоборот»¹¹⁰, — констатирует австрийский исследователь поведения Иреней Эйбл-Эйбесфельдт. Но в этом, кажется, и состоит самый большой страх турок. Хотя они и потребляют в Германии чуть ли не исключительно турецкие СМИ, тем не менее реакция на позицию некоторых турецких передач, идущих на немецком радио и давно не пользующихся спросом, была просто безмерной¹¹¹.

Мусульманские мигранты и среди них турки хоть и интегрируются существенно медленнее, чем другие мигранты, но всё же меняются. Тот, кто вырос в Германии, замечает, самое позднее, приехав в Турцию, что он теперь «дойчлэндер», а не настоящий турок¹¹². Плохо только, что многие «дойчлэндеры» в итоге не являются ни настоящими турками, ни настоящими немцами.

Говорят, интеграция имеет дело с заботой об идентичности, с болью и страхом потерь. Говорят также, что дело тут не только в деньгах или работе. Тот, кому принадлежат эти слова, знает, о чём говорит: Ахмед Абуталеб, приехавший из Марокко в 1976 г. в возрасте 15 лет, закончил институт по специальности «телекоммуникация», стал государственным секретарём по социальным вопросам, и с октября 2008 г. он — бургомистр Роттердама. Сегодня он говорит: «Если рассматривать культурные различия лишь как обогащающий фактор, то остаются вне поля зрения чувства многих частей общества»¹¹³.

Видимое различие между мусульманскими мигрантами и принимающими их обществами лежит не в цвете кожи и не в строении лиц. Большинство арабов и турок можно принять за греков или южных итальянцев, а пакистанцев за индийцев. Видимое различие, которое создаёт чувство дистанции, да и призвано, пожалуй, его создавать, состоит в одежде женщин, прежде всего в головном платке. Он стал знаком того, что ислам имеет общественно-политическое измерение и по ту сторону религии.

Переход от головного платка через покрывало к парандже — плавный. Такой же плавный, как переход от послушной мусульманской девочки, выходящей замуж за молодого человека, которого ей подыскал отец, потому, что так велит традиция, к подавленной молодой женщине, которой против её воли пришлось бросить школу и вступить в брак, которого она не хочет.

Если она попытается вырваться, в Турции ей грозит насилие, похищение, а в худшем случае убийство «во имя чести».

Все исламские общества ограничивают свободу женщины и указывают ей на её более низкий ранг. Разница в ранге выражается хотя бы в том, что мужчинам разрешено многожёнство, а женщинам нет. Некла Келек осуждает: «Западные интеллектуалы любят призывать к спокойствию в отношении вопросов одежды. Мол, от этого не рухнет демократия ни у нас, ни в Турции. Я не разделяю это мнение, ибо головной платок — это передовое знамя целой идеологии, коллективистского и патриархального общественного образования»¹¹⁴.

Среди мусульманских женщин в Германии 33% носят головной платок, 53% отказались от него. Правда, среди 18–29-летних молодых женщин головной платок носят 34%, среди 30–39-летних их 37%, а среди женщин старше 60 — всего 27%. Так же, как и в Турции, где сейчас 61% женщин носят платки, в Германии распространение головных платков набирает силу¹¹⁵. Достоверны ли эти цифры, собранные «Монитором религий» фонда Бертельсмана* путём опроса, неизвестно. Остаётся открытым вопрос, традиционные ли круги были охвачены этим опросом.

Те, кто носит головной платок, признают себя причастными к традиционной интерпретации ислама. Но в Коране завет ношения головного платка или тем более покрывала нигде не прописан. Вместе с тем головной платок означает признание подчинённого положения женщины по отношению к мужчине и ограничения её свободы. В то время как среди старших головной платок был также выражением крестьянской традиции, среди более молодых, если его носят добровольно, это сознательно подаваемый сигнал.

Если мусульманские девочки, следуя воле родителей, носят головной платок в школе и школа это терпит, значит, государственное учреждение соглашается с тем, что девочки подлежат бóльшим ограничениям и пользуются меньшими правами, чем мальчики. Это неправильно, если государственные учреждения подают такие сигналы. Однако созванная федеральным министром внутренних дел исламская конференция подала именно такой сигнал, предложив передать решение о ношении религиозной одежды в ведение родителей или опекунов. Тем самым впервые шариятская мысль нашла вход в немецкую государственную структуру.

* *Фонд Бертельсмана* — некоммерческий фонд в Германии, который предоставляет консультации по вопросам политики и занимается поиском инновационных и гуманных решений глобальных проблем человечества, а также исследованием международных отношений.

Исторический источник *хиджаба*, головного платка или покрывала — ортодоксально-консервативный ислам с его враждебным по отношению к женщине преданием, и именно там собираются силы, которые настаивают на головном платке¹¹⁶. Ведь он является отличительным признаком не ислама, а единства религиозного и общественного порядка, который нормируется шариатом. Шариат, за немногими исключениями, во всех исламских странах, а также в определённых частях Африки и Юго-Восточной Азии является существенным или единственным источником права в гражданском процессе. Гражданского судопроизводства, отключённого от религиозных норм, не существует. Исключение — Турция, где с 1926 г. судопроизводство ведётся по швейцарскому гражданскому кодексу. Это ничего не меняет в том, что и дальше как официальная, так и частная жизнь подлежит законам шариата.

Мусульмане рассматривают в целом как признанную истину то, что женщины не равноценны мужчинам. Это высшее положение мужчины выводится из Корана, в частности из таких стихов, как сура 4, 34: «Мужчины отвечают за женщин, поскольку Аллах отличил одних от других и потому, что они уступают по своим возможностям. Поэтому добродетельные женщины послушны»¹¹⁷.

Шансы женщин в образовании и карьере проявляются в таких странах, как Иран или Саудовская Аравия, по большей части на основе двойного занятия позиций* вследствие раздельного воспитания мальчиков и девочек. То есть там должны быть женщины-врачи и женщины-учителя. Однако карьера женщин всегда зависит от согласия мужчин¹¹⁸. Последовательное пренебрежение и поражение в правах женщин в исламской культуре и предписанная мужчине позиция превосходства объясняют также, почему секулярные мужчины-мусульмане имеют намного более спокойное отношение к традиционным аспектам их религии, чем секулярные мусульманки или тем более феминистки. Ведь подавление и поражение в правах человека в исламе касаются 90% женщин. По этой причине швейцарская правозащитница Юлия Онкен голосовала за запрет минаретов: «Минарет — политический символ правопорядка, в котором права женщин даже не возникают, и тем самым знак для государственного признания подавления женщины»¹¹⁹.

Структура семьи в исламе иерархическая и строго ориентирована на мужчину как главу. Этот ролевой образец делает для мусульманских

* Девочек в школах учат женщины, мальчиков — мужчины; женщин в больницах лечат женщины-врачи, мужчин — мужчины-врачи. Одну и ту же вакансию занимают два человека: мужчина (для мальчиков и мужчин) и женщина (для девочек и женщин).

молодых мигрантов приспособление вдвойне тяжелым. Ведь в Германии молодой человек недалеко уйдёт с такими понятиями о «чести», «власти», а также склонностью к насилию. Режиссёр Фатих Акин в юности, которая прошла в Гамбурге, был членом турецкой преступной банды. Оглядываясь назад, он говорит: «Можно сказать, в эту структуру меня ввёл своим примером отец. А вывела меня оттуда мать». Она бросила на чашу весов свою жизнь и потребовала от него: «Ты спасёшь меня, если будешь учиться в школе как следует и перестанешь творить это безобразие. Иначе я не стану жить»¹²⁰.

Семейное объединение определяет также и брачное поведение. Турецкие мигранты более чем в 90% случаев выбирают себе для брака турецких партнёров; около 60% браков турецких граждан в Германии заключаются с партнёрами из Турции¹²¹. Эти импортируемые партнёры имеют очень низкое образование. В Берлине 10% из них неграмотны, 28% посещали школу лишь до 5-го класса¹²². Зачастую импортируемые партнёры происходят из той же местности, а то и из родственников семьи, в которую они входят, вступая в брак. Часто это двоюродные братья и сёстры. Целые кланы имеют давнюю традицию родственных браков, что соответственно приводит к большому числу инвалидов в потомстве. Известно, что доля инвалидов по рождению среди турецких и курдских мигрантов намного выше среднего уровня¹²³.

Завоевание посредством фертильности?

В мае 2004 г. в газете *Hürriyet* было напечатано, что немецко-турецкий предприниматель Фура́л Огер во время обеда с турецкими предпринимателями заявил: «В 2100 г. в Германии будет 35 млн турок. Число немецких жителей тогда будет составлять приблизительно 20 млн». Если верить газете, он добавил к этому: «То, что начал султан Сулейман Кануни в 1529 г. осадой Вены, мы осуществим при помощи жителей, наших сильных мужчин и здоровых женщин»¹²⁴. Позднее предприниматель пояснял, что это была шутка, что он всего лишь хотел тем самым призвать немецких женщин рожать побольше детей.

Шутка это или нет, а цифры вполне соответствуют: если коэффициент фертильности немецкого автохтонного населения останется там, где он находится вот уже 40 лет, то в течение трёх следующих поколений число немцев упадёт до 20 млн. В остальном абсолютно реалистично, что мусульманское население при помощи высокого коэффициента рождаемости

и продолжающейся иммиграции к 2100 г. может вырасти до 35 млн. Многие турки мыслят в таких категориях. С этим хорошо сочетается угрожающий тон Эрдогана в его речи в Кёльнской Арене, когда он сказал, что в странах ЕС уже проживает 5 млн турок. С этим согласуются и многие другие высказывания официальной стороны¹²⁵, а также ход дел в самой Турции. Население этой страны за последние 80 лет выросло впятеро. Из-за того что в среднем люди очень молоды, число рождений на 1000 жителей там вдвое больше, чем в Германии.

Однако по сравнению с другими мусульманскими странами этот рост населения ещё довольно умеренный. Бременский социолог Гуннар Хайнзон произвёл следующие расчёты: если бы немецкое население начиная с 8 мая 1945 г. имело такой же коэффициент рождаемости, что и тогдашнее население Палестины, то сегодня в Центральной Европе было бы 600 млн немцев¹²⁶. Конечно, такое нелепо и является чисто теоретическими расчётами. Но это наглядно показывает динамику различных коэффициентов рождаемости.

Сдвиг структуры населения за счёт разных коэффициентов рождаемости изменяет облик мира, отдельных регионов и целых государств за исторически очень короткое время. Дорис Лессинг* писала в своих воспоминаниях, что её родина Родезия была практически безлюдна, когда её открыл Сесиль Родс. Тогда там жили около 250 тыс. чёрных. Разведение колонистами кукурузы повысило базис пропитания чёрного населения и сделало возможным его размножение. Когда Дорис Лессинг покидала Родезию в 1949 г., там жили 1,5 млн чёрных, а сегодня их 13 млн¹²⁷.

Высокие коэффициенты рождаемости мусульманских мигрантов — всеевропейское явление: в Турине, где мигранты с 1990-х гг. в течение короткого времени достигли 10% населения, доля их рождаемости составляет уже 25%. Пятая часть детей в Копенгагене, треть детей в Париже и половина детей в Лондоне рождаются у мигрантов. Во Франции французские женщины в среднем имеют по 1,7 ребёнка, мигранты — по 2,8, но мигранты из Туниса, Турции и Марокко — в среднем по 3,3–3,4 ребёнка, а это больше, чем рожают женщины у них на родине¹²⁸.

К сожалению, в немецкой статистике рождаемости не учитывается религиозная принадлежность и происхождение матерей. Ни цифры рождаемости, ни нетто-коэффициент воспроизводства мигрантских групп

* Дорис Лессинг — английская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (2007).

различного происхождения из статистики рождаемости извлечь нельзя. Однако возможны косвенные заключения: в 2007 г. в Германии было около 3,4 млн детей в возрасте до 5 лет. Из них около 66,1% не имели миграционной истории, а 5,1% её имели; 18% жили в домохозяйствах без указания данных о происхождении или с недостоверными данными. Очевидно, мигрантские домохозяйства с отсутствующими или противоречивыми данными о происхождении как раз особенно многодетны. Это даёт возможность сделать заключение, что очень большая часть этих детей — если не бóльшая — точно так же может быть отнесена к мусульманским мигрантам. Отсюда получается, что доля мусульманских детей среди детей в возрасте до 5 лет колеблется от 14 до 23%¹²⁹. По оценке религиоведа Михаэля Блюме, в Германии к 2030 г. будет около 7 млн мусульман. Они будут жить преимущественно в больших или средних городах и будут составлять там около трети жителей, их коэффициент рождаемости будет оставаться по-прежнему выше, чем у немцев¹³⁰.

На высокий коэффициент рождаемости мусульманского населения в Германии воздействуют многие факторы.

1. Патриархальные отношения в большей части семей мусульманских мигрантов.

С этим фактором взаимосвязана низкая степень эмансипации, низкое образование и ранний возраст вступления в брак у девушек и молодых женщин.

2. Слабое участие в рынке труда как в целом мусульманских мигрантов, так и в частности женщин.

Это снижает издержки неиспользованных возможностей в профессии и упущенной выгоды при рождении детей.

3. Высокая зависимость мигрантского мусульманского населения от социальных выплат.

В домохозяйствах, живущих главным образом за счёт основного обеспечения, жизненный стандарт повышается с рождением детей, соответственно меняется и детородное поведение. В этой группе каждый следующий ребёнок не понижает, а повышает стандарт жизни.

4. Высокая религиозность мусульманских мигрантов.

Высокорелигиозными называют себя 44% турецких и 37% арабских мигрантов¹³¹. Для 90% высокорелигиозных среди мусульман семья и дети очень важны, а молодые мусульмане более религиозны, чем старшее поколение¹³².

Блюме исследовал в целом взаимосвязь между религиозностью и фертильностью и пришёл к результату, что во всех культурах и при различных направлениях веры религиозные люди более плодовиты, чем нерелигиозные¹³³. Если интеграция мусульман в немецкое население протекает

успешно, то прогрессирующее равноправие полов, а также выравнивание стиля жизни и образцов профессиональной карьеры могут позаботиться и об известном выравнивании репродуктивного поведения. Однако если религиозные связи мусульман останутся выше среднего, то можно предположить, что и коэффициент рождаемости будет ещё долго и прочно выше, чем у немецкого населения.

Независимо от того, что немецкое население сокращается на основе различий в фертильности между автохтонами и мусульманскими мигрантами намечается сдвиг структуры, и это касается более или менее всей Европы. Со времени переселения народов влияние миграционных движений на состав населения было, скорее, малым. В Англии, например, генетические исследования показывают, что 75% наследственности происходит от того населения, которое жило там ещё 7500 лет назад. В Ирландии лишь 12% генетического материала происходит из позднейшего времени¹³⁴.

Можно называть это крахом культуры или как-то иначе, но если описанные тренды продолжатся, то секулярная и, на наш взгляд, культурно предпочтительная форма жизни Европы в конечном счёте будет потоплена под давлением более высокой фертильности мусульманских мигрантов и под начавшимся процессом нового пополнения. Кто активнее размножается, тот и будет владеть Европой. Хотим ли мы этого?

Социальное государство и интеграция

В Турции отсутствует основное обеспечение или социальная помощь, как в Германии, так же обстоит дело и в других мусульманских странах. Кто так или иначе пробился в Германию или другую западноевропейскую страну и получил там легальный статус, тот обеспечил себе доход без работы, только лишь через социальные трансферты, которые намного выше, чем он мог бы заработать у себя на родине. Это тем более верно, если у него есть семья. Наша форма финансового поощрения семьи совершенно неведома в странах происхождения мигрантов.

В классических мигрантских странах, таких, как США, Канада и Австралия, такого нет. Только после многих лет присутствия в США человек может претендовать на социальную помощь, которая, однако, по сравнению с немецким основным обеспечением крайне скудна и к тому же ограничена пятью годами. Тот, кто приезжает в США, легально или нелегально, должен рассчитывать на собственные силы. Тот же, кто приезжает в Германию, уже обеспечен — независимо от собственных сил и трудоспособности.

Закономерно было бы предположить, что иммигранты в Германии довольны жизнью, а в США недовольны, но дело обстоит как раз наоборот: иммигрантов в США опрашивали, сколько времени прошло, прежде чем они начали чувствовать себя «комфортабельно» и «полноправными членами общества». Так вот, 77% опрошенных сказали, что на это ушло менее 5 лет. Лишь 5% иммигрантов ответили, что так и не почувствовали себя дома. В отличие от этого 58% граждан турецкого происхождения в Германии высказались, что чувствуют себя нежеланными, и 78% граждан сказали, что у них нет чувства, что Ангела Меркель их государственный канцлер¹³⁵.

Объяснение таких высказываний лежит на поверхности: в США едут лишь те, кто в себе уверен. Когда человеку удаётся интегрироваться в общество своими силами — на каком бы то ни было уровне, — он испытывает гордость за свои достижения и благодарность тому обществу, которое предоставило ему шанс. А тот, кто получил что-то даром, испытывает в лучшем случае поверхностную благодарность, а в большинстве случаев вообще никакой. Одаряемый не чувствует, что его уважают и принимают всерьёз. Чтобы подкрепить своё эго, он развивает неприязнь по отношению к благодетелю. Это элементарные психологические механизмы, из которых человеку не вырваться. Это частично объясняет, например, то глобальное недовольство, которое вызывает объединённая Германия у многих восточных немцев. Когда слишком многое получаешь даром, почти не прикладывая к этому усилий, чувствуешь, что с тобой обошлись несправедливо. США, которые не поддерживают материально своих иммигрантов, получают, наоборот, лучших иммигрантов, которые к тому же быстрее интегрируются:

«Массовая иммиграция не без труда вписывается в концепцию щедрого государства всеобщего благосостояния, но этот аргумент больше относится к Европе, чем к США. В Америке пособие, которое получают трудоспособные взрослые мужчины, обеспечивает лишь прожиточный минимум. Поэтому иммигранты работают, а это означает, что они не являются значительной обузой для государственной казны, и у них нет иного выбора, кроме ассимиляции. Люди, которые работают вместе, должны ладить друг с другом, что они, как правило, и делают. Поскольку иммигранты вынуждены работать, в Америке нет гетто, где обитают постоянно безработные и отчуждённые мужчины-иммигранты, как, например, во Франции. Именно поэтому иммигранты редко участвуют в акциях протеста. Они слишком заняты, зарабатывая себе на жизнь»¹³⁶.

В классические страны иммиграции устремляется гораздо больше работоспособных иммигрантов, поскольку менее работоспособные не видят там шансов для себя, и эти страны дают иммигрантам другую социализацию, потому что искушения основным обеспечением без работы и социальной подстраховочной сеткой там нет. Кроме того, эти страны не находят ничего плохого в том, чтобы самим проверять своих иммигрантов по экономическим и социологическим критериям. Австралийские миграционные органы уже несколько десятилетий используют «диктовочные тесты» из 500 слов, при помощи которых отсеивают всех, кто не говорит как следует по-английски и не может предъявить определённый уровень образования.

Естественно, в США также образуются параллельные общества различных наций, языков и этносов. Но они имеют другой характер, поскольку каждому *приходится* зарабатывать себе на хлеб, что он и делает, и в какой-то момент параллельные общества растворяются; если же нет, то это тоже неплохо, поскольку каждый обязан соблюдать культуру большинства. В Германии этнические колонии устраиваются с большим размахом благодаря постоянному пополнению в социальную систему. Около 30% приезжающих супругов освобождены от платы за курсы по интеграции, поскольку их партнёры живут за счёт социальных пособий¹³⁷.

Особенно наглядно ошибочные стимулы немецкого социального государства заметны на семьях с миграционной историей. Такие семьи представлены выше среднего уровня среди получателей основного обеспечения. В то время как нуждающаяся семья без миграционной истории в среднем состоит из 1,8 человека, в домохозяйствах с миграционной историей их 2,8. Мигрантские домохозяйства, получающие основное обеспечение, заметно более удовлетворены своим жизненным стандартом, чем домохозяйства без миграционной истории, и они больше могут себе позволить¹³⁸. Это и понятно: благодаря величине семей трансфертные выплаты доходят зачастую до 3000 евро в месяц и более, а это намного больше, чем — ввиду низкого образования и недостаточного знания языка — они могли бы добиться на рынке труда, и в любом случае гораздо больше, чем они могли бы зарабатывать в стране своего происхождения. Если что-нибудь перепадает дополнительно за счёт нелегальной работы — тем лучше.

Абстрактные познания исследователя подкрепляются опытом на местах: Астрид-Сабине Буссе, директор полудневной начальной школы в Нойкёльне, где учатся 654 школьника, из которых 80% — дети мигрантов и 80% — дети из социально неустойчивых семей, жалуется на чрезвычайно высокий приток арабов:

«Они и в школе остаются среди своих. Здесь уже невозможно интегрироваться. Они занимают какой-нибудь квартал и катаются как сыр в масле. Я же вижу по списку на продовольственные дотации, сколько денег на самом деле в этих семьях, и всё это — социальная помощь; если детей много, то получается 3000–3500 евро. Тут хотели сделать передачу о малодетности в среде мигрантов. Я сказала, это не про нас, ведь я не могла предъявить им бедных работающих людей; кухонные работницы нашей школьной столовой получают в час 7 евро брутто... а эти люди не работают, но получают больше. Знаете, сколько социальной помощи каждый месяц выдаётся только родителям моей школы? 400 тыс. евро!»¹³⁹

Система извращена. Ни одна из арабских семей, дети которых посещают начальные школы Нойкёльна, не получила бы в США ни цента. Поэтому они находятся не там, а в Германии. Индийские информатики, напротив, предпочитают ехать в США. По причине щедрых выплат немецкого социального государства мы производим отрицательный отбор иммигрантов. Система трансфертных выплат назначает большие премии за их плодovitость, тем самым притягивая завтрашний мигрантский нижний слой. Хорошее обеспечение, кроме того, способствует тому, что отсутствует всякое давление интеграции. Из арабских мальчиков в этой начальной школе получатся преступные подростки завтрашнего дня, тогда как девочки рано выйдут замуж, родят много детей и за счёт высоких трансфертных выплат обеспечат своей семье доход.

Круговое обеспечение, которое гарантирует немецкое социальное государство, приманивает мусульманских мигрантов и одновременно топит все усилия по интеграции. Редактор газеты *Die Zeit* Штефания Фламм написала статью о тех мигрантах, которые изо дня в день жарят мясо на гриле в берлинском районе Тиргартен. В конце статьи она пишет: «Внушают тревогу вопросы, на которые наводит мусор, разбросанный там повсюду: как может быть, что Мехмет и Айзу Хенки после более чем двадцати лет жизни в Германии не знают иных мест для мусора, кроме тиргартенских кустов, которые так им приглянулись? Как может быть, что никто в семье Райян не имеет постоянной работы? И что Райян замужем за мужчиной, который диктует ей, как поступать, хотя сам не умеет даже ориентироваться по карте города?»¹⁴⁰

Поведение, которое мусульманские мигранты могут безнаказанно демонстрировать в немецком социальном государстве, у себя на родине привело бы их к тому, что они бы просто пропали. Прибыв к нам, они были

по большей части необразованны и несведущи, но, возможно, были готовы работать. Германия, предоставив им возможность получать поддержку больше, чем они когда-либо могли бы заработать своим трудом, систематически их развращает, хотя делает это и не намеренно.

Хайнц Бупковский рассказывает об одной турецкой парикмахерше, которая вместе со своей парикмахерской перебралась из Нойкёльна на Курфюрстендамм. Среди получателей основного обеспечения в Нойкёльне она уже не могла найти сотрудников, достаточно квалифицированных и вместе с тем готовых работать за плату по тарифу.

Юта Паше повествует о турецкой девушке, которая принимала участие в межзаводском обучении при рабочей благотворительной организации в Хамме. Она цитирует учительницу: «Девушки хотят лишь пересидеть здесь пару лет до замужества и даже не думают о выборе профессии». Охотнее всего они работали бы необученными в гладильной. При посещении Турции девушки узнали, что там среди ровесниц их обучение при рабочей благотворительной организации вообще ни во что не ставится. Один мальчик из 9-го класса обратил внимание на то, что в Турции школьники честолюбивее и больше хотят учиться. В Германию он вернулся с выводом: «В Турции не проживёшь, не работая. А здесь в любом случае будешь сыт»¹⁴¹.

Итак, совсем не надо быть социологом, чтобы понять, *что* именно не в порядке с мусульманскими мигрантами в Германии. Те немногие, кто находит выход и делает карьеру, страдают от низкого престижа своих земляков. Они, скорее всего, уедут, если им представится шанс в странах происхождения. Те же, кто образует негативный отбор, останутся и будут производить на свет детей больше, чем в среднем по стране.

Криста Людвиг, вышедшая на пенсию учительница из Бонна, предполагает: «Очевидно, что школьные власти, министр культов и большая часть политиков боятся требовать от неграмотных слоёв соблюдения существующих законов и предписаний, потому что могут вызвать этим волнение в СМИ и среди общественности. При этом они пренебрегают законами ответственности перед собой, которые, в конце концов, лежат в основе демократии»¹⁴². В обществе есть потребность в культуре усилия, а мы поощряем и вознаграждаем культуру гамака.

Нихат Зоргес, руководитель Берлинских образовательных мастерских в Кройцберге (BWK), предлагает профессиональную подготовку и обучение для подростков, в основном с миграционной историей, которые после окончания школы оказались неспособны к дальнейшей учёбе либо не нашли место производственного обучения. Зоргес приехал в Германию

из Турции в 1972 г. в возрасте 15 лет и изучил немецкий язык, регулярно посещая городскую библиотеку. Теперь он пытается убедить молодых мигрантов в том, что от них самих во многом зависит, достигнут ли они успеха в жизни или нет. «Жалостливый менталитет некоторых турецких организаций — это нехорошо», — говорит он. Отговорка, мол, шансов всё равно нет, порождает упрёк, адресованный многим, что они и не пытались хоть что-то изменить¹⁴³.

Что делать?

Во многих ответах на вопрос, как улучшить интеграцию мусульманских мигрантов, как повысить их участие в наёмном труде и уменьшить зависимость от социальных трансфертов, на первом плане стоит триада: язык, воспитание детей в раннем возрасте и образование. И так будет всегда. Но остаётся открытым вопрос: почему мигрантам из мусульманских стран интеграция даётся настолько труднее, чем другим мигрантским группам. Различные варианты объяснения — культурная матрица, брачное поведение, нижний слой — здесь уже обсуждались. Что бы ни предпринималось против этого, основное условие сводится к следующему: социально-психологический климат принимающего общества должен сообщать мигрантам *ясную позицию своих ожиданий*. Такие ожидания одновременно являются и лучшей «культурой гостеприимства», выражаясь излюбленным языком представителей мусульманских объединений. С этим в последние десятилетия дело не ладилось. Суть должна быть следующей.

Тем, кто уже здесь и имеет легальный статус пребывания, — добро пожаловать. Но мы ожидаем от вас, что вы выучите язык, будете содержать себя, зарабатывая своим трудом, что у вас будет определённое честолюбие в отношении образования ваших детей, что вы приспособите свои обычаи и обряды к Германии и что со временем станете немцами — если не вы, то, самое позднее, ваши дети. Если вы исповедуете ислам — хорошо. На это у вас есть такое же право и такие же обязанности, как и у немцев, будь они евангелисты, католики или язычники. Но мы не хотим национальных меньшинств. Тот, кто хочет оставаться турком или арабом и желает того же для своих детей, тому будет лучше в стране его происхождения. А тот, кого в первую очередь интересуют блага немецкой социальной системы, того мы и вовсе не хотим у себя видеть.

Представители мусульманских объединений, естественно, понимают нашу «культуру гостеприимства» несколько иначе. Они хотят, чтобы мы

жалели мусульманских мигрантов из-за тяжкого бремени их жизни в Германии и чтобы мы чувствовали себя виноватыми, поскольку нам здесь живётся гораздо легче. Нам бы этого не хотелось. Мы желаем для Германии ясной культуры ожидания, в которой интеграция является для мигрантов первейшим долгом. Сторонники «культуры гостеприимства» понимают интеграцию, напротив, как долг, взыскиваемый с принимающей стороны. Для них типично выражение: «Они должны встречать нас там, где мы стоим». Но это абсурд! Никто не «встречал» немцев, итальянцев, поляков, евреев, приехавших в США, разве что родственники на пирсе в Нью-Йорке или на вокзале в Чикаго.

У нас же получается так, что никто не обязан интегрироваться. Достаточно того, что кто-нибудь заполнит мигранту заявление на основное обеспечение и поможет найти жильё. Интеграция, которая в классических странах иммиграции была вынужденной из-за активного участия в трудовой жизни, для мусульманских мигрантов в Германии становится роскошью, которую можно себе позволить, но никто к ней не обязывает.

В этом пункте необходимо что-то менять. Нельзя также допускать, чтобы дорога в немецкое социальное государство была возможна без «дорожной пошлины». Ясно выраженная установка, что мигранты обязаны исполнить долг интеграции, должна укорениться во всём обществе. Она должна находить своё выражение в дружелюбии, а также твёрдости и абсолютной однозначности — на всех уровнях, где происходит контакт с мигрантами. Эту позицию должны в равной мере выражать не только вербально, но и путём конкретных действий — консультант социальной службы, воспитательница детского учреждения и учитель в школе.

Помощь предоставляться должна. Но она должна иметь однозначно требовательный характер. Там, где требования не будут приняты и где, возможно, будут нарушены даже предписания закона, финансовые последствия должны быть незамедлительными и однозначными.

- Концепция Workfare, предложенная в главе 5, должна, разумеется, распространяться и на основное обеспечение мусульманских мигрантов. Это значит, что каждый трудоспособный человек должен в законные рабочие дни в твёрдо установленное время находиться там, куда его определили. Вместо общественно-полезного труда у тех мигрантов, кто недостаточно знает язык, обязательными являются курсы языка. Непунктуальность и неучастие влекут за собой отказ в получении пособия по безработице II, а ссылки на болезнь проверяются. Такая система действительно воспрепятствует нелегальной работе получателей

трансфертов, а побуждение устроиться на постоянную работу через рынок труда усилится.

- Для детей, начиная с 3-го года жизни, обязательно посещение детского сада. Полнодневный детский сад становится постоянной услугой. Обязательный язык в детском саду — немецкий, за этим следят воспитательницы. Центром тяжести работы в детском саду является речь, там много читают вслух. При отсутствии без уважительной причины основное обеспечение для ребёнка снижается соразмерно доле питания в детском саду. Эти вычеты пересчитываются по дням. Точно так же происходит и в школе. Полнодневная школа становится обычной формой обучения. Участие в дополнительных занятиях по выполнению домашнего задания обязательно для тех школьников, которые не отвечают стандарту знаний в удовлетворительном объёме. Нет никаких освобождений от определённых дисциплин по религиозным соображениям — например, от физкультуры и биологии. Как и во Франции, ношение головного платка в школе запрещено. Введение школьной формы предоставлено на выбор школы.
- Для приобретения гражданства страны ужесточается требование знания языка. Требования тестов по языку для прибывающих брачных партнёров повышаются. Эти тесты будут настроены на фактическую способность понимания в ситуациях повседневности. Воссоединение семей становится возможно только в том случае, если проживающий в Германии супруг в предыдущие три года обеспечивал себя сам, не прибегая к пособиям основного обеспечения. Прибывающий в Германию супруг в течение 10 лет не имеет права претендовать на основное обеспечение.
- Для дальнейшей иммиграции действуют чрезвычайно ограничительные условия, которые в принципе смогут исполнить лишь специалисты на верхнем конце шкалы квалификации. Тот, кто соответствует условиям квалификации, — а эти условия обсуждаются в Германии под ключевым словом «Greencard», — может, разумеется, приехать и из мусульманской страны¹⁴⁴. За приём и приют нелегалов устанавливаются чувствительные денежные штрафы, зависящие от доходов, которые приведут также к сокращению основного обеспечения. Биометрический паспорт, защищённый от подделки, закрепляет статус пребывания. Все, кто не является гражданином Германии, вводятся в центральный федеральный банк данных.

Цель предложенного здесь пакета мер состоит в том, чтобы улучшить и ускорить интеграцию тех, кто уже въехал в страну, а в остальном прекратить дальнейшую иммиграцию в Германию, за исключением высококвалифицированных экспертов. Все эти меры прагматичны, разумны и умеренны, но вместе с тем они вызывают ожесточённый отпор. Немецкое социальное право и право пребывания должны быть соответствующим образом изменены. Но это возможно лишь тогда, когда возобладает политический консенсус. В таких основополагающих политических вопросах нет ничего глупее ссылок на то, что, мол, некоторые вещи невозможны на правовых основаниях. Однако что разумно, то всегда возможно. Основной закон меняли и по гораздо более незначительным поводам.

Почему этот вопрос настолько значим? Потому что речь идёт о том, хотим ли мы сохранить основные черты нашей культуры, нашей идентичности и нашего жизненного пути и передать их своим потомкам — или мы хотим организовать проводы всему этому и управлять собственными поминками. Население Ближнего и Среднего Востока, Турции и Северной Африки выросло с 200 млн до 450 млн человек начиная с 1980 г. Оно стремительно растёт и дальше, несмотря на падение коэффициента рождаемости. Соответственно будет нарастать давление на границы Германии и Европы.

Если мы уступим этому давлению, мы ничуть не поможем странам происхождения, поскольку разгрузка за счёт отъезда там демографически едва ощутима. Если мы уступим этому давлению, то также не решим проблем Германии и Европы. Последние десятилетия показали, что финансовая и социальная стоимость мусульманской иммиграции была гораздо выше, чем вытекающий из неё экономический результат. Если мы не управляем пополнением, мы допускаем, в конечном счёте, изменение нашей культуры, цивилизации и характера нашего народа в ту сторону, которая никоим образом для нас нежелательна. Понадобится совсем немного поколений, чтобы мы стали меньшинством в собственной стране. Это не только проблема Германии, но и проблема всех народов Европы.

ДЕМОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА НАСЕЛЕНИЯ

**БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ ОТ УМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ,
ПОКА НЕ ПОЗДНО!**

И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнание — жизнь прямая;
Знание — смерть прямая нам.

*Фридрих Шиллер. «Кассандра»
(пер. В. А. Жуковского)*

Генеративное поведение общества в принципе определяется состоянием его развития и степенью модернизации. С индустриализацией во всех государствах и соответственно народных хозяйствах вступает в действие один и тот же сценарий: падающая детская смертность и растущая ожидаемая продолжительность жизни поначалу вызывают сильный рост населения, который через несколько десятилетий затормаживается вследствие падения коэффициента рождаемости. Стабильная или лишь медленно растущая ожидаемая продолжительность жизни и стабильный нетто-коэффициент воспроизводства вступают затем на тропу долгосрочного развития, типичными признаками которого являются увеличение среднего возраста и — при нетто-коэффициенте воспроизводства меньше единицы — непрерывное сокращение численности населения¹.

В разных государствах, несмотря на сопоставимые условия жизни, судя по всему, установились различные нетто-коэффициенты воспроизводства. Идёт дискуссия о том, миновало ли время особенно низкого нетто-коэффициента воспроизводства в 0,65 и менее или это есть как бы естественная нижняя граница падения фертильности². Этот вопрос можно оставить открытым; колебания всегда возникали временами и в прошлом. По крайней

мере, для Германии более подробный анализ показывает, что возобновление роста коэффициента рождаемости не намечалось³.

Шаблон падающих вначале показателей смертности и лишь позднее падающего числа рождений прослеживается повсюду в мире. В Европе и Северной Америке из-за временного опережения в индустриализации население поначалу сильно росло, но теперь — это видно по эффектам миграции — вступило в фазу стагнации либо падения численности.

С середины 1950-х гг. ООН регулярно даёт прогнозы развития населения мира, и в целом они оказываются на удивление верными⁴. Решающим для развития населения фактором, наряду с изменением ожидаемой продолжительности жизни, является число дочерей, приходящихся на одну женщину, так называемый *нетто-коэффициент воспроизводства*, ибо детей могут рожать только женщины. Если это значение приближается к единице, численность населения общества в долгосрочной перспективе стабильна, даже если поначалу ещё продолжает расти из-за высокой доли молодых.

В начале 1950-х гг. в среднем по всему населению мира на каждую женщину рождалось 1,66 девочки, то есть каждое поколение было в полтора раза больше, чем предыдущее (табл. 8.1). Для Европы этот показатель в начале 1950-х гг. составлял 1,17, правда, для Германии из-за последствий войны всего лишь 0,85.

Западная Азия, которую ещё называют Ближним и Средним Востоком, имела в начале 1950-х гг. нетто-коэффициент воспроизводства 2,17. В 1950 г. там жили 51,5 млн человек, то есть гораздо меньше, чем в Германии, которая тогда имела 68,4 млн жителей. Сегодня в Западной Азии живут 233 млн человек, а к 2050 г. их будет 372 млн.

Сходное с этим развитие наблюдается и в Африке, где в начале 1950-х гг. нетто-коэффициент воспроизводства составлял 1,92, он и по сей день опустился лишь незначительно: до 1,78. Африканское население выросло с 227 млн человек в 1950 г. до сегодняшних 1,033 млрд, то есть за 60 лет возросло почти в 5 раз. ООН исходит из дальнейшего удвоения населения здесь в ближайшие 40 лет почти до 2 млрд человек.

В других наименее развитых странах тренд проходит во многом параллельно Африке. По разграничению ООН это группа особенно неудачливых в развитии стран. Однако большая их часть находится в Африке. Эта группа в начале 1950-х гг. имела нетто-коэффициент воспроизводства 1,81 и теперь имеет всё ещё 1,73. Численность населения поднялась там с 200 млн в 1950 г. до сегодняшних 856 млн; по прогнозам ООН к 2050 г. оно удвоится до 1,67 млрд. Экономическая безуспешность и социальная

Таблица 8.1

**Сравнительная демографическая характеристика населения
земного шара, Европы и Германии**

Параметр	Насе- ление в целом	Европа	Герма- ния	Наиме- нее раз- витые страны	Запад- ная Азия	Африка
1950 г.						
Население (млн чел.)	2529,3	547,5	68,4	200,5	51,5	227,3
Средний возраст	24,0	29,7	35,4	19,5	20,7	19,2
Рождаемость/год (млн чел.)	98,3	12,0	1,1	10,2	2,6	11,5
Дочерей на женщину	1,66	1,17	0,85	1,81	2,17	1,92
Ожидаемая продол- жительность жизни	46,6	65,6	67,5	36,4	44,8	38,7
65 лет и старше (%)	5,2	8,2	9,7	3,1	4,3	3,3
2010 г.						
Население (млн чел.)	6908,6	732,8	82,1	855,7	232,7	1033,0
Средний возраст	29,1	40,2	44,3	19,9	25,0	19,7
Рождаемость/год (млн чел.)	136,1	7,7	0,67	28,1	5,3	35,1
Дочерей на женщину	1,09	0,71	0,64	1,73	1,37	1,78
Ожидаемая продол- жительность жизни	46,6	75,1	79,9	55,9	71,1	54,7
65 лет и старше (%)	7,6	16,3	20,5	3,3	4,7	3,4
2050 г.						
Население (млн чел.)	9150,0	691,0	70,5	1672,4	371,8	1995,5
Средний возраст	38,4	46,6	51,7	29,0	36,0	28,5
Рождаемость/год (млн чел.)	121,7	6,8	0,59	31,8	5,1	38,3
Дочерей на женщину	0,93	0,87	0,82	1,09	0,95	1,08
Ожидаемая продол- жительность жизни	75,5	81,5	84,4	68,5	78,5	67,4
65 лет и старше (%)	16,2	27,4	32,5	7,4	13,4	7,1

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat: World Population Prospects: The 2008 Revision.

отсталость — существенные стимулы для высоких коэффициентов рождаемости. Мы видим по Китаю, а теперь и по Индии и многочисленным развивающимся странам, что растущее благосостояние понижает нетто-коэффициент воспроизводства. Без большого успеха в развитии во многих частях мира не наступило бы наблюдаемое ныне замедление темпа роста населения.

Динамика населения в Африке, равно как и на Ближнем и Среднем Востоке, для Европы имеет особое значение, потому что 90% всех иммигрантов прибывает теперь в Европу из этих мест. Однако как бы ни был высок этот показатель миграции, он никогда не может быть высок настолько, чтобы «разгрузить» страны происхождения: в 2010 г. рождаемость во всей Европе составила 7,7 млн, из них 650 тыс. — в Германии, тогда как в Африке и Западной Азии родилось свыше 40 млн человек. Если по прогнозам ООН население там в ближайшие 40 лет «всего лишь» удвоится, то это произойдёт потому, что ООН рассчитывает на положительное экономическое развитие этих стран и в связи с этим предполагает сильное падение нетто-коэффициента воспроизводства до 0,95 в Западной Азии и до 1,08 в Африке.

Актуальный прогноз ООН показывает, что нетто-коэффициент воспроизводства населения мира к 2050 г. упадёт до 0,95, и тогда через несколько десятилетий рост населения прекратится⁵. Свыше половины ожидаемого к 2050 г. прироста населения придётся на Африку и Западную Азию, и это непосредственно затронет Европу, причем в большей степени, чем, например, рост населения на Дальнем Востоке и в Южной Америке.

За последние 60 лет население мира выросло с 2,5 до 6,9 млрд человек, к 2050 г. оно прибавится ещё на 2,2 млрд, дойдя до 9,1 млрд. В этом процессе роста происходит сильное перераспределение: ещё в 1950 г. доля Европы в мировом населении составляла 22%, теперь она составляет лишь 11,6%, а к 2050 г. составит 7,5%. Доля рождаемости Европы понизилась до 5,7%, а доля Африки повысилась до 25,8%. Доля рождаемости Западной Азии за последние 60 лет выросла с 2,6 до 3,9%.

Население населению рознь: средний возраст сегодняшних жителей Европы — 40,2 года (в Германии — 44,3 года), тогда как в Западной Азии — 25 лет и в Африке 19,7 года. К 2050 г. средний возраст жителя Европы вырастет почти до 47 лет, а в Германии составит 52 года. Средний африканец всё ещё будет 28-летним, житель Западной Азии в среднем — 36-летним, то есть таким же, каким был средний немец в 1950 г. В 2050 г. 27,4% европейцев и 32,5% немцев будут в возрасте 65 лет и старше. В Африке эта квота составит 7,1%, а в Западной Азии — 13,4%.

Названные мной цифры исходят из так называемого среднего варианта прогноза ООН по населению. Они предполагают для Европы годовую иммиграцию в 900 тыс., а для Германии в 110 тыс. человек. Далее принимается, что нетто-коэффициент воспроизводства снова заметно вырастет: с 0,71 до 0,87 в среднем по Европе и с 0,64 до 0,82 в Германии. Новый рост нетто-коэффициента воспроизводства наверняка весьма желателен, но маловероятен после сорока лет его стабильного падения. Также заложенное в прогнозе ООН сильное сокращение нетто-коэффициента воспроизводства в Африке и наименее развитых странах можно оценить как чересчур оптимистичное. Вполне может получиться так, что численность населения в развитом мире заметно сократится, а в развивающихся странах возрастет в большей степени, чем это предполагает ООН.

Демографические тренды в индустриально развитых обществах (страны «Большой семёрки»)

В индустриальных государствах в целом нетто-коэффициент воспроизводства опустился на уровень стабильного состояния или ещё ниже. Однако в ряде индустриальных стран наметился некоторый рост. Так, обобщённые цифры по рождаемости или по нетто-коэффициенту воспроизводства во Франции, Великобритании, Испании, Италии, в государствах Бенилюкса* и Скандинавских странах за последние 10–15 лет позволяют ожидать рост рождаемости. Правда, к Германии, Австрии и Швейцарии это не относится⁶. К тому же есть существенные различия по уровню между индустриальными государствами, в остальном схожими между собой. В табл. 8.2 сравниваются контрольные данные для членов «Большой семёрки», потому что они самые крупные и известные среди традиционных индустриальных стран.

Германия, Италия и Япония среди стран G7** имеют самые низкие нетто-коэффициенты воспроизводства — от 0,61 до 0,66%. Это означает, что каждое поколение на 35–39% меньше, чем предыдущее. Если нетто-коэффициенты воспроизводства останутся на этом уровне, численность треть-

* *Бенилюкс* — экономический союз в Западной Европе, включающий в себя три монархии: Бельгию, Нидерланды и Люксембург, который граничит с Францией и Германией. Название союза было образовано из начальных букв названий каждой страны-участницы.

** G7 — включают США, Канаду, Японию, Великобританию, Францию, Германию, Италию.

Таблица 8.2

**Сравнительная демографическая характеристика
классических индустриально развитых стран**

Параметр	Германия	Франция	Англия	Италия	США	Канада	Япония
1950 г.							
Население (млн чел.)	68,4	41,8	50,6	46,4	157,8	13,7	82,8
Средний возраст	35,4	34,5	34,6	28,6	30,0	27,7	22,3
Рождаемость/год (млн чел.)	1,1	0,8	0,81	0,86	4,0	0,41	2,0
Дочерей на женщину	0,85	1,24	1,02	1,04	1,6	1,74	1,28
Ожидаемая продолжительность жизни	67,5	67,1	69,2	66,3	68,9	69,1	62,1
65 лет и старше (%)	9,7	11,4	10,7	8,1	8,3	7,7	4,9
2010 г.							
Население (млн чел.)	82,1	62,6	61,9	60,1	317,6	33,9	127,0
Средний возраст	44,3	40,1	39,9	43,3	36,6	39,9	44,7
Рождаемость/год (млн чел.)	0,67	0,76	0,75	0,55	4,4	0,35	1,0
Дочерей на женщину	0,64	0,91	0,89	0,66	1,01	0,75	0,61
Ожидаемая продолжительность жизни	79,9	81,2	79,4	81,2	79,2	80,7	83,7
65 лет и старше (%)	20,5	17,0	16,6	20,4	13,0	14,1	22,6
2050 г.							
Население (млн чел.)	70,5	67,7	72,3	57,1	403,9	44,4	101,7
Средний возраст	51,7	44,8	42,5	50,5	41,7	39,3	55,1
Рождаемость/год (млн чел.)	0,59	0,69	0,87	0,49	4,6	0,45	0,73
Дочерей на женщину	0,82	0,9	0,9	0,84	0,89	0,89	0,77
Ожидаемая продолжительность жизни	84,4	86,0	84,1	85,4	83,3	85,2	87,2
65 лет и старше (%)	32,5	26,9	22,9	33,3	21,6	25,5	37,8

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat: World Population Prospects: The 2008 Revision.

его поколения сократится до 26% от исходного состава, а пятого поколения — до 10% (табл. 8.3).

Совсем другое дело в США. Там нетто-коэффициент воспроизводства 1,01 и, следовательно, сокращения нет — на основе естественного движения народонаселения. Французский нетто-коэффициент воспроизводства 0,91, в свою очередь, означает, что естественная динамика народонаселения хотя и влечёт за собой сокращение, но третье поколение всё ещё будет составлять 75%, а пятое поколение — 62% от исходной численности. По сравнению с цифрами по Германии это не крах, а полёт со снижением.

Уже наступившие различия проявляются в среднем возрасте и квоте людей старшего возраста: среднеарифметический немец, итальянец или японец сегодня на 8 лет старше среднего американца и всё ещё на 4 года старше француза, англичанина или канадца. В Германии уже 20,5% всех людей имеют возраст 65 лет и старше, в Японии и того больше — 22,6%, в США, напротив, всего 13%, а во Франции всего 17%. В 2050 г. 33% немецкого и итальянского, равно как и 38% японского населения, будут в возрасте 65 лет и старше, но в США их будет лишь 22%, а в Англии — 23% населения.

При ближайшем рассмотрении различий возникает сомнение: действительно ли можно объяснить эти различия разной степенью социально-государственных гарантий, отсутствием предложения по уходу и обслуживанию

Таблица 8.3

Сравнительная динамика среднего показателя рождаемости (тыс. чел.)

Страна	Средний показатель рождаемости		Изменение (%)
	1960–1965 гг.	2005–2010 гг.	
Германия	1 327	669	– 49,6
Италия	931	550	– 40,9
Япония	1 636	1 043	– 36,2
<i>Европа</i>	<i>11 857</i>	<i>7 661</i>	<i>– 35,4</i>
Великобритания	981	745	– 24,1
Канада	463	352	– 24,0
Франция	864	755	– 12,6
США	4 200	4 402	+ 2,6
Страны мира	110 966	136 127	+ 22,7

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat: World Population Prospects: The 2008 Revision.

и пр., ибо тогда США должны были бы выглядеть совсем плохо. В любом случае ясно, что низкий нетто-коэффициент воспроизводства в Германии ни в коем случае не является неизбежным следствием высокого уровня развитости нашего индустриального общества, ибо тогда США со своим на 35% более высоким социальным продуктом на душу населения, более продолжительным рабочим временем, более высоким участием в наёмном труде и меньшими отпусками имели бы ещё меньше детей, чем мы.

В своих проектах ООН экстраполировала последние наблюдаемые балансы миграции индустриальных стран до 2050 г. Если сравнивать иммиграционный приток с предполагаемыми цифрами рождаемости в тот же период времени, то относительный вес иммиграции окажется таким: в Германии в следующие 40 лет иммиграция составит почти 18% рождаемости, в Италии 31%, в США 24%, а в Канаде даже 50% (табл. 8.4).

В США и Канаде иммиграция в социальную систему исключена, потому что трансфертные выплаты для мигрантов, по сравнению со странами Европы, в любом случае куда более скудные, либо вовсе отсутствуют, либо существуют лишь после долгого переходного периода. Итак, мигранты для того, чтобы выжить в принявшей их стране, вынуждены с самого начала и в течение долгого времени вносить продуктивный вклад в её экономику. Канадская система отбора к тому же заботится о том, чтобы способности

Таблица 8.4

**Баланс миграции в индустриально развитых странах
согласно прогнозам ООН до 2050 г. (тыс. чел.)**

Показатель	Германия	Франция	Англия	Италия	США	Канада	Япония
1990/2010	5 085	1 690	2 565	3 910	25 859	3 510	750
2010/2050							
в год	110	100	170	150	1 060	210	55
всего	4 400	4 000	6 800	6 000	42 400	8 400	2 200
Рождаемость 2010/2050	24 690	28 195	31 100	19 500	177 700	16 725	32 835
Соотношение им- мигр./рожд. (%)	17,8	14,2	21,9	30,8	23,9	50,2	6,7

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat: World Population Prospects: The 2008 Revision.

и профиль квалификации въехавшего иммигранта были как минимум равноценны этим же качествам местных, если не превосходили их. В США, правда, много нелегальных латиноамериканских иммигрантов, занимающихся простой и неквалифицированной работой, но наряду с этим Соединённые Штаты обладают большой притягательной силой для интеллектуальной и технической элиты из Индии, Китая и других дальневосточных государств. Это привело в последнее время к тому, что японцы, корейцы и китайцы, не составляющие и 4% американского населения, образуют почти 30% состава инженеров-программистов⁷. Кроме того, приехавшие в США или Канаду сталкиваются с местным населением, которое не сокращается или сокращается мало. То есть иммиграцию в эти классические миграционные страны следует оценивать совсем иначе, чем приток по большей части совсем необразованных мигрантов бедности из стран Африки, а также Ближнего и Среднего Востока в европейские страны с их всеохватывающей системой социальной помощи.

Многие считают актом христианского милосердия допуск в богатые страны мигрантов из бедных стран. Тот, кто думает так, должен внимательнее присмотреться к цифрам: по прогнозам ООН за следующие 40 лет родятся 5 млрд человек, из них почти 500 млн в Европе и Северной Америке, 1,2 млрд в наименее развитых странах и 3,3 млрд в остальном мире. Одновременно в Европу будут ежегодно въезжать 900 тыс. человек, а в Северную Америку 1,3 млн, в сумме за 80 лет это получится 87 млн. При рождаемости в остальном мире в 4,5 млрд за тот же период времени демографическая разгрузка для стран эмиграции будет крайне мала, поэтому принимающие страны имеют все права рассматривать иммиграцию исключительно с точки зрения собственной выгоды.

Демографический тренд в Германии

Итак, в Германии кривая коэффициента рождаемости, то есть среднеарифметического числа детей, приходящихся на одну женщину, показывает поистине отвесное падение с более чем пяти детей на женщину в 1890 г. до 2,1 ребёнка на женщину в середине 1920-х гг. Экономический кризис и последствия Второй мировой войны привели к дальнейшему падению рождаемости — до 1,9 ребёнка на женщину. Это падение длилось до начала 1950-х гг. Экономическое чудо и сопровождавший его беби-бум обусловили затем новый подъём — до 2,2 ребёнка на женщину в середине 1960-х гг.⁸ С тех пор было поначалу крутое, а затем замедленное, но непрерывное

падение рождаемости до нынешнего показателя — 1,31 ребёнка на женщину. Этот коэффициент соответствует актуальному нетто-коэффициенту воспроизводства (дочерей на женщину) в 0,64. Присоединение новых федеральных земель в принципе ничего не изменило в этом отношении. Несколько более высокие цифры рождаемости в ГДР, обусловленные политикой в области семьи, поначалу сильно просели вследствие экономического шока объединения, но потом снова слегка поднялись. Сейчас они находятся на уровне старых федеральных земель (табл. 8.5).

Сходное развитие происходило во всех индустриальных государствах, однако затянувшееся падение ниже уровня сохранения численности, характерное для Германии, среди индустриальных стран больше нигде не встречается; его последствия были настолько серьёзны, что даже возникшая в 1960-е гг. волна иммиграции не могла их компенсировать. С начала 1960-х гг. показатели рождаемости в Германии упали почти на 50%. В настоящее время 40% детей, рождённых в Германии, имеют миграционную историю. Число рождений автохтонного населения составляет ежегодно лишь 400 тыс., то есть оно уменьшилось за 45 лет — всего лишь за полтора

Таблица 8.5

Демографические прогнозы по населению Германии

Показатель	Прогноз ООН 2008 г. на 2050 г.		Федеральная служба статистики. Прогноз 2009 г. на 2060 г.*		
	Средний	Низкий	1-W1	3-W1	5-W1
Население (млн чел.)	70,5	62,6	64,7	68,8	61,8
Средний возраст	51,7	56,2	53,5	51,5	55,5
Рождаемость в год (тыс. чел.)	590	336	465	591	379
Рождаемость на женщину	—	—	1,4	1,6	1,2
Дочерей на женщину	0,82	0,58	—	—	—
Баланс миграции в год (тыс. чел.)	110	110	100	100	100
Ожидаемая продолжительность жизни	84,4	84,4	87,1	87,1	87,1
65 лет и старше (%)	32,5	36,6	34,0	31,9	35,6

* Statistisches Bundesamt: Schätzwerte der 12. koordinierten Bevölkerungsberechnung. Alle Daten unter www.destatis.de

поколения — примерно на 70%. Можно сказать, что население, жившее в Германии в начале 1960-х гг., постепенно вымирает; путь к своему концу, относительно цифр рождаемости, оно прошло уже на две трети. Это не попытка намеренно сгустить краски, а свободная от оценок и, по существу, совершенно неоспоримая констатация.

Варианты прогноза Федеральной службы статистики лежат на одной линии с результатами прогноза ООН, если принять сопоставимые допущения о балансе миграции и рождаемости. Средний возраст в любом случае вырастает до цифры, заметно превышающей 50 лет; доля людей, достигших 65 лет и старше, заметно превышает 30%, а иногда даже 35% и более.

Федеральная служба статистики имеет также варианты, пересчитанные на возможно более высокий приток приезжих — ежегодно в 200 тыс. человек. Здесь они не приведены, поскольку бóльший приток, чем предполагаемые 100 тыс., был бы совершенно точно не полезен. Наряду с этим Федеральная служба статистики провела также «модельные расчёты» для нулевой иммиграции и для нового подъёма рождаемости до 2,1 ребёнка на женщину (табл. 8.6). Этим модельным расчётам не присваивается значение прогноза, поскольку они кажутся, пожалуй, слишком нереалистичными. Правда, они

Таблица 8.6

**Сравнительная характеристика показателей
базис-прогнозов и модельных расчётов**

Показатель	Фактически на 2008 г.	Базис-прогноз вар. 1-W1 на 2060 г.	Модельные расчёты	
			Баланс миграции 0	2,1 ребёнка на женщину с 2015 г.
Население (млн чел.)	82,2	64,7	58,2	82,9
Доли (%)				
младше 20 лет	19,0	15,6	15,2	23,9
с 20 до 65 лет	60,6	50,4	49,1	49,6
65 лет и старше	20,4	34,0	35,8	26,5
Коэффициент молодости	31,5	30,9	30,6	48,2
Коэффициент старости	33,7	67,4	72,9	53,5
Общий коэффициент	65,1	98,4	103,8	101,7

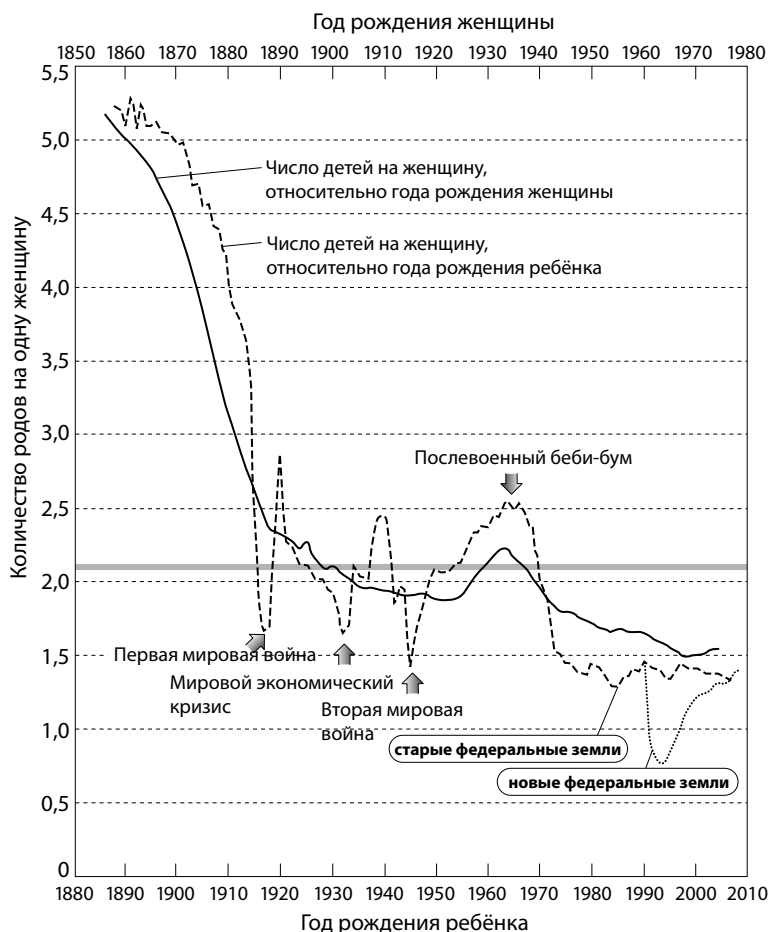
Источник: Statistisches Bundesamt: Schätzwerte der 12. koordinierten Bevölkerungsberechnung. Alle Daten unter www.destatis.de

позволяют сделать интересные выводы, как показывает сравнение их контрольных значений с базисным прогнозом.

Ухудшение структуры населения и растущее социальное бремя выражаются лучше всего в подъёме коэффициента старости (люди старше 65 лет в отношении к населению в трудоспособном возрасте). Этот подъём удваивается от нынешнего высокого показателя в 33,7 до 67,4%, тогда как разгрузка по коэффициенту молодости за счёт падения рождаемости уже исчерпана (рис. 8.1).

Интересно, что в этих соотношениях мало что изменится, если установить баланс миграции на ноль. Правда, тогда в 2060 г. в Германии будет жить ещё на 6,5 млн человек меньше, но коэффициенты нагрузки едва ли изменятся. По сравнению с вариантом, в котором миграция присутствует, коэффициент молодости слегка падает — с 30,9 до 30,6%. Но коэффициент старости повышается тоже всего лишь с 67,4 до 72,9%. Можно сказать, что в 2060 г. от этого уже мало что будет зависеть. Итак, миграция улучшит будущую структуру населения несущественно или соответственно не сможет остановить вызванное падением рождаемости неотвратимо надвигающееся на Германию мощное структурное ухудшение. Модельный расчёт показывает это совершенно отчётливо. Но культурные, финансовые и моральные нагрузки дальнейшей миграции из стран Африки, Ближнего и Среднего Востока (индийцы и китайцы не приедут) будут иметь тем больший вес.

Подлинным и единственным рычагом для улучшения структуры населения остаётся повышение коэффициента рождаемости по возможности до уровня сохранения имеющейся численности. Это показывает второй модельный расчёт. Было бы наверняка нереалистично надеяться, что немцы за несколько лет изменят свой менталитет и доля бездетных и бесплодных снова опустится на уровень 1960-х гг. Но что так уж сильно отличает нас от американцев и французов, чтобы такое было совершенно невозможно? Допустим, что это удалось, тогда нас ещё некоторое время сопровождало бы бремя старости, но структуры изменились бы уже через несколько десятилетий: подъём коэффициента рождаемости до 2,1 означал бы, что коэффициент старости к 2050 г. поднялся бы вместо 67,4% «всего лишь» до 53,5%. Правда, коэффициент молодости 2060 г. находился бы на уровне 48,2% вместо 30,9%, и тем самым на долгое время был бы снова достигнут нормальный уровень. Нагрузки ради молодёжи берёшь на себя легче и охотнее, ведь они направлены в будущее, а не в прошлое, как, например, при обеспечении стариков в домах престарелых. В 2060 г. число детей и подростков было бы чуть

Источник: Birg H. Die demographische Zeitenwende. Der Bevölkerungsrückgang in Deutschland und Europa, 4. Auflage München, 2005; актуализировано им же и Рейнхардом Лоосом с данными Федеральной службы статистики. CFR (групповой коэффициент фертильности) для годов рождения с 1962 по 1974 г., приводится по приблизительным подсчётам.

Рис. 8.1. Долгосрочная динамика коэффициента рождаемости в Германии за период с 1890 по 2010 г.

ли не в два раза больше, чем в базисном прогнозе. Такой поворот демографического тренда придаст бы значительные импульсы роста во всех областях.

Однако почему необходимо, чтобы было именно так? Ведь нет никакого рационального обоснования для того, почему индивидуумы, семьи, племена, народы вообще должны размножаться. Народы гибнут не только

от голода, болезней, завоевания или геноцида. Они могут умирать тихо. И кому от этого хуже? На их место придут другие племена и народы. Каждый сам должен решать для себя, считает ли он важным иметь потомство, чтобы его семья разрасталась и дальше, а его народ имел будущее в своём культурном и физическом своеобразии.

В истории человечества «тихий» закат народов и племён вследствие недостаточной фертильности отнюдь не редкость⁹. Если у кого-то нет интереса к собственному потомству, то это его личное дело, равно как и его сексуальные предпочтения, вкус в области искусства и вероисповедание. Но остаётся интересным научно и социологически вопрос, почему определённый народ в более высокой степени, чем другие, отвергает размножение. Для живущих в любом случае интересно, как сложится жизнь в мире после того, как их не станет.

Феномен перехода из традиционного общества с высокой смертностью и высокой рождаемостью к развитому индустриальному государству с низкой смертностью и низкой рождаемостью сегодня достаточно исследован и объяснён. Он возникает в мире повсюду, где экономика продолжительное время развивается благоприятно. Повсеместно признанными и объясняющими факторами являются:

- стремление к повышению и обеспечению стандарта жизни;
- многообразие различных жизненных проектов в современном мире, которые как раз и конкурируют с семьёй и детьми;
- отделение обеспечения в старости от потомства;
- то обстоятельство, что дети из фактора дохода и обеспечения в будущем становятся фактором расходов;
- эмансипация и трудовая деятельность женщин;
- отпугивающие принуждения традиционного образа семьи;
- падение религиозной ориентации и тем самым падающий интерес к посмертному существованию.

Всё это делает понятным желание иметь не слишком много детей или полный отказ от собственной семьи, но не объясняет, почему во Франции или в США, а также и в североευропейских странах коэффициент рождаемости существенно выше, чем у нас.

Часто предполагают, что маленькая рождаемость объясняется трендом к семье с одним ребёнком. Это неверно. У женщин в Германии, если они вообще имеют детей, распределение по величине семьи достаточно стабильное. Доминирует семья с двумя детьми, и в среднем женщины с детьми имеют около 2,2 ребёнка. Решающим фактором является растущая доля

пожизненно бездетных женщин: у рождённых в 1940 г. 10,6% женщин были пожизненно бездетными, в 1965 г. их было уже свыше 30%, и эта доля, кажется, продолжает расти в последующих годах рождения¹⁰. Также различие в немецком и французском коэффициенте рождаемости можно объяснить различными долями пожизненно бездетных женщин.

Последствия тренда

Вступая в дискуссию по демографии, имеешь дело прежде всего, с двумя группами спорящих. Одни спрашивают: «В чём вообще заключается проблема?» Это представители газетного отдела культуры и сторонники «мультикульти», которые мечтают о транснациональном будущем человечества и втайне скорбят, что вообще родились немцами. Другие говорят: «Ничего не поделаешь, поэтому и сожалеть об этом не стоит». Это большинство политиков во всех партиях, которые предпочитают тревожиться о том, что через 100 лет температура на планете поднимется на 2–4 градуса, а не о том, что число немцев к тому же самому времени упадёт на 80%. Последним можно сказать, что повлиять на немецкий коэффициент рождаемости в любом случае легче, чем на среднюю температуру планеты. Кто расписался в своём бессилии по отношению к коэффициенту рождаемости, тому не стоит хлопотать о мировой температуре. Первым следует сказать: кто не придаёт значения обстоятельству, что есть немецкий язык и немецкая культура, тому безразлично, будут ли в будущем люди, которые станут носителями этого языка и культуры. В остальном поборники «мультикультуры» заблуждаются, поскольку транснациональному мировому сообществу никогда не бывать. Пока существует человечество, оно будет делиться на государства и народы, говорить на разных языках и придерживаться разных обычаев.

Что же ожидает Германию, если немецкий народ тихо угаснет? Будут ли здесь тогда говорить преимущественно по-турецки или по-арабски, а может, даже и по-французски или по-польски, если эти народы лучше нас решат свои проблемы?

Целесообразно будет свести проблематику демографического развития Германии к пяти пунктам.

1. Первая основная демографическая нагрузка состоит в сдвиге соотношения между людьми в трудоспособном возрасте и людьми по ту сторону трудоспособного возраста. В 2005 г. в Германии на одного пенсионера приходилось по два трудоспособных гражданина, однако в 2050 г. это соотношение будет 1:1.

2. Вторая основная демографическая нагрузка состоит в старении трудоспособных граждан: 30% из них в 2050 г. будут в возрасте самое меньшее 55 лет и только 20% в возрасте между 25 и 35 годами. Это само по себе уже понижает производительность и инновационную силу общества (см. табл. в приложении).

3. Третья основная демографическая нагрузка состоит в сокращении численности населения от поколения к поколению. В продолжительной перспективе совершенно невозможно представить себе государство, если число рождений в каждом поколении падает на 36%, а в трёх поколениях соответственно на 74%. А ведь это логическое следствие нынешнего немецкого нетто-коэффициента воспроизводства в 0,64.

4. Четвёртая основная демографическая нагрузка состоит в различной фертильности образованных и необразованных слоёв. Это уже через несколько поколений серьёзно скажется на интеллектуальном потенциале общества.

5. Пятая основная демографическая нагрузка состоит в нарастании доли людей с мусульманской миграционной историей в населении в целом, частично по причине иммиграции, частично по причине более высокой фертильности. Неблагоприятно действует, кроме того, культурная чужеродность этих мигрантов и их преимущественно малограмотное происхождение, которое сказывается в соответственно плохом образовании. Тем самым пятая основная нагрузка обостряет проблематику четвёртой основной нагрузки.

Эти пять демографических основных нагрузок имеют свои последствия, а именно:

- четвёртая и пятая нагрузки вызовут сдвиг структуры населения в сторону необразованных слоёв, которые шагают в ногу с меньшей заинтересованностью в приобретении знаний, равно как и с меньшей способностью их приобретать;
- по нормальному Гауссову распределению интеллекта следует, что каждое незначительное падение среднего интеллекта связано с сокращением (выше среднего) доли высокоодарённых людей, потому что нисходящая правая часть кривой нормального распределения как бы сдвинута влево. Этот эффект имеет и обратное действие: потомки восточноевропейских евреев со средним IQ 115 долгое время преобладали в интеллектуальных профессиях и крутах вплоть до лауреатов Нобелевской премии;
- комбинация из малого числа людей в трудоспособном возрасте, растущего среднего возраста, падающего среднего интеллекта, равно как и растущего отдаления от образования и культуры, наносит суммарный ущерб будущему интеллектуальному потенциалу Германии.

Но необходимое дальнейшее наращивание образовательных усилий лишь ограниченно может противодействовать сдвигам основной нагрузки, вызванным демографическими причинами, поскольку:

1. *Одарённость и высокая одарённость всячески поощряются уже сегодня.*

Тут уже мало что можно наверстать.

2. *Система образования, к сожалению, имеет тенденцию снижения уровня и требований, если успеваемость основного большинства отстает.*

Это привело к колоссальному различию уровня абитуриентов в Германии.

3. *Возможно, наблюдаемые по всему миру различия в PISA частично объяснимы разной способностью к учёбе у разных популяций.*

Это значит, что они являются не только выражением различной продуктивности системы образования, но и различного распределения интеллекта по регионам и различной малограмотности. Это объясняло бы, почему три немецких города-государства с их высокой долей мигрантов и зависимого от трансфертных выплат населения, несмотря на более высокие образовательные расходы на душу населения, показали себя в тестах намного хуже относительно среднего балла по федеральным землям, в частности южно-немецким.

4. *В ходе будущего демографического развития потенциал качественно хороших учителей будет падать в той мере, в какой растёт конкурентное давление других профессий за лучшие и количественно редящие головы.*

Влияния на демографическое развитие

Количество и качество

С точки зрения эволюции человек развивается из низших видов и его развитие, как и развитие других млекопитающих, никогда не закончится. Люди, подобно всем живым существам, оснащены различными свойствами, закреплёнными в наследственности. Это не означает, что все свойства наследуемы; некоторые, как цвет волос и глаз, наследуются полностью, другие, как темперамент, умственные способности, особые таланты, наследственные заболевания, лишь частично, а в остальном они обусловлены окружающей средой.

В 2009 г. отмечали 200 лет со дня рождения Чарльза Дарвина. Празднование этой даты по всему миру показало, что дарвиновская эволюционная теория больше не имеет серьёзных научных противников. Её продолжают отвергать христианские фундаменталисты в США и мусульмане во многих частях мира. Мусульманские студенты в Голландии отвергают

эволюционную теорию почти без исключения, а также её отвергают 75% турок, 86% пакистанцев и 92% египтян¹¹.

Через 12 лет после своего новаторского труда «Возникновение видов» Чарльз Дарвин опубликовал «Происхождение человека». Он применил эволюционную теорию во всей полноте наблюдений к развитию человека. Дарвин подчеркнул впечатляющее сходство человеческих рас, что говорит о лёгкости их перемешивания, и большое различие индивидуумов внутри рас и племён¹². Но Дарвин показал и то, что разница в условиях жизни посредством естественного отбора вызывает различные проявления, например, в цвете кожи, строении тела, подверженности болезням при определённых климатических условиях и неодинаковое развитие органов чувств¹³.

Дарвин подробно высказывался о больших различиях в умственной одарённости и о наследовании этих различий. В этой области человек также не отличается от высших животных, в особенности приматов:

«Всем свойственны одни и те же чувства, зрительные восприятия и ощущения, — они подвержены схожим страстям, склонностям и душевным движениям; даже самые сложные, такие как ревность, подозрительность, честолюбие, благодарность, великодушие, мы встречаем у тех и у других; они пытаются обманывать и знают месть; иногда они чувствительны к смешному и даже выказывают чувство юмора; они испытывают удивление и любопытство; они обладают теми же способностями: подражание, внимательность, размышление, сравнение и выбор, память, фантазия, идейные ассоциации и разум, хотя и в различных градациях. Индивидуумы одной породы разнятся по интеллекту между абсолютной тупостью и высшей остротой»¹⁴.

То же справедливо и для людей: «Варибельность или различие умственных способностей... настолько очевидны, что не заслуживают обсуждения». И точно так же, как в мире высших животных, эти различия наследуются: «Так, например, бесспорны наследственная передача умственных способностей у наших собак, лошадей и других домашних животных. Кроме специальных склонностей и навыков, наверняка наследуются общий интеллект, храбрость, злобный или добрый темперамент и т. п. У людей мы наблюдаем похожее почти в каждой семье... С другой стороны, также известно, что безумие и душевные болезни равным образом характерны для всей семьи»¹⁵. Во время написания своего труда «Происхождение человека» Дарвин не знал результатов исследований Грегора Менделя о законах наследования признаков¹⁶, которые очень хорошо согласуются с эволюционной теорией.

Умственные способности также подчиняются законам Менделя. Как уже было показано в главах 3 и 6, по актуальному состоянию науки можно считать доказанным, что человеческий интеллект на 50–80% наследуется.

В то время как наследование цвета глаз и волос ни для кого не представляло проблему и большинством также признаются наследственные компоненты в темпераменте и характере, наследование умственных способностей многими воспринимается с трудом. Верно, что, говоря о наследовании умственного потенциала, нельзя пренебрегать и колоссальной гибкостью человеческого разума. Верно также, что человеческое развитие вытекает из культурной эволюции, которая осуществляется через умственные задатки человека. Только переданное и заново наследуемое индивидуумом знание делает возможными человеческую цивилизацию и общество¹⁷. Если бы интеллект не наследовался, умственные способности живых существ не могли бы расти путём естественного отбора. По словам Дарвина: «Утверждение, не основанное ни на каком прямом доказательстве, что ни одно животное с течением времени не развивало свой интеллект или другие умственные способности, означало бы вообще отрицательный ответ на вопрос о развитии видов. Мы видели, что, по Лартету* живущие ныне млекопитающие различных видов имеют мозг более крупный, чем их предки третичного периода»¹⁸.

Дарвиновская теория эволюции, законы Менделя¹⁹ и эмпирические факты наследования умственных способностей, в том числе и человеческого интеллекта, вместе образуют здание эмпирически-логической мысли, против которой ничего не возразишь, если претендуешь на научную серьёзность.

Непрерывное развитие человеческих умственных способностей последовало в силу естественного отбора, в котором совершенствовались также социальные инстинкты и развивался язык²⁰. Подстёгнутая этим более высокая кооперационная способность человека определила его растущее превосходство, причём в естественном отборе играли роль различия в фертильности и способности к выживанию. Человек вступал в нарастающую конкуренцию не только с животными, но и с себе подобными. Племена и народы с более низкой фертильностью либо с меньшим коэффициентом выживаемости вытеснялись или растворялись в других. При этом цивилизованные народы постепенно сужали пространство природных народов, которые Дарвин называл «дикими».

Дарвин подробно рассмотрел влияние цивилизации на естественный отбор и констатировал: «Мы должны поэтому примириться с несомненно

* *Эдуард Арманд Лартет* — французский геолог и археолог, основоположник палеонтологии человека.

отрицательными следствиями сохранения и размножения слабых»²¹. Он упоминает обеспокоенность Грегга и Френсиса Гальтонов, «а именно тот факт, что неимущие и легкомысленные, которые достаточно часто бывают влекомы вниз пороками всех видов, почти без исключения рано женятся и выходят замуж, тогда как ответственные и умеренные, которые и в других отношениях живут добросовестно, женятся в предписанном возрасте, чтобы жить потом со своими детьми без забот. Преждевременно вступившие в брак порождают в течение известного периода не только большее число поколений, но ещё и производят, как показал Дункан, гораздо больше детей... Так легкомысленные, падшие и порочные члены человечества склонны к тому, чтобы размножаться быстрее, чем совестливые, обладающие чувством долга люди»²². Если такие классы «размножаются быстрее, чем лучшие классы, то народ деградирует, как уже не раз показывала история. Мы должны подумать о том, что прогресс вовсе не является необратимым законом». Прогресс нации для Дарвина находится в тесной связи «с размножением интеллектуально и морально высокоодарённых людей и с повышением общего уровня»²³.

Дарвин выявляет опасности цивилизации, но при этом замечает, полный надежды: «Тем не менее со временем внутри той же общности более интеллектуальные члены будут успешнее, чем малоодарённые, и оставят более многочисленное потомство, и это тоже форма естественного отбора»²⁴. Позднее он, правда, высказывался более пессимистично. Альфред Руссель Уоллес, который разрабатывал теорию эволюции параллельно с Дарвином и независимо от него, сообщал об одном из своих последних разговоров с ним: Дарвин «высказывался о будущем человечества очень мрачно на том основании, что в нашей современной цивилизации естественному отбору нет места... Общеизвестно, что наше население обновляется в каждом поколении в большей степени из низших, чем из среднего и высших классов»²⁵.

Вопрос, могут ли демографические эффекты привести к дисгеническим, то есть связанным с дурной наследственностью, последствиям, интенсивно исследовался и обсуждался в последней трети XIX в. и в первой половине XX в. Британский биолог Джулиан Хаксли интегрировал теорию Дарвина в генетику Менделя²⁶ и анализировал дисгенические последствия низкой — ниже среднего уровня — фертильности образованных слоёв²⁷. Во второй половине XX в. происходило всё больше нападок на эту тему. Эти атаки были, в конечном счёте, выражением оценок, отвергавших известные вопросы как недопустимые. Но они не были эмпирически обоснованными. Тот эмпирический факт, что интеллект так же, как многие другие человеческие свойства, имеет сильную наследственную компоненту, сегодня на деле

неопровержим²⁸. Тем самым в принципе не может оспариваться возможность того, что сдвиги в структуре населения имеют дистенические последствия.

В обществах с особенно низкой рождаемостью образованных слоёв, как в Германии, взаимосвязь дистенических последствий имеет высокую практическую релевантность. Тут следует принять во внимание предостережение Дарвина: «Мы должны подумать о том, что прогресс вовсе не является необратимым законом». Качественные сдвиги в динамике рождаемости в Германии и их долгосрочные последствия, а именно:

- относительный прирост необразованных автохтонных слоёв;
- прирост доли малограмотных мигрантов;
- сильное сокращение потомства образованных слоёв;
- гомогамный выбор партнёров в образованных слоях,

влияют так, что доля, как и число, более интеллигентных членов немецкого общества будет сокращаться, тогда как доля людей с интеллектом ниже среднего, по нынешним меркам, будет расти.

Образец генеративного поведения в Германии с середины 1960-х гг. — не дарвиновский естественный отбор в смысле выживания наиболее приспособленных, а культурно обусловленный, управляемый самими людьми выбор, который абсолютно и относительно в высоком темпе уменьшает единственный возобновляемый ресурс, имеющийся в распоряжении Германии, а именно: интеллект. Ведь редких земель и металлов, необходимых, например, для современной аккумуляторной техники, в Германии и Европе больше нет. Единственная валюта, которой мы можем расплачиваться за них на мировых рынках, это продукты нашего интеллекта.

Лео Апотекер, бывший представитель правления концерна программных продуктов SAP, заметил в 2009 г. по поводу перспектив Германии:

«Не хватает инженеров... все гоняются за парой немецких инженеров... Если так дело пойдёт и дальше, мы получим здесь проблему. В Индии и Китае, напротив, каждый год из университетов выходят около 700 тыс. инженеров... Поиск талантов — это самый большой вызов после мирового кризиса... Мы должны позаботиться о том, чтобы наши инженеры были образованы лучше всех в мире, а наша инфраструктура была превосходной... Другие наступают нам на пятки. Итак, мы должны быть всё лучше, альтернативы этому нет»²⁹.

Это невозможно будет сделать без решительного поворота в демографическом развитии.

Социальный слой

Развитие населения представляет собой не просто рост или сокращение численности и соответственно старение либо омоложение. В гораздо большей степени меняется состав населения, а это в свою очередь меняет культурно передаваемые, а также генетические свойства, если различные части населения размножаются с разной интенсивностью. Сюда добавляются воздействия миграции на состав населения. Эти темы наталкиваются на примечательное отсутствие интереса к демографическим исследованиям. Изучают всё что угодно, но только не последствия разной фертильности в зависимости от происхождения и социального расслоения³⁰. Притом что этот вопрос важнее, чем какие-нибудь тонкости в динамике собранных цифр по рождаемости.

В Германии можно наблюдать, что нетто-коэффициент воспроизводства необразованных слоёв либо нижнего слоя лежит выше национального среднего значения, а нетто-коэффициент образованных слоёв или среднего и верхнего слоёв, напротив, лежит ниже. Отчётливо выше среднего лежит и нетто-коэффициент воспроизводства мусульманских мигрантов. Они принадлежат в Германии по большей части к необразованному либо к нижнему слою.

В микропереписи 2008 г. Федеральная служба статистики учитывала число детей по году рождения матерей и по уровню их образования³¹. Для тех годов рождения, фертильная фаза которых закончилась, можно вывести из этих данных коэффициент рождаемости по коэффициенту рождаемости за всю жизнь, а также нетто-коэффициент воспроизводства в зависимости от уровня образования. Для группы родившихся в 1964–1968 гг. можно получить из этих данных следующие окончательные цифры³²:

- низкий уровень образования — 1,86 ребёнка на женщину;
- средний уровень образования — 1,45 ребёнка на женщину;
- высокий уровень образования — 1,26 ребёнка на женщину.

Если предположить в фертильном поведении стабильность в нескольких поколениях, то доли общего числа рождений распределяются так, как показано в табл. 8.7: всего лишь через три поколения доля населения нижней группы удваивается, а через четыре поколения доля верхней группы уменьшается наполовину. Итак, отклонения в коэффициентах рождаемости очень быстро ведут к изменениям в структуре населения. Эта механика всегда действует в тех случаях, когда нетто-коэффициенты воспроизводства различны, и в разной мере в зависимости от степени различия.

Таблица 8.7

**Модельный расчёт обусловленности
показателя рождаемости уровнем образования**

Уровень образования	Доля населения поколения (%)				
	0	1	2	3	4
Низкий	14,5	18,4	23,0	28,2	34,1
Средний	63,0	62,3	58,1	58,1	54,7
Высокий	22,5	16,4	13,6	13,6	11,1

Источник: Statistisches Bundesamt: Schätzwerte der 12. koordinierten Bevölkerungsberechnung. Alle Daten unter www.destatis.de

Можно нормировать эти данные дополнительно при помощи IQ разных групп: если допустить, что в исходном положении средний IQ всех групп был равен 100, а IQ для группы с высоким уровнем образования был равен 120, то для группы со средним уровнем образования IQ будет 96, а для группы с низким уровнем — 85. Сдвиг доли населения между группами вызывает такие последствия, что средний IQ населения в каждом поколении падает на целый пункт и через четыре поколения уже равен 95. По тому же принципу, только в другом направлении, столетиями совершался подъём IQ у восточноевропейских евреев. В этом развитии тоже ничего не меняется, если допустить, что между группами совершается обмен, как это постоянно и происходит на самом деле: более умным и более толковым удаётся подняться вверх из состояния низкого образования и нижнего слоя, зато другие — опускаются. Этот факт гораздо больше способствует тому, что в тенденции нехватка одарённости концентрируется внизу, а одарённость скапливается наверху.

Проблематика кроется в нетто-коэффициенте воспроизводства, различающемся от слоя к слою. Это поневоле приводит к тому, что доля менее толковых и менее интеллектуальных от поколения к поколению повышается, покуда группы имеют различную фертильность в зависимости от социального положения. Анализ мог бы быть другим лишь в том случае, если исходить из положения, что вообще нет взаимосвязи между унаследованными способностями, с одной стороны, и уровнем образования и социальным положением — с другой. Но этого, пожалуй, никто не станет утверждать. Даже если взаимосвязь выражается слабо, в соединении с различной фертильностью разных слоёв она действует селективно.

В сегментировании Федеральной службы статистики «высокий» уровень образования означает диплом университета, специального вуза или

учебного заведения, которое готовит техников и мастеров. Проблематика только обостряется, если рассматривать отдельной графой одни лишь университетские и вузовские дипломы. Здесь доля бездетных женщин в возрастной группе 40–45 лет составляет уже 40%³³. В этой группе в последние десятилетия бездетность увеличилась заметнее всего. Правда, в бездетности выше среднего уровня у выпускниц вузов в целом нет ничего нового, однако вес феномена возрастает из-за двойного действия растущей доли женщин с университетским дипломом и растущей доли бездетных среди них.

Ещё острее, чем у женщин с университетским дипломом, обстоит дело у научных работников: не имеют детей 73% работающих в научно-педагогическом составе средней категории в университетах в возрастной группе от 22 до 44 лет, среди женщин таких даже 75%. Особенно мало детей имеют пары, в которых оба — научные работники. Из женщин-профессоров дети есть только у одной трети³⁴.

Даже если только малая часть человеческого интеллекта передаётся по наследству — а нет научно обоснованных сомнений в том, что доля наследственности в интеллекте составляет как минимум 50%, — фертильность ниже среднего уровня у самых интеллектуальных женщин (которая к тому же идёт в ногу с фертильностью ниже среднего уровня у самых интеллектуальных мужчин вследствие гомогамного выбора партнёров) поневоле ведёт к понижению среднего наследуемого интеллекта. Такой процесс осуществляется, разумеется, постепенно и потому с лёгкостью недооценивается, но постепенным было и развитие видов — от амёбы до человека.

В целом для Германии эмпирически доказано, что фертильность людей тем выше, чем ниже уровень образования, социоэкономический статус, доходы и — в причинной взаимосвязи с тремя этими пунктами — интеллект. С этими дисгенетическими воздействиями приходится сталкиваться всем индустриальным обществам³⁵. Воздействия, правда, тем значительнее, чем дальше друг от друга расходятся коэффициенты рождаемости разных слоёв и чем меньшее компенсирующее действие на основе своей структуры оказывает миграция, если она есть.

Миграция

Миграция оказывает влияние на демографию в основном через два канала: через непосредственное воздействие притока и оттока населения и через рождаемость мигрантов и их потомства. Германия могла отложить остроту проблемы падения рождаемости на несколько десятилетий ещё и потому, что несколько волн мигрантов чередовались, сменяя друг друга: в 1960-е и 1970-е гг.

приезжали гастарбайтеры и затем привозили свои семьи, в 1980-е и 1990-е гг. потянулись переселенцы из Советского Союза, а также из Польши и Румынии, в начале 1980-х и особенно в 1990-е гг. приехали беженцы войн и люди, претендующие на политическое убежище, так называемые азиоланты.

У молодого поколения уже 40% рождаемости приходится на женщин с миграционной историей, среди них, в свою очередь, треть женщин с миграционной историей Ближнего и Среднего Востока, а также Африки. Эти женщины составляют 6,5% в возрастной группе от 15 до 35 лет, но на них приходится 13,5% рождаемости в этой группе, то есть разница более чем двойная. Женщины с другой миграционной историей составляют 18,6% этой возрастной группы, и на них приходится 26,3% рождаемости. Доля женщин без миграционной истории составляет соответственно 74,9%, но их доля в рождаемости — лишь 60,2% (табл. 8.8).

Доля женщин с мусульманской или африканской миграционной историей стремительно растёт в младшей возрастной группе, и ещё сильнее растёт их доля в рождаемости. Интересно, что доля рождаемости в отношении к доле населения у более молодых не падает, а, наоборот, возрастает. Правда, в группе женщин с турецкой миграционной историей можно наблюдать, что число родов у более молодых женщин, рождённых уже в Германии, ниже, однако это с лихвой компенсируется за счёт «импорт-эффекта» брачных партнёров, приезжающих для воссоединения семей.

Таблица 8.8

**Показатели рождаемости у населения с миграционной историей
(выходцев из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки, %)**

Возрастная группа	Доля женщин возрастной группы	Доля детей, рожденных у женщин возрастной группы
Миграционная история — страны Ближнего, Среднего Востока и Африки		
от 15 до 35 лет	6,5	13,5
от 35 до 50 лет	4,2	6,9
от 50 до 75 лет	1,9	3,6
Без миграционной истории		
от 15 до 35 лет	74,9	60,2
от 35 до 50 лет	82,0	77,2
от 50 до 75 лет	87,3	85,6

Источник: Statistisches Bundesamt: Mikrozensus 2008. Neue Daten zur Kinderlosigkeit in Deutschland. Wiesbaden 2009 и собственные расчёты.

Насколько колоссальна динамика, развиваемая за счёт комбинации из высокого коэффициента рождаемости и дальнейшего притока, можно измерить по тому, что доля мусульманских/африканских мигрантов в возрастной группе от 15 до 35 лет представлена в три с половиной раза выше, чем в возрастной группе от 50 до 75 лет, а у детей этой группы даже вчетверо выше. Умеренный приток в 100 тыс. мигрантов в год означает за одно поколение 3 млн мигрантов, половина из которых женщины. Представим теперь, что в среднем у приезжающих мигрантов и уже живущих в Германии женщин с миграционной историей нетто-коэффициент воспроизводства равен единице, но у остальных женщин в Германии он равен 0,65, и из этого расхождения в череде поколений получается принципиальный сдвиг доли населения (табл. 8.9).

В таблице речь идёт — и это следует подчеркнуть — о модельном расчёте, а не о прогнозе. Поскольку нет научно достоверного метода предсказания фертильного поведения и иммиграции на несколько десятилетий вперёд. Модельный расчёт подтверждает в тенденции высказывание Фурала Огера, что в Германии 2100 г. будет 35 млн турок и приблизительно 20 млн немцев. Тот, кому это динамичное изменение долей покажется неправдоподобным, пусть оглянется на 1980 г. или на 1965 г.: уже наступившие с тех пор изменения долей в структуре населения в точности сопоставимы в их динамике. Нижеприведённый модельный расчёт есть не что иное, как математически неотвратимое следствие трёх допущений: ежегодный приток равен 100 тыс. человек, нетто-коэффициент воспроизводства мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока, а также из Африки равен 1, и среднеарифметической нетто-коэффициент воспроизводства остального населения равен 0,65.

Таблица 8.9

**Модельный расчёт динамики доли населения —
выходцев из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки (%)**

Миграционная история	Доля населения в поколении				
	0	1	2	3	4
Ближний и Средний Восток и Африка	6,5	20,1	37,9	56,2	71,5
Без (или с другой) миграционной истории	93,5	79,9	62,1	43,8	28,5

Источник: Statistisches Bundesamt: Mikrozensus 2008. Neue Daten zur Kinderlosigkeit in Deutschland. Wiesbaden 2009 и собственные расчёты.

Если принять другие допущения — например, что приток составит более 100 тыс. человек в год, а часть молодых немцев уедет из страны и что разница нетто-коэффициентов воспроизводства будет ещё большей, — тогда относительный сдвиг будет ещё резче. В модельном расчёте рассматривается иммиграция исключительно из Ближнего и Среднего Востока, а также из Африки, ибо реалистично только это, потому что Германия по уже приведённым ранее причинам не является привлекательной для других групп иммигрантов. Смело в своём оптимизме, а в оценке порядка величин, скорее, осторожно то допущение, что иммиграция ограничится 100 тыс. человек в год. Если она окажется больше, как полагают многие, то вышеприведённый модельный расчёт может оказаться слишком наивным.

То, что автохтонные немцы в течение короткого времени станут меньшинством в преимущественно мусульманской стране со смешанным, в основном турецким, арабским и африканским населением, было бы логичным и неизбежным следствием того обстоятельства, что мы как народ и общество слишком вялы и инертны, чтобы позаботиться об уровне рождаемости, которое сохранило бы нашу численность хотя бы на имеющемся уровне, гарантирующем наше будущее, и что мы как бы делегируем эту задачу мигрантам. Иной циник мог бы аргументировать: мигранты ведь могут выполнять любую низкую работу, которую многие немцы исполняют неохотно, — например, производство на свет и воспитание детей. Кстати, поток мигрантов вызывает падение зарплаты, поскольку они вступают в конкуренцию с немецким нижним слоем. Немецкий средний и верхний слои, напротив, живут комфортабельно, бездетно или малодетно в своих загородных виллах и элегантных квартирах старинной постройки. Они даже не замечают, что страна вследствие демографического развития изменилась до неузнаваемости, что ей грозит отказ от самой себя — и это самое меньшее, что можно сказать. Когда они это заметят, может оказаться слишком поздно. Как говорит Гегель, столь же поэтично, сколь и мрачно: «Сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек».

Религия

Часто утверждают, что фертильность мигрантов по мере выравнивания менталитетов и жизненных привычек быстро приблизится к фертильности принимающей страны. Это, как показывают наблюдения, верно для мигрантов из ЕС и Восточной Европы. У мусульманских же мигрантов всё иначе. Дело не только в том, что общее культурное приспособление тянется у них чересчур медленно, если вообще происходит (частично даже наблюдается во втором поколении сильный откат назад, вместо выравнивания

менталитетов — за счёт эффекта воссоединения семей). Но может играть свою роль и другой фактор, а именно: довольно сильная религиозность мусульманских мигрантов, явление, которое в младших поколениях, судя по всему, даже усиливается.

Взаимосвязь между фертильностью и религиозностью известна давно. В большинстве случаев это объясняется традиционным характером обществ с высокой религиозностью. Секуляризация общества и падение рождаемости являются тогда двумя аспектами одного и того же процесса общественной модернизации. Но, судя по всему, это в лучшем случае лишь часть правды. Нельзя не заметить, что в США особенно религиозные группы, такие, как евангелисты и мормоны, имеют коэффициент рождаемости выше среднего, и это хотя бы частично может объяснить то обстоятельство, что в США, несмотря на почти полное отсутствие государственной семейной политики, нетто-коэффициент воспроизводства оседлого населения во всех группах равен 1.

Различные исследования в разных странах мира доказывают и в наши дни положительную взаимосвязь между религиозностью и фертильностью³⁶. Религиовед Михаэль Блюме смог показать, что с религиозностью число детей растёт тем заметнее, чем крепче спаяна религиозная община, к которой принадлежат люди, и это действует тем надёжнее, чем сильнее они чувствуют свою принадлежность к ней³⁷. Блюме пытается доказать, что эта взаимосвязь сохраняется во все времена: чем секулярнее и атеистичнее народ или социальная группа, тем ниже и коэффициент рождаемости.

Религия всегда была неотделима от вопросов зарождения жизни и смерти, а тем самым от секса и размножения. Поддержание и преумножение жизни во все времена было религиозной заповедью. Религиозные связи укрепляют групповое поведение, стимулируют альтруизм и в целом направляют взор на те ценности и цели, которые перешагивают границы собственного «Я». Если логично обоснованная и безупречно доказанная Блюме связь между религиозностью и генеративным поведением действительно имеет место, то следствием было бы то, что демографический вес вновь и вновь сдвигался бы в сторону религиозных групп, причём это ещё вопрос — то ли религиозность передаётся через социальные традиции и культурный контекст, то ли играет роль генетический компонент. Последнее вероятно, поскольку во все времена у всех людей была какая-нибудь форма религиозности. Как всегда, заявляется, что многократно доказан тот чисто эмпирический факт, что нетто-коэффициент воспроизводства растёт по мере близости к религии. Особенно сильный довод — предпринятое Михаэлем Блюме обобщение данных швейцарской переписи населения

за 2000 г. Участие в переписи было обязанностью граждан, утверждённой законом. Свыше 96% швейцарцев дали при этом сведения о своей религиозной принадлежности. Если дифференцировать религии по такому показателю, как число детей, приходящееся на одну женщину, то открывается следующая картина³⁸:

Индуизм	2,79
Ислам	2,44
Иудаизм	2,06
Религиозные секты	2,04
Евангелисты	2,02
<i>В среднем по Швейцарии</i>	<i>1,43</i>
Римско-католическая церковь	1,41
Протестанты	1,35
Атеисты	1,11

Блюме утверждает: «В известном смысле после периодов секуляризации религиозность вырастает заново в новых формах... как через демографически успешно адаптированные религиозные меньшинства внутри страны, так и через иммиграцию (происходящую в большинстве случаев из религиозно-многодетных семей). И эти экспертные заключения, естественно, чрезвычайно интересны также для изучения эволюции человека, ведь они дают понять, что религиозность может быть развита как успешный, генетически заданный признак — и развиваться дальше»³⁹. И Фридрих Август фон Хайек*, будучи сам агностиком, приписывал религиозному сознанию преимущество естественного отбора, если оно стимулирует альтруизм, существование семьи и частную собственность, то есть такое положение вещей, которое благоприятно для дальнейшего культурного и экономического развития⁴⁰.

Сопоставимая по силе религиозность мусульман в Германии делает правдоподобным то, что их фертильность продолжительное время будет превышать среднее значение по Германии. И наоборот, высокая и растущая доля не принадлежащих ни к какой конфессии людей среди немцев означает длительное подавление немецкого коэффициента рождаемости. Положение дел в Швейцарии во многом можно перенести на Германию: у атеистов на одну женщину приходится лишь 1,11 ребёнка по сравнению с 1,43 ребёнка в среднем по Швейцарии, с 2,02–2,06 у евангелистов, сектантов и иудеев и с 2,44 у мусульман.

* Фридрих Август фон Хайек — австрийский экономист, лауреат Нобелевской премии (1974).

Маленькая модель населения

Цифры таковы, что может показаться оправданным и даже необходимым констатировать как долгосрочный стабильный тренд более высокую фертильность населения мусульманской веры. При этом сохраняется также долгосрочный стабильный тренд, что люди с более низким образованием имеют коэффициент рождаемости выше среднего, а люди с хорошим образованием — коэффициент рождаемости ниже среднего. Если скомбинировать два уже проведённых модельных расчёта для структуры населения по социальному расслоению и по доле мигрантов, то получится динамика, приведённая в табл. 8.10.

Растущая доля рождаемости мусульманских мигрантов ведёт, впрочем, к тому, что сокращение населения через несколько поколений закончится и начнётся новый рост. Как это скажется на отдельных группах населения, показывает табл. 8.11. Следует ещё раз подчеркнуть, что речь идёт всего лишь о модельном расчёте, а никак не об экстраполяции или тем более прогнозе. Если всё же допустить, что сохранится нынешний нетто-коэффициент воспроизводства людей с высоким образованием, то их доля упадёт с сегодняшнего 21% через три поколения до 5,9%, их абсолютное число сократится на 83% до округлённо 17% сегодняшней численности. При этом проблема не в том, что число потомков людей с высшим образованием сокращается от поколения к поколению. Это было бы не столь важно, если бы все люди были одинаково одарены, поскольку тогда образование было бы сугубо вопросом воспитания. Но поскольку уровень образования и наследственный

Таблица 8.10

Доля мигрантов и принадлежность к социальному слою (%)

Миграционная история/слой	Доля населения в поколении				
	0	1	2	3	4
Ближний и Средний Восток, Африка	6,5	20,1	37,6	55,2	69,7
Прочее население	93,5	79,9	62,4	44,8	30,3
По уровню образования:					
низкий	13,6	14,3	13,7	11,8	9,5
средний	58,9	50,3	38,8	27,1	17,5
высокий	21,0	15,2	9,9	5,9	3,2

Источник: собственные расчёты по данным Statistisches Bundesamt: Schätzwerte der 12. koordinierten Bevölkerungsberechnung. Alle Daten unter www.destatis.de

Таблица 8.11

Динамика населения по доле мигрантов и принадлежности к социальному слою

Миграционная история/слой	Поколение				
	0	1	2	3	4
	(Поколение 0 = 100)				
Ближний и Средний Восток, Африка	100	235,7	371,5	507,2	643,0
Прочее население	100	65,0	42,8	28,6	19,4
По уровню образования:					
низкий	100	80,5	64,8	52,2	42,0
средний	100	65,0	42,3	27,5	17,9
высокий	100	55,0	30,3	16,6	9,2
общий	100	76,1	64,2	59,7	59,9

Источник: собственные расчёты по данным Statistisches Bundesamt: Schätzwerte der 12. koordinierten Bevölkerungsberechnung. Alle Daten unter www.destatis.de

интеллект находятся в плодотворной взаимосвязи, со временем должно стать невыгодно для интеллектуального потенциала населения, чтобы люди с высоким уровнем образования длительно имели фертильность ниже средней, а люди с низким уровнем образования — фертильность выше средней.

Далее модельный расчёт выявляет, что всякий дефицит рождаемости, насколько бы разными ни были коэффициенты фертильности отдельных групп, сам себя постепенно тормозит. Так как доля рождаемости групп с высокой фертильностью возрастает и поднимает тем самым средний коэффициент рождаемости, тогда как доля групп с низкой фертильностью окончательно падает, часто до бесконечно малого или очень низкого значения — в примере нашего модельного расчёта это доля потомков группы населения с высоким уровнем образования.

Почему иммиграция для Германии не является спасением

Рост или сокращение населения сами по себе не обладают самоценностью. Естественная динамика населения возникает из динамики смертности, а также свободного решения людей о числе их детей и времени их рождения. В принципе так и должно быть.

Но в двух случаях численность населения становится легитимным объектом для государственного вмешательства, если оставить без внимания внешнеполитические, военные и властно-политические соображения. Это происходит, когда: 1) естественный рост населения превышает возможности страны по надлежащему обеспечению всех граждан; 2) сокращение населения нарушает необходимый баланс между трудоспособными и уже нетрудоспособными гражданами.

Первый случай касается многих развивающихся стран. Столь же свирепой, сколь и эффективной мерой была в таком случае китайская «политика одного ребёнка». Со вторым случаем сталкивается ряд стареющих индустриальных стран, в числе которых находится и Германия. Во времена бума и нехватки рабочей силы импорт трудовых резервов действовал как кратковременная разгрузка и повышал благосостояние местных жителей. Такой опыт был у немцев в 1960-е и в первую половину 1970-х гг. Сомнения в успехе этого предприятия возникли, когда речь пошла о последствиях, а именно: о полной интеграции гастарбайтеров в немецкое *социальное* государство и о воссоединении семей.

В принципе можно сказать, что хорошо образованные мигрантские трудовые резервы, которые всю свою жизнь работали в Германии либо по окончании их занятости покинули страну, внесли свой позитивный вклад — по крайней мере в тех случаях, когда и их семьи, которые они привезли с собой или вызвали к себе позднее, тоже показали достаточную готовность и способность к интеграции. И наоборот, мигрантские группы с участием в трудовой деятельности ниже среднего и зависимостью от трансфертных выплат выше среднего обошлись казне в убыток, а не в прибыль. Сюда входят и расходы, связанные с перемещением и переквалификацией работников, а эти расходы различны в зависимости от происхождения мигрантов.

Австралия, Канада и США используют возможность тщательного отбора своих иммигрантов по стране происхождения, по квалификации и по способностям. В Канаде иммигранты в среднем квалифицированнее, чем местные, и соответственно поднимают интеллектуальный и квалификационный уровень страны. В Германии и в большинстве европейских стран дело обстоит не так, потому что они гораздо менее привлекательны для квалифицированных иммигрантов и по этой причине приманивают к себе не самых лучших. Лишь Великобритания из-за языка имеет лучшие шансы, и Испания на том же основании привлекательна для иммигрантов из Южной Америки. Для остальной Европы и Германии остаётся в основном мусульманская иммиграция из стран Ближнего и Среднего Востока, а также

Африки. Эти иммигранты мало квалифицированы и необразованны, они привлечены в первую очередь социальными выплатами в Европе, и у них совершенно другой культурный фон.

Международно сопоставимые результаты тестов PISA делают возможным сравнение знаний детей мигрантов друг с другом по всему миру: математическая компетенция была нормирована в тестах 2003 г. так, что среднее значение по ОЭСР составляло 500 пунктов. На базе PISA-2003 в исследовании по «срезу» населения была изучена математическая компетенция детей мигрантов в 13 странах назначения, прибывших из 15 стран происхождения⁴¹. Результаты показаны в табл. 8.12 (для интерпретации цифр нужно учесть, что 25 баллов разницы в компетенции соответствуют одному школьному году). Целые пропасти лежат между математическими компетенциями детей мигрантов из Вьетнама, Китая или Индии и компетенцией детей мигрантов из Пакистана или Турции. Различная структура иммиграции в странах назначения имеет следствием то, что средние профили компетенции мигрантов в зависимости от страны назначения сильно различаются. Квалифицированная иммиграция в другие страны повышает там среднюю компетенцию (вероятно, и интеллект), в Германии же всё наоборот. Примечательна однозначность, с которой мигранты разных национальностей из Восточной Азии в математической компетенции стоят во главе,

Таблица 8.12

Количество баллов по результатам тестов PISA-2003 у детей мигрантов

Страна происхождения	Баллы PISA	Страна назначения	Баллы PISA
Вьетнам	565	Шотландия	555
Китай	564	Новая Зеландия	548
Индия	563	Австралия	527
Польша	499	Ирландия	504
Белоруссия	490	Швейцария	461
Марокко	452	Австрия	455
Пакистан	463	Германия	442
Турция	447		

Ср.: Levels M., Dronkers J., Kraaykamp G. Immigrant Children's Educational Achievement in Western Countries: origin, Destination, and Community Effects on Mathematical Performance // American Sociological Review. Bd. 73 (2008). S. 835ff. Tabelle 2.

а мигранты из мусульманских стран — в конце шкалы. Итак, мусульманская миграция не является вкладом в повышение уровня компетенции в стране.

Из-за различного культурного фона по мере роста доли мусульманских мигрантов в населении прогрессивно нарастают конфликты, трения и нездоровые отношения. Поскольку эти мигранты живут преимущественно в городах, а там охотнее всего в этнических кварталах, дальнейшая заметная мусульманская иммиграция означала бы, что они станут большинством в растущем числе городов и селений. Это уже сегодня намечается во многих местах Германии. К сожалению, об этом нет статистики и достоверных исследований, которые допускали бы обобщённые количественные выводы⁴². Однако взгляд со стороны подтверждает, что есть сотни кварталов — таких, как Дуйсбург-Марксло и Берлин-Нойкёльн.

В нидерландских селениях численность жителей и рождаемость учитываются по отдельности для автохтонов и аллохтонов. Уже в 2003 г. Амстердам имел мигрантское население в 47%, на которые приходилось 56% всей рождаемости⁴³. Такой непрерывной отчётности по развитию подобных внутригородских этнических структур недостаёт Германии. Имеющиеся исследования, по крайней мере, показывают, что турецкие граждане обособляются наиболее сильно⁴⁴ и что имеется «отчётливая взаимосвязь между долей иностранцев, получением социальной помощи и безработицей в жилых районах»⁴⁵.

Германия изменится в культурном отношении до неузнаваемости, если мы пустим на самотёк развитие, которое может привести — и, вероятно, приведёт — к тому, что большие города Германии, а может, и вся страна через несколько поколений будет населена мусульманами турецкого, арабского и африканского происхождения. Но национальная идентичность и общественная стабильность требуют известной гомогенности в системе ценностей и приемлемых культурных традиций. И тут действует предостережение Штефана Люффа: «Государство должно требовать законопослушания, но оно становится диктатурой образа мыслей, если именем толерантности потребует признания определённых “ценностей”, хотя для этого у него не будет законных оснований»⁴⁶. Эта проблема становится тем настоятельнее, чем выше доля мигрантов с другой структурой ценностей. Решаема она, только если ограничить стремительный рост этой доли населения.

Многим мусульманским мигрантам особенно тяжело даётся освобождение от набожной тирании традиции и преодоление культурного отчуждения в новом окружении⁴⁷. Культурные традиции переходят от родителей к детям и изменяются тем медленнее — если вообще изменяются, — чем больше мигрантская группа по сравнению с автохтонным населением.

Американские исследования доказали, что мнения второго поколения иммигрантов, например, по вопросам перераспределения сильно подвержены влиянию мнений, которые доминируют в странах, из которых происходят их родители. Это действительно даже тогда, когда такие влияния, как возраст, доход и воспитание, выносятся за скобки⁴⁸. При этом культурная традиция охватывает отнюдь не одни лишь измеримые «взгляды», но и менталитеты, принципиальные жизненные установки, систему ценностей, мировоззрения. Озабоченность Гервига Бирга по поводу того, что может наступить «крах культуры», если мусульманские доли населения превысят определённую меру, кажутся весьма реалистичными.

Культурная чужеродность мусульманских мигрантов могла бы стать относительной, если бы эти мигранты представляли собой особый квалификационный или интеллектуальный потенциал. Но этого что-то не наблюдается. То, что иммиграция не является решением, а в европейском варианте только усугубляет проблему, было доказано в гл. 9. Очевидно, что совершенно не всё равно, кто въезжает в страну⁴⁹. Релевантные для въезда в Германию районы происхождения — Турция, Ближний и Средний Восток, Северная Африка — показывают как в исследованиях PISA, так и в исследованиях TIMSS (International Mathematics and Science Study) очень низкие значения, которые совпадают со школьной успеваемостью соответствующих мигрантских групп в странах назначения⁵⁰.

По профессиональной квалификации, как и по образовательному потенциалу, мусульманских мигрантов даже во втором поколении можно отнести преимущественно к немецкому нижнему слою. Из-за дальнейшей миграции с Ближнего и Среднего Востока, а также из Африки структурные проблемы, которые мы имеем уже сегодня, только усиливаются по мере того, как доля менее продуктивных в интеллектуальном отношении слоёв в Германии непрерывно увеличивается по демографическим причинам. Кроме того, вновь и вновь старательно вытесняется понимание того, что немецкая иммиграция последних десятилетий была не иммиграцией в трудовую деятельность, а главным образом иммиграцией в социальную систему: с 1970 по 2003 г. число иностранцев в Германии выросло с 3 до 7,3 млн. Число иностранцев, обязанных выплачивать социальную страховку, остаётся, напротив, постоянным на уровне 1,8 млн⁵¹. Немецкая система основного обеспечения, сконструированная так, что в Германии каждый имеет как минимум 60% среднего дохода, обеспечивает мусульманским мигрантам в Германии без всяких заявок и без работы доход, который по масштабам их родины можно было бы назвать сказочным. Тем самым и запросы этих мигрантов по зарплате изначально,

как правило, намного превышают уровень их квалификации, а их высокая безработица заранее запрограммирована этими неисполнимыми запросами.

Те, кто приезжает в Германию из стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, хотят улучшить уровень своей жизни. Это им и без всякой работы гарантирует немецкая социальная система. Те же, кто, напротив, едет в США или Канаду, точно знают, что улучшить жизнь им помогут только их руки и голова. Те, кто не полагается на себя или не хочет обременять себя большими нагрузками, никогда не поедут в эти страны. Иммигранты в этих странах, таким образом, представляют собой позитивный отбор. В Германии и Европе всё иначе. Иммиграция в Германию окупается и для неспособных, и для ленивых, если только их родина достаточно бедна.

Все эти трудности мы взваливаем на себя, хотя миграция не может разрешить ту центральную проблему, которую должна была бы разрешить, по мнению многих, а именно: позаботиться о структурной компенсации падения рождаемости. Ещё в 2000 г. исследование ООН показало, что постоянное сокращение работоспособного населения в Германии можно было бы остановить только ежегодным приёмом почти 500 тыс. мигрантов. В таком случае въехавшие с 1996 г. и их потомки достигли бы в Германии уже к 2050 г. доли населения приблизительно в 36%⁵². Если бы наша цель состояла в том, чтобы за счёт иммиграции держать постоянным соотношение пожилых людей и людей в трудоспособном возрасте, то доля въехавших с 1996 г. и их потомков в населении Германии составляла бы к середине века уже 80%. Но будущую нехватку квалифицированной молодёжи при структуре нашей иммиграции тоже не устранить даже независимо от количества этой иммиграции:

«Поскольку иммигрантам без высшего образования и даже давно работающим местным с высшим образованием не под силу одно — заранее подготовить критическую массу одарённых молодых людей, которые сизмальства росли бы с хай-теком, умели бы с ним обращаться и далее честолюбиво и нетерпеливо стремились бы вывести его на новые высоты... Полноценно заменить неродившихся так же непросто, как воскресить мёртвых»⁵³.

На фоне этих фактов и взаимосвязей кажется наивным всеобщее восхваление миграции, охотно практикуемое некоторыми экономистами. Но о некоторых вещах можно судить, лишь подчинившись конкретным фактам и следствиям; одни лишь общие разговоры ни к чему не приведут⁵⁴.

За переходный период в несколько десятилетий уже не остановить те демографические структурные ухудшения, которые следуют за имеющимся

падением рождаемости. Квота бремени старости к 2060 г. в любом случае драматически изменится к худшему. Даже если бы с сегодняшнего дня баланс миграции в Германии был равен нулю, эта квота не стала бы намного хуже. Таков ошеломляющий результат вышеприведённого модельного расчёта Федеральной службы статистики (см. табл. 8.6, с. 299). Поэтому единственно разумная перспектива действий может состоять лишь в том, чтобы пресечь дальнейшую иммиграцию из стран Ближнего и Среднего Востока, равно как и Африки. Это, конечно, потребует энергичного противодействия высокому — и в будущем, пожалуй, даже нарастающему — давлению иммиграции⁵⁵.

Почему нельзя бросать на произвол судьбы нетто-коэффициент воспроизводства

Набожные и необразованные иностранцы в Германии отличаются плодovitостью выше среднего. В случае мусульманской миграции во многом конгруэнтны три группы. Это было бы не так плохо, если бы одновременно с этим немецкое население со средним и высшим образованием не сокращалось в каждом поколении на треть и не приводило к отражённым в табл. 8.11 (см. с. 319) абсурдным сдвигам в структуре населения.

Последствия для интеллектуального и технического потенциала Германии, её стандарта жизни и положения в мире очевидны. Правда, если так пойдёт и дальше, через несколько поколений наберётся уже не так много немцев, которые смогут горевать по этому поводу. Гервиг Бирг страшится, что «демографический упадок Германии (и Европы) когда-нибудь однажды, оглянувшись назад, можно будет истолковать как предостерегающий знак ухода нашей страны из её тысячелетней истории, так и не замеченный современниками»⁵⁶.

Бирг пессимистичен: «Поскольку политическую власть при демократии завоёвывают путём выборов, для успеха которых обещание беззаботного будущего зарекомендовало себя как самое подходящее средство, вытеснение демографической проблемы стало одной из тайных всепартийных мер благоразумия нашего демократического государства всеобщего благоденствия»⁵⁷. Кое-что может пойти по-другому, если нетто-коэффициент воспроизводства немецкого среднего слоя снова поднимется. Без всякой иммиграции мог бы развернуться и тренд к старению, чтобы через два поколения вновь достигнуть благоприятной структуры населения, поскольку и умные размножились бы не ниже среднего уровня. Но до этого дело дойдёт лишь в том случае, *если немцы быстро и по-настоящему радикально изменят*

своё фертильное поведение, а это означает, что нижний слой получит меньше детей, а средний и верхний ощутимо больше, чем до сих пор.

Рычаг и точка приложения для этого есть, правда, необходимо желание привести его в действие. К сожалению, для этого я не вижу в сегодняшней Германии ни общественного, ни политического большинства. Люди куда охотнее поддаются тому вытеснению, на которое жалуется Бирг. Но через несколько десятилетий, когда спрогнозированные сдвиги населения развернутся во всю свою ширь, будет поздно. Каждая из мыслимых мер, которая могла бы поспособствовать перелому, несёт в себе какое-нибудь противоречие. Почти все они под соответствующим углом зрения могут быть названы политически предосудительными.

Условием для всякого фактического изменения является общественный и политический консенсус в том, что это неотложно, неизбежно и безальтернативно — существенно поднять коэффициент рождаемости в Германии и при этом существенно повысить долю среднего и верхнего слоя в рождаемости. Когда мы достигнем в этом единодушия, можно будет совсем по-другому обсуждать те меры, которые необходимо принять. Без такого консенсуса всё утонет в разговорах и разобьётся о внутренние противоречия.

Шведский социолог Гуннар Мюрдаль* ещё в 1930-е гг. на примере своей родины интенсивно изучал вопрос о том, что развитое западное общество в целом имеет тенденцию к меньшей фертильности, чем это было бы необходимо для устойчивости её дальнейшего существования, и он также склонялся к выводу, что далеко не всё равно, у кого будут рождаться дети⁵⁸.

Социализация и логика проживаемой жизни

Буржуазная вестфальская семья Саррацин, к которой я принадлежу с отцовской стороны, в XIX в. сильно росла. Этот едва ли не типовой пример создания семьи хорошо прослеживается благодаря семейному архиву: молодые мужчины обучались и делали первые профессиональные шаги, пока не добивались приличной должности. В возрасте между 27 и 32 годами они просили руки девушки из хорошего дома, у которой было хорошее воспитание и надёжное приданое. Молодые женщины были не моложе 19 лет, но и вряд ли старше 25. Затем быстрой чередой рождались на свет от четырёх до семи детей, и когда женщине было 30–35 лет, фаза образования семьи уже завершалась. Сведений о разводах в семейном архиве

* Гуннар Мюрдаль — шведский экономист, лауреат Нобелевской премии (1974).

не содержится. У моих предков с материнской стороны пример сходный, и так продолжалось вплоть до поколения моих родителей.

В XIX в. не могло быть и речи о том, чтобы фертильность образованных слоёв была ниже средней, напротив: на удивление большая часть людей вообще не вступала в брак, потому что не имела средств для создания семьи, а детская смертность среди бедных была высока. Тем больше детей имел тот, кто вступал в брак. С этой точки зрения ГДР стояла ещё на традициях XIX в.: женщины рожали рано, даже будучи студентками, и в основном во время учёбы. Это имело свои преимущества, поскольку благодаря этому они скорее получали квартиру. Кроме того, было создано достаточно мест в яслях и дошкольных полудневных учреждениях, так что, несмотря на детей, можно было продолжать учёбу. В ГДР не сталкивались с феноменом, уже несколько десятилетий известным в ФРГ: женщины с хорошим образованием рожают меньше детей. Но, с другой стороны, в ГДР «не стоило» рожать детей для того, чтобы за счёт денежных пособий улучшить свой жизненный стандарт. Основные потребности были обеспечены у всех, а купить можно было не так уж много, поэтому и в нижнем слое рождаемость не превышала средние показатели.

Более высокая по сравнению с прежней ФРГ фертильность образованных граждан и более низкая фертильность нижнего слоя благотворно сказывались на среднем интеллекте в ГДР. Исследователь интеллекта Фолькмар Вайс оценивает средний IQ последнего поколения родившихся в ГДР детей в 102 пункта, а средний интеллект рождённых сегодня в объединённой Германии он оценивает в 95 пунктов, из-за высокой доли нижнего слоя (см. гл. 3, примеч. 79).

То, что в сегодняшней Германии обстоятельства сильно изменились, отчётливо показывают два типичных случая.

Случай 1. Если девушка не заканчивает неполную среднюю школу или не получает профессионального образования и в ранние годы рождает ребёнка, её обеспечивают, помимо основного обеспечения, квартирой и семейным доходом, с работой или без работы, с партнёром или без партнёра, с одним или несколькими детьми. Скромный стандарт жизни ей гарантирован, и он улучшается с каждым вновь рождённым ребёнком. Фертильность выше среднего уровня наблюдается у зависимого от трансфертов или живущего в сомнительных отношениях нижнего слоя, равно как и у группы малограмотных граждан. Если женщина съезжается с партнёром, стандарт жизни ухудшается, исходя из арифметики трансфертов. Система премирует отдалённость от рынка труда и воспитание детей в одиночку, и это подавляет традиционную структуру семьи.

Случай 2. Студентка заканчивает учёбу в обычный для Германии срок, сдаёт экзамен и устраивается работать по профессии. Теперь ей 28–30 лет, и она ищет партнёра. Пытаясь создать семью, она находится в том возрасте, в котором в прежние времена женщины рожали третьего, четвёртого или пятого, но в любом случае последнего своего ребёнка. Так называемые биологические часы тикают, поскольку истекла уже половина детородных лет, то есть времени между 15-м и 49-м годами жизни, поскольку вероятность зачатия, начиная с 25 лет, год от года падает. Если потом желанный ребёнок появится, время и силы для второго ребёнка ещё, может, и найдутся, но для третьего или четвёртого — уже нет.

В обоих случаях нелегко преодолеть образец, имеющийся перед глазами, ибо в чём может заключаться мотив преодоления? Молодая женщина без образования не имеет других перспектив, которые подталкивали бы её к этому шагу. Если у неё мало честолюбия или она не очень умна, то в своём положении она не видит никаких проблем. Её жизнь не сопряжена ни с нуждой, ни с позором. Правда, будь у неё больше интеллекта и честолюбия, она бы никогда не оказалась в таком положении. В другом примере выпускница вуза знает, что брак больше не обещает ей пожизненного обеспечения. Как правило, она хотела бы иметь партнёра как минимум равного себе ранга, что особенно затрудняет поиск партнёров образованным, успешным женщинам, и они лишь частично будут готовы подчинить своё профессиональное будущее созданию семьи. Логичный результат — доля бездетных от 30 до 40% и нетто-коэффициент воспроизводства около 0,5 в группе образованных граждан.

В целом социализация в современном обществе имеет следствием то, что оптимизация собственного жизненного пути — самореализация, может быть, слишком громкое слово — является центральным пунктом. Это совершенно легитимно; многочисленные деятели искусства и науки именно так всегда и действовали. Партнёрство, семья и дети уже не являются чем-то само собой разумеющимся, а есть всего лишь кирпичики эскиза жизни, в рамках которого они больше не являются целью, а лишь инструментами. Высокий показатель разводов и частая смена партнёров не должны означать, что браки и партнёрства функционируют хуже, чем раньше, но претензии к ним стали выше. С экономической точки зрения можно было бы сказать, что в какой-то степени успешный современный человек, у которого есть выбор из нескольких вариантов жизни, оптимизирует свою жизнь, приводя в равновесие предельную полезность различных активностей, а это означает как раз менее стабильное партнёрство и в этом партнёрстве — меньшее число детей.

Рекомендуется осторожность при скоропалительном перечислении всех препятствий, которые противостоят рождению и воспитанию детей в современном мире: ещё никогда семьи в Германии не получали столь обширной поддержки, как в наши дни, ещё никогда не были столь объёмными материальная помощь и предложения по уходу, воспитанию и образованию. Если рассматривать «препятствия», то цифры рождаемости в Великобритании и США должны бы оказаться ещё намного ниже, чем у нас, поскольку именно в Соединённых Штатах нет ничего, что можно было бы сравнить с нашей «семейной политикой». В обеих странах образованные слои к тому же вкладывают большие суммы в воспитание и образование своих детей, тогда как в немецкой системе, финансируемой из государственного бюджета, такая необходимость вовсе не возникает, а ведь они делают это как нечто само собой разумеющееся⁵⁹. Конечно, и те индустриальные страны, которые показывают существенно более высокий коэффициент рождаемости, чем Германия, а именно: США, Великобритания, Франция и Скандинавские страны, имеют некоторый перекос в структуре рождаемости, оказывающий дисгеническое действие: в каждой из этих стран образованные слои проявляют фертильность ниже средней, однако отклонение от среднего арифметического значения во многом не такое резкое, как в Германии, и уровень рождаемости в целом выше⁶⁰.

Если есть желание переломить или склонить в другую сторону тренды, которые выразились в обоих приведённых выше типичных случаях, тогда необходимы мощные и наверняка спорно действующие средства, то есть те средства, которым присущи сильные политические противопоказания и которые как бы в самих себе содержат свои опровержения. Поэтому поворот тренда станет возможным только тогда, когда большинство граждан придут к убеждению, что против политического и общественного приоритета смены курса нельзя выдвинуть разумных сомнений.

Различные контрмеры будут обсуждаться здесь в двух аспектах: что пригодно для того, чтобы поднять коэффициент рождаемости, и что пригодно для того, чтобы воспрепятствовать дисгенически действующей структуре рождаемости? Исключительным мерилom оценки является при этом эффективность мер и лежащая в их основе разумность. Они будут оцениваться не по тому, отвечают ли они немецким конституционным принципам. Если будет политическая воля к тому, чтобы добиться применения разумных мер, то будет найден и путь их формирования в соответствии с конституцией — в крайнем случае, ради этого можно и конституцию изменить.

Соображения по повороту тренда

От пары — к семье

Наши показатели по разводам никогда уже не будут снова такими, как в XIX в., для этого, может быть, стала слишком высока ожидаемая продолжительность жизни. С другой стороны, вызывает сомнение, что последней «мудростью» в области семейной политики является то, что в среднем по федерации 14% детей — а в городах-государствах их даже 27% — растут с родителем-одиночкой, и эта тенденция растёт⁶¹.

Есть значительное число людей, которые принадлежат сразу к нескольким разным группам: к нижнему слою, к зависящим от трансфертных выплат гражданам, к людям, имеющим статус родителей-одиночек. Система трансфертов упрощает развод и для многих делает его финансово безнаказанным, да что там, в финансовом отношении может быть даже нецелесообразным стремиться на рынок труда, будучи родителем-одиночкой с детьми⁶². Но дети часто лучше развиваются даже в не очень хорошо функционирующей полной семье, нежели при одном родителе, где им приходится быть свидетелями попыток завязать партнёрство или найти партнёра. Поскольку здоровые дети могут выдержать очень многое, то даже неупорядоченные семейные отношения в большинстве случаев причиняют им не так много вреда, однако возможности развития детей они урезают.

Люди вступают в брак позднее, они разводятся легче и остаются безбрачными намного чаще, чем раньше. И если даже причислить к бракам растущее число сожительства без свидетельства о браке, то в этой картине ничего не изменится. Это угнетает показатель рождаемости и отнимает у многих детей возможность расти в полной семье с братьями и сёстрами. Статистика показывает к тому же, что из длительных партнёрств чаще, чем из недолговечных отношений, рождаются дети, нередко их даже несколько.

Итак, что может сделать государство, чтобы стимулировать склонность к длительным партнёрским связям? Основной закон ставит под свою особую защиту брак и семью. Правда, с течением десятилетий эта защита стала пустой формулой. Единственный смысл привилегированности брака состоит в том, чтобы защитить его как предпочтительное место для рождения и воспитания детей. Там, где не могут рождаться дети, привилегированность партнёрства в общем бессмысленна. Однополые партнёрства — дело особого рода, и они имеют что-то общее с браком максимум в том смысле, что два человека живут вместе и, возможно, имеют сексуальные отношения. Детей, о которых по существу идёт речь при защите брака, тут, во всяком

случае, ждать не приходится. Смысл привилегированности брака состоял в том, чтобы создать для этого пространство, защищённое государством.

После того как были устранены семейные, материальные и наследственно-правовые преимущества брака, а также дети, происходящие из него, от привилегированности осталась лишь пустая оболочка. Не стоит это оплакивать, ибо здесь кроется общественно-политическая логика, но всё же следует констатировать, что у супружеской связи и у длительных партнёрских отношений тем самым была отнята всякая институциональная привлекательность.

Если исходить из того, что многие длительные партнёрства мужчин и женщин, во-первых, повышают потенциальное число детей и, во-вторых, являются лучшим условием для их развития и хорошего воспитания, то следует так поощрять и поддерживать привлекательность и общественную оценку длительных партнёрств, чтобы это оказало влияние и на общественный климат. Люди хоть и думают, что действуют главным образом из личных побуждений и по собственным решениям, но на самом деле они реагируют большей частью на ожидания общества и охотно следуют им до тех пор, пока это не станет противоречить их инстинктам или не повлечёт за собой непосредственного ущерба.

Как создать и поддерживать общественный климат, который особо ценит длительное партнёрство между мужчинами и женщинами, — вопрос многогранный. В любом случае не следует думать, будто любая форма социальной организации имеет для общества одинаковую ценность⁶³.

Предложения по социальному обслуживанию, полудневные школы

Классическое разделение труда — мужчина кормилец, женщина заботится о домашнем хозяйстве — как доминирующая ролевая модель своё отжила, и тем самым высококачественное, по возможности полудневное предложение по социальному обслуживанию, при желании начиная с ясельного возраста, является железным условием для всякой современной политики в области семьи. Те европейские страны, которые традиционно сохраняют у себя такое предложение по социальному обслуживанию или выстроили его в последние десятилетия, — такие, как Франция или Скандинавские страны, — имеют не столь экстремально низкие коэффициенты рождаемости, какие отмечены сейчас в Южной Европе. В США можно наблюдать, что в штатах с большим предложением по социальному обслуживанию большее число женщин работает без ущерба для рождаемости. В Восточной Германии, напротив, очень хорошее предложение по социальному обслуживанию детей

в раннем возрасте не смогло воспрепятствовать падению коэффициента рождаемости до западногерманского уровня. Возможно, причина в специфических условиях восточногерманского рынка труда. В восточногерманских землях в распоряжении 41% маленьких детей в возрасте до трёх лет имеются места в яслях или у воспитательниц малого домашнего детского сада; в Западной Германии эта доля находится на уровне всего лишь 9,9%⁶⁴. Тут предстоит пройти ещё долгий путь, прежде чем будет создано предложение по социальному обслуживанию в соответствии с потребностями. В детских садах надо бы выстроить прежде всего долю полудневного обслуживания, ибо трудовая деятельность матерей будет действительно возможна только в том случае, если детский сад учтёт время на сборы и на дорогу.

В школьной системе необходима обширная перестройка на полудневную школу по англосаксонскому или французскому образцу. Речь не может идти только о том, чтобы присматривать за детьми в группе продлённого дня, куда важнее, чтобы школьники любого возраста с 8 часов утра до 4 часов дня были в школе. В конечном счёте, каждый ребёнок любого возраста в нормальные рабочие часы по будням должен быть надёжно устроен — в том случае, если этого захотят родители. Если отведённое время использовать для разумного воспитания, для предложений по образованию и для конкретных требований к детям, то это будет лучшим вкладом в равенство шансов для детей из нижнего слоя.

Длительность обучения, образцы карьеры

Обычные для Германии длительные сроки обучения частично виноваты в том, что женщины с высоким уровнем образования рожают первого ребёнка довольно поздно, если вообще не остаются бездетными. Но и социологически обусловлено то, что в Германии не торопятся с первым ребёнком, пока в достаточной степени не урегулируют существенные моменты жизни. В США явно преобладает другой менталитет. Правда, там женщины тоже не спешат с первым ребёнком до завершения своего обучения, но обучение у них заканчивается гораздо раньше, чем в Германии. И потом всё идёт существенно быстрее: большинство первых родов в США происходят у женщин, которые только что получили учёную степень или профессиональный разряд. Белые, нелатиноамериканские женщины рожают там до 40 лет в среднем 1,8 ребёнка, женщины с университетским образованием — 1,7, то есть не намного меньше среднеарифметического показателя. Большинство рожаящих — в возрасте от 20 до 29 лет⁶⁵, в Германии они в среднем на пять лет старше, а именно, между 26 и 34 годами. Американские

женщины тоже рациональным образом связывают своё обучение и первого ребёнка, однако им не приходится так долго ждать завершения образования. В Германии необходимо уменьшить средний возраст, в котором заканчивают вузы. Но одно это не устранил ту нерешительность, с которой женщины, имеющие высшее образование в Германии, создают семьи.

Родительские пособия, родительский отпуск

Введённые в 1978 г. пособия по материнству, пособия на воспитание (1986), равно как и родительские пособия (2006), должны способствовать тому, чтобы лучше согласовать между собой рождение детей и трудовую занятость женщин. Они предусматривают отпуск на определённое время после родов и известную материальную компенсацию за отсутствующие заработки. Весьма отрадно, что родительским отпуском решают воспользоваться всё большее число отцов⁶⁶. Правда, воздействие этого на коэффициент рождаемости статистически не подтверждается. Не исключены, пожалуй, и известные упреждающие эффекты. Гервиг Бирг доказал, что пособия на воспитание вызывают минимальный эффект при втором и третьем ребёнке, но не оказывают никакого измеримого воздействия на количество и возраст первых родов⁶⁷. Также и в случае родительских пособий эффект роста общего числа родов, на который возлагались надежды, пока не наблюдается и до настоящего времени в имеющихся данных не просматривается, чтобы социальная структура родителей улучшилась, как того хотели. Целенаправленность мер, правда, тоже была подпорчена тем, что право на родительские пособия признавалось и за неработающими родителями или родителями с низким доходом. Тем не менее следует и впредь пытаться поощрять детородную готовность работающих родителей приемлемой комбинацией из возмещения зарплаты и правил освобождения от работы.

Стимулы в пенсионном страховании

Высказывание Конрада Аденауэра: «Дети у людей рождаются всегда» — многими считалось в 1958 г. неопровержимым постулатом тысячелетнего человеческого опыта. Аденауэр мог бы ориентироваться лучше, если бы читал *Population. A Problem for Democracy* Гуннара Мюрдаля, написанную в 1938 г. Переключение законного пенсионного страхования на метод перераспределения денежных средств среди современников и тем самым гарантированное участие всех пенсионеров во всеобщем развитии жизненного стандарта независимо от того, имеют ли они детей и сколько, лишило ещё одного рационального мотива рождение и воспитание детей: те, кто растил их, несли

материальные убытки из-за возникавших расходов, усилий и упущенных возможностей заработка и при этом больше не имели никаких преимуществ в своём обеспечении по старости, поскольку оно перестало зависеть от наличия детей. Многие полагают, что это серьёзно повлияло на падение рождаемости с середины 1960-х гг. По масштабу это могло быть так именно в Германии. Падение рождаемости, правда, наблюдалось и в других странах с сопоставимым состоянием развития, которые не имели такого высокого обеспечения по старости, независимого от наличия детей.

Стоит подумать о том, чтобы перераспределить бремя взносов, на размер которых влияет численность обеспечиваемых на данный момент пенсионеров, так, чтобы люди с детьми платили заметно меньше, а бездетные — заметно больше. Если бы разница была большей, это наверняка возымело бы действие. Интересно было бы выяснить, подтолкнуло бы это тех, кто уже имеет детей, к рождению следующих, а тех, у кого (пока) нет детей, к рождению первенцев. Если сделать в этом направлении недостаточно, то эта мера останется недейственной. Если же переусердствовать, то может так случиться, что как раз молодые и мобильные получат повод к манёвру уклонения — например, путём переезда в другие страны. Ведь для тех, кто должен платить более высокие взносы, уже существующая разительная диспропорция в пенсионном страховании между вычетом страховых и пенсионных взносов и получаемой затем пенсией становится ещё острее.

Детские пособия, социальные пособия

В США не предусмотрены компенсации многодетным семьям и также отсутствует политика в области семьи, хотя 25% детей рождается там от матерей, живущих в относительной бедности. Лишь 6,4% женщин, рожаящих ребёнка, живут на государственную поддержку⁶⁸. Проведённая в 1996 г. реформа системы вэлферов⁶⁹ предоставила штатам существенные возможности в собственном формировании. При этом всячески главенствовало желание снизить коэффициент рождаемости «вэлферных матерей», а вэлферные карьеры в целом ограничить. Это явно удалось (правда, те женщины, которые всё ещё получают денежные пособия из системы вэлферов, имеют коэффициент рождаемости в три раза выше среднего национального).

Как следствие этой реформы, расхождение в рождаемости по уровню образования в США ниже, чем у нас. Женщины с университетским образованием рожают в среднем 1,6–1,7 ребёнка. Из них 27% остаются бездетными⁷⁰ против 40% в Германии. На 7,2% женщин с университетским образованием в детородном возрасте приходится, тем не менее, 8,7% рождаемости.

У женщин, не закончивших школу, коэффициент рождаемости выше среднего. Эта группа охватывает 19% женщин в детородном возрасте и достигает в рождаемости доли в 23%. Сильно упрощая, можно сказать: США не занимаются общим поощрением семьи, для которого в Германии предусмотрены такие меры, как детские пособия или компенсация многодетным семьям. Тем не менее у них ощутимо больший коэффициент рождаемости, который имеет гораздо меньший разброс в зависимости от уровня образования. В противоположность немецкой политике повышенную рождаемость нижнего слоя там тормозят тем, что большинство матерей с низким доходом не получают денежных пособий системы вэлферов.

Германия расходует в год 37 млрд евро на детские пособия⁷¹. Но это не фактические нетто-расходы. Если бы — чисто умозрительно — совсем не выплачивать детские пособия, то возникли бы дополнительные налоговые недоимки из-за налоговых льгот для многодетных в 19,5 млрд евро. Итак, нетто-сумма немецких детских пособий равна округлённо 17,5 млрд евро⁷². Для детей тех, кто получает основное обеспечение, предусмотрено более высокое возмещение расходов — в форме доплат на жильё и в форме социальных пособий. В основном обеспечении на каждого ребёнка выделяется суммарно 322 евро нетто (см. табл. 4.1, с. 96). Безработная супружеская пара с пятью детьми достигает, таким образом, нетто-дохода в 2700 евро, а если к этому добавить немного нелегальной подработки, то легко набирается 3500 евро и больше.

Интересно было бы сравнить размер детского пособия и норму покрытия потребности детей в основном обеспечении с *фактическими расходами семьи*⁷³.

- Детские пособия на первого и второго ребёнка составляют ежемесячно по 185 евро, итак, на двоих детей это будет 370 евро. Излишек в основном обеспечении на одного ребёнка составляет 322 евро, то есть на двух детей 644 евро.
- Супружеская пара без детей имеет в Германии средние месячные потребительские расходы в 2398 евро, потребительские расходы пары с детьми составляют 2820 евро, то есть на 422 евро в месяц больше. В семьях, где есть дети, в среднем с родителями живёт по двое детей, это как была, так и осталась обычная величина семьи, если в ней вообще есть дети.
- Домохозяйства из четырех человек (без детей) расходуют в среднем 2964 евро, то есть на 566 евро больше, чем пара.

Итак, в основном обеспечении на детей предусмотрен избыток, превышающий дополнительные расходы, которые все немецкие домохозяйства

в среднем тратят на детей. Вполне можно потратить на своих детей и меньше, чем в среднем, и они при этом не умрут с голоду. Это значит, в конечном счёте, что получатели трансфертных выплат могут повысить стандарт своей жизни, производя на свет детей. Тем самым естественный порядок вещей, заведённый в мире, ставится с ног на голову. Сами по себе детские пособия сегодня уже настолько высоки, что средние дополнительные расходы на детей практически покрываются, а на маленьких детей — с избытком.

Другими словами, дети, особенно если их много, облегчают нижнему слою возможность обустроить жизнь самым приятным образом и без регулярной работы, ибо денежные пособия на детей могут с лихвой покрыть все расходы взрослых на их жизненный стандарт, используя не по назначению. Эту практику, к сожалению, часто наблюдаемую, можно пресечь, если понизить в системе основного обеспечения долю, предназначенную на потребности детей, а сэкономленные таким образом средства вложить в полудневное обслуживание и питание в школах и детских садах. Введение школьной формы могло бы к тому же сократить расходы на одежду. Детям при этом больше достанется.

В здоровых жизненных обстоятельствах нормально, если жизненный стандарт и потребительские возможности взрослых понижаются, когда они со своих доходов обеспечивают и детей. Эта норма жизни должна принципиально распространяться и на родителей, которые получают основное обеспечение, в противном случае возникают структуры ложных стимулов, которые находят выражение в повышенном коэффициенте рождаемости у этой группы людей.

В Германии есть детские пособия, не зависящие от дохода родителей; они тоже приобретают свою привлекательность только в среде с низким доходом, то есть не у тех, у кого надо. Было бы лучше целенаправленно разгружать тех родителей, которые зарабатывают себе на жизнь трудовой деятельностью. Для этого подходит дополнительное освобождение от налогов, но также и не облагаемый налогом минимум, доплаты или иные разгрузки, затрагивающие взносы трудящихся на социальное страхование.

Целью всех мер должно быть правило: тот, кто зарабатывает себе на жизнь трудом, не должен впадать в бедность с появлением детей. Но тех, кого содержит государство, не следует искушать возможностью повышения пособий за счёт детей.

В немецкой системе семьи с низкими или вовсе отсутствующими доходами получают премии за своих детей, поэтому социальный перекос в немецкой структуре рождаемости не удивителен. США уже давно

предприняли меры против высоких показателей рождаемости в нижнем слое — и успешно: 22 августа 1996 г. президент Клинтон подписал «Закон о личной ответственности и возможностях трудоустройства» (Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act). Тем самым была пресечена простая возможность добиться через детей выплат по вэлферу. На Билла Клинтона обрушились обвинения в расизме, поскольку среди многодетных «матерей велфера» (Welfare Mothers) преобладали афро- и латиноамериканки⁷⁴.

Налогообложение семей

В немецком налоговом праве существует разделение налога на совместный доход супругов. Это значит, что супруги при желании облагаются налогом вместе, и он исчисляется так, как будто оба получают одинаковый доход. Это понижает налоговую нагрузку супружеской пары. Против разделения налога на совместный доход супругов то и дело возобновляется борьба на том основании, что оно потворствует «браку с домохозяйкой». Оно действительно благоприятствует в тех случаях, когда доход партнёров сильно различается, в большинстве случаев это пары с детьми. Как минимум в нынешней жизненной реальности женщины широко пользуются полной занятостью, пока они (ещё) бездетны, и в это время разделение налога на совместный доход супругов им не приносит существенных преимуществ. Наряду со льготами, предоставляемыми «браку с домохозяйкой», это обстоятельство наталкивается на недовольство тем, что преимущество разделения налога увеличивается при прогрессивном налогообложении. Это системно-имманентная оборотная сторона прогрессивного налогового тарифа.

Нарастающая с доходом разгрузка тоже была постоянным основным возражением против налоговых освобождений родителей, поскольку ведь государству любой ребёнок должен быть «одинаково ценен» независимо от доходов родителей. Было много политических попыток совсем ликвидировать налоговые освобождения в пользу детских пособий. Эти попытки не удались, когда Федеральный конституционный суд вынес решение от 10 ноября 1998 г., согласно которому необлагаемый налогом минимум для налогоплательщиков и их супругов, равно как и необлагаемые суммы для детей, должны покрывать хотя бы социальный прожиточный минимум⁷⁵. Выход к унификации посредством детских пособий находили в том, чтобы назначать детские пособия, не зависящие от доходов, на таком уровне, чтобы это было для 95% населения выгоднее, чем при налоговом

освобождении. На 2010 г. это означает, например, что необлагаемый налогом минимум для первого и второго ребёнка проявляет своё действие лишь при маржинальной ставке налога* в 31,5%⁷⁶. Семья с двумя детьми, имеющая доход 3600 евро в месяц, вообще не облагается налогом, если произвести взаимозачёт выплаченного налога с детскими пособиями.

Общая система из детских пособий, разделения налога на общий доход супругов, освобождения от налогов некоторой суммы доходов родителей, выплат родителям называется «уравнивание бремени семейных расходов». Система с её 64 млрд евро в год чрезвычайно дорогая⁷⁷. В последние 45 лет она постоянно дорожала, но так и не смогла позитивно повлиять на нетто-коэффициент воспроизводства, напротив: при неизменном коэффициенте рождаемости доля нижнего слоя в рождаемости заметно увеличилась. Как общая система, измеренная по количеству рождаемости и качеству социально-экономической структуры, немецкое «уравнивание бремени семейных расходов» оказалось большой неудачей.

Расходы на ребёнка возникают на трёх уровнях.

1. *Непосредственные расходы на питание, одежду и жильё.*

Они держатся в обозримых рамках и, как показывает статистика расходов на потребление, могут с лихвой покрываться уже детскими пособиями. При основном обеспечении останутся даже свободные излишки, которые получатели трансфертов могут употребить на что-то другое.

2. *Потеря заработка, возникающая из-за того, что один из супругов, как минимум, частично отказывается от оплачиваемой работы или ограничивает её.*

Здесь издержек неиспользованных возможностей меньше всего у безработных получателей трансфертов. У работающих они повышаются с размером зарплаты, от которой частично отказываются ради детей. В этом отношении правильно, что выплаты родителям зависят от уровня предыдущей заработной платы.

3. *Расходы, возникающие из-за того, что дети участвуют в принятом стандарте жизни родителей.*

Каждый, кто время от времени водит свою семью в ресторан или едет с детьми на горнолыжный курорт, знает, что имеется в виду. И дом на одну семью с детьми должен быть больше.

Пункты 2 и 3, разумеется, никак не возместить за счёт детского пособия, не зависимо от доходов. Во-первых, это было бы слишком дорого,

* *Маржинальная ставка налога* — применяемая к последнему приращению налогооблагаемой величины (дохода, прибыли).

а во-вторых, завело бы в неверном направлении получателей трансфертов и людей с низким доходом.

В то время как немецкая система «уравнивания бремени семейных расходов» нацелена главным образом на перераспределение, во французской системе более высокий вес имеет аспект в области политики населения. Детского пособия на первого ребёнка там нет вообще, на второго ребёнка оно гораздо ниже, чем у нас. Зато есть разделение налога на совместный доход супругов⁷⁸, и оно устроено так, что налоговая нагрузка понижается с ростом числа детей. Французское разделение налога на совместный доход супругов социально несправедливо, но функционально действенно, причём в двойном смысле: во Франции растёт число детей, в особенности третьего и четвёртого, и растёт число детей из верхних слоёв.

Такую систему можно градуировать как угодно, в зависимости от того, какой вес в разделении налогов придаётся рождению первого, второго или следующего ребёнка. Избыток в перераспределении при очень высоком доходе можно было бы устранить при помощи «границы отсекания», то есть процентуальной границы повышения. Если формировать перестройку системы так, чтобы она обеспечивала неизменность текущих доходов при любом изменении бюджета, это будет означать, что налоговая нагрузка на бездетных относительно повысится. Но и это может тоже оказаться действенным эффектом регулирования.

Разделение налога на совместный доход супругов подошло бы и для того, чтобы устранить один существенный изъян детского пособия, независимого от доходов, а именно: недостаточное направляющее и стимулирующее воздействие в слоях с более высоким доходом и образованием. Однако это средство бессильно против другой существенной причины малодетности этих слоёв: первый ребёнок появляется, если вообще появляется, поздно, и вследствие этого общее число детей у людей с высоким уровнем образования невелико⁷⁹. Речь во многом касается «часа пик» жизни: учёба, вступление в трудовую жизнь, поиск партнёра, первый ребёнок — всё это должно быть завершено до исполнения 30, самое позднее 35 лет. При этом создание семьи охотнее всего откладывается на потом. Ведь это можно перенести ещё на год, полагают многие, но зачастую оказывается, что уже поздно, и если всё же удаётся, то дело ограничивается одним или двумя детьми.

Возможно, здесь помог бы один чувствительный стимул — установление срока. Например, по окончании учёбы за каждого ребёнка, рождённого матерью до того, как ей исполнилось 30 лет, назначать от государства вознаграждение в размере 50 тыс. евро. Можно было бы варьировать эту

возрастную границу для первого, второго и третьего ребёнка. Вознаграждением за двух детей для молодых родителей мог бы быть, например, необходимый собственный капитал на жилую собственность. Вознаграждение не обошлось бы дороже, чем сегодняшние детские пособия. Если посчитать за 25 лет, то детское пособие обходится в 55,5 тыс. евро на ребёнка.

Всё более поздние роды первого ребёнка как раз у женщин с высоким уровнем образования — существенная причина малодетности в этой группе. Вознаграждение могло бы помочь запустить эффект «тяни-толкай». Опыт показывает, что последующие дети появляются в том случае, если первый ребёнок родился не в очень поздние годы. Правда, вознаграждение — а это будет политический подводный камень — можно вводить лишь селективно, а именно для тех групп, в которых более высокая фертильность особенно желательна для улучшения социальноэкономического качества структуры рождаемости.

Нет ничего неизменного

Описанные отправные пункты показали, что вполне себе есть инструменты, смелое внедрение которых могло бы улучшить в целом как коэффициент рождаемости, так и структуру рождаемости. Франция и Соединённые Штаты — два примера больших стран нашего уровня развития, в которых цифры рождаемости близко подходят к обеспечению постоянства численности. Примечательно, что обе эти страны располагают существенно лучшими статистическими данными, чем мы⁸⁰. Пути, которыми шли обе эти страны, чтобы справиться с проблемами, очень разные: США не имеют семейной политики в нашем понимании, но у них нет и иммиграции в систему трансфертов. Тем самым их мигранты совсем другого качества. Также у них не столь сильно выражена разница в рождаемости в зависимости от уровня образования. Франция, как и Германия, имеет проблему с мигрантами мусульманского происхождения, но во Франции коэффициент рождаемости заметно выше, чем в Германии, и французские образованные слои вносят в это гораздо больший вклад.

Есть необходимость действовать. Есть инструменты для этого. Будем ли мы что-то делать? Интересно было бы взглянуть.

МЕЧТА И КОШМАР

ГЕРМАНИЯ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

*Иоганн Вольфганг фон Гёте.
Ночная песнь странника
(пер. М. Ю. Лермонтова)*

В предыдущих главах было приведено множество цифр, дан анализ сложившейся ситуации, и даны определённые оценки. Теперь останавлиюсь на двух моментах:

1) каждое государство имеет право решать, кого привлекать в свои пределы, а кого нет;

2) западные и европейские ценности и культурное своеобразие народов Европы стоят того, чтобы их сохранять. Датчане и через 100 лет должны иметь возможность жить среди датчан, а немцы — среди немцев, если они этого хотят.

Против ценностей гражданского общества, выраженных в этих двух положениях, в Германии вот уже несколько десятилетий ведётся борьба — частью публичная, частью скрытая. Тех, кто согласен с этими положениями, оттесняют в «правый» угол. Распространённая в Германии якобы либеральность с часто неосознанной социализацией в традиции 1968 г. находит одиозной любую политику в области населения, одобряя при этом любой приток иммигрантов. Регулирование или ограничение притока считается

в этих кругах нелегитимным либо аморальным, к тому же, по их мнению, оно является выражением затхлого национального чувства, желающего сохранить немецкий характер Германии.

Но я хотел бы, чтобы мои потомки через 50, а также через 100 лет всё ещё жили в Германии, где языком общения был бы немецкий, а люди ощущали себя немцами в стране, которая сохраняет и развивает свои культурные и интеллектуальные возможности, в стране, укоренённой в Европе наших отчизн. Я нахожу, что это, с вашего позволения, важнее, чем вопрос о том, поднимется ли уровень Северного моря в ближайшие 100 лет на 10 или на 20 сантиметров. Я уверен, что и наши восточные соседи в Польше через 50 или 100 лет тоже хотят оставаться Польшей, равно как и французы, датчане, голландцы, чехи, которые желают того же для своих народов и стран.

Речь идёт о правильном сохранении и дальнейшем развитии идентичности народов и государств. Переходы при этом размыты: немецкие швабы и швейцарцы немецкого происхождения сходны во многих аспектах. Эльзасу никогда не отречься от своих немецких корней, точно так же, как в Ницце можно заметить присутствие Италии в далёком прошлом. Архитектурный стиль и градообразование показывают общие культурные корни народов, населяющих Северо-Европейскую низменность — от Брюгге до Таллина (в старину Ревеля).

Швейцария — прекрасный пример того, как различные идентичности могут сохраняться в непосредственной близости тысячу лет: в кантоне Валис (Вале), где восток говорит по-немецки, а запад по-французски, языковая граница за последнее тысячелетие смещалась туда и обратно лишь незначительно: если резиденция епископа находилась в Бриге, то она смещалась на запад, если же в Сьоне (Зиттен), то — на восток. Город на полдороге между Сьоном и Бригом назывался то Снерром, то Сидерсом.

Миграция через границы существовала во все времена. Мои предки по отцу странствовали через Лион в Женеву и затем через Базель в Германию, где они в итоге стали вестфальцами. Мои предки со стороны матери в 1920 г., будучи померанскими землевладельцами, вдруг оказались в польском коридоре, став так называемыми «фольксдойче» — немцами, проживающими за пределами Германии, и то, что от них осталось, очутилось в 1945 г. в Вестфалии. Возможно, их дальние предки в XII в. пустились в путь именно оттуда.

Миграция может и должна быть и в будущем. Мобильные, энергичные и дельные люди должны в любое время иметь возможность отправиться

в путь и зарабатывать себе на хлеб там, где им понравится, — при условии, что они встроятся в культуру принявшей их страны и станут, в конце концов, её частью, если осядут надолго. Хорошо образованные специалисты и эксперты, которые приедут не ради немецких социальных пособий, Германии нужны всегда, будь они хоть из Турции, хоть из Египта. Однако их мало везде, как показывает относительная неудача немецкой грин-карты*. Мы рады каждому, кто приедет и останется. Но основную часть специалистов, мастеров и потенциальных нобелевских лауреатов, которые должны формировать Германию и обеспечивать её будущее через 50 или 100 лет, мы должны родить сами, а затем вырастить и обучить. Если мы и впредь будем действовать так, как в последние 40 лет, то наше население не только демографически сократится, но и интеллектуально захиреет.

Дальнейшая массовая иммиграция малограмотных и малокультурных групп из стран Африки, Ближнего и Среднего Востока не решит никаких проблем, но создаст множество новых. Многие не хотят даже слышать об этом. Но если мы и дальше оставим всё как есть, то каждое следующее поколение немцев будет на треть меньше предыдущего, причём образованные слои будут сокращаться особенно сильно. То, чего нам не хватает, мы уже частично восполняем анатолийскими крестьянами, палестинскими беженцами и различными поколениями мигрантов из зоны Сахеля.

Германия не погибнет внезапно и скоропостижно. Она будет тихо угасать вместе с немцами и демографически обусловленным истощением их интеллектуального потенциала. Немецкое в Германии всё больше иссякает, а интеллектуальный потенциал исчезает быстрее всего. Кто через 100 лет ещё будет знать «Ночную песнь странника»? Школьники, изучающие Коран в медресе при мечети, уж точно этого знать не будут.

С будущим Германии может случиться то же, что и с трагическим героем в фильме Джека Арнольда «The incredible Shrinking Man»**. Он правит парусником. Над ним проплывает облако. Его жена выходит из каюты на палубу, и тут он начинает незаметно сокращаться, пока наконец не становится микроскопичным настолько, что исчезает из мира.

* Удостоверение личности или так называемая идентификационная карта, подтверждающая наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином страны проживания, и предоставляющая право трудоустройства на территории этой страны.

** «The incredible Shrinking Man» — «Невероятно сморщившийся человек», США (1957). Фильм признан одним из шедевров американской научной фантастики 1950-х гг.

Даже если немцев больше не будет, Северо-Германская низменность не опустеет. Люди всегда будут жить в Центральной Европе. Климат приятный, географическое положение даёт много преимуществ, а унаследованная инфраструктура хорошо развита. Вот только немецкие островки в том объединении областей, которое сохранит название «Германия», будут всё сокращаться, если не произойдёт каких-то радикальных перемен. Эти времена не так уж далеки от нас, наши внуки и правнуки их застанут. Немецкий язык может исчезнуть из Центральной Европы, как греческий исчез когда-то из Малой Азии. Только случится это быстрее и, вероятно, без кровопролития. Мы, немцы, не будем изгнаны со своей земли, мы просто потихоньку самоустранимся из истории в полном соответствии с закономерностями таблицы смертности Федеральной службы статистики.

Не так уж это и долго — 100 лет. Большинство людей имеет представление о 50 годах до своего рождения по рассказам родителей и дедов. Их внуки, в свою очередь, переживут их на 60 лет, поэтому каждый «плавает» во временном окне размером в 200 лет, которое касается его лично.

Переместимся на 100 лет назад, в 1910 г. Тогда немецкий рейх с его 65 млн жителей тоже был довольно большой страной даже в мировом масштабе после Китая, России, колонии британской короны — Индии, США, а с его рождаемостью в 1,4 млн человек в год ещё и очень молодой. Немецкий язык был *lingua franca** в Центральной, Восточной и Северной Европе. Свыше половины мировой научной литературы выходило в свет на немецком языке. О будущих катастрофах Первой и Второй мировых войн ещё никто и не догадывался. Адольф Гитлер, которому в то время был 21 год, перебивался в Вене случайными заработками, 40-летний Ленин ковал планы государственного переворота за столиками женевских кафе, а 31-летний Иосиф Сталин соблазнял женщин в сибирской ссылке в Сольвычегодске. Стоило произойти минимальным историческим случайностям — промахнулся бы террорист в Сараево, подвернулся бы под разрыв гранаты пехотный связной Гитлер, а немецкий Генеральный штаб не переправил бы Ленина в Россию в запломбированном вагоне, — и были бы предотвращены многие катастрофы XX в. Может, на их месте были бы другие катастрофы, этого мы не знаем. В таком случае не было ли в те времена бессмысленным занятием задумываться о будущем? Не бессмысленно ли это и сегодня? Разумеется, нет. Все заложенные в те времена и обозримые

* *Lingua franca (итал.)* — язык, используемый как средство межкультурного общения в определённой сфере деятельности.

технологические тренды действуют и поныне. Но такие переломные события, как войны и катастрофы, предвидеть нельзя.

В 1910 г. были электрифицированы крупные европейские города, проложена канализация, и проточная вода появилась в каждом доме. В Берлине и ещё кое-где появились подземка и электрический трамвай. Каждая фирма и все состоятельные частные домохозяйства были оборудованы телефонной связью. В небе показались первые самолёты, а против головной боли принимали аспирин. Было изобретено кино, которое привлекло массового зрителя. В большой политике ещё действовал император. В 1907 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину и тем самым восстановила против себя Сербию. В 1911–1912 гг. Балканская война привела к окончательному изгнанию из Европы Османской империи, если не считать маленького плацдарма.

Времена столетней давности и близки, и вместе с тем далеки, но то же самое можно сказать и о будущем, которое наступит через 100 лет. Многие будут непрерывно развиваться в это столетие, что-то изменится путём резкого переворота: никто 100 лет назад не смог бы предсказать, что коммунизм просуществует 70 лет, но никто не возьмётся и утверждать, что он не возникнет 70 лет спустя. Человек, который интересуется своим происхождением и судьбой своих потомков, живёт в отрезке мировой истории, который, в зависимости от личного возраста, простирается в будущее на 80–150 лет. Приблизительно таков горизонт его интереса к будущему. Сегодня нашу обеспокоенность вызывает климат. Мейнстрим климатических прогнозов исходит из того, что температура в Центральной Европе в ближайшие 100 лет вырастет на 2–4 градуса. Уровень Северного моря к тому времени поднимется на 10–12 сантиметров, а жизнь в Центральной Европе в климатическом отношении станет благоприятнее. Правда, часть средств, сэкономленных на отоплении, придётся вложить в строительство дамб.

Конечно, невозможно составлять серьёзные научные прогнозы относительно Германии на 100 лет вперёд. Мы не знаем, какие войны грянут. Мы не знаем, как изменят мир ещё не сделанные открытия и изобретения. Однако о естественном развитии населения мы можем судить вполне уверенно, если примем в качестве допущения, что нетто-коэффициент воспроизводства останется таким, каков он вот уже 40 лет. Но и нетто-коэффициент воспроизводства до известной степени политически зависимый показатель, как, например, миграция и интеграция.

Если посмотреть на ужасные ошибки, глупости и упущения европейской политики за последние 100 лет, то можно сделать следующий вывод:

политика играет существенную роль, и политические решения могут изменить мир как к лучшему, так и к худшему. Судьба и условия жизни наших детей, внуков и правнуков находится в наших руках в гораздо большей степени, чем мы думаем. Но мы можем и обезобразить их будущее. Политические катастрофы и технологии нового типа совершенно непредсказуемы, а вот последствия политических решений в том или ином направлении поддаются предвидению.

В двух нижеследующих сценариях я дал волю своей фантазии. Они заострены и сатиричны, но чуждыми реальности их не назовёшь. В этих сценариях описаны два из многих мыслимых путей развития Германии. Все элементы, которые в них проявляются, заложены в современности.

Кошмар...

В Германии 2017 г. политика была вполне довольна собой. Последствия мирового экономического спада, начавшегося в 2008 г. банкротством компании «Леман», были преодолены. Уровень производства 2008 г. снова был достигнут в 2013 г., экономика росла хотя и медленно, но всё же непрерывно.

С осени 2017 г. чёрно-зелёное федеральное правительство возглавила Ангела Меркель*. Статья коалиционного соглашения, касающаяся миграции и интеграции, была особенно длинной. В ней было закреплено, что Федеративная Республика Германия является страной иммиграции, ибо растущее влияние чужих культур служит обогащению страны. Всем мигрантам предоставляется муниципальное избирательное право вместе с видом на жительство. Коалиционное соглашение выдвинуло законодательную инициативу: считать поддержку ксенофобии и исламофобии уголовно наказуемым деянием. Общественный резонанс вызвало высказывание Юргена Триттина** в ходе предвыборной борьбы: «По мне так пятьдесят процентов арабов лучше, чем пять процентов правых радикалов». Правила воссоединения семей должны быть упрощены.

Вопреки ожесточённому противодействию ЕС были отменены курсы немецкого языка в качестве условия для въезда в страну членов семей мигрантов. В коалиционных переговорах Зелёные представили экспертное

* *Ангела Меркель* — немецкий политик, лидер партии Христианско-демократический союз с 2000 г. С 21 ноября 2005 г. занимает пост федерального канцлера Германии.

** *Юрген Триттин* — немецкий политик, занимавший пост министра по охране окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности с 1998 по 2005 г.

заключение профессора Гидеона Боча из Центра Моисея Мендельсона при Потсдамском университете. В экспертизе было научно доказано, что если немцы требуют преимущественного употребления немецкого языка, это представляет собой выражение латентных фашизоидных убеждений с расистским уклоном. Принуждать мигрантов к изучению немецкого языка против их естественного желания, да ещё и делать из этого условие въезда или получения вида на жительство, — всё равно что демонстрировать немецкую манию превосходства, которая однажды уже чуть не довела мир до гибели. Это прошлое как раз и отличает Германию от Франции и Голландии и не позволяет ей ужесточать языковые предписания для мигрантов, как это было сделано в этих странах.

Новый министр по делам семьи и миграции — молодая женщина из левого крыла ХДС земли Северный Рейн-Вестфалия — дала понять, что политику в области семьи не следует путать с политикой в области населения, напротив: в аспектах всемирной перенаселённости, защиты окружающей среды, а также с учётом сомнительного немецкого прошлого Германия с её низким коэффициентом рождаемости вносит положительный вклад в будущее человечества. Поскольку сокращение численности населения освобождает место, Германия тем самым способствует облегчению нужды во всём мире. Если немецкие вузы впредь будут выпускать меньше инженеров, то это тоже не так уж плохо, поскольку их в достаточном количестве выпускают Индия и Китай.

В 2020 г. государственный министр культов в своей прославленной программной речи в Институте исследования ислама Мюнхенского университета заявил, что федеративное государство отныне будет следить за тем, чтобы поддержка культуры опиралась на равноправие различных культур. Новообразованная головная организация деятелей исламской культуры на основании этого предложила распределять поддержку в области культуры пропорционально доле жителей с тем или иным родным языком. Федеральный кабинет министров принял соответствующее решение.

Новое направление прошло первое испытание на практике в Дуйсбурге. Там муниципальное объединение исламских верующих набрало в 2021 г. на муниципальных выборах 35% голосов. Оно было готово уступить партии СДПГ (17% голосов) службу городского казначейства, если само получит участок работы в области культуры и уборки мусора. Так и произошло. Однако уже через несколько дней дело дошло до скандала. Новый заведующий отделом культуры был шокирован программой городского театра. В публичной дискуссии, которая несколько недель продолжалась в отделах

культуры республиканских газет, он требовал от художественного руководителя городского театра убрать из репертуара спектакль по пьесе Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой», поскольку правоверная мусульманка никогда бы не смогла и не стала так вести себя по отношению к мужу. Мол, в учреждении, которое субсидируется государством, подаётся дурной пример и нарушается запретная граница межкультурной толерантности.

В публичных дебатах решающую гирю на чашу весов положил Патрик Банерс, руководитель отдела культуры *FAZ**. В высокоинтеллектуальной статье, которую никто не понял, он убедительно показал: только культурное самоотречение немецких граждан может стать доказательством того, что они действительно всерьёз считают себя либералами. К тому же он повторил свою фразу, пришедшуюся публике по вкусу ещё в 2010 г., что «критику ислама фактически можно сравнить с антисемитизмом образованных людей в немецком рейхе»¹. А уж быть задвинутым в этот угол вряд ли кому захочется.

В Дуйсбурге в конце концов было достигнуто компромиссное решение: представления спектаклей городского театра поделить в соответствии с местным соотношением родных языков, на настоящий момент времени это значит: 55% — турко- и арабоговорящих, 45% — немецкоговорящих. Каждые пять лет следует заново пересматривать эти пропорции в соответствии с динамикой населения. «Дуйсбургский компромисс» явился хорошим уроком для всей федерации. Всё больше городов стали перенимать эту модель в последующие десятилетия.

Начиная ещё с 2015 г. ежегодный приток иммигрантов заметно увеличился; приблизительно половина иммигрантов прибывала в рамках закона о воссоединении семей, другую половину составляли преимущественно беженцы из стран Африки, а также Ближнего и Среднего Востока, ищущие лучших условий жизни. Право на убежище и другие барьеры для въезда больше не представляли собой большого препятствия вследствие правила терпимости: те, кому удалось въехать в Германию и в течение шести месяцев не быть уличённым в криминальной деятельности, автоматически получали бессрочный вид на жительство и могли претендовать на социальные пособия, как и все немецкие граждане.

Большой прогресс произошёл в интеграции в области образования. В 2030 г. на Конференции министров культов решили не использовать результаты тестов PISA для оценки знаний учащихся с миграционной

* *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) — консервативная немецкая газета. Издаётся с 1949 г.

историей и не публиковать их. Такое решение горячо приветствовалось. Различия, правда, не сократились, а даже существенно увеличились с новым ростом притока мигрантов, начиная с 2015 г. «Союз прогрессивных учителей» повторно выразил своё неодобрение по поводу публичной дискуссии о различиях в успеваемости; мол, это есть не что иное, как «объективная дискриминация» мигрантов. Дескать, созданная таким образом самоидентификация мешает им поверить в свои силы, следовательно, низкую успеваемость можно предсказать заранее, и такие пророчества исполняются наверняка. Мол, следует наконец прекратить разговоры о различиях в успеваемости, тогда они исчезнут сами собой. Публичная дискуссия о различиях в успеваемости, независимо от того, реальны эти различия или нет, способствует расистским настроениям и потому, мол, должна быть пресечена. Конференция министров культов примкнула к этой аргументации, убедительной как с моральной, так и с педагогической точки зрения.

Следующей вехой на пути политики в области образования в 2035 г. стало введение квот при *numerus clausus* — приёме определённой категории лиц в учебные заведения, — соответствующее американскому «Affirmative action»: по всем предметам с *numerus clausus* для претендентов с турецкой, арабской или африканской миграционной историей устанавливаются квоты, которые соответствуют их доле в населении данного возраста. К сожалению, после этого значительно выросла доля отсева в некоторых группах специальностей ещё на этапе вводного курса. Особенно большим фактором дискриминации оказалась математика в инженерных специальностях. На это пришлось ответить переработкой учебной программы, которая была завершена к 2040 г. После этого доля отсева по математике снизилась до приемлемого уровня в 10%.

Злопыхатели из числа наших современников усмотрели в этих реформах причину нарастающих с 2050 г. трудностей, с которыми сталкивались выпускники немецких инженерных вузов на национальном и международном рынке труда. Другие небезосновательно указывали на то, что настоящей причиной проблем инженеров на рынке труда является спад немецкой обрабатывающей промышленности, который, начавшись около 2030 г., непрерывно продолжается. Вследствие большой и всё возрастающей нехватки квалифицированной рабочей силы, начиная с рабочих специалистов и кончая инженерами, всё больше высокоценных производств выводится в другие страны, особенно на Дальний Восток.

Кроме того, всё больше резиденций фирм перемещается за границу, и даже семьи предпринимателей среднего класса всё в большем числе

покидают страну. Решающими в этом процессе могут быть налоговые причины. Поскольку валовой социальный продукт остановил свой рост примерно в 2020 г., прирост почасовой производительности труда опустился ниже 1% в год. С другой стороны, росли расходы на выплату пенсий и социальных трансфертов, потому что число получателей непрерывно увеличивалось. Поскольку налог на добавленную стоимость уже достиг уровня 25%, в качестве инструмента финансирования оставалось только повышение подоходного налога. Начиная с 2040 г. уже и состоятельные частные лица массово устремились за границу, меняя место жительства и прихватив с собой личное состояние. Английские и американские частные школы и раньше были в большой моде у их отпрысков, что же касается инженерных наук, то подрастающее поколение предпочитало изучать их за границей, если хотело идти в ногу со временем.

Незаметно за эти десятилетия совершилась перемена в избирателях. Как выяснил Институт демоскопии Алленсбах по случаю выборов в бундестаг 2045 г., уже 30% избирателей, впервые участвующих в выборах, имеют мусульманское происхождение. Через 20 лет была преодолена 50%-ная отметка. Но ещё начиная с 2030 г. во многих крупных городах большинство населения было уже мусульманским, а в 2050 г. больше половины бургомистров имели турецкую, арабскую или африканскую миграционную историю. Это отразилось и на муниципальной политике.

В 2045 г. в Веймаре опять случился пожар в библиотеке, носящей имя герцогини Анны Амалии. Изнемогая под тяжестью социальных выплат федерация показала себя неспособной к помощи, а Тюрингия заявила, что это не входит в её компетенцию. Обер-бургомистр Веймара, задумчивый, глубоко религиозный человек с арабской миграционной историей, принял случившееся близко к сердцу. Но в итоге он выступил перед прессой и объявил, что приоритет в этом мире отдаётся живым, а не мёртвым. Скудные средства на поддержку городского строительства, которые поступают в город Веймар, лучше вложить в оформление предфасадной площади для новой мечети и в реконструкцию городского медресе — школы, где изучают Коран. Так и сделали. Но всё же удалось после ожесточённых споров в городском совете добиться решения защитить пожарище временной кровлей.

В последующие десятилетия повсюду в стране приходили в упадок и разрушение церкви, музеи, старинные замки. Немцы, которые могли бы их посещать, становились всё старше, и их становилось всё меньше. Растущее число мусульманских сограждан не интересовалось этими объектами культуры. Финансовая нужда церквей, общин и других учреждений росла.

Преодолевав большое сопротивление, федеральное правительстволожило в 2080 г. специальную программу спасения немецкого культурного наследия. Решение было принято с очень малым перевесом голосов, ибо для этого пришлось перенести на более поздний срок повышение пенсий. Дрожащим голосом представительница «Серых пантер»* выкрикнула в зал заседаний: «Что пользы немецкому пенсионеру в кресле-каталке от того, что Бамбергский или Кёльнский соборы будут отремонтированы, если сам он не сможет оплачивать уход за собой? Ведь церкви уже никому не нужны!»

Спасительная идея пришла в голову федеральному министру культов во время посещения Стамбула на Пасху 2095 г. В чудесно отреставрированной Айя-Софии на него снизошло озарение: свыше 600 лет турки использовали эту некогда христианскую церковь, поддерживая её в надлежащем состоянии. Вот был бы образец для больших немецких соборов, которые уже давно в тягость финансам умирающей церкви. Так в качестве первого «экспериментального пакета» в форме «предоставления в долгосрочное пользование» были переданы исламской религиозной общине для последующего использования в качестве мечетей Кайзердом в Шпайере, Ульмский кафедральный собор, мюнхенская Фрауенкирхе, Бамбергский и Кёльнский соборы. Взамен исламская община гарантировала поддержание этих строений в соответствии с законом о сохранении памятников. Лишь кресты им было разрешено демонтировать или соответственно закрасить, поскольку они оскорбляют религиозные чувства правоверных. Эта модель имела успех, и в последующие годы под охрану исламской религиозной общины перешли соборы Майнца и Вормса, а также Наумбургский собор и Мариенкирхе в Любеке и многие другие церкви.

Большим вопросом по-прежнему оставался язык. Затем случился прецедент: Федеральный конституционный суд в 2030 г. решил, что если не принимать во внимание миграционную историю претендента, когда его заявление о приёме вызывает недостаточное знание языка, то это противоречит принципу равноправия. Это сняло напряжённость с дебатов по интеграции.

Но ещё важнее было постановление о конституционном ранге родного языка от 2037 г. К счастью, на предшествующих выборах судей впервые удалось провести по одному кандидату с турецкой и арабской миграционной

* «Серые пантеры» — небольшая политическая партия Германии, существовавшая в 1989–2008 гг. и защищавшая интересы людей старшего поколения; в область её интересов также входили экологические проблемы. Основателем и многолетним лидером партии была Гертруде Унру.

историей, поскольку перевес голосов, обеспечивший большинство, в компетентной Первой судебной коллегии был минимальным. В руководящих принципах к постановлению сенатское большинство определило, что право на школьное преподавание на родном языке неукоснительно следует из действующего права на уважение достоинства каждого человека — ст. I, абз. I Основного закона. Это право является в принципе неотъемлемым и должно исполняться. Исключения всегда допустимы, например, если дети с чужим родным языком составляют исчезающе малое меньшинство, так что казённые затраты будут непомерно высоки. Но в большинстве городов об этом не может быть и речи. Как раз в центре районов с высокой плотностью населения преобладает число детей с турецким и арабским родными языками. Их человеческое достоинство ущемляется без вынуждающих к тому оснований, когда им приходится говорить на ломаном немецком языке вместо того, чтобы выражаться свободно на собственном родном языке.

Отговорку обвиняемого правления земель, что, мол, немецкий язык является неоспоримым всеобщим средством коммуникации, суд не принял во внимание. Общим средством коммуникации в современном мире является английский язык. На это ещё в 2006 г. метко указал тогдашний премьер-министр Баден-Вюртемберга Гюнтер Оеттингер. В 80% DAX-концернов* английский язык уже десятки лет является языком официального общения. И что пользы детям с турецким и арабским родными языками, если они наряду с их родным языком и английским должны будут в обязательном порядке изучать ещё и немецкий — это будет только дополнительная ненужная дискриминация.

Данное постановление открыло дорогу самой крупной после ликвидации гимназий реформе образования: вместо обязательного преподавания немецкого языка стало обязательным преподавание родного языка. Английский стал первым иностранным языком. Если школьники выбирали второй иностранный язык — а это происходило всё реже, — то на их выбор предоставлялась возможность на равных правах изучать немецкий, французский, турецкий и арабский языки.

Постановление быстро привело к образованию отдельных школ для турок, арабов и немцев и ускорило уже десятилетиями наблюдавшееся размежевание жилых районов. Статистика приёма детей в первые классы показала, что в 2045 г. — 48%, в 2075 г. лишь 30%, а в 2105 г. вообще всего

* *DAX-концерны* — концерны, акции которых входят в биржевой индекс DAX — важнейший фондовый индекс Германии.

20% детей, начинающих обучение в школе, выбрали для изучения в качестве родного языка немецкий. Правда, в Баварском лесу и в Уккермарке и в 2105 г. доля таких детей составляла 50%, но в Гамбурге, Франкфурте и Берлине — всего 10%.

Естественно, что в соответствующих областях и полиция, и суд, и все учреждения нанимали на работу преимущественно людей, владеющих родным языком. В конце концов, ведь нельзя требовать от автохтонных уккермаркцев, чтобы они излагали свои нужды в полицейском участке по-турецки; так же и от автохтонного турка из Кройцберга нельзя ожидать, чтобы он говорил по-немецки в своей районной службе регистрации.

В 2100 г. критический взгляд историка, направленный в прошлое, мог с удовлетворением отметить, что Германия решила свои демографические проблемы образцово и корректно с точки зрения мультикультурализма. Правда, жизненный стандарт в Федеративной Республике Германии упал ниже китайского, впрочем, Индия тоже обогнала Германию в показателе дохода на душу населения, однако миру было показано, что проблема поддаётся решению мирным путём.

Некоторые мусульманские горячие головы потребовали введения нового национального флага с красным полумесяцем и золотыми звёздами на чёрном фоне. Возможно, в этом был некоторый перебор. Но, с другой стороны, они имели на это право, поскольку представляли собой демократическое большинство. Тем более что национальные цвета Германии при этом так и оставались неизменными: чёрно-красно-золотой...

...и альтернатива

Начиная с 2010 г. растущий успех правопопулистских партий тревожил основные партии и правительства по всей Европе.

Новый подъём после рецессии 2008–2009 гг. оставался слабым, и в течение многих лет тенденция не менялась. Народы опасались за свой жизненный уровень. Становилось всё более очевидно, что внешние границы Шенгенской зоны были дырявыми: миграция в европейскую социальную систему из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки постоянно нарастала.

В мае 2013 г., за несколько месяцев до выборов в бундестаг, одна ветвь зауэрландской группы*, так и остававшаяся нераскрытой, устроила терро-

* *Зауэрландская группа* — группа исламистов, прошедших обучение в тренировочных центрах «Союза исламского джихада».

ристический акт со взрывом на вокзале Цоо в Берлине, жертвами которого стали 73 человека. После сходных террористических актов, случившихся затем в Париже и Риме, Европейский Совет собрался на экстренное заседание и выработал наряду с другими мерами основополагающие изменения по охране внешних границ Шенгенской зоны, а также европейский руководящий принцип обращения с нелегальными мигрантами. Все члены Шенгенского соглашения обязались в течение года ввести эти решения в законную силу. Принятые меры, которые несколько раз ужесточались, постепенно привели к уменьшению нелегального притока, который составил менее 100 тыс. человек в год на весь Европейский союз.

Новое федеральное правительство, избранное в сентябре 2013 г., в своём коалиционном соглашении расставило новые акценты к дальнейшему развитию в области политики образования, семьи и интеграции.

- Комбинация мер в семейной политике, при которых вводились всё новые доплаты, привела к тому, что за 10 лет число родов на женщину снова выросло до 2,1 — это был уровень, достигнутый в последний раз в середине 1960-х гг. Особенно радовало то, что заметно возросла доля родов у женщин со средним и высоким уровнем образования. Меры, целенаправленно предназначенные для этой группы, подвергались особым нападкам и постоянно критиковались как социально несправедливые.
- Правила воссоединения семей были ужесточены. Особенно действенным оказались более строгие требования к знанию немецкого языка и определение, что новоприбывшие члены семьи в течение 10 лет не могли претендовать на немецкие социальные пособия. К тому же принимающие семьи должны были представить данные о достаточных трудовых доходах и доходах с имущества, которые могли бы гарантировать средства к существованию приехавших. После этого восстановление семей заметно ослабело.
- Полнодневные школы и полнодневные детские сады были введены повсеместно. С этим была связана выдача обедов на каждого ребёнка, не предусматривающая денежного возмещения. В отношении доплат на детей в основном обеспечении и в отношении детских пособий было введено условие, что дети действительно посещают эти учреждения. Каждое отсутствие без уважительной причины, даже если речь шла о нескольких часах или об одном дне, вело к строгим вычетам.
- Для детей мигрантов в дошкольных учреждениях и школах центральным пунктом являлось усвоение немецкого языка. Он стал

обязательным языком общения в государственных или поддерживаемых государством образовательных учреждениях. Во всех этих учреждениях ежегодно стали проводиться единые для всей федерации языковые тесты для каждого класса. Результаты принимались во внимание при выделении государственных средств. Учреждения, которые не отвечали требованиям, закрывались или теряли право на государственную поддержку.

- В начальных школах был введён единый для всей Германии учебный план по немецкому языку и математике, соответствующий уровню 1970 г. Это привело к громким протестам со стороны учительских союзов, в первую очередь в Берлине, Гамбурге и Бремене. Выполнение этого стандарта также ежегодно контролировалось единым для всей федерации тестом, и таблицы с итогами публиковались на всю страну. Все дети, не выполнившие стандарт, проходили обязательные дополнительные занятия.

Успехи этих мер сказались через 10 лет. Число школьников в Германии росло, и в умственном отношении они явно прогрессировали. По PISA-тестам Германия в течение многих лет заметно отставала от стран ОЭСР по средним результатам. Начиная с 2025 г. это положение стало ступенчато меняться. Германия снова догоняла эти страны.

Также наконец прекратил падение тренд изменения численности населения. В последующие десятилетия численность населения оставалась стабильной. Коэффициент рождаемости колебался на уровне между 2,0 и 2,2 ребёнка на одну женщину. Пересмотр в области семейной и социальной политики, когда последовательно увеличивались доплаты, привёл к тому, что слои с более высоким уровнем образования показывали фертильность, даже несколько превышающую средние показатели. Доля молодых людей в населении снова стала расти после того, как поколение 1960-х гг. рождения — а оно было самым многочисленным — достигло девятого десятка и быстро сокращалось в силу возрастных причин.

У мигрантов из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки реформы в области социальных трансфертов в течение нескольких лет привели к тому, что их фертильность упала ниже среднего федерального уровня. Суровые санкции против молодёжи, отказывающейся от образования, доделали остальное. Освобождения от занятий физкультурой и плаванием по религиозным причинам были прекращены по решению Конференции министров культов в 2030 г. Ещё в 2020 г. была введена школьная униформа, а запрет на головные платки стал исключительно строгим.

В классических мигрантских кварталах стало появляться всё меньше женщин в платках. Причина была и в падающем числе жителей этих районов. Слабый прирост за счёт воссоединения семей, исчезновение беженцев и прекратившийся отъезд экономически успешных людей становились всё более заметными начиная с 2040 г.: мигрантские кварталы больших городов сокращались, и на улицах всё реже была слышна турецкая и арабская речь.

Интеграция, судя по всему, осуществилась, и историки усматривали в этом параллели с интеграцией польских иммигрантов в Рурскую область в первой половине XX в. Так же, как тогда, об этом напоминали лишь фамилии известных футболистов, звучащие на иностранный лад.

Таковы два сценария. В трагическом сценарии присутствует своя юмористическая сторона, но, как известно, самую лучшую сатиру пишет действительность. У политиков есть неотложный повод к действию. Возможности и точки приложения тоже есть, и эта книга должна привести дополнительные побуждения. Словами исчезнувшего языка я призываю политиков:

*Hic Rhodus, hic salta!**

* «*Hic Rhodus, hic salta!*» (лат.) — *Вот тебе Родос, тут и прыгай* — выражение из басни Эзопа «Хвастун». Некий человек хвастался, что однажды в Родосе он сделал колоссальный прыжок, и в доказательство ссылался на свидетелей. На это один из слушавших его возразил: «Друг, если это правда, тебе не нужны свидетели: вот тебе Родос, тут и прыгай».

БЛАГОДАРНОСТИ

Идея этой книги возникла в мае 2008 г., и возникла она не у меня. Издательство завело со мной речь о моём возможном участии в политических дебатах о немецком социальном государстве и предложило написать для этого книгу. Я колебался, начались переговоры, мы обсуждали концепцию, и осенью 2008 г. я согласился.

Естественно, работа над проектом длилась дольше, чем было запланировано, и книга на пути к завершению снова и снова меняла своё содержание.

Не все разделяют моё пристрастие к острым формулировкам. Фридрих Телен выразил готовность просмотреть этот труд, опираясь на свой многолетний журналистский опыт. И тщательно это проделал. Его советы и предложения я во многом учёл.

Редактура Дитты Ахмади существенно улучшила стиль книги. Она искореняла повторы и без всякого снисхождения докапывалась до мелких неточностей. Понимание я проявил далеко не во всём: если читателю покажется, что та или иная таблица здесь лишняя, он может быть уверен, что на это мне уже было указано.

Моя жена Урсула Саррацин то и дело прикладывала к рукописи на разных её стадиях зонд человеческого здравого смысла. Во всех высказываниях на тему образования она была для меня важным профессиональным советчиком. Она грациозно переносила все удары, которые подобная книга наносит по бюджету времени автора.

За два последних года я заново узнал, какую болезненную реакцию вызывают некоторые пункты, затронутые мной. Я пытался продуктивно использовать все «за» и «против» и высказываю здесь мои личные взгляды, независимо от профессиональной деятельности. Никогда не бывает лишним вновь и вновь подвергнуть сомнению собственные застарелые убеждения, ибо в пространстве социальной действительности существует не так уж много окончательных и завершённых ответов.

Тило Саррацин
Берлин, июнь 2010 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Здесь недостаточно объяснения, что широкое распространение получили противозачаточные таблетки; куда интереснее то, что современные индустриальные общества показывают такие разные демографические тенденции.
- ² Естественно, всё будет иначе, если встать на позицию космополита, которого интересует не судьба собственной социальной группы, а судьба человечества в целом.
- ³ Естественно, бывают и переломные ситуации, в которых религиозно обоснованные руководящие идеи действуют дестабилизирующе.
- ⁴ «Золотыми веками» прославились следующие продолжительные периоды:
 - расцвет Древнего Египетского царства с 2640 до 2504 г. до н. э.;
 - античная Греция — от персидских войн до господства македонцев, то есть с 550 до 350 г. до н. э.;
 - Римская империя — приблизительно от Рождества Христа до 250 г. н. э.;
 - немецкое Средневековье под властью Салиеров и Гогенштауфенов — с 1000 до 1250 г.;
 - абсолютистская Франция XVIII в. под властью Людовика XIV и Людовика XV;
 - расцвет Британской империи с 1815 (окончательная победа над Наполеоном при Ватерлоо) до 1914 г. (Первая мировая война);
 - Германская империя — с 1817 по 1914 г.;
 - экономический подъём США с 1865 г. по 1965 г. и их в это же время восхождение к мировой власти в это же время;
 - развитие ФРГ от валютной реформы 1948 г. до падения Стены в 1989 г.

Глава 1

- ¹ Ср.: Ebenrett H. J., Hansen D., Puzicha K. J. «Brain drain» in deutschen Regionen. Effekte von Arbeitslosigkeit und innendeutscher Migration, hrsg. vom Bundesministerium für Verteidigung — PSZ PIII. 6. Nr 1. 2002.
- ² Это была бы надындивидуальная, применимая к обществам, гибкая система оценки, чего, согласно логике, просто не может быть (парадокс Эрроу).

- ³ Правда, за исключением коренного населения в Дарфуре, живущего под угрозой геноцида.
- ⁴ Ср.: *Wilson E. O. On Human Nature. Cambridge (Mass.), 2004. S. 70ff.*
- ⁵ Бросается в глаза, что многие из этих инноваций происходят из Китая. Железный плуг, хомут, компас, бумага, чёрный порох, книгопечатание, фарфор и многое другое было изобретено и использовалось в Срединной империи с опережением до полутора тысячелетий. До середины XVIII в. можно было говорить, что Китай имеет уровень технического развития, сравнимый с европейским.
- ⁶ Однако развиваются и такие типы рациональной власти, которые не отвечают западной демократической модели, не следуют модели диктатуры и не являются клептократиями. В этом смысле Китай являет собой выдающийся пример. Наряду с ними существуют повсюду недееспособные государства, в которых коррумпированные верхние слои обкрадывают народ, ничего не предпринимая для развития (Ганги, Бирма), или в которых государственный порядок совершенно разрушен (Сомали, Заир).
- ⁷ Британский исследователь климата Джеймс Лавлок считает существенное повышение температур на Земле уже твёрдо запрограммированным и полагает, что наша планета через 100 лет сможет обеспечить жизнь лишь самое большее 1 млрд человек. Ср. разговор в FAS от 7 июня 2009 г., а также последнюю вышедшую книгу автора: *The Vanishing Face of Gaia — A Final Warning*. Два ведущих немецких исследователя климата Штефан Рамсторф и Ганс Йоахим Шельнхубер видят картину в не столь мрачном свете, однако и не считают позицию Лавлока несерьёзной. Иначе их предостережения против политики слишком быстрых и длительных действий (ср.: интервью в *Die Zeit* от 26 марта 2009 г. и в *Westdeutsche Allgemeine Zeitung* от 22 апреля 2009 г.) не имели бы смысла.
- ⁸ Хотя есть стабильные различия в сравнительных возможностях интеллекта народов и обществ, причина этого заключается ещё и в том, что интеллектуальные возможности — при доказанной наследуемости от 50 до 80% — зависят также от питания и образования.
- ⁹ Следует назвать использование огня, развитие пахотного земледелия, изобретение колеса и письменности, обработку железа, начало машиностроения с разработкой первого часового механизма и, наконец, изобретение паровой машины, что означает переход в век промышленности.
- ¹⁰ Это не исключает, что своеобразие и культурные особенности отдельных групп населения продолжают существовать тысячелетиями, идёт ли при этом речь об особенных формах жизни цыган или культурной и религиозной идентичности евреев.
- ¹¹ Ср.: *Weber M. Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 20 (1904). S. 1–54 и 21 (1905), S. 1–110; Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Принстон — Оксфорд, 2007.*

Вебер выводит дух предпринимательства, продвинувший вперёд Западную Европу, преимущественно из кальвинистской этики, которая в материальном жизненном успехе усматривает доказательство Божьего благоволения. Кларк пытается показать, что выдвигались вперёд в экономическом отношении те страны, в которых экономически успешные граждане размножались с превышением среднеарифметического уровня и в течение продолжительных периодов времени.

- ¹² Ср.: *Miegel M.* Epochenwende. Gewinnt der Westen die Zukunft? Berlin, 2005.

Глава 2

- ¹ Ср.: European Commission and the Economic Policy Committee (AWG): The 2009 Ageing Report: Economic and Budgetary Projections for the EU-27 Member States (2008–2060) // *European Economy* 2. 2009, а также: Deutsche Bundesbank: Demographischer Wandel und langfristige Tragfähigkeit der Staatsfinanzen in Deutschland // *Monatsbericht* 7. 2009. S. 31ff.
- ² Ср.: *Straubhaar T.* Ungenutztes Potential // *Wirtschaftswoche*. Nr. 27, vom 29. Juni 2009. Томас Штраубхаар выдвигает тезис, что последствия демографии можно существенно смягчить растущей рабочей квотой женщин, пожилых людей и мигрантов, и движется тем самым в современном мейнстриме. Но нет альтернативных экстраполяций, которые исходили бы из реалистических допущений.
- ³ Ср.: *Fuchs J., Dörfler K.* Projektion des Arbeitsangebots bis 2050. Demografische Effekte sind nicht mehr zu bremsen // *IAB-Kurz-bericht* 11. 2005; *Schnur P., Zika G.* Arbeitskräftebedarf bis 2025. Die Grenzen der Expansion // *IAB-Kurzbericht* 26. 2007. Единственное существенное отличие от вышеприведённой экстраполяции состоит в допущении касательно будущего притока иммигрантов. Вышеприведённая экстраполяция исходит из ежегодного притока в 50 тыс. человек, тогда как IAB (Институт рынка труда и изучения профессий) рассчитывает на вариации, однако в итоге берёт за основу приток в 200 тыс. человек. Более высокое допущение IAB приводит и к более высокому потенциалу занятости — на 6 млн человек в 2050 г.
- ⁴ Ср. анализы у *Brunetti A., Weder di Mauro B.* Ein Markt mit spektakulärem Potenzial // *FAZ*, vom 2. September 2006. S. 13.
- ⁵ Ср.: *Ivanova D.* Probleme bei dem Vergleich des Lebensstandarts in den USA und den EU-15-Staaten, Zusammenfassung einer Untersuchung von Robert J. Gordon (2006). Lehrstuhl Prof. Illing, IMU München.
- ⁶ См. анализы у *Bormann R.* Deutschland 2020. Aus der Krise in eine soziale Zukunft // *WISO-Diskurs* 6. 2009. S. 13ff.
- ⁷ Ср. Bundesministerium der Finanzen (hrsg.): Zweiter Bericht zur Tragfähigkeit der öffentlichen Finanzen. Berlin, Juni 2008.

- ⁸ *Werding M., Hofmann H.* Projektionen zur langfristigen Tragfähigkeit der öffentlichen Finanzen // Ifo Beiträge zur Wirtschaftsforschung. Bd. 30. München, 2008.
- ⁹ Ср.: *Werding M., Hofmann H.* Projektionen. S. 38.
- ¹⁰ Пансионеры, пенсии по старости, вдовству и сиротству. Цифра для 2005 г. была обозначена с корректировкой на получателей комбинированных пособий.

Глава 3

- ¹ *Leszczynsky M.* Bildung und Qualifikation als Grundlage der technologischen Leistungsfähigkeit Deutschlands (Studien zum deutschen Innovationssystem nr. 8–2009), Berlin, 2009. S. 89.
- ² Там же. S.102.
- ³ www.timeshighereducation.co.uk/Rankings.
- ⁴ Ср.: *Fasse M., Henz C.* Dem Elektroauto fehlen Ingenieure // *Handelsblatt* vom 18. August 2000.
- ⁵ Справка IAB vom 4. Februar 2010 г. Данные приблизительно подсчитаны из IAB-Betriebspanel 2002–2006 гг.
- ⁶ Справка des Statistischen Bundesamtes vom 16. Februar 2010. arbeits-markt@destatis.de
- ⁷ Ср.: *Lehr U.* Psychologie des Alterns, 11. Auflage Heidelberg, 2007. В частности, исследования развития интеллекта, S. 76–77. См. далее: *Kliegel M.* Die kognitive Leistungsfähigkeit im mittleren und höheren Erwachsenenalter aus der Sicht der Gerontopsychologie // *Generation 60 plus — tauglich für die Arbeitswelt 2020, Dokumentation zur Tagung am 14–15. Februar 2006 in Bad Arolsen*, S. 59ff.
- ⁸ Справка Udo Franke von der Hamburg Port Authority vom 9. Februar 2010.
- ⁹ Ср.: *Russell B.* Mein Leben. Zürich, 1967.
- ¹⁰ *Mann G.* Versuch über Bertrand Russell. Nachwort in ebenda. S. 331.
- ¹¹ Ср.: *Prenzel M.* PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. Hier insbesondere Tabelle 5.3 auf S. 135.
- ¹² Ср.: <http://opa.berkeley.edu/analysesandreports/analyses.aspx>
- ¹³ Последняя цифра выводится из микропереписи 2008 г., ср. данные в гл. 8.
- ¹⁴ Ср.: Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung (hrsg.): *Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin, 2009.
- ¹⁵ Ср.: там же, а также: *Sinn H. W.* EU-Erweiterung und Arbeitskräfteintegration. Wege zu einer schrittweisen Annäherung der Arbeitsmärkte // Ifo-Beiträge zur Wirtschaftsforschung 2. München, 2001. *Loeffelholz H. D., von.* Kosten der nichtintegration ausländischer Zuwanderer // Beihefte zur Konjunkturpolitik 2001. 52. Ders. u.a.: *Fiskalische Kosten der Zuwanderer*. RWI-Projektbericht. Essen, 2004.
- ¹⁶ *Leszczynsky M.* Bildung und Qualifikation als Grundlage der technologischen Leistungsfähigkeit Deutschlands. S. 11.
- ¹⁷ Там же. S. 115.

- 18 Там же. S. 77. Баланс прерывания учёбы рассматривает один год выпуска на предмет происхождения и местопребывания: в балансе учитывается отсев бросивших учёбу и перешедших на другие специальности, а также пополнение за счёт пришедших с других специальностей.
- 19 Там же. S. 45.
- 20 Ср.: там же. S. 85–86.
- 21 Ср.: Bundesinstitut für Berufsbildung: Datenreport zum Berufsbildungsbericht 2009. Bonn, 2009. S. 216.
- 22 Ср.: там же. S. 214.
- 23 Ср.: *Bormann R.* Deutschland 2020. Aus der Krise in eine soziale Zukunft // WISO-Diskurs 6. 2009. S. 19ff.
- 24 За проведение специальной оценки, воспроизведённой здесь выборочно, я благодарю Тило Паля из Германской промышленно-торговой палаты (DIHK, Берлин). См. также DIHK: Ausbildung 2009, Ergebnisse einer Online-Unternehmensbefragung, erschienen im März, 2009.
- 25 Ср.: BASF AG (hrsg.). Langzeitstudie über Rechtschreibund elementare Rechenkenntnisse bei Ausbildungsplatzbewerbern. Ludwigshafen, 2008.
- 26 Там же. S. 3.
- 27 *Frey A.* Mathematische Kompetenz im Ländervergleich // *Prenzel M.* PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. S. 130.
- 28 OECD (Hrsg.). Education at a Glance. Paris, 2008. S. 138.
- 29 Ср.: OECD (Hrsg.). PISA 2006. Science Competencies for Tomorrow's World. Volume I: Analysis. Paris, 2007.
- 30 Ср.: Bundesfinanzbericht 2009. S. 49.
- 31 Ср.: *Schipolowski S., Böhme K.* Der Ländervergleich im Fach Deutsch // *Köller O., Knigge M., Tesch B.* Sprachliche Kompetenzen im Ländervergleich. Münster, 2010. S. 90.
- 32 Ср.: *Böhme K.* Migrationsbedingte Disparitäten bei sprachlichen Kompetenzen // *Köller O.* Sprachliche Kompetenzen im Ländervergleich. S. 216.
- 33 *Köller O.* Der Blick in die Länder // *Köller O.* Sprachliche Kompetenzen im Ländervergleich. S. 122.
- 34 Ср.: OECD. Education. S. 206.
- 35 Ср.: OECD. PISA 2006. S. 60.
- 36 Ср.: Сообщение *Berliner Zeitung* vom 1. Dezember 2005 г. // Bayern ist der Unterricht «minimalistisch solid».
- 37 Ср.: *Pfeiffer C.* Die PISA-Verlierer — Opfer ihres Medienkonsums: eine Analyse auf der Basis verschiedener empirischer Untersuchungen. Hannover, 2007. S. 3ff.
- 38 Ср.: *Ebenrett H.J., Hansen D., Pużicha K.J.* «Brain drain» in deutschen Regionen. Effekte von Arbeitslosigkeit und innerdeutscher Migration, hrsg. vom Bundesministerium für Verteidigung — PSz Piii 6. Nr. 1. 2002. *Eber S., Schambach S.* «Brain drain» in deutschen regionen. Effekte von Arbeitslosigkeit und innerdeutscher

- Migration // Untersuchungen des Psychologischen Dienstes der Bundeswehr, 42. Jahrgang, 2007. S. 9ff.
- ³⁹ Ср.: *Meinlschmidt G.* Sozialstrukturatlas Berlin 2008. Berlin, 2009.
- ⁴⁰ *Meinlschmidt G.* Grundauswertung der Einschulungsdaten in Berlin 2007. Berlin, 2009. Воспроизведённые данные взяты из разных мест публикации.
- ⁴¹ Ср.: *Walter F.* Baustelle Deutschland. Politik ohne Lagerbindung. Frankfurt/M., 2008. Это ведущая тема, которая то и дело всплывает в разных местах книги.
- ⁴² Ср.: Institut für Demoskopie Allensbach: Soziale Differenzierung, eine repräsentativbefragung der Bevölkerung im Frühjahr, 2006. S. 4.
- ⁴³ Ср.: IfD-Umfrage 5256. Februar, März 2009.
- ⁴⁴ Ср.: *Köcher R.* Demoskopische Annäherungen an die Mentalität der Mitte // Wege zur gesellschaftlichen Mitte — Chancen, Leistung und Verantwortung, hrsg. von der Herbert-Quandt-Stiftung. Frankfurt/M., 2008. S. 16ff.
- ⁴⁵ Ср.: IfD-Umfrage 5256.
- ⁴⁶ *Köcher R.* Der Statusfatalismus der Unterschicht // FAZ vom 16. Dezember 2009. S. 5.
- ⁴⁷ Will Anne, 14. Oktober 2007. <http://dasertse.ndr.de/archiv/erste3124.html>
- ⁴⁸ Ср.: *Weiss V.* Die IQ-Falle, Graz/Stuttgart, 2000. S. 140. Фолькмар Вайс работал в ГДР, исследуя тему интеллигенции. Его высказывания о ГДР основаны на результатах этого исследования.
- ⁴⁹ Ср.: там же. S. 139.
- ⁵⁰ Эту надежду выражает, например, Рената Кёхер в Statusfatalismus.
- ⁵¹ *Butterwege C.* Armut in einem reichen Land. Frankfurt/M., 2009. S. 16ff.
- ⁵² Ср.: *Friedrichs J., Müller E., Baumbolt B.* Deutschland dritter Klasse. Leben in der Unterschicht. Hamburg, 2009.
- ⁵³ *Balci G. Y.* Arabboy. Eine Jugend in Deutschland oder Das kurze Leben des Rashid A. Frankfurt/M., 2008.
- ⁵⁴ *Kloepfer I.* Aufstand der Unterschicht. Frankfurt/M., 2008.
- ⁵⁵ *Walter F.* Baustelle. S. 14.
- ⁵⁶ Ср.: *Schmitt C., Winkelmann U.* Wer bleibt kinderlos? Sozialstrukturelle Daten zur Kinderlosigkeit von Frauen und Männern (DiW Discussion Paper 473). Berlin, 2005. S. 9; ferner *Schmitt C., Wagner G. G.* Kinderlosigkeit von Akademikerinnen überbewertet // DIW Wochenbericht 21. 2006. S. 313–317.
- ⁵⁷ Ср.: Statistisches Bundesamt: Mikrozensus 2008. Neue Daten zur Kinderlosigkeit in Deutschland. Wiesbaden, 2009. S. 27ff.
- ⁵⁸ Ср.: там же. S. 29, равно как и: *Pörsch O.* Geburten in Deutschland 2007; hrsg. Statistisches Bundesamt, Dezember 2007.
- ⁵⁹ Ср.: *Meinlschmidt G.* Grundauswertung der Einschulungsdaten.
- ⁶⁰ Ср.: Он же: Soziale Schichtung und Kinderanzahl in Familien. Sonderauswertung der Einschulungsdaten 2007. Неопубликованная рукопись. Июль 2009 г.
- ⁶¹ В США National Longitudinal Study on Youth (NSLY), которая прослеживает дальнейший жизненный путь более чем 12 тыс. подростков школьного

выпуска 1979 г., показала среди прочего, что внебрачные роды связаны с уровнем интеллекта матерей и сравнительно мало связаны с их социально-экономическим фоном (см.: *Herrnstein R.J., Murray C. The Bell Curve. Intelligence and Class Strukture in American Life. New York, 1994. S. 180ff*) и что среднее число родившихся детей снижается тем сильнее, чем выше уровень образования матерей. Для Германии предстоит установить, что на основе генеративного поведения, зависящего от принадлежности к определённом слою, доля нижнего, или так называемого необразованного, слоя в рождаемости непрерывно растёт. Очень жаль, что официальная статистика не даёт здесь актуального, углублённого материала. Для этого было бы необходимо учесть социально-экономический статус матери (либо обоих родителей) относительно уровня образования и интеграции в рынок труда. Ср.: *Schmitt C. Labour Market Integration and the Transition to Parenthood — A Comparison of Germany and the UK (DIW Discussion Paper 808). Berlin, 2008; ferner ders.: Gender-Specific Effects of Unemployment on Family Formation: A Cross-National Perspective (DIW Discussion Paper 841). Berlin, 2008, insbesondere S. 348ff.*

- ⁶² Ср.: *Myrdal G. Population. A Problem for Democracy. The Godkin Lectures 1938. Gloucester Mass, 1962. S. 203.*
- ⁶³ Ср.: *Galton F. Hereditary Genius. An Inquiry into its Laws and Consequences. London, 1869.*
- ⁶⁴ Ср. к состоянию исследований интеллекта: *Rost D.H. Intelligenz. Fakten und Mythen. Basel, 2009. S. 230ff.* По поводу исследований образования Эльсбет Стерн и Юрген Гутке констатируют: «Существует по меньшей мере четыре общепринятых допущения в исследовании интеллекта: 1) высокая долговременная стабильность в работе интеллекта, которая уже в раннем детстве составляет $r = 50$, а начиная с позднего детства поднимается выше $r = 80$, говорит в пользу наличия стабильного персонального признака; 2) в культурных кругах, где детям открыты все возможности обучения, как минимум 50% интеллектуальных успехов могут быть объяснены генетическими различиями; 3) различия в интеллекте имеют церебральную основу, которую в принципе можно объяснить; 4) то, как когнитивные компетенции влияют на усвоение и использование знания, в решающей степени зависит от культурного и индивидуального контекста» (*Stern E., Guttke J. Perspektiven der Intelligenzforschung. Lengerich, 2001. S. 9*).
- ⁶⁵ Ср.: *Lynn R. Dysgenics. Genetic Deterioration in Modern Populations. Westport, 1996; sowie ders.: The Decline of Genotypic intelligence // Neisser U. The Rising Curve. Washington, 1998. S. 335ff.* В одной статье в том же томе Сэмюэль Х. Престон пытается доказать, что и при различной фертильности групп населения с разным интеллектом происходит автоматическая стабилизация уровня интеллекта. Ср.: *Он же: Differential Fertility by IQ und the IQ Distribution of a Population. S. 377ff.*; Джон К. Лоелен показывает, что модель Престона ошибочна и результат будет другим, если моделировать в соответствии с законами

наследственности Менделя. Лоелен считает актуальные различия в фертильности разных групп населения в США недостаточно большими, чтобы обладать практической релевантностью. Ср.: у него же: *Whither Dysgenics? Comments on Lynn and Preston*. S. 389 и далее. Издателю сборника, Ульрику Найсеру, вообще не нравится вся дискуссия, но он тоже подтверждает: «В рамках определённой группы населения и в конкретных условиях (например, тех, которые характерны для белых американских мужчин в 1998 г.) генетические факторы оказывают значительное влияние на индивидуальные различия. Теперь это точно известно благодаря методам генетического исследования поведения — дисциплины, которая в первую очередь занимается изменчивостью». Ср.: *Он же*: *Introduction: Rising Test Scores and What They Mean*, S. 3ff., S. 15.

⁶⁶ Ср.: www.maschiach.de и www.nobelprize.org

⁶⁷ Ср.: *Bennathan E.* Die demographische und wirtschaftliche Struktur der Juden // *Mosse W.* Entscheidungsjahr 1932: Zur Judenfrage in der Endphase der Weimarer Republik. Tübingen, 1966. S. 87ff.

⁶⁸ Ср.: *Gordon S.* Hitler, Germans and the «Jewish Question». Princeton, 1984. S. 15.

⁶⁹ Ср.: там же. S. 12.

⁷⁰ Ср.: там же. S. 14.

⁷¹ *Marton K.* Die Flucht der Genies. Neun ungarische Juden verändern die Welt. Frankfurt/M., 2010. S. 30.

⁷² Ср.: *Weinryb B.D.* The Jews of Poland. A Social and Economic History of the Jewish Community in Poland from 1100 to 1800. Philadelphia, 1973.

⁷³ Ср.: *MacDonald K.B.* A People That Shall Dwell Alone: Judaism As a Group Evolutionary Strategy. Westport, 1994; см. также показательную рецензию *Eysenck H.J.* // *Personality and Individual Differences*. 19. 1995, Nr 1p.

⁷⁴ Ср.: *Eysenck H.J.*, ebenda, *Herrnstein R.J.*, *Murray C.* The Bell Curve. Intelligence and Class Struktüre in American Life. New York, 1994. S. 175, и процитированная там литература.

⁷⁵ Ср.: zur Lebensgeschichte von *Weiss W.P.* Die IQ-Falle. S. 25ff.

⁷⁶ Цит. по тому же источнику. S. 26.

⁷⁷ Ср.: там же. S. 32.

⁷⁸ В области изучения интеллекта в наши дни доминируют учёные из США. Дискуссия отягощается интерпретацией выявленных различий между разными этническими группами. При этом дискуссия ввиду большого разброса интеллекта в каждой этнической группе полностью излишня, ибо решающими являются только свойства индивидуума. Если бы все люди выглядели одинаково, никому бы не пришло в голову связывать имеющиеся различия в интеллекте с этническим происхождением. Уже упомянутая книга *Herrnstein, Murray*, *The Bell Curve*, собирает все эмпирические факты, касающиеся измеренного интеллекта, и коррелирует их с индикаторами жизненного успеха. Эта весьма успешная книга вызвала бурную дискуссию и столкнулась с большой волной

- официальной критики, которая сосредоточилась на идеологических и принципиальных моментах. Успешные попытки альтернативных измерений интеллекта не были опубликованы. Ср.: *Jacobi R., Glaubergerman N.* The Bell Curve Debate. History, Documents, Opinions. New York, 1995.
- ⁷⁹ Ср.: *Herrnstein R.J., Murray C.* The Bell Curve. S. 143ff., sowie *Colom R., Flores-Mendoza C.* Intelligence Predicts Scholastic achievement Irrespective of SES Factors: Evidence from Brazil // *Intelligence* 35. 2007. S. 243ff.
- ⁸⁰ Ср.: *Rost D.H.* Intelligenz. Fakten und Mythen. Weinheim/Basel, 2009. S. 232f.
- ⁸¹ Ср.: *Lehr U.* Psychologie des Alterns. S. 81ff.
- ⁸² Ср.: *McCleary G.E.* Substantial Genetic Influence on Cognitive abilities in Twins 80 or more Years // *Science* 276. S. 1560ff.
- ⁸³ Ср.: *Rost D.H.* Intelligenz. S. 230ff.
- ⁸⁴ Ср.: *Herrnstein R.J., Murray C.* The Bell Curve. S. 350.
- ⁸⁵ Ср.: *Rost D.H.* Intelligenz, S. 186ff и приведённая там литература.
- ⁸⁶ Ср.: *Herrnstein R.J., Murray C.* The Bell Curve. S. 110ff и приведённая там литература.
- ⁸⁷ Ср.: там же. S. 36, 118 и далее.
- ⁸⁸ Ср.: там же. S. 127.
- ⁸⁹ Ср.: объёмный статистический учёт у *Lynn, Vanhanen*, Intelligence and the Wealth of Nations. Ср. также: *Weede E., Kämpf S.* The Impact of Intelligence and Institutional Improvements on Economic Growth // *Kyklos* 55. 2002. S. 361ff.
- ⁹⁰ Ср.: *Clark G.* A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton und Oxford, 2007. S. 11.
- ⁹¹ Ср.: *Colom R., Luis-Font J., Andres-Pueyo A.* The Generational Intelligence Gains are Caused by Decreasing Variance in the lower half of the Distribution. Supporting Evidence for Nutrition Hypothesis // *Intelligence* (2005). S. 84ff.
- ⁹² Ср.: *Flynn J.R.* Massive IQ-Gains in 14 Nations: What IQ Tests Really Measure // *Psychological Bulletin* 101. 1987. S. 171ff. Дers.: What Environmental Factors Affect Intelligence? The Relevance of IQ Gains over Time // *Detterman D.K.* Current Topics in Human Intelligence, Bd. 5. Torwood, 1995.
- ⁹³ *Teasdale T.W., Owen D.R.* A Long-term Rise and Recent Decline in Intelligence Test Performance: The Flynn-Effect in Reverse // *Personality and Individual Differences* 39. 2005. S. 837ff.; sowie *Sundet J.M., Baraag D.G., Torjussen T.M.* The End of the Flynn Effect? A Study of Secular Trends in Mean Intelligence Scores of Norwegian Conscripts During Half a Century // *Intelligence* 32. 2004. S. 349ff. К обоим исследованиям следует отнести тем серьёзнее, что они базируются на длительных измерениях интеллекта у призывников: как для датских, так и для норвежских призывников исследования показывают, что «эффект Флинна» исчерпался ещё в конце 1970-х гг. После фазы стагнации измеренный интеллект призывников в обеих странах с конца 1990-х гг. пошёл на убыль.
- ⁹⁴ Ср.: *Lehrl S.* Pisa — ein weltweiter Intelligenz-Test // *Geistig fit* 1. 2005. S. 3ff.; *Rindermann H.* Was messen internationale Schulleistungsstudien? // *Psychologische Rundschau* 57. 2006. S. 69ff.

- ⁹⁵ Genz U. Steigerung der mentalen Leistungsfähigkeit durch richtiges Frühstück // Geistig fit 6. 2007. S. 3ff.
- ⁹⁶ Также и социобиология, которая сильно ориентирована на роль культурного развития, в итоге ставит в основу человеческого развития процесс естественного отбора: распространяются гены тех, кто лучше приспособлен для выживания и больше размножается. Поскольку шансы на выживание в современном обществе равны, активнее всего распространяются гены тех, кто имеет большую фертильность. Ср.: *Wilson E. O. On Human Nature. Cambridge (Mass.), 2004. S. 32f.*

Глава 4

- ¹ Ср.: *Köcher R. Keine Krisenstimmung* // FAZ vom 19. August, 2009. S. 5.
- ² Ср.: *Lebenslagen in Deutschland. Der 3. Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung. Entwurf des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales vom 19. Mai 2008. S. 25.*
- ³ Ср.: *Lampert T., Ziese T. Armut, soziale Ungleichheit und Gesundheit. Expertise des Robert Koch-Instituts zum 2. Armuts- und Reichtums-bericht der Bundesregierung (Schriftenreihe lebenslagen in Deutschland). Bonn, 2005. S. 22.*
- ⁴ Ср.: *Bericht über die Höhe des Existenzminimums von Erwachsenen und Kindern für das Jahr 2010 (Siebenter Existenzminimumbericht) von 21. November, 2008. BT Drucksache 16. 11065. S. 6.*
- ⁵ Ср.: *Siebenter Existenzminimumbericht. S. 2.*
- ⁶ Ср.: *Deckl J. Leben in Europa 2005 und 2006, Ergebnisse für Sozialindikatoren* // *Wirtschaft und Statistik* 9. 2008. S. 799.
- ⁷ Ср.: *Sinn H. W. Der bedarfsgewichtete Käse und die neue Armut* // *Ifo-Schnelldienst* 10. 2008. S. 14ff.
- ⁸ BVerfG, 1 BvI 1. 09 vom 9. Februar, 2010.
- ⁹ Ср.: *Gräff F. Was uns zusteht. Der richtige und falsche Anspruch: auf der Suche nach einem Begriff irgendwo zwischen Hartz IV und Elbvororten* // *Süddeutsche Zeitung* vom 30. 31. Januar, 2010. S. V2. 3.
- ¹⁰ Ср.: *Sen A. Ökonomie für den Menschen. Wege zu Gerechtigkeit und Solidarität in der Marktwirtschaft, 2. Auflage München, 2003. S. 112.*
- ¹¹ Ср.: *Lebenslagen in Deutschland. S. 1.*
- ¹² Ср.: *Interview mit Bolz N. Irgendwas kann man immer werden* // *Wirtschaftswoche* vom 24. Mai, 2009.
- ¹³ *Interview mit Brändle P. Viele Kläger können sich ein Leben in Arbeit nicht vorstellen* // *FAS* vom 28. Februar, 2010. S. 40.
- ¹⁴ *Europäischer Rat, Beschluss 85.8.EEC vom 19. Dezember, 1984.*
- ¹⁵ Ср.: *www.berliner-tafel.de*
- ¹⁶ *Месячные расходы на табачные изделия были рассчитаны из поступления табачного налога, расходы на напитки — из оборота производства напитков.*
- ¹⁷ *Lebenslagen in Deutschland. S. 1ff.*

- 18 Ср.: *Meinlschmidt G.* Sozialstrukturatlas Berlin 2008. Berlin, 2009. S. 201, 260.
- 19 Ср. там же. S. 235.
- 20 Lebenslagen in Deutschland. S. 89.
- 21 Ср.: *Lampert T., Ziese T.* Armut. S. 7.
- 22 Там же. S. 35.
- 23 Ср.: *Scitovsky T.* The Joyless Economy. New York, 1976.
- 24 Ср.: *Veblen T.* The Theory of the leasure Class. New York/London, 1899.
- 25 Ср.: *Nullmeier F.* Wie viel Ungleichheit ist gerecht? // Böll-Thema 1. 2005: Wer kriegt was? Die Zukunft der Gerechtigkeit. S. 22f.
- 26 Ср.: *Sen A.* The Idea of Justice. New York, 2009. P. 291.
- 27 Ср.: там же. Pp.7, 8 и Pp.52, 53.
- 28 Он же: «Не существует такой вещи, как совершенная справедливость», интервью в: *Forbes India* vom 28. August 2009.
- 29 Ср.: Он же: The Idea of Justice. P. 64, Pp. 253, 254.
- 30 *Aristoteles.* Nikomachische Ethik (1096a). http://gutenberg.spiegel.de/index.php?id=5&xid=73&kapitel=5&cHash=1&hilit=1096a#gb_found
- 31 Bundesministerium für Arbeit und Soziales: Sozialbericht 2009. S. 298.
- 32 Тут может послужить в качестве примера собственный случай: после школы, службы в бундесвере и учёбы в вузе (по норме того времени) за период с 1 января 1972 г. по 30 июня 2000 г. непрерывные взносы, выплаченные в фонд пенсионного страхования, соответствовали высшей ставке соответствующих границ исчисления взноса и составили в сумме 170 тыс. евро. Если бы эти взносы были вложены до 1 марта 2010 г. (срок выхода на пенсию) в ценные бумаги, находящиеся в обращении, то накопленный капитал составил бы 638 тыс. евро. Размер назначенной мне пенсии составляет 1378 евро в месяц. Совершенно очевидно, что действительная стоимость не соответствует даже третьей части мнимо накопленного капитала.
- 33 Lebenslagen in Deutschland. S. 16.
- 34 *Di Lorenzo G.* Richtig im Falschen. Die Empörung über Westerwelles Tiraden zu Hartz IV dürfen kein Grund sein, einige Fehlentwicklung zu verschweigen // Die Zeit vom 18. Februar 2010. S. 1.
- 35 Ср.: *Hartung K.* Deutschland Transfer. Die Krise der SPD ist die Krise des Sozialstaats. Warum die Volkspartei ihren Rückhalt in der Bevölkerung verloren hat // Der Tagesspiegel vom 29. August, 2009.
- 36 Bundesministerium für Arbeit und Soziales: Sozialbudget 2008. Tabelle III-2.
- 37 Там же. Tabelle III-1.
- 38 Там же. Tabelle III-32 и собственные расчёты.
- 39 OECD (Hrsg.). Education at a Glance. Paris, 2008. S. 240.
- 40 Самое известное предложение — это план Гётца Вернера, владельца сети аптек DM. Он соединяет свой план с предложением переложить финансирование социального государства на взимание подоходного налога по потреблению, а не по доходу, чтобы таким образом поддержать международную

конкурентоспособность немецкой экономики. Ему видится основной доход в 1000 евро на человека, что предполагает полную перестройку немецкой системы налогов и сборов. Ещё одно очень известное предложение по безусловному основному доходу — это «солидарные гражданские деньги» профессора Йенского высшего профессионального училища Михаэля Опилки, который развил соответствующий план бывшего тюрингского премьер-министра Дитера Альтхауса. Похожее, местами идентичное и тоже получившее широкую известность предложение исходит от директора Гамбургского института мировой экономики Томаса Штраубхаара. Ср. к этому: *Straubhaar T. Bedingungsloses Grundeinkommen und Solidarisches Bürgergeld — mehr als sozialutopische Konzepte. Hamburg, 2008. Opielka M., Strengmann-Kohn W. Das Solidarische Bürgergeld — Finanz- und sozialpolitische Analyse eines Reformkonzepts // Borchard M. Das Solidarische Bürgergeld — Analysen einer Reformidee. Stuttgart, 2007. Werner G. Ein Grund für die Zukunft: Das Grundeinkommen, Interviews und Reaktionen. Stuttgart, 2006.* Далее стоит упомянуть предложение гарантированных денег для существования Хорста В. Опашовского, ср.: *Opaschowski H. W. MinimeX — Das Zukunftsmodell einer sozialen Gesellschaft. Gütersloh, 2007.*

⁴¹ Bundesministerium für Arbeit und Soziales: Sozialbericht 2009. Tabelle III-1.

⁴² *Opielka M. Das solidarische Bürgergeld. S. 23.*

⁴³ *Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Naturrecht und Staatswissenschaft, Herausgegeben und eingeleitet von Helmut Reichelt. Frankfurt/M., 1972. § 245.* Опилка сам приводит возражение Гегеля, чтобы тут же его опровергнуть. См.: Он же: *Das solidarische Bürgergeld. S. 26.*

⁴⁴ *Bude H. Die Ausgeschlossenen. München, 2008. S. 165.*

⁴⁵ Ср.: *Beck U. Die uneindeutige Sozialstruktur. Was heißt Armut, was Reichtum in der Selbst-Kultur // Beck U., Sopp P. Individualisierung und Integration. Neue Konfliktlinien und neuer Integrationsmodus? Opladen, 1997. S. 183ff.*

⁴⁶ Ср.: табл. Б в приложении.

⁴⁷ *Opielka M., Vobruba G. Das garantierte Grundeinkommen, Entwicklung und Perspektiven einer Forderung. Frankfurt/M., 1986. S. 23.*

⁴⁸ Там же. S. 23–24.

⁴⁹ Там же. S. 27.

⁵⁰ *Dettling W. Hartz IV — drei Fragen, drei Antworten, drei Autoren // Böll-Thema 1. 2005: Wer kriegt was? Die Zukunft der Gerechtigkeit. S. 18.*

⁵¹ Индекс реальной заработной платы с конца 1960-х гг. до 2003 г. удвоился, равным образом повысился и реальный национальный доход нетто на душу населения. Ср.: Zentrum für Umfragen, Methoden und Analysen (ZUMA) — Abteilung soziale Indikatoren: System Sozialer Indikatoren für die Bundesrepublik Deutschland: Schlüsselindikatoren 1950–2003. Mannheim, 2004. S. 49, 55.

⁵² *Graf T., Randolph H. Viele Bedarfsgemeinschaften bleiben lange bedürftig // IAB-Kurzbericht 5. 2009.*

Глава 5

- ¹ Желание извлекать выгоду из этих основных страхов стояло, например, за поразительным позиционированием бывшего премьер-министра Рютгерса по отношению к Hartz IV. Чисто политически он был прав, но на деле оказал безработным и всей социальной политике Германии медвежью услугу. Ср. о социальной психологии этих дебатов: *Niejahr E., Rudzio K.* Gesetz der Angst: Hartz IV hat den Arbeitsmarkt belebt — doch verbindet man die Reform mit Abstieg und Armut. Was muss geändert werden? // *Die Zeit* vom 28. Januar, 2010. S. 19. Ср. далее: *Rudzio K.* Küttgers I statt Hartz IV? // *Die Zeit* vom 14. Januar, 2010. S. 27.
- ² Ср.: табл. 2.4. С. 41.
- ³ Statistisches Bundesamt, Einzelauskunft vom 12. März 2010 und Statistisches Jahrbuch 2009. S. 650.
- ⁴ Deutsche Bundesbank: Statistisches Beiheft. Nr. 3. 2009. S. 17.
- ⁵ U.S. Bureau of Economic Analysis: International Trade in Goods and Services. 2010. Tabelle 6.
- ⁶ Ср.: *Schneider H.* Soziale Verantwortung am Arbeitsmarkt // *Pfeiffer U.* Eine neosoziale Zukunft. Wiesbaden, 2010. S. 121ff.
- ⁷ К актуальным фактам см.: Statistisches Bundesamt: Niedrigeinkommen und Erwerbstätigkeit. Wiesbaden, 2009.
- ⁸ Ср.: *Astheimer S.* Der ungeliebte Minijob // *FAZ* vom 23. September, 2009. S. 11.
- ⁹ Ср.: *Schneider H.* Soziale Verantwortung. S. 125.
- ¹⁰ Ср.: там же. S. 124 и приведённая там литература.
- ¹¹ Ср.: *Sinn H. W.* Die Basar-Ökonomie. München, 2005.
- ¹² Ср.: Unterrichtung durch die Bundesregierung. Jahresgutachten 2004/05 des Sachverständigenrates zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung vom 18. November, 2004. BT Drucksache 15. 4300. S. 6.
- ¹³ В Германии — 12,5%, а в Дании и Швеции — по 1/3 всех работающих по найму заняты в социальной службе.
- ¹⁴ Ср.: *Fischer F.* Schema F passt nie // *FAS* vom 4. März, 2010. S. 22. Автор работает в качестве доцента в одной образовательной структуре, действующей по всей Германии, и подразделяет обучавшихся у него получателей Hartz IV на три приблизительно равные группы: 1) «Хочет работать, имеет отличную квалификацию, но не находит адекватного места», 2) «Охотно работал бы, но в нашем обществе, где культивируется высокая производительность, не имеет шансов», 3) «Может, но никогда не будет работать. Он использует все правовые зазоры, так что выплаты ему не сократятся».
- ¹⁵ Aristoteles, *Nikomachische Ethik* (1098a), http://gutenberg.spiegel.de/index.php?id=5&xid=73&kapitel=8&chash=1&hilit=1098a#gb_found
- ¹⁶ *Habermas J.* Arbeit, Liebe, Anerkennung // *Die Zeit* vom 16. Juli, 2009. S. 50.

- ¹⁷ *Scholz O.* im interview // *Der Spiegel* 36. 2009. S. 76f.
- ¹⁸ Ср.: *Weede E.* Rationalität überfordert den Menschen // *FAZ* vom 25. Mai, 2009. S. 12.
- ¹⁹ Ср.: *Wilson E. O.* On Human Nature. Cambridge (Mass.), 2004. S. 72ff., hier insbesondere S. 85.
- ²⁰ Классический и табуированный случай неспособного к интеграции и необычайно плодовитого нижнего слоя — это цыгане в Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии. К решённым проблемам см.: *Hefty G. P.* Vor Wucherern wird gewarnt // *FAZ* vom 18. Juli 2009. S. 3.
- ²¹ *Gutsch J. M., Hardinghaus B.* Das Gefühl von arbeit // *Der Spiegel* 21. 2009. S. 54ff.
- ²² *Graf T., Randolph H.* Viele Bedarfsgemeinschaften bleiben lange bedürftig // *IAB-Kurzbericht* 5. 2009.
- ²³ Земельный бюджет Берлина за 2010. II.
- ²⁴ Ср.: *Astheimer S.* Wenn sich Arbeit nicht mehr lohnt // *FAZ* vom 20. Januar, 2010. S. 11.
- ²⁵ Ср.: Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung: Arbeitslosengeld II reformieren: Ein zielgerichtetes Kombilohn-modell. Expertise im Auftrag des Bundesministers für Wirtschaft und Technologie. Wiesbaden, 2006. S. 2, 53.
- ²⁶ Ср.: там же. S. 45–47.
- ²⁷ Ср.: там же. S. 4, S. 124–126. Для общей картины ср.: *Franz W.* Ein zielgerichtetes Kombilohnmodell: Der Vorschlag des Sachverständigenrates // *Ifo-Schnelldienst* 4. 2007. S. 24ff.
- ²⁸ Ср.: там же. S. 59–61.
- ²⁹ Ср.: *Sinn H. W., Holzner C., Meister W., Ochel W., Werding M.* Aktivierende Sozialhilfe 2006: Das Kombilohn-Modell des Ifo-Instituts // *Ifo-Schnelldienst* 2. 2006. S. 3ff.
- ³⁰ Ср.: *Sarrazin T.* Ein anderer Fiskus // *Pfeiffer U.* Eine neosoziale Zukunft. Wiesbaden 2010. S. 102f.
- ³¹ Ср.: *Schneider H.* Soziale Verantwortung. S. 126.
- ³² С этой основной проблемой борются и сторонники «гражданских денег». Ср.: *Opielka M., Strengmann-Kohn W.* Das Solidarische Bürgergeld — Finanz-und sozialpolitische Analyse eines Reformkonzepts // *Borchard M.* Das Solidarische Bürgergeld — Analysen einer Reformidee. Stuttgart, 2007. Даже будучи сторонником «гражданских денег», Опилка оценивает финансовую брешь в 189 млрд евро.
- ³³ По оценке Дрезденского Ifo-института законодательно утверждённая минимальная оплата в 7,50 евро уничтожила бы 750 тыс. рабочих мест. Ср.: *Sinn H. W.* Paradoxe Konsequenz // *Wirtschaftswoche* 38. 2009. S. 47. DIW сравнивает различные эмпирические исследования влияния минимальной оплаты в 7,50 евро на занятость. Они колеблются между потерями от 300 тыс. до 1 млн рабочих мест. Ср.: *Müller K. U.* Wie groß sind die Beschäftigungsverluste aufgrund eines allgemeinen Mindestlohns? // *DIW-Wochenbericht* 26. 2009. S. 438f. Ср. далее: *Bachmann R.* Nachtrag: Mindestlohn für und wider // *Ifo-Schnelldienst* 10. 2008. S. 3ff.

- ³⁴ Ср.: Sachverständigenrat, Ein zielgerichtetes Kombilohnmodell. S. 135.
- ³⁵ Ср.: *Sinn H. W., Geis W., Holzner C.* Die Agenda 2010 und die Armutsgefährdung // Ifo-Schnelldienst 17. 2009. S. 23ff.
- ³⁶ В ситуации, которая порождает завесу неизвестности над льготами, под которой должны, по мнению социального философа Джона Ролза, ставиться вопросы социальной справедливости, 84% людей находят справедливым, что безработный за принятые в своё распоряжение трансферты должен оказывать продуктивную ответную услугу. Ср.: *Schneider H.* Soziale Verantwortung. S. 130ff.
- ³⁷ Ср.: там же. S. 127–128, равно как и: *Peter W.* Der amerikanische Earned income Tax Credit als Beispiel einer «make work» Strategie // IW-Trends 3. 2005. S. 3ff.
- ³⁸ Ср.: *Schneider H.* Soziale Verantwortung. S. 129, а также: *Bonin H., Falk A., Schneider H.* Workfare — praktikabel und gerecht // Ifo-Schnelldienst 4. 2007. S. 33ff.
- ³⁹ Ср.: *Ross A.* Erkundungen in der Hauptstadt der Nicht-Coucher // FAZ vom 12. März, 2010. S. 3.
- ⁴⁰ Ср.: *Ross A.* Irgendwas kann jeder. Wer in Rotterdam Sozialhilfe bezieht, muss jetzt etwas tun für sein Geld. Die Stadt will «arbeitslosigkeitslos» werden. Jeder bekommt eine Aufgabe zugeteilt // FAZ vom 15. Februar, 2010. S. 3.
- ⁴¹ Ср.: *Mattauch C.* Ihr Job. In New York erleben erfahrene Arbeitsvermittler aus Hessen, wie schnell und effizient sie arbeiten könnten — wenn sie dürften // Wirtschaftswoche vom 8. März, 2010. S. 32ff.

Глава 6

- ¹ Ср.: *Nienhaus L.* Kind, geh doch zur Schule! Prestige, Gesundheit und eine gute Ehe: Wer sich bildet, hat nicht nur finanzielle Vorteile // FAS vom 15. November 2009. S. 36.
- ² Ср.: *Kaube J.* Emma war nicht so teamfähig, а также: *Hintermeier H.* Optimale Gymnasialdressur im Elternabend бündelt sich das Elend einer verunsicherten Generation // FAZ vom 24. August 2009. S. 24.
- ³ *Stern E.* Raus aus den Schubladen. Kinder sind unterschiedlich begabt. Das ist kein Grund, sie auf verschiedene Schulformen zu verteilen // Die Zeit vom 15. Dezember, 2005. S. 87.
- ⁴ *Largo R. H., Beglinger M.* Schülerjahre, 4. Auflage München, 2006. S. 187.
- ⁵ Цитируется по: *Largo R. H.* Kinderjahre. Die Individualität des Kindes als erzieherische Herausforderung, 17. Auflage München, 2009. S. 95.
- ⁶ Ср.: *Fend H.* Neue Theorie der Schule. Einführung in das Verstehen von Bildungssystemen, 2. Auflage Wiesbaden, 2008. S. 53.
- ⁷ Моя жена Урсула Саррацин до сих пор хранит свои учебники по математике и немецкому языку за 1972 г. Сравнение с ними выявляет эту тенденцию прямо-таки шокирующим образом.
- ⁸ Ср.: *Gigerenzer G.* Die Tücke des risikos // FAS vom 13. September 2009. S. 54.

- ⁹ *Largo R. H.* Schülerjahre. S. 77.
- ¹⁰ Ошеломляют высказывания Габриелы Била из издательства *Cornelsen* в Берлине (одного из самых крупных издательств учебной литературы), которая описывает процесс падения требований, десятилетиями отражающийся на школьных учебниках и хрестоматиях. Ср.: *Pletter R.* Ein Land verlernt das Lesen // *Die Zeit* vom 12. November 2009. S. 17f.
- ¹¹ Ср.: там же. S. 18, констатации Штефана Янсена, профессора экономики Университета Цеппелин.
- ¹² Ср.: *Gaschke S.* Familie Powerpoint // *Die Zeit* vom 12. November 2009. S. 19.
- ¹³ *Largo R. H.* Kinderjahre. S. 183.
- ¹⁴ *Goethe J. W.* Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche, Zürich und Stuttgart 1948ff. Bd. 13. S. 142.
- ¹⁵ Ср.: Interview mit *Prenzel M.* Die Stundenkürzungen sind eine Chance. Der Koordinator der Pisa-Studie erklärt, wie der Unterricht an Gymnasien verbessert werden könnte // *Süddeutsche Zeitung* vom 3. April 2008. S. 46.
- ¹⁶ *Largo R. H.* Schülerjahre. S. 99.
- ¹⁷ *Largo R. H.* Kinderjahre. S. 246.
- ¹⁸ Interview mit *Maldoon R.* Wer kriegt was? Die Zukunft der Gerechtigkeit // *Böll-Thema* 1. 2005. S. 24f.
- ¹⁹ *Bueb B.* Lob der Disziplin — Eine Streitschrift. Berlin, 2006. S. 517.
- ²⁰ Ср.: *Winterhoff M.* Warum unsere Kinder Tyrannen werden. Gütersloh, 2008.
- ²¹ Ср.: *Largo R. H.* Erziehung im Minutentakt // *FAZ* vom 1. Juli 2009. S. 5.
- ²² *Bauer J.* Vortrag bei der Friedrich Ebert Stiftung am 3. Juli 2009. Zitiert aus dem Vortragsmanuskript.
- ²³ *Largo R. H.* Kinderjahre. S. 206.
- ²⁴ Там же. S. 214.
- ²⁵ *Pletter R.* Ein Land verlernt das Lesen. S. 18.
- ²⁶ *Largo R. H.* Kinderjahre. S. 182.
- ²⁷ Ср.: *Fähnders T.* Die Zeit des Schlotterns beginnt // *FAZ* vom 9. Juni 2009. <http://www.faz.net/-00t3ra>: «Китай живёт в чрезвычайном положении, ибо начинается время вступительных экзаменов в вузы». Одновременно 10,2 млн участников сдают экзамены в 8 тыс. старших школ и других учебных заведений. От этого зависит их дальнейшая карьера. На улицах запрещены звуковые сигналы, чтобы не мешать абитуриентам.
- ²⁸ *Russ K.* Das pädagogische Tamagochi // *FAS* vom 29. November 2009. S. 11.
- ²⁹ Ср.: *Drechsel B., Artelt C.* Lesekompetenz // *Prenzel M.* PISA 2006. Die Ergebnisse der dritten internationalen Vergleichsstudie. Münster, 2007. S. 228ff.
- ³⁰ Ср.: *Frey A.* Mathematische Kompetenz im Ländervergleich // *Prenzel M.* PISA 2006 in Deutschland. Die Kompetenzen der Jugendlichen im Ländervergleich. Münster, 2008. S. 258ff.
- ³¹ Ср.: *Thomas G.* Nichtwissen als natürliche Obergrenze. In Großbritannien versagt jeder fünfte Elfjährige bei nationalen Leistungstests // *FAZ* vom 12. August 2009. S. 5.

- ³² Frey A. Mathematische Kompetenz im Ländervergleich. S. 139.
- ³³ Ср.: Largo R. H. Kinderjahre. S. 58ff.
- ³⁴ Ср.: Largo R. H. Schülerjahre. S. 73.
- ³⁵ Ср.: Rindermann H. Was messen internationale Schulleistungstudien? — Schulleistungen, Schülerfähigkeiten, kognitive Fähigkeiten, Wissen oder allgemeine Intelligenz? // Psychologische Rundschau 57. 2006. 2. S. 69ff.
- ³⁶ Prenzel M., Walter O., Frey A. Pisa misst Kompetenzen. Eine Replik auf Rindermann: Was messen internationale Schulleistungstudien // Psychologische Rundschau 58. 2007. 2. S. 128ff.
- ³⁷ Ср.: Lynn R., Vanhanen T. Intelligence and the Wealth of Nations. Westport, 2002.
- ³⁸ Piopiunik M., Wößmann L. Volkswirtschaftliche Folgekosten unzureichender Bildung: Eine makroökonomische Projektion // Ifo-Schnelldienst 4. 2010. S. 24ff. und die dort angegebene Literatur.
- ³⁹ Ср.: Rost H. Intelligenz. Fakten und Mythen. Weinheim/Basel, 2009. S. 236ff.
- ⁴⁰ Ср.: там же. S. 174–176 и приведённая там литература.
- ⁴¹ Ср.: Statistisches Bundesamt, Pressemitteilung Nr. 365 vom 6. September 2005.
- ⁴² В Восточной Германии доля учителей-мужчин ещё ниже, чем в Западной, и составляет всего 6%. Одновременно с этим дискриминация мальчиков, измеренная по переходу в школу более высокой ступени, в Восточной Германии особенно выражена. Ср.: Lenzen D. Mädchen gewinnen, Jungen verlieren? // <http://www.faz.net/-00om05>
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Ср.: Pfeiffer C. Junge Menschen im Abseits // Pfeiffer U. Eine neosoziale Zukunft. Wiesbaden, 2010. S. 168ff.
- ⁴⁵ Ср.: Raley J., Hagermann E. Superfaktor Bewegung. Kirchzarten, 2009. S. 17ff.
- ⁴⁶ Ср.: Schmoll H. So unterschiedlich lehrt und lernt man in Deutschland // FAZ vom 15. Dezember 2009. S. 6.
- ⁴⁷ Ср. к этому высказывание Людгера Вёсмана (Ifo-институт), процитированное у Лизы Беккер: «Много денег для школы мало что даёт» // FAZ vom 22. August 2008. S. 12.
- ⁴⁸ Ср.: Ramthun C. Rohstoff Hirn // Wirtschaftswoche Nr. 46 vom 19. November 2009. S. 36f.
- ⁴⁹ Ср.: Latsch G. Starkes Votum // Der Spiegel 48. 2009. S. 28.
- ⁵⁰ Otto J. Wir wollen das! Wir nicht! // Die Zeit vom 19. November 2009. S. 73.
- ⁵¹ Ср.: Schaaf J. Abenteuer Unterricht // FAS vom 29. November 2009. S. 53.
- ⁵² Ср.: Adam K. Die wirksame Bildungspolitik der kleinen Schritte // FAZ vom 26. November 2009. S. 8.
- ⁵³ Ср.: Preisendörfer B. Erkenntnis, Interesse, Bildungsinteresse // Aus Politik und Zeitgeschehen, Beilage zur Wochenzeitung das Parlament vom 1. Dezember 2008. S. 3ff.
- ⁵⁴ Largo R. H. Schülerjahre. S. 236.
- ⁵⁵ Цит. по: Schaaf Z. Abenteuer Unterricht.

- ⁵⁶ Ср.: *Schipolowski S., Böhme K.* Der Ländervergleich im Fach Deutsch // *Köller O., Knigge M., Tesch B.* Sprachliche Kompetenzen im Ländervergleich. Münster, 2010. S. 87ff.
- ⁵⁷ Ср. там же. S. 95–97.
- ⁵⁸ *Largo R. H.* Kinderjahre. S. 299.
- ⁵⁹ Ср.: *Loll A.* Das vorherbestimmte Studium // FAZ vom 24. Oktober 2009. S. C 4.
- ⁶⁰ К ним принадлежит, например, *Nullmeier F.* Wie viel Ungleichheit ist gerecht? // Böll-Thema 1. 2005: Wer kriegt was? Die Zukunft der Gerechtigkeit. S. 22ff.
- ⁶¹ Ср.: *Rost H.* Intelligenz. S. 235ff и приводимая там литература.
- ⁶² Ср.: там же. S. 186–188 и приводимая там литература.
- ⁶³ Это можно увидеть, когда статистически анализируешь взаимосвязь между получением диплома колледжа, с одной стороны, и измеренным интеллектом и социоэкономическим происхождением, с другой стороны. Ср.: *Herrnstein R. J., Murray C.* The Bell Curve. Intelligence and Class Struktüre in American Life. New York, 1994. S. 152.
- ⁶⁴ Ср.: там же. S. 189.
- ⁶⁵ Ср.: exemplarisch *Heuser U. J.* Wo bleibt die Gerechtigkeit? // Die Zeit vom 5. November 2009. S. 23.
- ⁶⁶ Ср.: *Largo R. H.* Schülerjahre. S. 211ff.
- ⁶⁷ Ср.: OECD (Hrsg.). Education at a Glance. Paris, 2009, а также DIW-Wochenbericht 44. 2009. S. 761.
- ⁶⁸ Ср. *Becker.* Mehr Geld für die Schulen bringt wenig.
- ⁶⁹ Ср.: *Dahlkamp J., Friedmann J., Verbeet M.* Die neue Haupt-Schule // Der Spiegel 46. 2009, dort auf S. 152 die Äußerung von Bernhard Bueb.
- ⁷⁰ В нашем толерантном обществе, которое часто лишь маскирует равнодушие и инертность, во многих школах и учреждениях, так же как и у многих родителей, вышло из моды строго относиться к школьным хвостам. Тем самым мы подкладываем большую свинью этим школьникам и их жизненным перспективам. Хвосты, которые терпят взрослые, часто есть начало упущенных жизненных шансов и сползания по наклонной плоскости. Ср. для наглядности впечатляющий репортаж *Katrin H.* Was soll ich hier? // FAZ vom 24. Februar 2010. S. 3.
- ⁷¹ В Англии доля NEET (No Education, Employment, Training) среди молодёжи от 16 до 24 лет у коренного белого населения на $\frac{1}{5}$ выше, чем у этнических меньшинств. Она составляет уже 17,5% этой возрастной группы; 38% молодёжи без работы и обучения живут в семьях, где никто не работает по найму. Ср.: Immer mehr junge Engländer ohne Arbeit und Ausbildung // FAZ vom 1. Juli 2009. S. 7.
- ⁷² Ср.: *Fryer R. G., Levitt S. J.* Understanding the Black-White Test Score Gap in the First Two Years of School // The Review of Economics and Statistics. Vol. LXXXVI (2004). S. 447ff.
- ⁷³ Ср.: *Mattauch C.* Schulbuch statt Knarre // Handelsblatt vom 25. Mai 2009.

- ⁷⁴ Prenzel M. im Interview // Change, Magazin der Bertelsmann-Stiftung. Sonderheft 2009. S. 44.
- ⁷⁵ Ср.: Geißler R., Weber-Menges S. Migrantenkinder im Bildungssystem: doppelt benachteiligt // Aus Politik und Zeitgeschichte 49. 2008. S. 17.
- ⁷⁶ Böhme K. Migrationsbedingte Disparitäten bei sprachlichen Kompetenzen // Köhler O., Knigge M., Bernd Tesch B. Sprachliche Kompetenzen im Ländervergleich. Münster, 2010. S. 210.
- ⁷⁷ Там же. S. 212.
- ⁷⁸ Ср.: там же. S. 211.
- ⁷⁹ Ср.: табл. 8.12.
- ⁸⁰ Ср.: Kaube J. Assimilation als Familienpensum // FAZ vom 25. November 2009. S. 3.
- ⁸¹ Ср.: Esser H. Modell, Versuch und Irrtum // FAZ vom 29. Juli 2009. S. № 5.
- ⁸² Ср.: Eppelsheim P. Wenn Du überall zu doof bist // FAS vom 25. Oktober 2009. S. 4.
- ⁸³ Во время открытых уроков как раз те дети, которые учились не очень хорошо и не могли как следует сосредоточиться, путались в постоянно меняющихся заданиях, скорее всего из-за того, что ходили из класса в класс. Берлинский исследователь образования Райнер Леман говорит: «Насколько мне известно, нет ни одного эмпирически обоснованного указания на то, что таким методом достигаются лучшие результаты учёбы». Цит. по: Гашке, «Точка подключения — семья».
- ⁸⁴ Ср.: Maleike K. «Du musst einfach an Dich glauben...» Vom Aufstieg durch Bildung // Aus Politik und Zeitgeschichte 49. 2008. S. 23ff.
- ⁸⁵ Ср.: Frühlingsdorf M. Im Dschungel // Der Spiegel 51. 2009. S. 40f.
- ⁸⁶ Ср.: Germis G., Klopfer I. Gute Chancen für junge Leute // FAS vom 6. September 2009. S. 38.
- ⁸⁷ Ср.: S. 51–53 und 59–61 veröffentlichten Koalitionsvertrages.
- ⁸⁸ Ср.: Otto J. Die Kita-Lüge. Warum die viel gepriesene Frühförderung in Kindergärten und Krippen gar nicht stattfinden kann // Die Zeit vom 2. Juli 2009. S. 61.
- ⁸⁹ Ср. увлекательную историю о том, как получал образование гений Герман Грассман, который в XIX в. был учителем математики в Щецине. Wienand S. Das Universalgenie von der Odermündung // FAS vom 13. September 2009. S. 68.
- ⁹⁰ Ср.: Lohmann H., Spieß K., Feldhaus C. Der Trend zur Privatschule geht an bildungsfernen Eltern vorbei // DIW Wochenbericht 38. 2009. S. 640ff., insbesondere S. 646.
- ⁹¹ Ср.: Klopfer I. Fluchtburg für Bildungshungrige // FAS vom 15. November 2009. S. 38.
- ⁹² Ср.: Lohmann H. Der Trend. S. 642.
- ⁹³ Ср.: Elsing S. Festival für schlaue Kinder // Die Zeit vom 27. August 2009. S. 70.
- ⁹⁴ Largo R. H. Schülerjahre. S. 266.
- ⁹⁵ Ср.: Tillmann K.J. Die Bildungsstandards der Kultusministerkonferenz. Zur bildungspolitischen Entwicklung seit 2000 // Wernstedt R., John-Obnsorg M. Bildungsstandards als Instrument schulischer Qualitätsentwicklung (Reihe Netzwerk-Bildung der Friedrich-Ebert-Stiftung). Berlin, 2009. S. 21ff.

- ⁹⁶ SAT означает Scholastic Assessment Test (ранее Scholastic Aptitude Test, а перед тем Scholastic Achievement Test).
- ⁹⁷ *Klieme M.* Interview // *Der Spiegel*. 35. 2009. S. 37.
- ⁹⁸ *Köller O.* Die institutionelle Umsetzung durch das IQB — Konzeption und Kritik // Wernstedt, John-Ohnsorg (Hrsg.), Bildungsstandards. S. 32.

Глава 7

- ¹ *Eibl-Eibesfeldt I.* Der Brand in unserem Haus. Asyl und Immigration: Klarstellungen zu einem brisanten Thema // *Süddeutsche Zeitung* vom 8–9. Mai 1993. S. 15.
- ² Statistisches Bundesamt: Fachserie 1 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Reihe 2.2 Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2007. Wiesbaden, 2009. Tabelle 15. S. 220, und eigene Berechnungen.
- ³ Прodelанный в 2006 г. Институтом будущего труда (IZA) расчёт за 2004 г., из которого следует, что иностранцы внесли нетто-вклад в немецкие государственные финансы, не убеждает, поскольку охватывает не всё мигрантское население и прежде всего не дифференцирован по разным группам мигрантов. Тем более что установлено: финансовый нетто-вклад родившегося здесь иностранца является отрицательным. Ср.: *Bonin H.* Der Finanzierungsbeitrag der Ausländer zu den deutschen Staatsfinanzen: Eine Bilanz für 2004 // IZA Discussion Paper Nr 2444 (2006).
- ⁴ Ср.: Institut für Sozialforschung und Gesellschaftspolitik, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung GmbH: *Integration in Deutschland*. Berlin, 2009.
- ⁵ Андреас Капфан, референт Рабочего штаба уполномоченных Федерального правительства по миграции, беженцам и интеграции, объяснил мне в ответ на мои расспросы, что структура отчёта была осознанно согласована подобным образом с ведомствами Федерального правительства. Наблюдаемые различия между мусульманскими и немусульманскими мигрантами он объяснил расслоением. Мол, бояться поддержать «культуралистскую» аргументацию, когда в отчёте доказывают и обсуждают различия. Другими словами, дискуссия о том, влияют ли культурные различия на интеграционное поведение, была политически нежелательной. Дитрих Энгельс, исполнительный директор Института социальных исследований и общественной политики, который составлял отчёт по поручению Федерального правительства, объяснил мне, что структура отчёта была задана заказчиком. Кроме того, на его составление было отведено всего восемь месяцев.
- ⁶ Сюда причисляются все люди, которые въехали сами, и все, у кого въехал хотя бы один из родителей, независимо от того, имеют ли они немецкое гражданство или нет. В дальнейшем по вопросам определений см. Statistisches Bundesamt, Mikrozensus 2007. S. 5f.
- ⁷ Многие пожелания к служебной статистике так и остаются не принятыми во внимание. В статистике рождаемости и в микропереписи отсутствуют,

например, данные о религиозной принадлежности граждан. Также в статистике рождаемости не указывается социальноэкономический статус родителей. В том, что специфические различия для групп мигрантов в отчёте Федерального правительства по интеграции остаются неупомянутыми, есть определённое политическое намерение, ведущее к заблуждению и основанное отнюдь не на отсутствии статистической базы. Микрореперись 2007 г. допускает существенно более дифференцированные показания, чем те, что нашли выход в отчёте по интеграции.

- ⁸ Ср.: Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung (Hrsg.). *Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin, 2009.
- ⁹ Ср. к ожидаемым последствиям мнение Кристофера Колдуэлла. *Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe*. New York, 2009. S. 4ff.
- ¹⁰ Там же. S. 7.
- ¹¹ Ср.: *Scheffer P. Die Eingewanderten. Toleranz in einer grenzenlosen Welt*. München, 2008. S. 211ff.
- ¹² В атаке на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. участвовали 19 террористов. Три арабских студента жили в Гамбурге и были членами так называемой «Гамбургской ячейки».
- ¹³ *Scheffer P. Die Eingewanderten*. S. 12.
- ¹⁴ *Caldwell C. Reflections*. S. 12.
- ¹⁵ *Scheffer P. Die Eingewanderten*. S. 14.
- ¹⁶ Цитата взята из: *Das Bild des Ungläubigen im Islam* // www.derprophet.info
- ¹⁷ *Tibi B. Die islamische Herausforderung. Religion und Politik im Europa des 21. Jahrhunderts*, 3. Auflage Darmstadt, 2008. S. 200.
- ¹⁸ *Hußer M., Lorenz A., Mayr W., Smolczyk A., Steinvoth D., Windfuhr V., Zand B. Die Rückkehr des Allmächtigen* // *Der Spiegel* 52. 2009. S. 102ff.
- ¹⁹ *Kermani N. Wer ist Wir?* München, 2009. S. 17.
- ²⁰ Там же. S. 133.
- ²¹ Так ведущие умы салафизма — Мохаммед Абдух и Джамад ад-Дин аль Афгани — в конце XIX в. призывали свои народы «приспособить свою государственность к демократии и парламентаризму». Египтянин Куазим Амин агитировал в 1900 г. в двух своих статьях за то, чтобы освободить женщин от паранджи и выволить их из плена обособленности. Абд ар-Рашид пропагандировал в 1925 г. «беспримесное размежевание между духовным и светским» и призывал своих «товарищей по вере отказаться от химеры исламского государства». Но такие призывы никогда не отражали господствующего мнения. Другой ведущий представитель салафизма, Рашид Рида, настаивал на том, чтобы рассматривать «ислам как религиозную систему, которая в состоянии использовать данный Аллахом закон как закон для действий правительства». Он создал также связи между салафизмом и ваххабизмом. Ученик Рашида Риды, Хасан аль-Банна, сделал затем шаг от салафизма к исламу. Он отвергал

ПРИМЕЧАНИЯ

всё, что исходило из Европы, и считал демократию лживой и обманчивой.
Ср.: *Meddeb A.* Orient und Okzident // *Lettre International* 87. 2009. S. 44ff.

²² Там же. S. 47.

²³ Там же.

²⁴ *Schröder G.* Das Recht auf Türme // *Die Zeit* vom 10. Dezember 2009. S. 12.

²⁵ *Kelek N.* Gerhard Schröders fauler Friede // *FAZ* vom 12. Dezember 2009. S. 29.

²⁶ Erdogan zum Minarettverbot // *Neue Zürcher Zeitung* vom 2. Dezember 2009.

²⁷ Ср.: *Mittelstaedt J., von.* Geduldeter Hass // *Der Spiegel* 8. 2010. S. 96ff.

²⁸ *Caldwell C.* Reflections. S. 23.

²⁹ *Kelek N.* Wir müssen den Schleier lüften // *FAZ* vom 13. Juni 2009. S. 7f.

³⁰ *Körting E.* im Interview // *Der Tagesspiegel* vom 17. Oktober 2009.

³¹ *Kermani N.* Wer ist Wir? S. 92.

³² *Assheuer T.* Hochzeit der Vernunft // *Die Zeit* vom 17. Dezember 2009. S. 53.

³³ Ср.: *Steinfeld T.* Unsere Hassprediger // *Süddeutsche Zeitung* vom 14. Januar 2010.

³⁴ Ср.: *Kelek N.* Ihr habt mit Hass gekocht // *FAZ* vom 22. Januar 2010. S. 31.

³⁵ Ср.: к дебатам также *Maron M.* Die Besserfundis // *Der Spiegel* 4. 2010. S. 106f.

³⁶ *Mönch R.* Maukorb für Islamkritiker // *FAZ* vom 20. Januar 2010. S. 27.

³⁷ Ср.: *Emcke C.* Liberaler Rassismus // *Die Zeit* vom 25. Februar 2010. S. 8f.

³⁸ Ср.: *Safranski R.* Heiße und kalte Religionen // *Der Spiegel* 3. 2010. S. 119ff.

³⁹ *Kelek N.* Wir müssen den Schleier lüften.

⁴⁰ *Hajatpour R.* Die Zweiheit von Glaube und Forschung // *FAZ* vom 21. Oktober 2009. <http://www.faz.net/-00si7o>

⁴¹ *Hujer, Lorenz, Mayr, Smolczyk, Steinvorth, Windfuhr, Zand.* Die rückkehr des Allmächtigen. S. 112.

⁴² Там же.

⁴³ *Plickert P.* Die Ökonomie des Terrors // *FAZ* vom 4. Januar 2010. S. 10. Неудавшийся террорист Абдулмуталлаб, который в рождественские дни 2009 г. чуть было не взорвал рейсовый самолёт на поллёте к Детройту, был молодым инженером, получившим образование в Лондоне, из очень хорошей и богатой нигерийской семьи. Его окончательная радикализация явно произошла во время учёбы в Лондоне. В йеменской школе Корана Даммай на границе с Саудовской Аравией, где изучают воинствующий ислам, который многие считают источником терроризма, осенью 2009 г. были десять студентов из Германии — шестеро перешедших в эту веру и четверо из мигрантских семей. До сих пор эту школу посещали около 20–30 исламистов из Германии. Ср. к этому: *Wehner M.* Auch Deutsche gehen gern in die Schule des Hasses // *FAS* vom 10. Januar 2010. S. 2f.

⁴⁴ *Plickert.* Die Ökonomie des Terrors.

⁴⁵ Ср.: *Kermani N.* Wer ist Wir? S. 85.

⁴⁶ Это установил Брайан Дженкинс, специалист по террору, сотрудник корпорации Rand. Сюда входят 12 запланированных и неудавшихся нападения на станциях метро Нью-Йорка, в офисных высотных домах в Далласе

- и Спрингфилде, а также убийство вербовщика солдат чёрным мусульманским новообращённым, равно как и убийство 13 человек мусульманским военным психиатром Нидалом Маликом Хасаном. Ср.: *Riib M. Wie der Verlust eines ganzen Bataillons* // FAZ vom 2. Januar 2010.
- ⁴⁷ Даже шеф отдела культуры *FAZ* Патрик Банерс не щадит себя, проводя такие параллели, когда пишет о критиках ислама: «Союз христиан строгой веры и критикующих христианство рационалистов с успехом у буржуазной публики, которая не раздумывает о мировоззренческих побуждениях протагонистов: описанный таким образом феномен идеологической истории позволяет критике ислама действительно сравнивать себя с антисемитизмом образованных граждан в немецком имперском рейхе» (*Zur Mobilisierung des Ekels* // FAZ vom 1. Februar 2010. S. 28).
- ⁴⁸ *Broder H. M. Islamkritik ist nicht vergleichbar mit Judenhass* // Welt Online vom 12. Januar 2010.
- ⁴⁹ *Rommelspacher B. Ungebrochene Selbstidealisierung* // Taz vom 18. Januar 2010. S. 4.
- ⁵⁰ Это было особенно сенсационное, но ни в коем случае не выходящее из ряда вон «убийство чести». Событиям такого рода предшествует плавный переход от давления к семейному насилию, которое касается большей части мусульманских женщин. Подробное описание злодеяния см.: *Mielke M. Der vergebliche Versuch, normal zu leben. Warum Hatan Sürücü sterben musste* // Berlin Morgenpost vom 17. Februar 2010. S. 18f.
- ⁵¹ Ср. к этому: *Haufler D. Alte Ängste, neue Debatte* // Berliner Zeitung vom 6. Februar 2010.
- ⁵² Ср.: *Broder H. M. Llebenslänglich* // Der Spiegel 3. 2010. S. 116f.
- ⁵³ Ср.: *Naipaul V. S. Among the Believers. An Islamic Journey* (dt.: *Graf K. Eine islamische Reise. Unter den Gläubigen. Übersetzung. Köln, 1982*).
- ⁵⁴ *Lerch W. G. Der Turm von Dubai* // FAZ vom 6. Januar 2010.
- ⁵⁵ *Luft S. Staat und Integration. Zur Steuerbarkeit von Integrationsprozessen* // Sozialwissenschaftlicher Informationsdienst, Migration und ethnische Minderheiten. 1. 2008. S. 11.
- ⁵⁶ Statistisches Bundesamt, Mikrozensus 2007. Tabelle 16. S. 236f., und eigene Berechnungen.
- ⁵⁷ Там же. Tabelle 18. S. 298–299.
- ⁵⁸ Ср.: Konsortium «Wirkungen des SGB II auf Personen mit Migrationshintergrund»: Wirkungen des SGB II auf Personen mit Migrationshintergrund. Projekt IIa1 — 04. 06. Erstellt im Auftrag des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales. Abschlussbericht. Duisburg, 2009. S. 6.
- ⁵⁹ *Kelek N. Wir müssen den Schleier lüften.*
- ⁶⁰ Statistisches Bundesamt, Mikrozensus 2007. Tabelle 9. S. 160f., und eigene Berechnungen. Siehe auch *Birg H. Integration und Migration im Spiegel harter Fakten* // FAZ vom 9. April 2009.

- ⁶¹ Ср.: *Laqueur W.* Die letzten Tage von Europa. Berlin, 2006. S. 55.
- ⁶² Там же. S. 63.
- ⁶³ Ср. там же. S. 16–17. Уолтер Лакуа сравнивает сегодняшнюю мусульманскую иммиграцию в Европу с наплывом восточно-европейских евреев в Центральную и Западную Европу, равно как и в США, с середины XIX в. до Первой мировой войны. Эта иммиграция тоже охватывала миллионы. Не было тогда никакой интеграционной политики принимающих государств и никаких социальных пособий для приехавших. Но они были трудолюбивы и быстро добивались успеха, превышающего средний уровень. Также не было и замыкания в гетто, ни в социальном, ни в культурном плане.
- ⁶⁴ Ср.: *Scheffer P.* Die Eingewanderten.
- ⁶⁵ Ср.: *Caldwell C.* Reflections.
- ⁶⁶ Ср.: *Kelek N.* Die fremde Braut. Ein Bericht aus dem Inneren des türk-schen Lebens in Deutschland. Köln, 2005.
- ⁶⁷ Ср.: *Ates S.* Der Multikulti-Irrtum. Berlin, 2008.
- ⁶⁸ Ср.: *Balci G. Y.* Arabboy. Eine Jugend in Deutschland oder Das kurze Leben des Rashid A. Frankfurt/M., 2008.
- ⁶⁹ Ср.: *Ali H.* Mein Leben, meine Freiheit. Die Autobiographie, übersetzt von Heike Schlatterer und Anne Emmert. München, 2006.
- ⁷⁰ Interview mit dem Kulturspiegel. 3. 2010. S. 9.
- ⁷¹ *Birg H.* Integration und Migration.
- ⁷² *Kloepfer I.* Dilek und ihre Kinder // FAZ vom 10. Oktober 2009.
- ⁷³ Сюда относится, например, «экспертиза», которую сделал Гидеон Боч из Потсдамского центра Моисея Мендельсона, чтобы снабдить аргументами процесс исключения из СДПГ, затеянный против меня несколькими внутрипартийными противниками. В этой «экспертизе» мои высказывания расценены как расистские, поскольку я говорю вслух о наблюдаемых различиях между этническими группами, равно как и даю оценку этих различий. Вопрос, верна ли моя оценка сложившейся ситуации или нет, вообще их не интересовал.
- ⁷⁴ *Kelek N.* Die fremde Braut. S. 253.
- ⁷⁵ Ср.: *Schümer D.* Ohne mio // FAZ vom 10. Oktober 2009.
- ⁷⁶ Ср.: Zuwanderer in Deutschland. Ergebnisse einer repräsentativen Befragung von Menschen mit Migrationshintergrund, durchgeführt durch das Institut für Demoskopie Allensbach im Auftrag der Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2009. S. 47 und 68.
- ⁷⁷ *Luft S.* Staat und Integration. S. 12f.
- ⁷⁸ Ср.: *Rossmann A.* Ein Überfall wie ein Spuk // FAZ vom 11. November 2009.
- ⁷⁹ Например, Мустафа Аксай, заместитель председателя турецко-немецкого центра в Берлине, который в интервью *Lettre* сказал: «Может, Саррацин и произнёс пять–десять лишних фраз, но в принципе его анализ верен» (*Mensch argere Dich, Meinhard B. über Buschkowsky H.* // *Süddeutsche Zeitung* vom 21. November 2009, S. 3).

- 80 European Monitoring Center on Racism and Xenophobia (EUMC): Muslims in the European Union. Discrimination and Islamophobia. Brüssel, 2006. S. 3.
- 81 Ср.: *Caldwell C.* Reflections. S. 21f.
- 82 Ср.: *Ammann M.* Nichts gegen unseren Gemüsetürken // FAS vom 19. Oktober 2009. <http://www.faz.net/-00oz2y>.
- 83 *Kelek N.* Wir müssen den Schleier lüften.
- 84 *Kelek N.* Bittersüße Heimat. Köln 2008. S. 101.
- 85 Она же. Die fremde Braut. S. 104ff., S. 110.
- 86 Ср.: *Luft S.* Staat und Migration. Frankfurt/M., 2009, sowie Besprechung dazu von Frank Decker // FAZ vom 4. Januar 2010. S. 6.
- 87 Ср.: Она же: Staat und integration. S. 17.
- 88 Ср.: *Saad F.* Der große Bruder von Neukölln. Freiburg, 2008.
- 89 *Hildebrandt A.* Der große Bruder von Neukölln // Berliner Morgenpost vom 30. Dezember 2009.
- 90 Bundesregierung: Integration in Deutschland, Integrationsbericht 2009. S. 11.
- 91 *Behrendt M., Glanze S.* Irgendwann kämpfst Du nur noch um Dein Leben // Berliner Morgenpost vom 12. Dezember 2009.
- 92 *Heisig K.* im Interview // Spiegel Online vom 10. Oktober 2009.
- 93 (EUMC), Muslims in the European Union. S. 40.
- 94 Особенно долго и интенсивно 2 октября 2009 г. в его служебном кабинете в ратуше Нойкёльна.
- 95 *Meinhard B., Buschkowsky H.* Mensch ärgere dich.
- 96 Там же.
- 97 Ср.: *Balci.* Arabboy.
- 98 *Kelek N.* Die fremde Braut. S. 261.
- 99 Там же. S. 262.
- 100 Ср.: *Ates S.* Der Multikulti-Irrtum. S. 242.
- 101 Berliner Morgenpost vom 29. Dezember 2009.
- 102 Ср.: *Isensee J.* Toleranz stiften // FAZ vom 28. Januar 2010. S. 8.
- 103 Такие суждения имеют множество эмоциональных моментов, и я отдавал себе в этом отчёт, когда в сентябре 2009 г. в одном интервью сформулировал: «Того, кто ничего не делает, я тоже не обязан признавать. Я не обязан признавать никого, кто живёт за счёт государства, но отвергает это государство, не заботится как следует об образовании своих детей и постоянно производит всё новых девчушек в головных платках». Михаэль Раме указал в своём письме в адрес FAZ, что политкорректная формулировка должна была бы звучать так: «Апатия по отношению к экономической необходимости трудиться для поддержания жизни, связанная с государственным субсидированием при одновременном цинизме по отношению к этому государству, равно как и отрицание природных родительских педагогических обязательств относительно статьи 6(2) Основного закона в комбинации с намерением

повышения коэффициента репродукции вряд ли найдут всеобщее признание». Тогда бы мои слова не вызвали такого неудовольствия — правда, их никто бы и не понял.

- ¹⁰⁴ *Scheffer*. Die Eingewanderten. S. 158, цитирует Филиппа Девинтера: «После 170 лет фламандского движения, после более чем полуторавековой борьбы за культурную независимость наша нация опять оказывается под угрозой». Чужие во Фландрии должны быть поставлены перед выбором «ассимиляция или возвращение к себе домой» (Baas in eigen land — Over identiteit, culturele eigenheid en nationaliteit).
- ¹⁰⁵ Interview mit *Cerić M.* Großmufti von Bosnien und herzegowina // Bertelsmann Stiftung (Hrsg.). Religionsmonitor 2008 — Muslimische Religiosität in Deutschland: Überblick zu religiösen Einstellungen und Praktiken. Gütersloh, 2008. S. 40.
- ¹⁰⁶ *Luft S.* Staat und Integration. S. 26f.
- ¹⁰⁷ *Esser H.* Soziologie. Spezielle Grundlagen in sechs Bänden, Bd. 2: Die Konstruktion der Gesellschaft. Frankfurt/M., 2000. S. 296.
- ¹⁰⁸ Ср.: Он же: Welche Alternativen zur «Assimilation» gibt es eigentlich? // *Bade K., Bomms M.* Migration — Integration — Bildung. Grundfragen und Problembereiche. Osnabrück, 2004. S. 41ff.
- ¹⁰⁹ Цитата из: Welt Online vom 11. Februar 2009.
- ¹¹⁰ *Eibl-Eibesfeldt I.* Der Brand in unserem Haus. S. 13.
- ¹¹¹ Ср.: *Krüger K.* Allergisch sind immer die anderen // FAZ vom 16. November 2009.
- ¹¹² Ср.: Она же: Deutschländer // FAZ vom 11. Dezember 2009.
- ¹¹³ *Fabrun J.* Der Buschkowsky von Rotterdam besucht Neukölln // Berliner Morgenpost vom 6. April 2009.
- ¹¹⁴ См. *Kelek N.* Bittersüße Heimat. S. 90.
- ¹¹⁵ Bertelsmann Stiftung, Religionsmonitor 2008. S. 47.
- ¹¹⁶ Ср.: *Kandel J., Müller-Hofstede C.* Buchrezension zu Heide Oestreich: «Der Kopftuchstreit. Das Abendland und ein Quadratmeter Islam». Frankfurt 2004 // <http://www.fes-online-akademie.de>
- ¹¹⁷ *Schirrmacher C., Spuler-Stegemann U.* Frauen und die Scharia. Die Menschenrechte im Islam. München, 2004. S. 14.
- ¹¹⁸ Ср.: там же. S. 225–226.
- ¹¹⁹ Interview Der Islam verletzt die Rechte der Frauen // Die Welt vom 3. Dezember 2009. S. 23.
- ¹²⁰ Interview im Zeit-Magazin vom 17. Dezember 2009.
- ¹²¹ Ср.: *Straßburger G.* Heiratsverhalten und Partnerwahl im Einwanderungskontext. Eheschließungen der zweiten Migrantengeneration türkischer Herkunft. Würzburg, 2003. S. 98f.
- ¹²² Ср.: Senatsverwaltung für Bildung, Jugend und Sport. Pressemitteilung vom 11. November 2005.
- ¹²³ *Wensierski P.* Schlechtes Blut // Der Spiegel 36. 2009. S. 52ff.

- 124 Nur ein Witz? Wirbel um Öger-Äußerungen // Hamburger Morgenpost vom 25. Mai 2004.
- 125 С такого рода мыслями я впервые столкнулся в октябре 1979 г. во время служебной поездки в Турцию: я сопровождал федерального министра труда Герберта Эренберга для обсуждения вопросов социального страхования с турецким министром труда. По прибытии, по дороге из аэропорта в Анкару, я сидел на заднем сиденье второго лимузина с тогдашним государственным секретарём турецкого министерства труда. Тот спросил меня о численности немецкого населения и коэффициенте рождаемости и гордо подсчитал, что Турция за несколько десятилетий перегонит немцев по численности в ФРГ. Он был прав, и только воссоединение Германии на несколько лет отодвинуло его расчёты.
- 126 Ср.: *Heinsohn G.* Finis Germaniae? Reflexionen über demografische Ursachen von Revolutionen, Kriegen und politischen Niederlagen // Kursbuch 162. 2005.
- 127 Ср.: *Lessing D.* Unter der Haut. Autobiografie 1919–1949. Hamburg 2007. S. 8.
- 128 Ср.: *Caldwell C.* Reflections. S. 17f.
- 129 Ср.: Statistisches Bundesamt. Mikrozensus 2007. S. 64. Tabelle 2, und eigene Berechnungen.
- 130 Ср.: *Blume M.* Islam in Deutschland, Erstellung einer begründeten Prognose. Seminarbereich Tübingen. Sommersemester, 2006.
- 131 Ср.: *Thielmann J.* Vielfältige muslimische Religiosität in Deutschland // Bertelsmann Stiftung (Hrsg.). Religionsmonitor 2008 — Muslimische Religiosität in Deutschland: Überblick zu religiösen Einstellungen und Praktiken. Gütersloh, 2008. S. 16.
- 132 Ср.: *Blume M.* Islamische Religiosität nach Altersgruppen // Bertelsmann Stiftung (Hrsg.). Religionsmonitor 2008 — Muslimische Religiosität in Deutschland: Überblick zu religiösen Einstellungen und Praktiken. Gütersloh, 2008. S. 44ff.
- 133 Ср.: *Blume M.* Glauben und Demokratie. Der übersehene Wettbewerb der regionen // Die Politische Meinung Nr. 461. April 2008. S. 33–37.
- 134 Ср.: *Caldwell C.* Reflections. S. 33f.
- 135 Ср.: A Ponzi Scheme That Works // The Economist vom 19. Dezember 2009. S. 69ff.
- 136 Там же. S. 72.
- 137 Ср.: *Luft S.* Staat und Integration. S. 19.
- 138 Konsortium, Wirkungen des SGB II auf Personen mit Migrationshintergrund. S. 62ff.
- 139 *Meinhardt B.* Mensch ärgere dich.
- 140 *Flamm S.* Die Affäre Hammelbein // Die Zeit vom 20. August 2009. S. 11f.
- 141 Там же. S. 13.
- 142 Читательское письмо в FAZ от 18 ноября 2009 г.
- 143 Ср.: *Anker J.* Kreuzberger zum Dinner bei Obama // Berliner Morgenpost vom 11. März, 2010. S. 15.
- 144 К вопросу иммиграции высококвалифицированных специалистов в Германию ср.: *Astheimer S.* Zwischen Oktoberfest-image und Hochleistungsstandort // FAZ vom 1. März, 2010. S. 11.

Глава 8

- ¹ Ср. принципиальный и более глубокий количественный анализ: *Birg H.* Die Weltbevölkerung. Dynamik und Gefahren, 2. aktualisierte Auflage München, 2004. *Он же.* Die demographische Zeitenwende. Der Bevölkerungsrückgang in Deutschland und Europa, 4. Auflage München, 2005.
- ² Ср.: *Goldstein J. R., Sobotka T., Jasilioniene A.* The End of «lowest-low» Fertility? // *MPIDR Working Paper* WP-2009–029. Rostock, 2009; *Myrskylä M., Kohler H. P., Billari F. C.* Advances in Development reverse Fertility Declines // *Nature* Vol. 460 vom 6. August 2009. S. 741ff., а также: *Tuljapourkar S.* Babies Make a Come-back // Там же. S. 693f.
- ³ Гервиг Бирг, которого я просил высказаться об аргументации Гольдштейна, указал мне на то, что в Германии специфические возрастные цифры рождаемости для женщин до 37 лет не возрастают. Для 1970 г. рождения групповой показатель фертильности составлял 1380. Тренд к подъёму в групповой фертильности для возрастной группы от 38 до 49 лет тоже незаметен. В любом случае здесь на основе опыта прошлого к групповому показателю фертильности может быть добавлено 110 баллов. Тогда у общего группового показателя фертильности было бы 1500 баллов. Для Германии до сих пор эмпирически не подтверждено, что роды, которые не состоялись у женщин в более юные годы, будут навёрстаны позднее.
- ⁴ Так, опубликованные в 1958 г. первые прогнозы ООН по народонаселению для 2000 г. показали ошибку всего на 3,5%. Все используемые впредь цифры, которые не оговариваются особо, взяты из Population Division of the Department of Economic and Social affairs of the United nations Secretariat: World Population Prospects: The 2008 Revision. Data online.
- ⁵ О взаимосвязи продуктивности и экономического развития см.: Briefing Fertility and living Standards. Go forth and multiply a lot less // *The Economist* vom 31. Oktober 2009. S. 29ff.
- ⁶ Ср.: Population Division, World Population Prospects: The 2008 Revision. <http://esa.un.org/unpp>. О попытках объяснения см.: *Goldstein, Sobotka, Jasilioniene.* The End of «lowest-low» Fertility? // Там же. S. 13–15. Авторы объясняют это главным образом тем, что падение цифр фертильности происходит также из-за сдвига времени появления первого ребёнка и что этот эффект теперь сходит на нет. Устойчивая стабильность обобщённого коэффициента рождаемости в Германии в течение десятилетий, которая при имеющихся колебаниях не позволяет выявить устойчивый рост, указывает на то, что это объяснение для Германии не подходит.
- ⁷ Ср.: *El Nasser H.* For many asian americans, Cultural Factors help limit recession's impact // *USA Today* vom 17. November 2009. S. 1f.
- ⁸ В пересчёте на фертильность женщин по годам их рождения. Пересчёт коэффициента рождаемости по году родов колеблется сильнее и в середине

- 1960-х гг. даже выявил пик рождаемости в 2,4 ребёнка на одну женщину. См. *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. S. 49ff.
- ⁹ Ср.: *Darwin C.* Die Abstammung des Menschen, aus dem Englischen von heinrich Schmidt. Frankfurt/M., 2009. S. 227ff.
- ¹⁰ Ср.: *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. S. 73ff. Бирг при этом опирается на тотальный учёт статистики рождаемости, равно как и на перинатологический базисный учёт больниц в Липпе (Вестфалия). Отличие от микропереписи 2008 г., которая для бездетных женщин 1964–1988 гг. рождения высчитывает долю в 21%, происходит из более высокой доли детей, рождённых у женщин с миграционной историей, и из ошибок выборки микропереписи 2008 г.
- ¹¹ *Bennett D.* Islam's Darwin Problem. In the Muslim World, Creationism is on the rise // The Boston Globe vom 25. Oktober 2009.
- ¹² Ср.: *Darwin C.* Die Abstammung des Menschen. S. 216f.
- ¹³ Ср.: там же. S. 43–45. Там говорится и подкрепляется примерами: «Относительная слабость европейцев по части зрения и других чувств по сравнению с дикими народами, — без сомнения, накопленное и унаследованное воздействие уменьшенного во многих поколениях применения». Так, Рентгер* многократно наблюдал европейцев, «которые выросли среди диких индейцев и провели с ними всю жизнь, но, несмотря на это, так и не сравнились с дикарями в остроте органов чувств. Этот же натуралист заметил, что имеющиеся в черепе полости для различных органов чувств имеют большие размеры у американских аборигенов по сравнению с европейцами; и это явно доказывает соответствующее различие в размерах самих органов».
- ¹⁴ Там же. S. 9–10.
- ¹⁵ Там же. S. 36–37.
- ¹⁶ Ср.: *Mendel G.* Versuche über Pflanzenhybriden // Verhandlungen des Naturforschenden Vereins in Brünn. Bd. IV. 1866. S. 3ff.
- ¹⁷ Ср.: *Hayek F., von.* Noch einmal: Angeboren oder anerzogen // Wirtschaftstheorie und Wissen. Tübingen, 2007. S. 43ff.
- ¹⁸ *Darwin C.* Die Abstammung des Menschen. S. 101.
- ¹⁹ Законы Менделя в 1904 г. были подтверждены хромосомной теорией наследственности Уолтера Саттона и Теодора Бовери и тем самым впервые стали известны.
- ²⁰ *Darwin C.* Die Abstammung des Menschen. S. 160f.
- ²¹ Там же. S. 167.
- ²² Там же. S. 172.
- ²³ Там же. S. 175.
- ²⁴ Там же. S. 178–179.
- ²⁵ *Wallace A. R.* Human Selection // Popular Science Monthly 38. 1890. S. 90ff.

* Иоганн Рудольф Рентгер (1795–1832) — натуралист и врач.

- 26 Ср.: *Huxley J.* Evolution: The Modern Synthesis. London, 1942. К обзору истории евгенического исследования со времён Дарвина ср.: *Lynn R.* Dysgenics. Genetic Deterioration in Modern Populations. Westport, 1996. S. 4ff.
- 27 Ср.: *Huxley J.* Eugenics in Evolutionary Perspective // *Eugenics Review* 54. 1962. S. 123f.
- 28 К обзору разнородных нареканий и их обоснованию ср.: *Lynn R.* Dysgenics. S. 198ff.
- 29 Интервью с Лео Апотекером // *FAZ* vom 7. Dezember 2009. S. 7.
- 30 Так, директор Института демографических исследований Макса Планка недавно назвал четыре основные области исследований демографии в развитом мире: 1) экономические тренды и фертильность; 2) групповой эффект поздних родов и навёрстывания; 3) альтернативные индикаторы собранных цифр по фертильности; 4) последствия эры особенно низкой фертильности. Ср.: *Goldstein, Sobotka, Jasilioniene.* The End of «lowest-low» Fertility? S. 26f.
- 31 Statistisches Bundesamt: Mikrozensus 2008. Neue Daten zur Kinderlosigkeit in Deutschland. Wiesbaden, 2009. Tabelle 10 der ergänzenden Unterlagen zur Pressekonferenz am 29. März, 2009.
- 32 При более высоком количестве детей Федеральная служба статистики вела учёт только по пункту «трое детей и более». Здесь исходили из того, что в этой категории, при низком уровне образования, рождалось 3,9 ребёнка, при среднем уровне — 3,6 и при высоком — 3,3, чтобы таким образом, по умолчанию, отразить феномен большой семьи в нижнем слое. То есть цифры наверняка не завышены.
- 33 Ср.: *Gräf B.* Die Antwort ist 40 — aber wie lautete eigentlich die Frage? Zur Kinderlosigkeit von Akademikerinnen // *Deutsche Bank Research* vom 20. Juli 2006. Грэф даёт оценку долгосрочного тренда на основании результатов различных микропереписей. Трогательна его попытка изобразить бездетность женщин с высшим образованием как составную часть проблемы бездетности вообще. Проблематика возможных дисгенических последствий даже не затрагивается.
- 34 Ср.: Interview mit Metz-Göckel I. und Lind I. Mittelbau bleibt lieber kinderlos // *Frankfurter Rundschau* vom 8. Oktober 2010. S. 15.
- 35 Ср.: *Lynn R.* Dysgenics.
- 36 Ср.: *Vaas R., Blume M.* Gott, Gene und Gehirn. Stuttgart, 2009. S. 65ff. Для Германии взаимосвязь доказал Гервинг Бирг. Ср.: *Birg H.* Die biographische Theorie der demographischen Reproduktion. Frankfurt/M., 1991.
- 37 Ср.: *Blume M.* The reproductive Benefit of religious affiliation // *Voland E., Schiefenhövel W.* (Hrsg.). The Biological Evolution of Religious Mind. Berlin-Heidelberg, 2009. S. 117ff.
- 38 Ср.: там же. S. 120.
- 39 Blume M. im Interview mit Maull D. im SWR 2 am 5. Mai 2009.
- 40 Ср.: *Hayek F.A., von.* Die überschätzte Vernunft. Erstveröffentlichung 1983, abgedruckt in ders.: *Wirtschaftstheorie und Wissen.* Tübingen, 2007. S. 109ff., hier insbesondere S. 128ff.

- 41 Ср.: *Levels M., Dronkers J., Kraaykamp G.* Immigrant Children's Educational achievement in Western Countries: origin, Destination, and Community Effects on Mathematical Performance // *American Sociological Review* Bd. 73. 2008. S. 835ff. Insbesondere Tabelle 2. S. 845.
- 42 Союз немецких городов, по его собственной справке, не имеет сведений на этот счёт. Ср.: *Levels M., Dronkers J., Kraaykamp G.* Immigrant Children's Educational Achievement in Western Countries: origin, Destination, and Community Effects on Mathematical Performance // *American Sociological Review*. Bd. 73. 2008. S. 835ff. Tabelle 2.
- 43 Ср.: *Birg H.* Die ausgefallene Generation. München, 2005. S. 108.
- 44 Ср.: *Friedrich L.* Wohnen und innerstädtische Segregation von Migranten in Deutschland // Working Paper 21. 2008. Hrsg. vom Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. S. 53f., hier S. 58.
- 45 Ср.: *Schönmwälder K., Söhn J.* Siedlungsstrukturen von Migrantengruppen in Deutschland. Schwerpunkte der Ansiedlung und innerstädtische Konzentrationen // WZB Discussion Paper Nr. SP IV 2007–601. S. 27.
- 46 *Luft S.* Staat und Integration. Zur Steuerbarkeit von Integrationsprozessen // Sozialwissenschaftlicher Informationsdienst, Migration und ethnische Minderheiten. 1. 2008. S. 25.
- 47 Ср.: *Broder H.M.* Verfluchte Freiheit // *Der Spiegel* 36. 2009. S. 138f. Обсуждение книги Abdel-Samad H. Mein Abschied vom Himmel.
- 48 In the Blood. Attitudes Towards Redistribution Have a Strong Cultural Component // *The Economist* vom 6. Juni 2009. S. 72.
- 49 См. к этому прежде всего с. 233.
- 50 Эти достижения намного ниже тех, которые были отмечены в странах Восточной Европы, например России, Болгарии, Румынии, странах Балтии, или в странах Дальнего Востока, например в Таиланде, Тайване, Гонконге, Малайзии, Сингапуре. Сопоставление результатов различных тестов приводит к в: *Lynn R., Vanhaanen T.* IQ and the Wealth of Nations. Westport, 2002. S. 68ff. Также и высокие школьные достижения на родине восточноевропейцев и восточноазиатов коррелируют со школьными достижениями соответствующих мигрантских групп в Европе, Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Эта стабильность взаимосвязи между измеренными интеллектуальными достижениями в странах происхождения и в школах стран иммиграции подтверждает опасения, что продолжающийся въезд мигрантов из Турции, Африки, Ближнего и Среднего Востока отрицательно повлияет на средний интеллектуальный уровень в странах иммиграции.
- 51 Данные Федеральной службы статистики. Ср. к комментариям также: *Steltzner H.* Sozialstaat in Schieflage // *FAZ* vom 26. Januar 2010. S. 1.
- 52 Population Division of the Department of Economic and Social affairs of the United Nations Secretariat: Replacement Migration. Bericht vom 17. März, 2000. Siehe insbesondere Tabellen 8 und 11.

- ⁵³ *Heinsohn G.* Finis Germaniae? Reflexionen über demografische Ursachen von Revolutionen, Kriegen und politischen Niederlagen // Kursbuch 162. 2005. S. 10f.
- ⁵⁴ В качестве отрицательного примера см.: *Straubhaar T.* Wandern für den Wohlstand // FAS vom 7. Februar 2010. S. 46.
- ⁵⁵ О том, что ещё может с нами произойти, показывает современный опыт Израиля с африканской иммиграцией. Ср.: *Rössler H. C.* Das Buch Exodus // FAS vom 7. Februar 2010. S. 8.
- ⁵⁶ *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. S. 14.
- ⁵⁷ Там же. S. 11.
- ⁵⁸ Ср.: *Myrdal G.* *Population. A Problem for Democracy.* The Godkin Lectures 1938, Gloucester Mass. 1962. S. 203 und S. 207.
- ⁵⁹ К семейной политике в международном сравнении см. *Fix B.* Familienpolitik im internationalen Vergleich: von Europa lernen, Familienhandbuch des Staatsinstituts für Frühpädagogik, <http://www.familienhandbuch.de>
- ⁶⁰ Как описано в гл. 3, примеч. 65, практическая релевантность дисгенических воздействий различной рождаемости у людей с высоким и с низким интеллектом в США дискутируется. Правда, совершенно бесспорна логическая взаимосвязь, что частичная наследуемость интеллекта при устойчиво более низкой фертильности у интеллектуальных людей невольно понижает средний интеллект всей популяции. По мнению *Loehlin*, в США «тенденция к вырождению... в настоящее время достаточно слабая... её последствия вполне можно изменить на противоположные через поколение или два благодаря переходу к мягкой положительной евгенике, если мы как члены данного общества желаем добиться этого любыми из множества доступных нам методов, начиная от препятствования рождению детей подростками с низким уровнем интеллектуального развития и заканчивая созданием групп дневного ухода за детьми при аспирантурах» (*Loehlin J. C.* Whither dysgenics? Comments on Lynn and Preston // *Neisser U.* The Rising Curve. Washington, 1998. S. 390).
- ⁶¹ Statistisches Bundesamt, Datenreport, 2008; www.destatis.de; amt für Statistik Berlin-Brandenburg; www.hamburg.de
- ⁶² Ср.: *Boss A., Christensen B., Schrader K.* Die Hartz IV-Falle: Wenn arbeit nicht mehr lohnt // Kieler Diskussionsbeiträge Nr. 474, 475. März, 2010, hrsg. vom Institut für Weltwirtschaft Kiel. S. 11f.
- ⁶³ Ср.: *Förster H.* Die intakte Familie als Auslaufmodell // FAZ vom 8. November 2009.
- ⁶⁴ Statistisches Bundesamt, Datenreport 2008. <http://www.destatis.de>
- ⁶⁵ US Census Bureau: Fertility of American Women: 2007. August 2008. S. 3.
- ⁶⁶ Ср.: Statistisches Bundesamt, Elterngeld für Geburten 2007 nach Kreisen. <http://www.destatis.de>
- ⁶⁷ Ср.: *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. S. 78ff.
- ⁶⁸ US Census Bureau: Fertility of American Women: 2007. August 2008. S. 7.

- ⁶⁹ В 1996 г. Kongress den Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation издал акт (PRWORA). Он давал государствам бóльшую свободу в области образования и проведения инициатив, чтобы снизить зависимость от вэлфе-ра и стимулировать занятость членов семей с низким доходом. Ср.: Там же. S. 14–15.
- ⁷⁰ Там же. S. 5.
- ⁷¹ По состоянию на 2009 г. С 2010 г. — ежемесячные 184 евро на первого и второго ребёнка, 190 евро на третьего и 215 евро на всех последующих детей.
- ⁷² Bundesministerium der Finanzen: Datensammlung zur Steuerpolitik. Ausgabe 2008. S. 55.
- ⁷³ Все цифры см.: Wirtschaftsrechnungen privater Haushalte 2007 // Statistisches Bundesamt (Hrsg.). Statistisches Jahrbuch 2009. Wiesbaden, 2009. S. 555f.
- ⁷⁴ Ср.: *Heinsobn G.* Hartz IV und die Politische Ökonomie // FAZ vom 15. März, 2010. S. 10.
- ⁷⁵ Bundesverfassungsgericht AZ 2 BvL 42.93.
- ⁷⁶ Комбинированный, не облагаемый налогом минимум на детей по социально-му попечению за 2010 г. составлял 7008 евро на одного ребёнка. Не облагаемый налогом минимум дохода на супруга составлял 8004 евро. Для семьи с двумя детьми, таким образом, каждый год 30 тыс. евро не облагались налогом.
- ⁷⁷ Ср.: Bundesministerium für Arbeit und Soziales (Hrsg.). Sozialbericht 2009. Bonn, 2009. S. 260.
- ⁷⁸ Ср.: *Wrohlich K.* Steuerliche Familienförderung in Frankreich und Deutschland // DIW Wochenbericht 33. 2005. S. 481ff. В частности, сравнительная таблица немецкой и французской систем. S. 482.
- ⁷⁹ Вероятность того, что женщина в 32 года родит второго ребёнка, превышает вероятность того, что она в этом возрасте родит первого. Ср.: *Birg H.* Die demographische Zeitenwende. S. 78.
- ⁸⁰ Ср.: US Census Bureau: Fertility of American Women: 2007. August 2008; *Toulemon L.* La fécondité des immigrées: nouvelles données, nouvelle approche // Bulletin mensuel de l'Institut National d'études démographiques. Population et Sociétés 400, April 2004; *Heran F., Gilles Pison G.* Deux enfants par femme dans la France de 2006: la faute aux immigrées? // Bulletin mensuel de l'Institut National d'études démographiques. Population et Sociétés 432. März, 2007.

Глава 9

Bahners P. Zur Mobilisierung des Ekels // FAZ vom 1. März, 2010. S. 28.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕМОГРАФИЯ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И БРЕМЯ СТАРОСТИ

Таблица основана на собственных расчётах по данным II Координированного демографического прогноза (Вариант 2-W1 и модельный расчёт G1-L1-W0) при допущении следующих параметров:

- постоянная рождаемость (в 2007 г. *total fertility rate* 1,4);
- рост ожидаемой продолжительности жизни новорождённых (2050 г.) до 84,5 лет (у мужчин) и до 89 лет (у женщин);
- положительное сальдо иммиграции в 50 тыс. человек ежегодно.

Актуальный II Координированный демографический прогноз составлен на фактических цифрах конца 2005 г., поэтому этот год представляет собой базис для дальнейших расчётов.

Таблица

Демография, производительность труда и время старости

Возрастная группа (тыс. чел.)		2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
А. Демографическое развитие											
От 0 до 20 лет	мужчины	8455	7684	7236	6826	6542	6292	5982	5614	5265	4983
	женщины	8030	7294	6866	6471	6195	5962	5664	5315	4982	4717
	всего	16 486	14 978	14 102	13 296	12 737	12 253	11646	10 929	10 247	9700
От 20 до 50 лет	мужчины	17 806	17 030	15 521	14 240	13 650	12 997	12 272	11465	10 932	10 357
	женщины	17 133	16 412	15 010	13 804	13 209	12 533	11 789	11007	10 485	9928
	всего	34 939	33 441	30 531	28 044	26 859	25 530	24 061	22 472	21 417	20 284
От 50 до 65 лет	мужчины	7522	8180	9228	9703	8996	7863	7051	7106	6883	6567
	женщины	7621	8232	9195	9584	8914	7859	7089	7099	6829	6470
	всего	15 143	16 412	18 423	19 287	17 909	15 722	14 140	14 205	13 712	13 037
65 лет и старше	мужчины	6556	7172	7636	8238	9059	10 181	10 997	10 966	10 807	10 624
	женщины	9314	9677	9985	10 537	11 313	12 379	13 177	13 206	13 104	12 925
	всего	15 870	16 849	17 621	18 774	20 371	22 560	24 174	24 172	23 911	23 549
Получатели пенсий, по старости или по вдовству*	мужчины	8302	8900	9286	9817	10 580	11 653	12 335	12 055	11642	11 216
	женщины	11 610	11 821	11954	12 362	13 007	13 948	14 550	14 291	13 897	13 433
	всего	19 912	21 140	22 109	23 556	25 560	28 305	30 331	30 328	30 001	29 547
Итого	мужчины	40 340	40 065	39 620	39 006	38 246	37 332	36 302	35 151	33 885	32 531
	женщины	42 098	41 614	41 056	40 395	39 630	38 732	37 717	36 626	35 400	34 039
	всего	82 438	81 679	80 676	79 401	77 876	76 064	74 019	71 777	69 285	66 570
Б. Развитие производительности труда (в час, %)		1,25	1,20	1,15	1,10	1,05	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

ПРИЛОЖЕНИЕ

Возрастная группа		2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
В. Участие в работе											
Трудающиеся, от 20 до 50 лет (тыс. чел.)	мужчины	14 273	13 624	12 416	11 392	10 920	10 398	9818	9172	8745	8285
	женщины	11 866	11 488	10 657	9939	9643	9274	8841	8255	7864	7446
	всего	26 139	25 112	23 074	21 331	20 563	19 672	18 659	17 427	16 609	15 731
Трудающиеся, от 50 до 65 лет (тыс. чел.)	мужчины	4806	5317	6183	6598	6207	5504	4936	4974	4818	4597
	женщины	3838	4198	4873	5271	5081	4637	4253	4259	4097	3882
	всего	8644	9515	11056	11869	11 288	10 141	9189	9234	8915	8479
Участие в работе, от 20 до 50 лет (%)	мужчины	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80
	женщины	0,69	0,70	0,71	0,72	0,73	0,74	0,75	0,75	0,75	0,75
	в среднем	0,75	0,75	0,76	0,76	0,77	0,77	0,78	0,78	0,78	0,78
Участие в работе, от 50 до 65 лет (%)	мужчины	0,64	0,65	0,67	0,68	0,69	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70
	женщины	0,50	0,51	0,53	0,55	0,57	0,59	0,60	0,60	0,60	0,60
	в среднем	0,57	0,58	0,60	0,62	0,63	0,65	0,65	0,65	0,65	0,65
Трудающиеся, всего (тыс. чел.)	мужчины	19 079	18 941	18 599	17 990	17 127	15 901	14 753	14 146	13 563	12 882
	женщины	15 704	15 686	15 530	15 210	14 723	13 911	13 094	12 515	11961	11 327
	всего	34 783	34 627	34 129	33 200	31 850	29 813	27 848	26 661	25 524	24 209
Соотношение граждан старше 65 лет и трудящихся (доля, %)		0,46	0,49	0,52	0,57	0,64	0,76	0,87	0,91	0,94	0,97

* Оценки скорректированы на получателей пенсий по нескольким статьям.

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Г. Развитие ВВП в Германии										
Реальный ВВП в ценах 2005 г. (млрд евро*)	2245	2363	2449	2505	2531	2494	2450	2461	2475	2467
Индекс ВВП (2005 г. = 100)	100,0	105,3	109,1	111,6	112,8	111,1	109,2	109,6	110,3	109,9
Среднегодовое изменение за пяти- летку, до... (%)		1,03	0,72	0,45	0,21	-0,30	-0,35	0,08	0,12	-0,06
Д. Развитие ВВП на душу населения										
Реальный ВВП в ценах 2005 г. (евро)	27 228	28 927	0359	31 543	32 505	32 784	33 103	34 282	35 724	37 062
Индекс ВВП на душу населения (2005 г. = 100)	100,0	106,2	111,5	115,8	119,4	120,4	121,6	125,9	131,2	136,1
Среднегодовое изменение за пяти- летку, до... (%)		1,22	0,97	0,77	0,60	0,17	0,19	0,70	0,83	0,74
Е. Демография, производительность труда и бремя старости										
<i>Демографическое развитие и участие в работе</i>										
Население в Германии (млн чел.)	82,4	81,7	80,7	79,4	77,9	76,1	74,0	71,8	69,3	66,6
Люди старше 65 лет (млн чел.)	15,9	16,8	17,6	18,8	20,4	22,6	24,2	24,2	23,9	23,5
Трубящиеся (млн чел.)	34,8	34,6	34,1	33,2	31,9	29,8	27,8	26,7	25,5	24,2

ПРИЛОЖЕНИЕ

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Коэффициент бременн (количество граждан старше 65 лет на одного трудящегося)	0,46	0,49	0,52	0,57	0,64	0,76	0,87	0,91	0,94	0,97
<i>Бремя старости при развитии уровня обеспечения аналогично развитию ВВП на душу населения</i>										
Сумма обеспечения по старости, по болезнн, по ухору (млрд евро)	279	315	347	387	435	492	538	562	582	599
Доля в национальном доходе (%)	16,5	17,8	18,9	20,5	22,9	26,2	29,2	30,4	31,3	32,3
<i>Бремя старости при неизменном уровне обеспечения</i>										
Сумма обеспечения по старости, по болезнн, по ухору (млрд евро)	279	300	318	343	378	425	462	470	473	475
Доля в национальном доходе (%)	16,5	16,9	17,3	18,2	19,8	22,6	25,1	25,4	25,4	25,6
<i>Бремя старости при снижении уровня обеспечения на 5% в течение каждой пятилетки</i>										
Сумма обеспечения по старости, по болезнн, ухору (млрд евро)	279	288	293	304	322	350	368	363	355	347
Доля в национальном доходе (%)	16,5	16,2	15,9	16,1	16,9	18,7	20,0	19,6	19,1	18,7

* Все данные в евро реальные (в ценах 2005 г.).

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Ж. Время старости при развитии уровня обеспечения аналогично развитию ВВП на душу населения										
Выплаты пенсионного страхования* на обеспечение по старости (млрд евро**)	196									
Пенсии (млрд евро)	34									
Основное обеспечение в старости (млрд евро)	3									
Сумма обеспечения по старости (млрд евро)	232	262	287	318	356	397	430	445	459	469
Расходы на обеспечение по старости на одного пенсионера (евро)	11 660	12 388	13 001	13 508	13 920	14 039	14 176	14 681	15 298	15 871
Выплаты страхования по уходу в 2005 г.: 17,9 млрд евро, из них 90% (млрд евро)	16	18	21	24	27	33	38	40	43	46
Выплаты утверждённого законом страхования по болезни, в целом финансируемого неэластично (млрд евро)	31	35	39	45	52	62	71	76	80	85

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Сумма расходов на болезни и уход по старости (млрд евро)	47	53	60	68	80	94	109	116	123	130
Расходы на болезни и уход на одного пенсионера (евро)	2361	2531	2712	2907	3115	3339	3578	3835	4110	4405
Сумма обеспечения по старости, по болезни, по уходу (млрд евро)	279	315	347	387	435	492	538	562	582	599
Расходы на обеспечение по старости, по болезни, по уходу на одного пенсионера (евро)	14 021	14 919	15 713	16 415	17 035	17 378	17 754	18 516	19 408	20 276
Доля в ВВП (%)	12,4	13,3	14,2	15,4	17,2	19,7	22,0	22,8	23,5	24,3
Доля в национальном доходе (%)	16,5	17,8	18,9	20,5	22,9	26,2	29,2	30,4	31,3	32,3
3. Бремя старости при неизменном уровне обеспечения										
Выплаты пенсионного страхования* на обеспечение по старости (млрд евро)**	196									
Пенсии (млрд евро)	34									
Основное обеспечение по старости (млрд евро)	3									
Сумма обеспечения по старости (млрд евро)	232	246	258	275	298	330	354	354	350	345

ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Расходы на обеспечение по старости на одного пенсионера (евро)	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660	11 660
Выплаты страхования по уходу в 2005 г.: 17,9 млрд евро, из них 90% (млрд евро)	16	18	21	24	27	33	38	40	43	46
Выплаты утверждённого законом страхования по болезни, в целом финансируемого неэндогенно (млрд евро)	31	35	39	45	52	62	71	76	80	85
Сумма расходов на болезни и уход по старости (в млрд евро)	47	53	60	68	80	94	109	116	123	130
Расходы на болезни и уход на одного пенсионера (евро)	2361	2531	2712	2907	3115	3339	3578	3835	4110	4405
Сумма обеспечения по старости, по болезни, по уходу (млрд евро)	279	300	318	343	378	425	462	470	473	475
Расходы на обеспечение по старости, болезни, уходу на одного пенсионера (евро)	14 021	14 191	14 372	14 567	14 775	14 999	15 238	15 495	15 770	16 065
Доля в ВВП (%)	12,4	12,7	13,0	13,7	14,9	17,0	18,9	19,1	19,1	19,2
Доля в национальном доходе (%)	16,5	16,9	17,3	18,2	19,8	22,6	25,1	25,4	25,4	25,6

ПРИЛОЖЕНИЕ

Продолжение табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
И. Бремя старости при понижении уровня обеспечения на 5% в течении каждой пятилетки										
Выплаты пенсионного страхования* на обеспечение по старости (млрд евро**)	196									
Пенсии (млрд евро)	34									
Основное обеспечение по старости (млрд евро)	3									
Сумма обеспечения по старости (млрд евро)	232	234	233	235	243	255	260	247	232	217
Расходы на обеспечение по старости на одного пенсионера (евро)	11 660	11 077	10 523	9997	9497	9022	8571	8143	7735	7349
Выплаты страхования по уходу в 2005 г.: 17,9 млрд евро, из них 90% (млрд евро)	16	18	21	24	27	33	38	40	43	46
Выплаты утверждённого законом страхования по болезни, в целом финансируемого незндогенно (млрд евро)	31	35	39	45	52	62	71	76	80	85
Сумма расходов на болезни и уход по старости (млрд евро)	47	53	60	68	80	94	109	116	123	130

Окончание табл.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Расходы на болезни и уход на одного пенсионера (евро)	2361	2531	2712	2907	3115	3339	3578	3835	4110	4405
Сумма обеспечения по старости, по болезни, по уходу (млрд евро)	279	288	293	304	322	350	368	363	355	347
Расходы на обеспечение по старости, по болезни, по уходу на одного пенсионера (евро)	14 021	13 608	13 235	12 904	12 612	12 361	12 149	11 977	11 845	11 753
Доля в ВВП (%)	12,4	12,2	11,9	12,1	12,7	14,0	15,0	14,8	14,4	14,1
Доля в национальном доходе (%)	16,5	16,2	15,9	16,1	16,9	18,7	20,0	19,6	19,1	18,7

* Утверждённое законом пенсионное страхование и социальное страхование горняков, включая пенсии по вдовству.

** Все данные в евро реальные (в ценах 2005 г.).